

2026 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

Сетевой научный журнал
«Психология и право»

Редакционная коллегия

Дворянчиков Н.В. (Россия) – главный редактор
Бовина И.Б. (Россия) – заместитель главного редактора
Коноплева И.Н. (Россия) – заместитель главного редактора
Борисенко (Нутскова) Е.В. (Россия) – заместитель главного редактора

Богданович Н.В. (Россия), Булыгина В.Г. (Россия), Васкэ Е.В. (Россия), Дебольский М.Г. (Россия), Делибалт В.В. (Россия), Дозорцева Е.Г. (Россия), Ениколопов С.Н. (Россия), Калашникова А.С. (Россия), Курбатова Т.Н. (Россия), Миронова О.И. (Россия), Пимонов В.А. (Россия), Сачкова М.Е. (Россия), Секераж Т.Н. (Россия), Ульянина О.А. (Россия), Чиркина Р.В. (Россия), Шаболтас А.В. (Россия), Шипшин С.С. (Россия), Сафуанов Ф.С. (Россия), Гранхаг Пер-Андерс (Швеция), Гессманн Ханс-Вернер (Германия), Хартвиг Пол (Норвегия), Синг Джей П. (США), Стошич Лазар (Сербия), Козлова Н.В. (Россия), Шаранов Ю.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия), Нуркова В.В. (Россия), Кекелидзе З.И. (Россия), Козлов А.А. (Россия)

Секретарь

Захарова А.В.

Редактор и корректор

Лопина Р.К.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

Адрес редакции

127051 Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29, ком. 209.
Телефон: +7 (495) 608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Индексируется:

ВАК Минобрнауки России, Российский Индекс Научного Цитирования (РИНЦ), Международный Индекс Научного Цитирования Web of Science (ESCI), Scopus, Международный каталог научных периодических изданий открытого доступа (DOAJ)

Издается с 2011 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-66446 от 14.07.2016

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2026

Electronic Scientific Journal
«Psychology and Law»

Editorial board

Dvoryanchikov N.V. (Russia) – editor-in-chief
Bovina I.B. (Russia) – deputy editor-in-chief
Konopleva I.N. (Russia) – deputy editor-in-chief
Borisenko (Nutskova) E.V. (Russia) – deputy editor-in-chief

Bogdanovich N.V. (Russia), Bulygina V.G. (Russia), Vaske E.V. (Russia), Debolsky M.G. (Russia), Delibalt V.V. (Russia), Dozortseva E.G. (Russia), Enikolopov S.N. (Russia), Kalashnikova A.S. (Russia), Kurbatova T.N. (Russia), Mironova O.I. (Russia), Pimonov V.A. (Russia), Sachkova M.Ye. (Russia), Sekerage T.N. (Russia), Ulyanina O.A. (Russia), Chirkina R.V. (Russia), Shaboltas A.V. (Russia), Shipshin S.S. (Russia), Safuanov F.S. (Russia), Granhag P.-A. (Sweden), Gessmann H.-W. (Germany), Hartvig P. (Norway), Singh J.P. (USA), Stosic L. (Serbia), Kozlova N.V. (Russia), Sharanov Yu.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia), Nurkova V.V. (Russia), Kekelidze Z.I. (Russia), Kozlov A.A. (Russia)

Secretary

Zaharova A.V.

Editor and proofreader

Lopina R.K.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Editorial office address

Sretenka Street, 29, office 209 Moscow, Russia, 127051
Phone: + 7 495608-16-27

E-mail: psyandlaw@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/contacts/>

Indexed in:

Higher qualification commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Russian Index of Scientific Citing database, Web of Science Emerging Sources Citation Index (ESCI), Scopus, DOAJ

Published quarterly since 2011

The mass medium registration certificate:

EL FS77-66446 number. Registration date 14.07.2016

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSU PE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2026

СОДЕРЖАНИЕ:

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ | FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В.

Нарушения управляющих функций при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость 1–19

Михайлова Е.В.

Правовое положение психолога как участника гражданского судопроизводства.....20–30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Злоказов К.В.

Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный
порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка.....31–48

Шуняева В.А.

Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения:
криминологические особенности.....49–66

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В.

Тактики самопрезентации и специфика самоорганизации
курсантов в аспекте психологической безопасности личности.....67–81

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю.

Сексизм и временная перспектива как предикторы отчуждения
моральной ответственности у осужденных по статье 131 УК РФ 82–99

Игнатова Е.С., Кушева Е.В., Панфилова А.В., Кустова Л.В.

Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью 100–117

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Сорокин П.А., Бочавер А.А.

Информационная безопасность детей и подростков в мире: характеристика
основных направлений исследований и научно-практических разработок 118–131

Джалилова Х.М.

Защита прав детей в условиях современных угроз:
вызовы и стратегии (на примере Республики Дагестан) 132–143

**Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э.**

Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних.

Часть 4. Результаты лонгитюдного исследования 144–176

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES**

Гулямов С.С.

Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем
искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан 177–197

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г.

Ценностные основания классической и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества..... 198–214

Горбунов М.Д.

Социально-психологический контекст подчинения праву
в англо-американском юридическом позитивизме: эволюция позиций 215–228

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И.

Взаимосвязь копинг-стратегий поведения и личностного выбора
участия в экстремальном добровольчестве..... 229–243

**Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. /
Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А.**

Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG)
analysis of stress biomarkers in victimized children / Нейро-криминалистский подход
к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ)
биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле 244–254

CONTENTS:

FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V.

Executive dysfunction in organic personality disorder:
profile specifics and diagnostic significance 1–19

Mikhailova E.V.

Legal status of a psychologist as a participant in civil proceedings 20–30

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Zlokazov K.V.

The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order:
development of a construct and its empirical verification 31–48

Shunyaeva V.A.

The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features 49–66

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V.

Self-presentation tactics and specifics of self-organization of cadets
in the aspect of psychological safety of the individual 67–81

PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Taradaev, A.D., Artyukhova, T.Yu.

Sexism and time perspective as predictors of moral disengagement among
convicts under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation 82–99

Ignatova E.S., Kusheva E.V., Panfilova A.V., Kustova L.V.

Aggressiveness and ability to respond emotionally
in convicts with first and repeat convictions 100–117

LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Sorokin P.A., Bochaver A.A.

Information security of children and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research 118–131

Jalilova Kh.M.

Protecting children's rights in the face of modern threats:
challenges and strategies (based on the Republic of Dagestan) 132–143

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,

Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E.

Psychological predictors of deviant behavior of minors.
Part 4. The longitudinal study results 144–176

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Gulyamov S.S.

Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan 177–197

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G.

The value foundations of classical and restorative mediation: a comparative analysis of the two mediation models 198–214

Gorbunov M.D.

Socio-psychological context of obedience to law in Anglo-American legal positivism: evolution of views.....215–228

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I.

The relationship between coping strategies of behavior and personal choice of participation in extreme volunteerism 229–243

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A.

Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children 244–254

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

**Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость**

М.В. Гиленко¹ ✉, Д.А. Пилечев¹, Г.В. Тарасова¹

¹ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

✉ gilenko.m@serbsky.ru

Резюме

Контекст и актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью структуры нарушений управляющих функций (УФ) при психических расстройствах, а также необходимостью оценки эффективности комплексного анализа УФ как метода выявления объективных нейрокогнитивных маркеров при проведении судебно-психиатрической экспертизы. Основная **гипотеза** исследования заключалась в том, что нейропсихологический профиль нарушений УФ при органическом расстройстве личности (ОРЛ) отличается от профилей нарушений УФ при других психических расстройствах. **Цель** работы — определение инвариантного паттерна нарушений УФ при ОРЛ и его дифференцирующих признаков относительно психически здоровых лиц с органическим эмоционально-лабильным расстройством (ОЭЛР), зависимостью от алкоголя или наркотиков, больных шизофренией. **Обследовано** 133 совершеннолетних обвиняемых мужского пола, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «НМИЦ им. В.П. Сербского» МЗ РФ, с верифицированными диагнозами ОРЛ (n = 54), ОЭЛР (n = 11), алкогольной (n = 14) и наркотической (n = 12) зависимостью, шизофренией (n = 25) и психически здоровых лиц (n = 17). **Результаты** показали, что для ОРЛ характерен специфический профиль нарушений УФ, где на фоне умеренного общего дефицита наиболее выражены нарушения в компонентах функциональной рабочей системы (фонологическая петля, центральный исполнитель) и в сфере тормозного контроля. Выявлены значимые отличия данного профиля от показателей УФ при ОЭЛР, шизофрении, наркотической зависимости и группы нормы, в то время как профиль нарушений при алкогольной зависимости статистически не отличался от такового при ОРЛ. **Выводы.** Подтверждено существование специфического

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

нейропсихологического профиля УФ при ОРЛ, обладающего дифференциально-диагностической ценностью и представляющего основу для персонифицированной экспертной оценки и разработки адресных реабилитационных программ.

Ключевые слова: органическое расстройство личности, управляющие функции, нейропсихология, дифференциальная диагностика

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства здравоохранения Российской Федерации в рамках реализации государственного задания № 124020800048-9.

Благодарности. Авторы благодарят М.В. Зейгер за помощь в сборе данных для исследования.

Для цитирования: Гиленко, М.В., Пилечев, Д.А., Тарасова, Г.В. (2026). Нарушения управляющих функций при органическом расстройстве личности: специфика профиля и диагностическая значимость. *Психология и право*, 16(2), 1—19. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160201>

Executive dysfunction in organic personality disorder: profile specifics and diagnostic significance

M.V.Gilenko¹ ✉, D.A. Pilechev¹, G.V. Tarasova¹

¹ V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

✉ gilenko.m@serbsky.ru

Abstract

Context and relevance of the study stem from the insufficient understanding of the structure of executive function (EF) impairments in mental disorders, as well as the need to evaluate the effectiveness of a comprehensive EF analysis as a method for identifying objective neurocognitive markers during forensic psychiatric examinations. The primary **hypothesis** of the study was that the neuropsychological profile of EF impairments in organic personality disorder (OPD) differs from the profiles of EF impairments in other mental disorders. The aim of the study was to identify an invariant pattern of EF impairments in organic personality disorder (OPD) and its differentiating features relative to mentally healthy individuals, individuals with organic emotionally labile disorder (OELD), alcohol or drug dependence, and patients with schizophrenia. The study included 133 adult male defendants undergoing inpatient forensic psychiatric evaluation with verified diagnoses of OPD (n = 54), OELR (n = 11), alcohol (n = 14) or drug (n = 12) dependence, schizophrenia (n = 25), and mentally healthy individuals (n = 17). **The results** showed that OPD is characterized by a specific profile of EF impairments, where, against the background of a moderate general deficit, the most pronounced impairments are in the components of the functional working system (phonological loop, central executive) and in the area of inhibitory control. Significant differences were found between this profile and EF

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

indicators in OELR, schizophrenia, drug dependence, and the norm group, while the impairment profile in alcohol dependence did not statistically differ from that in OPD.
Conclusions. The existence of a specific neuropsychological profile of EF in OPD has been confirmed, which has differential diagnostic value and represents the basis for personalized expert assessment and the development of targeted rehabilitation programs.

Keywords: organic personality disorder, executive functions, neuropsychology, differential diagnosis

Funding. The reported study was funded by the Ministry of Health of the Russian Federation within the assignment No. 124020800048-9.

Acknowledgements. The authors are grateful M.V. Zeiger for assistance in data collection.

For citation: Gilenko, M.V., Pilechev, D.A., Tarasova, G.V. (2026). Executive dysfunction in organic personality disorder: profile specifics and diagnostic significance. *Psychology and Law*, 16(2), 1—19. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160201>

Введение

Органическое расстройство личности (ОРЛ) ассоциировано со стойкими нарушениями таких высших регуляторных процессов, как управляющие функции (УФ), которые в отечественной нейропсихологической традиции, вслед за А.Р. Лурией, понимаются как сложная система процессов программирования, регуляции и контроля целенаправленной деятельности. Современные нейропсихологические модели вносят конкретизацию и уточнение в многокомпонентный состав УФ, выделяя такие базовые процессы, как функциональная рабочая система, тормозный контроль, когнитивная гибкость и др. (Dorman et al., 2022; Turnes, Piacentini, 2025).

Дефицит УФ при ОРЛ может отражать дезадаптивное поведение, что приобретает особое значение в контексте судебно-психиатрической экспертизы, где оценка способности лица к осознанной регуляции своего поведения в юридически значимых ситуациях является одной из ключевых задач (Усюкина, Лаврушик, Зейгер, 2025). Однако, несмотря на общее признание факта дефицита УФ при органической патологии мозга (Ardila, 2019), специфика нейропсихологического профиля ОРЛ и его дифференциально-диагностическая значимость по сравнению с другими психическими расстройствами остаются недостаточно изученными. Актуальность исследования нарушений УФ обусловлена их трансдиагностическим характером. Эти нарушения характерны для широкого спектра состояний, включая шизофрению и расстройства, связанные с употреблением ПАВ (Галкин и др., 2025; López et al., 2024). Существующие методы оценки УФ не всегда позволяют надежно дифференцировать эти состояния из-за использования разных моделей и показателей, что создает потребность в выявлении объективных нейрокогнитивных маркеров — специфических паттернов (профилей) нарушений УФ, которые могли бы служить инструментом для индивидуальной дифференциальной диагностики в экспертной практике (Горнушенков и др., 2025; Reddy, 2025). Новизна работы заключается в комплексном сравнительном анализе компонентов УФ у пациентов с различными психическими расстройствами и психически здоровых лиц с применением как качественного (синдромного),

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

так и количественного анализа, что позволяет преодолеть ограничения, присущие изолированному использованию этих методов (Карякина, Рычкова, 2020). Основная цель исследования заключалась в выявлении специфического паттерна нарушений УФ при органическом расстройстве личности и установлении его статистически значимых различий с профилями, характерными для шизофрении, алкогольной и наркотической зависимости, а также с показателями психически здоровых лиц.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 133 совершеннолетних обвиняемых мужского пола, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России, с верифицированными психическими расстройствами: ОРЛ (F07.0) ($n = 54$), органическое эмоционально-лабильное расстройство (ОЭЛР) (F06.6) ($n = 11$), алкогольная (F10.2) ($n = 14$) и наркотическая (F12.2, F15.2, F19.2) ($n=12$) зависимость, шизофрения (F20) ($n = 25$) — и психически здоровые лица ($n = 17$). Группы были сопоставимы по числу лет обучения (образования) $11,8 \text{ лет} \pm 2,6 \text{ года}$ ($p = 0,08$), однако имели ожидаемые статистически значимые различия по возрасту $42,54 \text{ лет} \pm 14,5 \text{ года}$ ($p = 0,027$), что было учтено при дальнейшей интерпретации результатов.

Нейропсихологическое обследование проводилось индивидуально в стандартных условиях. Использовался набор наиболее распространенных, валидизированных и апробированных проб и тестов для оценки ключевых компонентов УФ, выделенных в соответствии с современными представлениями об их строении, включая концепцию системно-динамической организации ВПФ А.Р. Лурии.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics 23. Для сравнения более двух независимых групп применялся критерий Краскала—Уоллиса (H) с последующим попарным сравнением с помощью U-критерия Манна—Уитни с поправкой Холма на множественные сравнения. Для определения способности параметров УФ дифференцировать органическое расстройство личности от всех других состояний строились ROC-кривые (Receiver Operating Characteristic). Рассчитывалась площадь под кривой (AUC) с 95% доверительным интервалом. $AUC > 0,7$ интерпретировалась как удовлетворительная диагностическая точность: $> 0,8$ — хорошая, $> 0,9$ — отличная.

Для выявления профилей УФ показатели проб и тестов были интегрированы в шкалы по методике предложенной О.А. Семеновой (Семенова, Мачинская, Ломакин, 2015). Для каждой из сформированных 10 шкал были вычислены стандартизированные Z-оценки, показывающие отклонение от ожидаемой нормы. Высокие положительные значения Z-оценок указывают на значительные нарушения УФ. На основе полученных данных осуществлялось создание индивидуального профиля УФ, позволяющего наглядно представить структуру сильных и слабых звеньев УФ и отражающего регуляцию произвольной деятельности лиц с различными психическими расстройствами.

Основная цель применяемой методологии — преодолеть разнородность первичных показателей выполняемых различных проб и тестов, таких как время реакции, количество ошибок, продуктивность выполнения и т. д., и свести их к универсальной, сопоставимой метрике, пригодной для количественного анализа и качественной интерпретации. Для этого первичные показатели подвергаются предварительной обработке, направленной на унификацию направления их интерпретации. При этом учитывается, что более низкое

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

числовое значение должно соответствовать лучшему результату. Следовательно, показатели продуктивности (например, количество правильных ответов) инвертируются по знаку, т. е. преобразуются в отрицательные величины. Напротив, показатели, где меньшее значение изначально является желательным (например, число ошибок), сохраняют положительный знак. Эта процедура обеспечивает содержательную согласованность всех переменных на последующих этапах анализа.

Стандартизация параметров путем перевода первичных данных в Z-оценку приводила все показатели (секунды, баллы, ошибки) к универсальному выражению. Набор данных Z-оценок «агрегировался» в индексы отдельных шкал УФ, соответствующих теоретической модели с выделением их компонентов. Показатели по каждой функции группировались и суммировались в десять отдельных шкал: Усвоение алгоритмов, Создание стратегии, Тормозной контроль, Прекращение/переключение действий, Смена алгоритма, Устойчивость программы, Контроль, Функциональная рабочая система (Фонологическая петля и Центральный исполнитель) (см. Приложение). В итоге были сформированы десять индексов, отражающих состояние каждого компонента УФ.

Для обеспечения сопоставимости индексов проводилась вторичная стандартизация, выравнивающая шкалы и позволяющая сравнивать дефицит функций у каждого отдельного наблюдения. В результате были получены десять оценок для индивидуального профиля. Анализ такого профиля позволяет определить ведущий тип дефицита и соотношение между сохраненными и нарушенными компонентами УФ.

Представленная методология обеспечивает переход от эмпирического многообразия данных о состоянии УФ к интегральному, количественно определенному и теоретически обоснованному профилю, который может служить основой для качественного (синдромного) анализа при составлении нейропсихологического заключения.

Результаты

Сравнительный анализ позволил выявить уникальный паттерн нарушений управляющих функций (УФ) при органическом расстройстве личности (ОРЛ) (табл.). Полученный паттерн характеризуется не генерализованным, а избирательным дефицитом. Ядром дефицита являются выраженные нарушения функциональной рабочей системы (ФРС) и тормозного контроля. При этом наиболее глубокие отклонения ($Z > 0,4$) сконцентрированы в сфере ФРС в целом (VIII, $Z = 0,4$), включая компоненты — фонологическую петлю (IX, $Z = 0,5$) и центральный исполнитель (X, $Z = 0,5$), а также устойчивое поддержание программы деятельности (VI, $Z = 0,4$). Клинически это выражается в трудностях одновременного удержания и обработки информации, а также в поддержании заданной стратегии, что существенно ограничивает способность пациента следить за ходом психической деятельности. Столь же значимый дефицит выявлен в области преодоления непосредственных реакций (тормозный контроль) (III, $Z = 0,4$), что может проявляться в импульсивности, склонности к реактивным ответам и сниженном самоконтроле в эмоционально значимых ситуациях.

Следующий иерархический уровень нарушений составляют такие компоненты УФ, как усвоение алгоритмов деятельности (I, $Z = 0,1$): трудности при первоначальном освоении новых последовательных действий; переключение между способами действий (V, $Z = 0,3$): ригидность, инертность, затруднения при необходимости быстрой смены стратегии или

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
 Нарушения управляющих функций
 при органическом расстройстве личности:
 специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
 Executive dysfunction in organic
 personality disorder: profile specifics
 and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

способа решения новой задачи; контроль (или мониторинг) за выполнением действий (VII, $Z = 0,2$): недостаточная способность заметить, оценить и исправить допускаемые ошибки в процессе деятельности. Эти нарушения формируют феномен «когнитивной ригидности», существенно осложняющий адаптацию к изменяющимся условиям среды и своевременную коррекцию собственного поведения.

Ключевая особенность профиля — это относительная доступность функции создания стратегии деятельности или планирования (II, $Z = 0,0$) и своевременного прекращения действий (операций) (IV, $Z = 0,0$), что демонстрирует избирательность нарушения регуляторных систем при ОРЛ.

Достоверность и клиническая значимость описанного профиля подтверждаются результатами ROC-анализа, позволившего количественно оценить дифференциально-диагностический потенциал каждого компонента УФ и выявить компоненты, обладающие наибольшей дискриминантной способностью. При ОРЛ ими оказались компоненты УФ, составившие ядро дефицита. Наибольшую площадь под кривой (AUC) демонстрируют: ФРС в целом (VIII, $AUC = 0,719$), фонологическая петля (IX, $AUC = 0,738$) и центральный исполнитель (X, $AUC = 0,700$). Умеренную, но статистически значимую диагностическую ценность также демонстрируют шкалы переключения программ (V, $AUC = 0,694$) и преодоления непосредственных реакций (тормозный контроль) (III, $AUC = 0,692$). Более низкую, но значимую способность различать ОРЛ от иных состояний также показывают шкалы усвоения алгоритмов деятельности (I, $AUC = 0,608$) и контроля (мониторинга) действий (VII, $AUC = 0,603$). При этом шкалы планирования (II) и переключения действий (IV) не показали значимой диагностической ценности ($AUC \sim 0,5$).

Таблица / Table

Средние Z-оценки по шкалам управляющих функций в исследуемых нозологических группах (чем выше показатель, тем выраженнее нарушения)
Mean Z-scores on executive function scales in the studied nosological groups
(higher score indicates more severe impairment)

Шкала / Scale	ОРЛ / OPD	ПЗ / HC	Шизофрения / Schizophrenia	ОЭЛР / OELD	АЗ / AD	НЗ / DD
I. Усвоение алгоритмов / Algorithm Acquisition	0,1	-0,5	0,2	-0,5	0,2	-0,3
II. Создание стратегии / Strategy Formation	0,0	-0,6	0,5	-0,8	0,0	0,4
III. Преодоление реакций / Response Inhibition	0,4	-0,4	-0,3	-0,1	-0,1	-0,5

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

IV. Своевременное прекращение / Timely Termination	0,0	-0,2	0,1	-0,5	-0,2	0,1
V. Переключение между способами / Set Shifting	0,3	-0,8	0,0	0,1	0,4	-0,7
VI. Устойчивое поддержание / Sustained Maintenance	0,4	-0,7	-0,3	-0,1	0,0	-0,6
VII. Контроль действий / Action Monitoring	0,2	-0,7	0,3	-0,1	-0,2	-0,4
VIII. Функциональная рабочая система / Functional Working System	0,4	-0,8	-0,3	0,0	0,4	-0,6
IX. Фонологическая петля / Phonological Loop	0,5	-0,7	-0,3	0,1	0,1	-0,7
X. Центральный исполнитель / Central Executive	0,5	-0,8	-0,3	-0,1	0,2	-0,4

Примечание: жирным шрифтом выделены наиболее высокие (наиболее нарушенные) и наиболее низкие (наиболее сохранные) показатели в каждой строке. ОРЛ / OPD — Органическое расстройство личности; ПЗ / HC — Психически здоровые (контрольная группа); ОЭЛР / OELD — Органическое эмоционально-лабильное расстройство; АЗ / AD — Алкогольная зависимость; НЗ / DD — Наркотическая зависимость.

Note: the highest (most impaired) and lowest (most preserved) scores in each row are highlighted in bold. ОРЛ / OPD — Organic Personality Disorder; ПЗ / HC — Healthy Controls; ОЭЛР / OELD — Organic Emotionally Labile Disorder; АЗ / AD — Alcohol Dependence; НЗ / DD — Drug Dependence.

Сравнительный анализ нарушений управляющих функций при органическом расстройстве личности. Специфика нейропсихологического профиля УФ при ОРЛ наиболее

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

отчетливо проявляется при его сопоставлении с профилями других нозологических групп. Сравнительный анализ, выявил как качественные, так и количественные различия.

Наиболее выраженные различия с *психически здоровыми лицами (ПЗ)* наблюдаются по параметрам ФРС: показатели фонологической петли (шкала IX, $Z = 0,5$ при ОРЛ против $Z = -0,7$ при ПЗ; $U = 128$, $p < 0,001$) и центрального исполнителя (шкала X, $Z = 0,5$ против $Z = -0,8$; $U = 126$, $p < 0,001$) у пациентов с ОРЛ в среднем соответствуют умеренному нарушению, тогда как в группе ПЗ эти функции являются устойчиво сохраненными. Существенные различия также характерны для параметров: тормозный контроль (шкала III, $Z = 0,4$ против $Z = -0,4$; $U = 252,5$, $p = 0,05$), когнитивная гибкость (шкала V, $Z = 0,3$ против $Z = -0,8$; $U = 107$, $p < 0,001$), устойчивое поддержание программы (шкала VI, $Z = 0,4$ против $Z = -0,7$; $U = 150$, $p = 0,0001$) и контроль (мониторинг) за выполнением действий (шкала VII, $Z = 0,2$ против $Z = -0,7$; $U = 236$, $p = 0,003$). По параметру своевременное прекращение действий (инертность) (шкала IV, $Z = 0,0$ против $Z = -0,2$; $U = 292,5$, $p = 0,362$) группы оказались статистически неразличимы, что указывает на избирательность нарушений УФ при ОРЛ.

Пациенты с ОРЛ при сравнении с группой *органических эмоционально-лабильных расстройств (ОЭЛР)* демонстрируют значимо более выраженные нарушения в усвоении алгоритмов (шкала I, $Z = 0,1$ против $Z = -0,5$ при ОЭЛР; $U = 169,5$, $p = 0,025$) и создании стратегий деятельности (шкала II, $Z = 0,0$ против $Z = -0,8$; $U = 139$, $p = 0,006$), а также тормозном контроле (шкала III, $Z = 0,4$ против $Z = -0,1$; $U = 152$, $p = 0,029$) и устойчивом поддержании программы (шкала VI, $Z = 0,4$ против $Z = -0,1$; $U = 177$, $p = 0,036$). При этом ключевое сходство профилей заключается в статистически неразличимых показателях ФРС (шкалы VIII: $Z = 0,4$ против $Z = 0,0$; $U = 154$, $p = 0,114$; IX: $Z = 0,5$ против $Z = 0,1$; $U = 187,5$, $p = 0,192$; X: $Z = 0,5$ против $Z = -0,1$; $U = 181$, $p = 0,148$), когнитивной гибкости (V: $Z = 0,3$ против $Z = 0,1$; $U = 177$, $p = 0,257$) и контроля (мониторинга) действий (VII: $Z = 0,2$ против $Z = -0,1$; $U = 248$, $p = 0,391$). Это подчеркивает общий «органический радикал» данных состояний и указывает, что различия между ними носят не тотальный, а скорее градиентный характер.

Профили нарушений УФ в группах ОРЛ и *алкогольной зависимости (АЗ)* демонстрируют высокую степень сходства, без статистических различий по девяти из десяти исследуемых параметров. Только по шкале устойчивого поддержания программы (VI) лица с ОРЛ демонстрировали более выраженный дефицит ($Z = 0,4$) по сравнению с группой АЗ ($Z = 0,0$; $U = 185$, $p = 0,003$). Соответственно, несмотря на общую схожесть профилей, нарушение способности к поддержанию целенаправленной деятельности может служить дифференцирующим признаком исследуемых групп.

В сравнении с профилем *наркотической зависимости (НЗ)* при ОРЛ были значимо более нарушены ключевые компоненты ФРС (параметры VIII: $Z = 0,4$ против $Z = -0,6$; $U = 85$, $p < 0,001$; IX: $Z = 0,5$ против $Z = -0,7$; $U = 81,5$, $p < 0,001$; X: $Z = 0,5$ против $Z = -0,4$; $U = 147$, $p = 0,012$), когнитивная гибкость (шкала V, $Z = 0,3$ против $Z = -0,7$; $U = 84,5$, $p < 0,001$), тормозный контроль (параметр III, $Z = 0,4$ против $Z = -0,5$; $U = 151$, $p = 0,004$) и устойчивое поддержание программы (шкала VI, $Z = 0,4$ против $Z = -0,6$; $U = 98$, $p = 0,0001$). Однако отмечалось и сходство профилей по параметрам создания стратегии деятельности (II: $Z = 0,0$ против $Z = 0,4$; $U = 242,5$, $p = 0,175$), своевременного прекращения начатых действий (IV: $Z = 0,0$ против $Z = 0,1$; $U = 246$, $p = 0,556$) и контроля за выполнением собственных действий

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

(VII: $Z = 0,2$ против $Z = -0,4$; $U = 228,5$, $p = 0,112$), где статистически значимых различий обнаружено не было. Это указывает на сопоставимые трудности инициации сложных программ и мониторинга деятельности.

Профили лиц, страдающих ОРЛ и *шизофренией*, отличаются принципиально иной структурой нарушений УФ, что также может иметь важное дифференциально-диагностическое значение. Ключевое различие заключается в относительной сохранности при ОРЛ (шкала II, $Z = 0,0$) и выраженном дефиците при шизофрении ($Z = 0,5$) способности к созданию стратегии деятельности или планирования ($U = 354,5$, $p = 0,001$). Напротив, тормозный контроль (шкала III, $Z = 0,4$ при ОРЛ против $Z = -0,3$; $U = 259$, $p = 0,002$) оказались значимо более нарушенными при ОРЛ. Кроме того, пациенты с ОРЛ демонстрируют значимо более выраженные нарушения в устойчивом поддержании (регуляции) деятельности (шкала VI, $Z = 0,4$ против $Z = -0,3$; $U = 304$, $p = 0,0001$). Таким образом, если для шизофрении более характерен дефицит инициации и планирования сложных действий, то для ОРЛ более типичны нарушения оперативного контроля и обработки информации в реальном времени и поддержания (регуляции) деятельности. При этом были выявлены и отчетливые сходства групп. Так, показатели усвоения алгоритмов (I: $Z = 0,1$ против $Z = 0,2$; $U = 594$, $p = 0,393$), своевременного прекращения действий (персеверации) (IV: $Z = 0,0$ против $Z = 0,1$; $U = 465,5$, $p = 0,277$), общей устойчивости поддержания усвоенной программы (VI) и контроля (мониторинга) за выполнением действий (VII: $Z = 0,2$ против $Z = 0,3$; $U = 663,5$, $p = 0,903$) статистически между группами не различались.

Обсуждение результатов

Полученные результаты в целом подтверждают основную гипотезу о наличии при ОРЛ специфического нейропсихологического регуляторного профиля, качественно отличающегося от профилей нарушений УФ при других психических расстройствах. Вопреки представлению о генерализованном «лобном» дефиците при органической патологии (Owen, 2017), данные полученных профилей УФ и результаты их сравнительного анализа указывают на диссоциацию нарушений: наиболее выраженные нарушения затрагивают функциональную рабочую систему, включая ее компоненты — фонологическую петлю и центрального исполнителя (шкалы VIII, IX, X), а также сферу тормозного контроля (III) и устойчивого поддержания программы (VI). В то же время способность к планированию (I, II) и переключению между действиями (IV) остаются относительно доступными. С точки зрения синдромного (факторного) анализа (Лурия, 2003; Корсакова, Московичюте, 2020), данное сочетание — грубый дефицит компонентов ФРС и тормозного контроля при относительной сохранности функции планирования — может быть квалифицировано как сочетанная дисфункция медиальных и базальных (орбитофронтальных) отделов лобных долей при относительной интактности конвекситальных префронтальных отделов головного мозга. Обнаруженный профиль УФ также согласуется с современными нейробиологическими моделями, которые подчеркивают системный характер дисфункции при органическом расстройстве личности (ОРЛ), вовлекающей не только корковые зоны, но и их связи с подкорковыми структурами, что проявляется в дефиците регуляции активности и тормозного контроля (Мачинская, 2015; Friedman, Robbins, 2022).

Сравнительный анализ выявленного паттерна демонстрирует его высокую дифференциально-диагностическую ценность. Так, профиль УФ при ОРЛ существенно

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

отличается от профиля при шизофрении, для которого, согласно нашим данным и исследованиям других авторов (Алексеев и др., 2022), характерен первичный дефицит планирования (шкала II) при относительно сохранных показателях функциональной рабочей системы и тормозного контроля. Это различие может указывать на разные варианты лобного синдрома: если при шизофрении центральным является нарушение программирования (префронтальный синдром), то при ОРЛ в качестве базового дефицита выступают механизмы регуляции активности (синдром медиальных отделов) и торможения импульсивных реакций (синдром базальных отделов).

Различия профилей лиц с ОРЛ и наркотической зависимостью, у которых на фоне дефицита функции планирования нарушения функциональной рабочей системы, тормозного контроля и устойчивого поддержания программы были менее выраженными, могут указывать на иной, по сравнению с ОРЛ, паттерн заинтересованности мозговых систем, что требует дальнейшего углубленного изучения.

Отсутствие в нашем исследовании статистически значимых различий по девяти из десяти оцениваемых параметров УФ-профиля при ОРЛ в сравнении с профилем при алкогольной зависимости, вероятно, отражает специфику судебно-психиатрического контингента, где преобладают ОРЛ сложного генеза со значимой ролью интоксикационного этиологического фактора, а лица с алкогольной зависимостью оказываются наиболее подвержены дополнительным экзогенным вредностям — травмам головы и пр. (Гиленко, 2018).

Сравнение профилей УФ при органическом расстройстве личности (ОРЛ) и органическом эмоционально-лабильном расстройстве (ОЭЛР) выявило как общие черты, так и важные различия. Оба расстройства демонстрируют сходный «органический радикал» — дефицит когнитивной гибкости (V), контроля (мониторинга) действий (VII) и компонентов функциональной рабочей системы (VIII, IX, X) — при отсутствии статистически значимых различий по этим параметрам, что отражает общую дисфункцию медиобазальных отделов. Ключевое дифференцирующее отличие заключается в том, что для ОРЛ характерны более выраженные нарушения, затрагивающие сферу тормозного контроля (III) и устойчивого поддержания программы (VI), а также статистически значимо более низкие показатели усвоения алгоритмов (I) и планирования (II) по сравнению с группой ОЭЛР, где эти функции остаются сопоставимы с группой психически здоровых. Данное различие может указывать на то, что при ОРЛ может быть более выраженная недостаточность орбитофронтальных (базальных) отделов лобных долей, что и обуславливает более грубый и генерализованный характер регуляторного дефицита (Jones, Graff-Radford, 2021).

Полученные данные вносят вклад в понимание структуры и степени выраженности нарушений УФ в рамках концепции системно-динамической организации высших психических функций (Лурия, 2003), реализуя метод синдромного (факторного) анализа для выделения ведущих звеньев дефицита при различных психических расстройствах, и наглядно иллюстрируют принцип «единства и многообразия» УФ (Duncan, Friedman, 2024) на клиническом материале. С практической точки зрения выявленный специфический профиль при ОРЛ может служить дополнительным объективным критерием, имеющим значение для решения экспертных задач (Каширский, Старосельцева, 2024), дифференциальной диагностики и разработки индивидуализированных программ когнитивной коррекции и реабилитации.

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

Заключение

Проведенное исследование позволило достичь поставленной цели и выявить специфический нейропсихологический профиль нарушений управляющих функций при органическом расстройстве личности, а также установить его статистически значимые различия с профилями других психических расстройств. ROC-анализ подтвердил диагностическую ценность отдельных компонентов УФ, показав, что при ОРЛ наибольшей чувствительностью обладают такие параметры УФ, как функциональная рабочая система, тормозный контроль и когнитивная гибкость.

Таким образом, комплексный анализ управляющих функций доказал свою эффективность как метод выявления объективных нейрокогнитивных маркеров, что вносит существенный вклад в развитие доказательных подходов к диагностике психических расстройств.

Полученные результаты определяют несколько направлений для углубленного изучения. Прежде всего необходима валидизация выявленных профилей на более крупных и сбалансированных выборках для подтверждения устойчивости обнаруженных паттернов. Перспективным представляется лонгитюдное исследование динамики нарушений УФ в процессе терапии и реабилитации, что позволит оценить прогностическую значимость выделенных маркеров. Важным направлением является интеграция нейропсихологических данных с методами нейровизуализации (МРТ, ЭЭГ, fNIRS) для установления структурно-функциональных коррелятов специфических профилей УФ. Прикладные перспективы включают разработку кратких скрининговых диагностических алгоритмов для экспертной практики и создание таргетированных программ когнитивной реабилитации, ориентированных на структуру выявляемых нарушений УФ.

Ограничения. Основным ограничением является неравномерный объем выборок некоторых клинических групп.

Limitations. The main limitation is the uneven sample size of some clinical groups.

Список источников / References

1. Алексеев, А.А., Рупчев, Г.Е., Тхостов, А.Ш. (2022). К вопросу о роли сокращения ориентировочного этапа деятельности в нарушениях планирования при шизофрении. *Национальный психологический журнал*, 2(46), 35—44. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0204>
Alekseev, A.A., Rupchev, G.E., Tkhostov, A.Sh. (2022). On the role of reduction at the orienting stage of activity in planning disorders in schizophrenia. *National Psychological Journal*, 2(46), 35—44. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0204>
2. Галкин, С.А., Корнетова, Е.Г., Корнетов, А.Н., Сорокина, В.А., Бохан, Н.А. (2025). Нейрокогнитивные нарушения у больных шизофренией с синдромом зависимости от алкоголя. *Российский психиатрический журнал*, 2, 48—54. URL: <https://elibrary.ru/jjumck> (дата обращения: 26.01.2026).
Galkin, S.A., Kornetova, E.G., Kornetov, A.N., Sorokina, V.A., Bohan, N.A. (2025). Neurocognitive disorders in schizophrenia patients with alcohol dependence syndrome. *Russian Journal of Psychiatry*, 2, 48—54. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/jjumck> (viewed: 26.01.2026).

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

3. Гиленко, М.В. (2018). Судебно-психиатрическая оценка органических психических расстройств, коморбидных алкогольной зависимости. *Вопросы наркологии*, 6(166), 46—47. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/utylei> (дата обращения: 26.01.2026).
Gilenko, M.V. (2018). Forensic psychiatric assessment of organic mental disorders comorbid with alcohol dependence. *Journal of Addiction Problems*, 6(166), 46—47. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/utylei> (viewed: 26.01.2026).
4. Горнушенков, И.Д., Плужников, И.В., Бархатова, А.Н., Чайка, Ю.А. (2025) Вариант комплексной экспресс-оценки нозотипичных нейрокогнитивных профилей пациентов психиатрического стационара. *Социальная и клиническая психиатрия*, 35(1), 14—23. URL: <https://elibrary.ru/djiiyd> (дата обращения: 26.01.2026).
Gornushenkov, I.D., Pluzhnikov, I.V., Barhatova, A.N., Chaika, Yu.A. A variant of a comprehensive rapid assessment of nosotypic neurocognitive profiles of psychiatric hospital patients. *Social and Clinical Psychiatry*, 35(1), 14—23. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/djiiyd> (viewed: 26.01.2026).
5. Карякина, М.В., Рычкова, О.В. (2020). Подходы к анализу нарушений высших психических функций. *Обзор психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 2, 38—46. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-38-46>
Karyakina, M.V., Rychkova, O.V. (2020). Approaches to analysis of higher mental functions impairments. *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 2, 38—46. (In Russ.). <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-38-46>
6. Каширский, Д.В., Старосельцева, О.В. (2024). Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 2). *Психология и право*, 14(1), 183—196. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140112>
Kashirskiy, D.V., Staroseltseva, O.V. (2024). Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 2). *Psychology and Law*, 14(1), 183—196. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140112>
7. Лурия, А.Р. (2003). *Основы нейропсихологии: Учебное пособие*. М.: Издательский центр «Академия».
Luriya, A.R. (2003). *Fundamentals of neuropsychology: A textbook*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.).
8. Мачинская, Р.И. (2015). Управляющие системы мозга. *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*, 65(1), 33—60. <https://doi.org/10.7868/S0044467715010086>
Machinskaya, R.I. (2015). The Brain Executive Systems. *I.P. Pavlov Journal of Higher Nervous Activity*, 65(1), 33—60. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0044467715010086>
9. Семенова, О.А., Мачинская, Р.И., Ломакин, Д.И. (2015). Влияние функционального состояния регуляторных систем мозга на эффективность программирования, избирательной регуляции и контроля когнитивной деятельности у детей. Сообщение I. Нейропсихологический и электроэнцефалографический анализ возрастных преобразований регуляторных функций мозга в период от 9 до 12 лет. *Физиология человека*, 41(4), 5—17. <https://doi.org/10.7868/S0131164615040128>
Semenova, O.A., Machinskaya, R.I., Lomakin, D.I. (2015). The Influence of the Functional State of Brain Regulatory Structures on the Programming, Selective Regulation and Control of

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

Cognitive Activity in Children. Report I: Neuropsychological and EEG Analysis of Age-Related Changes in Brain Regulatory Functions in Children Aged 9—12 Years. *Human Physiology*, 41(4), 5—17. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0131164615040128>

10. Усюкина, М.В., Лаврушич, М.В., Зейгер, М.В. (2025). О значении исполнительных функций в оценке саморегуляции при психических расстройствах. *Социальная и клиническая психиатрия*, 35(3), 62—69. URL: <https://elibrary.ru/uvrmge> (дата обращения: 26.01.2026).
Usyukina, M.V., Lavrushchik, M.V., Zeiger, M.V. The importance of executive functions in the assessment of self-regulation in mental disorders. *Social and Clinical Psychiatry*, 35(3), 62—69. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/uvrmge> (viewed: 26.01.2026).
11. Ardila, A. (2019). Executive Functions Brain Functional System. In: A. Ardila, S. Fatima, M. Rosselli (Eds.), *Dysexecutive Syndromes* (pp. 29—41). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-25077-5_2
12. Dorman, D.B, Sampson, A.L., Sacre, P., Stuphorn, V., Niebur, E., Sarma S.V. (2022). Decomposing Executive Function into Distinct Processes Underlying Human Decision Making. In: *44th Annual International Conference of the IEEE Engineering in Medicine & Biology Society (EMBC) Scottish Event Campus, Glasgow, UK, July 11-15, 2022* (pp. 807—811). <https://doi.org/10.1109/embc48229.2022.9871849>
13. Duncan, J., Friedman, N.P. (2024). How the Brain Creates Unity and Diversity of Executive Functions. In: M.T. Banich, S.N. Haber, T.W. Robbins (Eds.), *The Frontal Cortex: Organization, Networks, and Function* (pp. 161—178). Cambridge (MA): MIT Press. <https://doi.org/10.7551/mitpress/15679.003.0012>
14. Friedman, N.P., Robbins, T.W. (2022). The role of prefrontal cortex in cognitive control and executive function. *Neuropsychopharmacology*, 47(1), 72—89. <https://doi.org/10.1038/s41386-021-01132-0>
15. Jones, D.T., Graff-Radford, J. (2021). Executive Dysfunction and the Prefrontal Cortex. *Continuum Lifelong Learning in Neurology*, 27(6), 1586—1601. <https://doi.org/10.1212/CON.0000000000001009>
16. López, N., Herrera, J., Flórez, Y., Castellanos, C., Gargiulo, P.Á. (2024). Neurocognitive Effects of Substance Abuse and Their Measurement with Neuropsychological Tests. In: P.Á. Gargiulo, H.L. Mesones-Arroyo (Eds.), *Psychiatry and Neuroscience Update. Vol. V* (pp. 449—464). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-72219-6_38
17. Owen, G.S., Freyenhagen, F., Martin, W., David, A.S. (2017). Clinical assessment of decision-making capacity in acquired brain injury with personality change. *Neuropsychological Rehabilitation*, 27(1), 133—148. <https://doi.org/10.1080/09602011.2015.1053948>
18. Reddy, K.J. (2025). The Role of Neuropsychology in Legal Contexts. In: Reddy, K.J. *Foundations of Criminal Forensic Neuropsychology* (pp. 41—59). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-83771-5_3
19. Turnes, V.H.S., Piacentini, N. (2025). Introduction to Executive Functions. In: R.A. Reichert, A.L.M. Andrade, D. De Micheli (Eds), *Neuropsychology and Substance Use Disorders* (pp. 271—282). Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-82614-6_10

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

Приложение / Appendix

Описание нейропсихологических шкал управляющих функций и компонентов рабочей памяти Description of neuropsychological scales of executive functions and working memory components

№ шкалы / Scale No.	Название шкалы (что оценивает) / Scale name (what it assesses)	Проба / тест / Test / Task	Конкретные учитываемые параметры (сырые показатели) / Specific parameters considered (raw scores)
I	Усвоение алгоритмов деятельности. Способность понять, запомнить и воспроизвести инструкцию / Algorithm Acquisition. Ability to understand, remember, and reproduce instructions	1. Башня Лондона (БЛ) / Tower of London (TOL). 2. Тест Струпа / Stroop Test. 3. Вербальная беглость (ВБ) / Verbal Fluency (VF). 4. Кулак-ребро-ладонь (КРЛ) / Fist-Edge-Palm (FEP). 5. Повторение цифр / Digit Span. 6. Следование по маршруту (ТМТ) / Trail Making Test (TMT)	<ul style="list-style-type: none"> • БЛ: усвоение инструкции / TOL: instruction acquisition. • Струп: усвоение инструкции / Stroop: instruction acquisition. • ВБ: трудности усвоения инструкции / VF: difficulties in instruction acquisition. • КРЛ: усвоение программы (балл) / FEP: program acquisition (total score). • Повторение цифр: усвоение инструкции / Digit Span: instruction acquisition. • ТМТ часть Б: усвоение инструкции / TMT Part B: instruction acquisition
II	Создание стратегии деятельности. Способность к планированию, выработке оптимального плана действий / Strategy Formation. Ability to plan and develop an optimal action plan	1. Башня Лондона (БЛ) / Tower of London (TOL). 2. Фигура Рея—Остеррица / Rey—Osterrieth Complex Figure (ROCF)	<ul style="list-style-type: none"> • БЛ: общая сумма лишних ходов / TOL: total number of extra moves. • БЛ: время выполнения (общее) / TOL: total execution time. • Фигура Рея: стратегия копирования / ROCF: copying strategy. • Фигура Рея: число ошибок следования собственному плану / ROCF: number of errors in following one's own plan
III	Преодоление непосредственных реакций (тормозный контроль). Способность подавить автоматический ответ / Response Inhibition.	1. Тест Струпа / Stroop Test. 2. Фигура Рея—Остеррица / ROCF. 3. Вербальная беглость (ВБ) / VF. 4. Следование по маршруту (ТМТ) / TMT	<ul style="list-style-type: none"> • Струп: обобщенный коэффициент интерференции (ОКИ) / Stroop: generalized interference coefficient (GIC). • Фигура Рея: число пропусков деталей / ROCF: number of omitted details.

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
 Нарушения управляющих функций
 при органическом расстройстве личности:
 специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
 Executive dysfunction in organic
 personality disorder: profile specifics
 and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

	Ability to suppress automatic responses		<ul style="list-style-type: none"> • ВБ (КРП): число неадекватных заданию ответов / VF (letter fluency): the number of responses inadequate to the task. • ВБ (Животные): число неадекватных заданию ответов / VF (category fluency): the number of responses inadequate to the task. • ТМТ: антиципации (сумма ошибок) / TMT: anticipations (total errors)
IV	<p>Своевременное прекращение и переключение между операциями. Способность вовремя остановить действие и начать следующее в рамках одной программы / Timely Termination and Switching. Ability to timely stop an action and start the next one within a single program</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Фигура Рея— Остеррица / ROCF. 2. Вербальная беглость (ВБ) / VF 	<ul style="list-style-type: none"> • Фигура Рея: число лишних деталей / ROCF: number of extra details. • ВБ: переключение между ответами (персеверации) — КРП / VF: switching between responses — letter fluency. • ВБ: переключение между ответами (персеверации)— Животные / VF: switching between responses — category fluency
V	<p>Переключение с одной программы на другую. Когнитивная гибкость, способность сменить правило или алгоритм деятельности / Set Shifting. Flexibility, ability to change rules or action algorithms</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вербальная беглость (ВБ) / VF. 2. Следование по маршруту (ТМТ) / TMT. 3. Кулак-ребро-ладонь (КРЛ) / Fist-Edge-Palm (FEP) 	<ul style="list-style-type: none"> • ВБ: переключение между заданиями / VF: switching between tasks. • ТМТ Б: ошибки переключения программы (сумма ошибок) / TMT Part B: program switching errors (total errors). • ТМТ Б-А (разница времени выполнения) / TMT Part B minus Part A (time difference). «Кулак-ребро-ладонь» переключение между заданиями (КРЛ/ КЛП)/ Fist-Edge-Palm switching between tasks (FEP/FPE)
VI	<p>Устойчивое поддержание программы. Общая способность удерживать цель и поддерживать программу / Sustained Maintenance.</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Тест Струпа / Stroop Test. 2. Фигура Рея— Остеррица / ROCF. 3. Вербальная беглость (ВБ) / VF. 4. Следование по маршруту (ТМТ) / TMT 	<ul style="list-style-type: none"> • Струп: сумма ошибок регуляции за все субтесты / Stroop: total errors across all subtests. • Фигура Рея: общее число ошибок регуляции / ROCF: total number of regulation errors. • ВБ (КРП): продуктивность (сумма правильных слов) / VF

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
 Нарушения управляющих функций
 при органическом расстройстве личности:
 специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
 Executive dysfunction in organic
 personality disorder: profile specifics
 and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

	Ability to maintain goal and program without distraction or derailment		(letter fluency): productivity (total words). <ul style="list-style-type: none"> • ВБ (Животные): продуктивность (сумма правильных слов) / VF (category fluency): productivity (total words). • ВБ (КРП): ошибки устойчивости программы / VF (letter fluency): errors of program maintenance. • ВБ (Животные): ошибки устойчивости программы / VF (category fluency): errors of program maintenance. • ТМТ А/Б: общее число ошибок регуляции / TMT A/B: total number of regulation errors
VII	Контроль за выполнением действий. Самоконтроль, критичность, способность находить и исправлять ошибки / Action Monitoring. Self-control, criticality, ability to detect and correct errors	1. Башня Лондона (БЛ) / TOL. 2. Тест Струпа / Stroop Test. 3. Фигура Рея—Остеррица / ROCF. 4. Вербальная беглость (ВБ) / VF. 5. Следование по маршруту (ТМТ) / TMT	<ul style="list-style-type: none"> • БЛ: эффективность контроля за выполнением / TOL: effectiveness of action monitoring. • Струп: продуктивность контроля / Stroop: monitoring productivity.ю • Фигура Рея: контроль (число пропущенных ошибок) / ROCF: monitoring (number of missed errors) • ВБ: контроль (КРП/Животные, число пропущенных ошибок) / VF: monitoring (letter/category fluency, number of missed errors). • ТМТ А/Б: контроль (число пропущенных ошибок) / TMT A/B: monitoring (number of missed errors)
VIII	Функциональная рабочая система (общий балл). Интегральный показатель рабочей памяти / Functional Working System (total score). Integral indicator of working memory	1. Повторение цифр / Digit Span	<ul style="list-style-type: none"> • Повторение цифр в прямом и обратном порядке — сумма баллов/ Digit Span: overall working memory score
IX	Фонологическая петля (вербальная рабочая память).	1. Повторение цифр в прямом порядке / Digit Span: forward	<ul style="list-style-type: none"> • Повторение цифр в прямом порядке — продуктивность / Digit Span: forward span productivity (capacity)

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

	Вербальный компонент, хранение акустической информации / Phonological Loop (Working Memory). Verbal component, storage of acoustic information		
X	Центральный исполнитель (рабочая память). Управление вниманием, манипуляция информацией в уме / Central Executive (Working Memory). Attention management, manipulation of information in mind	1. Повторение цифр в обратном порядке / Digit Span: backward	• Повторение цифр в обратном порядке — продуктивность / Digit Span: backward span productivity

Примечание: БЛ — Башня Лондона; ВБ — вербальная беглость; КРЛ — кулак-ребро-ладонь; ТМТ — следование по маршруту; КРП — категория (на заданную букву).

Note: TOL — Tower of London; VF — verbal fluency; FEP — fist-edge-palm; TMT — Trail Making Test; ROCF — Rey-Osterrieth Complex Figure.

Информация об авторах

Мария Владимировна Гиленко, доктор медицинских наук, руководитель отделения экзогенных психических расстройств отдела судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0289-4226>, e-mail: gilenko.m@serbsky.ru

Дмитрий Анатольевич Пилечев, научный сотрудник отделения экзогенных психических расстройств отдела судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1278-2924>, e-mail: pilechev.d@serbsky.ru

Галина Вячеславовна Тарасова, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник отделения экзогенных психических расстройств отдела судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7207-4098>, e-mail: tarasova.g@serbsky.ru

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

Information about the authors

Maria V. Gilenko, Doctor of Medicine, Head of the Department of Exogenous Mental Disorders, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0289-4226>, e-mail: gilenko.m@serbsky.ru

Dmitry A. Pilechev, Researcher of the Department of Exogenous Mental Disorders, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1278-2924>, e-mail: pilechev.d@serbsky.ru.

Galina V. Tarasova, Candidate of Medical Sciences, Senior Researcher of the Department of Exogenous Mental Disorders, V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7207-4098>, e-mail: tarasova.g@serbsky.ru

Вклад авторов

Гиленко М.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Пилечев Д.А. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Тарасова Г.В. — сбор и анализ данных; написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Maria V. Gilenko — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Dmitry A. Pilechev — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

Galina V. Tarasova — data collection and analysis; writing and design of the manuscript.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (протокол № 45 от 23.09.2024 г.).

Гиленко М.В., Пилечев Д.А., Тарасова Г.В. (2026)
Нарушения управляющих функций
при органическом расстройстве личности:
специфика профиля и диагностическая значимость
Психология и право, 16(2), 1—19.

Gilenko M.V., Pilechev D.A., Tarasova G.V. (2026)
Executive dysfunction in organic
personality disorder: profile specifics
and diagnostic significance
Psychology and Law, 16(2), 1—19.

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology of the Ministry of Health of the Russian Federation (report No. 45, 2024/09/23).

Поступила в редакцию 06.02.2026
Поступила после рецензирования 26.02.2026
Принята к публикации 26.02.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.02.06
Revised 2026.02.26
Accepted 2026.02.26
Published 2026.06.30

СУДЕБНАЯ И КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ |
FORENSIC AND CLINICAL PSYCHOLOGY IN LEGAL CONTEXT

Научная статья | Original paper

**Правовое положение психолога
как участника гражданского судопроизводства**

Е.В. Михайлова¹ ✉

¹ Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
✉ e.v.mihailova@bk.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В действующем процессуальном законодательстве недостаточно внимания уделяется основаниям и формам участия психолога в гражданском судопроизводстве. Система субъектов гражданского процесса должна совершенствоваться с учетом изменений в законодательстве и усложнения материальных правоотношений. **Цель.** Выявить особенности участия психолога в гражданском процессе и предложить скорректировать законодательство с учетом этого. **Результаты.** В порядке гражданского судопроизводства рассматривается большое число дел с участием социально уязвимых граждан, которые в науке и судебной практике характеризуются как «слабая сторона спора». Такими субъектами являются несовершеннолетние, недееспособные или ограниченно дееспособные граждане, работники в спорах с работодателями. Несмотря на это, действующий ГПК РФ не выделяет психолога ни в числе лиц, участвующих в деле, ни в системе лиц, содействующих отправлению правосудия. Показано, что психолог участвует в рассмотрении гражданских дел в двух формах: как лицо, участвующее в деле, в силу чего ему должны быть предоставлены общие процессуальные права, закрепленные в ст. 35 ГПК РФ, и как эксперт. Предлагается закрепить обязательное участие психолога при допросе несовершеннолетнего. Заключение психолога как эксперта может быть судебным или внесудебным, но в любом случае оно является доказательством по делу.

Ключевые слова: несовершеннолетние, социально уязвимая сторона, психолог в гражданском процессе, эксперт, внесудебная экспертиза, судебные доказательства, специалист, судебная примирительная процедура, сделки с пороком воли, компенсация морального вреда

Для цитирования: Михайлова, Е.В. (2026). Правовое положение психолога как участника гражданского судопроизводства. *Психология и право*, 16(2), 20–30. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160202>

Legal status of a psychologist as a participant in civil proceedings

E.V. Mikhailova¹ ✉

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

✉ e.v.mihailova@bk.ru

Abstract

Context and relevance. The current procedural legislation does not pay enough attention to the grounds and forms of participation of a psychologist in civil proceedings. The system of subjects of civil proceedings should be improved taking into account changes in legislation and the complication of substantive legal relations.

Objective. To identify the features of participation of a psychologist in civil proceedings and propose to adjust the legislation taking this into account. **Results.** In the order of civil proceedings, a large number of cases are considered with the participation of socially vulnerable citizens, who are characterized in science and judicial practice as the "weak party to the dispute". Such subjects are minors, incapacitated or partially incapacitated citizens, employees in disputes with employers. Despite this, the current Civil Procedure Code of the Russian Federation does not single out a psychologist either among the persons participating in the case, or in the system of persons assisting in the administration of justice. It is shown that a psychologist participates in the consideration of civil cases in two forms: as a person participating in the case, by virtue of which he should be granted the general procedural rights enshrined in Art. 35 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, and as an expert. It is proposed to establish mandatory participation of a psychologist during the interrogation of a minor. The conclusion of a psychologist as an expert may be judicial or extrajudicial, but in any case it is evidence in the case.

Keywords: minors, socially vulnerable party, psychologist in civil proceedings, expert, extrajudicial examination, judicial evidence, specialist, judicial conciliation procedure, transactions with defective will, compensation for moral damage

For citation: Mikhailova, E.V. (2026). Legal status of a psychologist as a participant in civil proceedings. *Psychology and Law*, 16(2), 20—30. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160202>

Введение

Рассмотрение правовых конфликтов в порядке гражданского судопроизводства очень часто связано с участием в деле так называемой «слабой стороны» — например, несовершеннолетних, недееспособных или ограниченно дееспособных граждан, работников в спорах с работодателем, граждан, являющихся стороной спора с участием органов публичной власти. Значительное число таких дел составляют семейно-правовые конфликты, затрагивающие интересы детей. Прежде всего это касается дел об определении места проживания и порядка воспитания и содержания несовершеннолетнего при расторжении брака.

Необходимость особой заботы государства об уязвимых участниках гражданского судопроизводства выражается в особой роли суда, рассматривающего дело, который в

соответствии с законом в необходимых случаях вправе проявить такие меры процессуальной активности, как выход за пределы доводов и даже требований сторон, оказание содействия в истребовании доказательств, по собственной инициативе назначение экспертизы. Однако суд не в состоянии обеспечить психологическую защиту уязвимых лиц.

Другим способом защиты интересов граждан, которые не в состоянии самостоятельно защитить свои права, является закрепленная в законе возможность обращения в суд с заявлением о возбуждении производства по делу в их интересах прокурором, органами государственной власти, местного самоуправления, организаций и граждан, которым предоставлено такое право (ст. 45, ст. 46, ст. 47 ГПК РФ). Однако и они действуют исключительно в правовом поле и не несут ответственности за моральное и психологическое состояние лица.

Гражданское процессуальное законодательство не предусматривает обеспечение «психологического комфорта» участников процесса. Между тем его отсутствие зачастую приводит к тому, что гражданин теряет уверенность в том, что суд защитит его нарушенные или оспоренные права, а действие принципа состязательности гражданского процесса приводит к тому, что победу в споре одерживает более ловкая сторона, имеющая возможность обратиться к профессиональным и опытным представителям.

Процессуальный закон лишь в одном случае проявляет «заботливость» о психологическом комфорте участника процесса — в случае допроса несовершеннолетнего лица. В подобных случаях к рассмотрению дела привлекается педагогический работник, а в случае необходимости вызываются также родители, усыновители, опекун или попечитель несовершеннолетнего свидетеля (ч. 1 ст. 179 ГПК РФ).

Важно отметить, что в этом перечне отсутствует психолог. При этом несомненно, что содействие психолога в ряде случаев гораздо эффективнее, чем участие педагогического работника, особенно когда производится допрос свидетеля, не достигшего возраста четырнадцати лет. Ведь педагогический работник далеко не всегда обладает знаниями в области психологии, а при допросе (опросе) несовершеннолетнего требуется не обучить его чему-либо, а оказать именно психологическую поддержку. Между тем, как отмечают исследователи, «...в тех случаях, когда следователь/дознатель признавал необходимым привлечение специальных знаний для допроса несовершеннолетнего, явный приоритет был отдан педагогу (94 процента случаев) и лишь в 6 процентах случаев был приглашен психолог» (Шестакова, 2013). Также указывается, что «...интересным с теоретической и практической точек зрения является вопрос о соотношении понятий “педагог” и “психолог” в современном российском судопроизводстве. До определенного момента эти понятия закреплялись в УПК РФ как синонимичные. <...> В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство предусматривает как возможность взаимозаменяемости педагога и психолога, так и исключительность участия именно психолога по одной категории уголовных дел» (Марковичева, Татьяна, 2017).

Однако система высшего образования в настоящее время готовит кадры по специальности «Психолого-педагогическое образование»¹ как на уровне бакалавриата (44.03.02), так и на

---

¹ Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 01.02.2022 № 89 «Об утверждении перечня специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, программам ординатуры и программам ассистентуры-стажировки» (Зарегистрирован 03.03.2022 № 67610). (2022). Официальное опубликование

Михайлова Е.В. (2026)
Правовое положение психолога
как участника гражданского судопроизводства
Психология и право, 16(2), 20—30.

Mikhailova E.V. (2026)
Legal status of a psychologist
as a participant in civil proceedings
Psychology and Law, 16(2), 20—30.

уровне магистратуры (44.04.02). Это позволяет привлекать к допросу несовершеннолетнего лица и педагога-психолога (психолога в сфере образования).

Защита интересов несовершеннолетних в гражданском процессе

Не вызывает сомнений, что защита интересов несовершеннолетних в гражданском процессе имеет не меньшее значение, чем в уголовном — например, при решении вопроса о месте их проживания с тем или иным родителем. Фактически суд определяет судьбу ребенка.

Согласно указанию Конституционного Суда Российской Федерации, «Обеспечение благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемая обязанность государства, вытекающая из статей 7 и 38 Конституции Российской Федерации, требует разработки и проведения эффективной правовой политики в этой области, направленной на недопущение дискриминации несовершеннолетних, упрочение гарантий их прав и законных интересов, а также восстановление этих прав в случаях их нарушения, формирование правовых основ гарантий прав ребенка, защиту детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие»². Полагаю, что важнейшим направлением такой политики должна стать имплементация психолога в число участников гражданского судопроизводства.

Также Конституционный Суд РФ подчеркнул, что «Конституционный Суд Российской Федерации ранее отмечал, что правовое регулирование в сфере государственной защиты прав несовершеннолетних должно в приоритетном порядке гарантировать им защиту конституционных прав, что предполагает принятие законодательных мер с целью обезопасить каждого ребенка от неблагоприятного воздействия на его психику, которое может существенно повлиять на его развитие. <...> По уголовному делу в отношении несовершеннолетнего следователь обеспечивает участие в допросе педагога или психолога, который ввиду возрастных и психологических особенностей несовершеннолетнего способен отследить его эмоциональное состояние и не допустить его чрезмерного психического напряжения. Участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого выступает гарантией защиты прав несовершеннолетнего, что согласуется с провозглашением Конституцией Российской Федерации детства как конституционной ценности, находящейся под защитой государства»³.

Психолог при рассмотрении гражданского дела с участием несовершеннолетнего необходим также для того, чтобы помочь суду решить вопрос о том, должен ли и может ли ребенок быть опрошен по обстоятельствам дела. В большинстве случаев при расторжении

правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203030033> (дата обращения: 16.08.2025).

² *Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы»*. (2013). СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149636/ (дата обращения: 16.08.2025).

³ *Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 3296-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Дмитровского районного суда города Костромы о проверке конституционности части пятой статьи 172, части первой статьи 173 и части третьей статьи 425 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»*. (2023). Юридическая информационная система «Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-14122023-n-3296-o/> (дата обращения: 16.08.2025).

брака требуется решить, с кем из родителей будет проживать ребенок. ГПК РФ не устанавливает возраст, по достижении которого ребенок может быть опрошен, а в соответствии со ст. 57 СК РФ ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. В случаях, предусмотренных законом, органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет. Очевидно, что психическое развитие ребенка может не позволять ему высказать собственное мнение и в десятилетнем возрасте, и, напротив, даже пятилетний хорошо развитый ребенок может быть вполне способен выразить свое отношение к рассматриваемому вопросу. Определить состояние ребенка и его способность изложить свое мнение должен именно психолог. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что «...при этом суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей»⁴. Опять-таки, ответить на эти вопросы беспристрастно и объективно способен не педагог, а психолог.

Ученые-психологи отмечают: «Применение специальных психологических и медицинских (психиатрических) знаний позволяет максимально учесть психическое и психологическое состояние ребенка и родителей; привязанность ребенка к каждому из родителей; отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, способность каждого из родителей обеспечить ребенку условия для психического развития. Научно-методологические основы проведения подобных освидетельствований, достоверные и валидные процедуры сбора информации, границы компетенции специалистов определяются судебным запросом, конкретными нормами гражданского (семейного) законодательства, современным состоянием научных дисциплин (психология развития, семейная психология, клиническая психология, психиатрия), а также общими принципами судебно-психологической экспертологии» (Русаковская, Сафуанов, Харитонова, 2011).

В силу этого будет правильно дополнить положение ч. 1 ст. 179 ГПК РФ указанием на то, что к рассмотрению дела привлекается психолог, по усмотрению суда — педагогический работник, а в случае необходимости вызываются также родители, усыновители, опекуны или попечители несовершеннолетнего свидетеля (ч. 1 ст. 179 ГПК РФ). Подчеркну, что участие психолога при допросе несовершеннолетнего должно быть обязательным.

Необходимость включения психолога в число участников гражданского судопроизводства

---

⁴ П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей». СПС «Консультант Плюс», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18980/ (дата обращения: 17.08.2025).

Участие психолога при допросе несовершеннолетнего следует отличать от производства экспертизы. Психолог в данном случае правовой статус эксперта не имеет. Он оказывает суду содействие в оценке доказательств (поскольку показания несовершеннолетнего свидетеля тоже являются доказательством, причем очень часто основным). Это подтверждается положением закона: указанные лица могут с разрешения председательствующего задавать свидетелю вопросы, а также высказывать свое мнение относительно личности свидетеля и содержания данных им показаний (ч. 1 ст. 179 ГПК РФ).

Особо следует подчеркнуть, что мнение психолога относительно личности и показаний свидетеля должно иметь правовое значение для суда, рассматривающего дело, оно должно в обязательном порядке заноситься в протокол судебного заседания и получить судебную оценку в мотивировочной части решения суда. В этом смысле психолога можно определить как специалиста (ст. 188 ГПК РФ). Однако в соответствии со ст. 55 ГПК РФ, консультации специалиста доказательством по делу не являются. В качестве источников доказательств закон называет лишь объяснения сторон и третьих лиц, показания свидетелей, письменные и вещественные доказательства, аудио- и видеозаписи, заключения экспертов. Но показания несовершеннолетнего могут, в силу его особенностей развития, быть недостоверными, ложными, а уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний наступает только с 16 лет (ст. 307 УК РФ).

Поэтому психолога, участвующего в рассмотрении дела при допросе несовершеннолетнего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, не следует отождествлять со специалистом, а его мнение относительно личности и показаний несовершеннолетнего должно получить статус доказательства, в силу чего следует соответствующим указанием дополнить ст. 55 ГПК РФ.

Предложения о включении психолога в число участников гражданского судопроизводства уже делались на страницах юридической литературы, правда, касательно уголовного судопроизводства. Так, авторы отмечали, что «...не все лица, выполняющие процессуальные функции и обладающие процессуальным статусом, включены законодателем в число участников процесса. На наш взгляд, к участникам, выполняющим функцию содействия правосудию, необходимо отнести и таких участников процесса, осуществляющих процессуальную деятельность, как педагог и психолог, дополнив УПК РФ нормами, определяющими их процессуальный статус» (Петровская, 2011). Несомненно, что в гражданском судопроизводстве участие психолога по делам об определении судьбы несовершеннолетнего имеет огромное значение.

Следует поддержать позицию авторов, полагающих, что «...роль психолога в судебных разбирательствах не ограничивается лишь проведением экспертиз, консультаций и рекомендаций. Она способствует формированию надлежащего морально-психологического климата на судебном процессе, связанного с объективным рассмотрением всех обстоятельств по делу, проявлению гуманизма, ответственного и справедливого вынесения вердикта» (Ананьева, Ананьева, 2024).

Для имплементации психолога в систему субъектов гражданского процесса необходимо определить формы и основания его участия в нем. В гражданском судопроизводстве каждый участник занимает собственное процессуальное положение. От этого зависит комплекс их процессуальных прав и обязанностей. В случае ошибки участник дела может быть лишен целого ряда процессуальных возможностей, что повлияет на исход судебного разбирательства. Как указывала М.С. Шакарян, «...все участники процесса наделены определенными процессуальными правами и несут определенные процессуальные

обязанности, объем которых зависит от занимаемого в процессе положения, от той задачи, которую выполняет в процессе данный участник; в осуществление этих прав и обязанностей каждый участник процесса совершает определенные процессуальные действия, которые в совокупности и составляют сложную процессуальную деятельность (процесс)» (Шакарян, 2014).

В настоящее время психолог не назван в числе лиц, участвующих в деле (ст. 34 ГПК РФ). Это означает, что у него отсутствуют как общие процессуальные права, регламентированные в ст. 35 ГПК РФ, так и специальные, или «распорядительные», закрепленные в ст. 39 ГПК РФ. Это представляется вполне обоснованным, так как он, разумеется, не является участником спорного материального правоотношения, выступающего предметом судебного разбирательства, и по этой причине не может распоряжаться материально-правовым основанием заявленного иска. Однако, что касается общих процессуальных прав и обязанностей, указанных в ст. 35 ГПК РФ, психолог, привлекаемый в дело для оказания содействия при допросе несовершеннолетнего, должен наделяться отдельными процессуальными возможностями, предоставленными действующим законодательством субъектам, не имеющим материально-правовой заинтересованности в деле, но выполняющим функции, обусловленные их служебным положением (органы государственной власти и местного самоуправления, прокурор, граждане и организации, обращающиеся в суд в защиту «чужих» интересов или интересов неопределенного круга лиц). Прежде всего, учитывая, что его мнение о личности и показаниях несовершеннолетнего свидетеля должно рассматриваться в качестве доказательства по делу, у психолога должна быть возможность знакомиться с материалами дела, задавать вопросы лицам, участвующим в деле (например, для выяснения характера отношений, сложившихся в семье), возражать против ходатайств других лиц — т. е. ему должны быть предоставлены общие права лиц, участвующих в деле (ст. 35 ГПК РФ). Специальные, или «распорядительные», права, закрепленные в ст. 39 ГПК РФ, психолог иметь не может.

Психолог не назван также и в числе второй группы субъектов гражданского процесса — лиц, содействующих осуществлению правосудия. В то же время, например, переводчик к ним относится. А.Х. Гольмстен относил к суду прокуроров, секретарей, присяжных фотографов, поверенных, судебных приставов и нотариусов, поскольку указанные лица способствуют отправлению правосудия. Адвокатов, представителей, пособников он относил к «лицам, примыкающим к сторонам» (Гольмстен, 1913). Полагаю, что в тех случаях, когда психолог выступает в деле в качестве эксперта, он должен относиться к лицам, содействующим осуществлению правосудия.

Таким образом, первая форма участия психолога в рассмотрении судом общей юрисдикции гражданского дела — это вступление его в дело в целях оказания суду содействия при допросе несовершеннолетнего свидетеля. В этом случае психолог должен быть отнесен к группе лиц, участвующих в деле, и ему должны быть предоставлены процессуальные права, указанные в ст. 35 ГПК РФ. Мнение психолога о личности и показаниях несовершеннолетнего должно иметь статус доказательства в деле и подлежать судебной оценке при вынесении решения. Отмечу, что, несмотря на то, что несовершеннолетние, достигшие возраста шестнадцати лет, могут быть привлечены к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, привлекать психолога к их допросу все равно необходимо — для определения психологического состояния свидетеля.

Судебно-психологическая экспертиза

Вторая форма участия психолога в гражданском судопроизводстве — это выполнение им функций эксперта. Экспертиза в гражданском процессе может быть обязательной в силу прямого требования закона, или факультативной, назначаемой по инициативе суда или ходатайству лиц, участвующих в деле с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела.

В ГПК РФ непосредственно о судебно-психологической экспертизе не говорится. При этом закреплено, что судья в порядке подготовки к судебному разбирательству дела о признании гражданина недееспособным при наличии достаточных данных о психическом расстройстве гражданина назначает для определения его психического состояния судебно-психиатрическую экспертизу (ст. 283 ГПК РФ). Но, как видно, речь в данном случае идет не о психологическом, а психиатрическом освидетельствовании.

Между тем далеко не всегда по гражданским делам требуется привлечение для производства экспертизы именно психиатра. По некоторым категориям гражданских дел требуется производство судебно-психологической экспертизы. В качестве примера таких дел можно назвать дела о компенсации морального вреда. Как известно, обязанность компенсации морального вреда может быть возложена судом на причинителя вреда при наличии предусмотренных законом оснований и условий применения данной меры гражданско-правовой ответственности, а именно: физических или нравственных страданий потерпевшего; неправомерных действий (бездействия) причинителя вреда; причинной связи между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом; вины причинителя вреда⁵. Определение наличия «нравственных страданий» и причинно-следственной связи между ними и действиями, совершенными ответчиком, — это задача психолога, а не психиатра.

В спорах о воспитании детей также зачастую требуется именно судебно-психологическая экспертиза. Так, педагог-психолог, исходя из своего опыта, пишет: «В современных профессиональных изданиях рассматривается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ). Наряду с нею часто проводится и судебная психологическая экспертиза (СПЭ), проведение которой поручается либо экспертам-психологам, являющимся сотрудниками судебно-экспертных учреждений Минюста России, либо педагогам-психологам, являющимся специалистами образовательных учреждений» (Мардер, 2013).

Психологическая экспертиза может быть как судебной, так и внесудебной. Ее результаты в любом случае должны приниматься судом и приобщаться к материалам дела. Например, в деле о взыскании компенсации морального вреда стороной было представлено заключение психолога по результатам проведенной диагностической и консультационной работы с несовершеннолетней, которое суд не отнес к доказательству в подтверждение событий, положенных в основу исковых требований. Как указал суд, «...мнение психолога, отраженное в заключении, не является психологической экспертизой, проводимой судом»⁶. С этим

⁵ П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». (2022). СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/ (дата обращения: 16.08.2025).

⁶ Решение № 2-3028/2024 2-3028/2024-М-2208/2024 М-2208/2024 от 11 ноября 2024 г. по делу № 2-3028/2024. (2024). Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pUwTxf6IqcZX/> (дата обращения: 18.08.2025).

мнением суда нельзя согласиться. Экспертиза может быть не только судебной (назначаемой определением суда, рассматривающего дело), но и внесудебной, и тот факт, что экспертиза была проведена сторонами во внесудебном порядке, не может служить основанием для исключения ее результатов из числа доказательств по делу. Суд должен был ее принять и оценить. В ГПК РФ к видам доказательств относятся и письменные доказательства (статья 71 ГПК РФ), к которым можно отнести заключение эксперта как документ, и личные (свидетельские показания, статья 69 ГПК РФ), к которым можно отнести личное мнение конкретного эксперта. То есть результаты внесудебной экспертизы являются смешанным доказательством, которое нельзя отклонить в силу того, что эту экспертизу суд не назначал.

Еще одним случаем, когда требуется привлечение психолога, является, на наш взгляд, проведение судебной примирительной процедуры. Как известно, судебными примирителями являются судьи в отставке, перечень их утверждает Верховный Суд Российской Федерации. Конечно, далеко не всегда они обладают знаниями в области психологии, конфликтологии, а кроме того, вся их предшествующая профессиональная деятельность как судей была связана не с урегулированием споров, а с их разрешением, что предполагает властный подход и нацеленность не на компромисс, а не определение «правого» и «виноватого». Поэтому привлечение психолога для участия в судебной примирительной процедуре видится весьма целесообразным — особенно по семейным, трудовым, жилищным спорам. В данной ситуации психолог не будет занимать процессуальный статус эксперта, а должен быть отнесен к лицам, содействующим правосудию (так как судебная примирительная процедура — это часть судопроизводства по гражданскому делу (Солохин, 2024)).

Авторы справедливо полагают, что судебно-психологическая экспертиза должна назначаться также по следующим категориям гражданских дел: «...дела о признании недействительными сделок с пороками воли; дела о возмещении ущерба, причиненного дееспособным гражданином, но не способным (в момент причинения ущерба) понимать значение своих действий или руководить ими; дела о возмещении ущерба, причиненного гражданину или гражданином, — при решении вопроса о грубой или простой неосторожности как потерпевшего, так и того, кто причинил ущерб; дела по регрессным искам о возмещении вреда и в случаях, когда необходимо выяснить, не действовало ли лицо при обстоятельствах, указанных в ст. 1078 ГК; дела по спорам о праве на воспитание детей и по другим делам, вытекающим из брачно-семейных отношений» (Семик, 2014).

В этой связи будет правильно закрепить обязательное проведение судебно-психологической экспертизы по делам о компенсации причиненного гражданину морального вреда, о признании сделок недействительными в связи с пороком воли, в делах об определении судьбы ребенка, а также по спорам, затрагивающим интересы несовершеннолетних. Также представляется целесообразным закрепить участие психолога при проведении судебной примирительной процедуры — при наличии соответствующего ходатайства сторон рассматриваемого спора.

Заключение

В целом, система участников гражданского судопроизводства нуждается в совершенствовании. Она была неизменна на протяжении многих десятилетий. В современный период в связи с усложнением гражданских правоотношений и совершенствованием законодательства расширились все группы субъектов гражданского процесса: появилась правовая фигура судебного примирителя, в арбитражном судопроизводстве теперь

предусматриваются случаи участия уполномоченного по правам предпринимателей и т. д. Российская Федерация как правовое, социальное государство должно принимать меры поддержки социально уязвимых групп, в том числе, в сфере отправления правосудия. Важнейшей такой мерой представляется включение психолога в число участников процесса в необходимых случаях и наделение его заключения статусом доказательства в деле.

Список источников / References

1. Ананьева, Ж.Н., Ананьева, Е.О. (2024). Роль психолога в судебных разбирательствах и соблюдение этических норм. *Право и государство: теория и практика*, 12(240), 407—410. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_12_407
Ananyeva, Zh.N., Ananyeva, E.O. (2024). The role of a psychologist in court proceedings and compliance with ethical standards. *Law and State: The Theory and Practice*, 12(240), 407—410. (In Russ.). https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_12_407
2. Гольмстен, А.Х. (1913). *Учебник русского гражданского судопроизводства* (5-е изд.). СПб: Типография М. Меркушева.
Golmsten, A.Kh. (1913). *Textbook of Russian civil procedure* (5th ed.). Saint Petersburg: Tipografiya M. Merkusheva. (In Russ.).
3. Мардер, Л.Д. (2013). Опыт судебно-психологической экспертизы по вопросам о воспитании и месте жительства детей: измерение рисков. *Психология и право*, 3(1), Статья 8. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2013_n1/58330 (дата обращения: 16.08.2025).
Marder, L.D. (2013). Experience of forensic psychological examination on the education and place of residence of children: risks measurement. *Psychology and Law*, 3(1), Article 8. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/psylaw/archive/2013_n1/58330 (viewed: 16.08.2025).
4. Марковичева, Е.В., Татьяна, Л.Г. (2017). Проблемы участия педагога и психолога в уголовном процессе. *Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право*, 27(2), 133—138. URL: <https://elibrary.ru/ylyfuez> (дата обращения: 16.08.2025).
Markovicheva, E.V., Tatyana, L.G. (2017). Problems of participation of educators and psychologists in criminal procedure. *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 27(2), 133—138. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ylyfuez> (viewed: 16.08.2025).
5. Петровская, М.С. (2011). Педагог и психолог в системе участников процесса. *Вестник Самарского государственного университета*, 1-2(82), 235—241. URL: <https://elibrary.ru/puzfnb> (дата обращения: 16.08.2025).
Petrovskaya, M.S. (2011). The teacher and the psychologist in the system of parties to a trial. *Vestnik of Samara State University*, 1-2(82), 235—241. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/puzfnb> (viewed: 16.08.2025).
6. Русаковская, О.А., Сафуанов, Ф.С., Харитонов, Н.К. (2011). Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями. *Психология и право*, 1(1), Статья 5. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n1/39325 (дата обращения: 16.08.2025).
Rusakovskaya, O.A., Safuanov, F.S., Kharitonova, N. (2011). Current issues of experts' participation in child custody in the event of parents' separation. *Psychology and Law*, 1(1), Article 5. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/psylaw/archive/2011_n1/39325 (viewed: 16.08.2025).

Михайлова Е.В. (2026)
Правовое положение психолога
как участника гражданского судопроизводства
Психология и право, 16(2), 20—30.

Mikhailova E.V. (2026)
Legal status of a psychologist
as a participant in civil proceedings
Psychology and Law, 16(2), 20—30.

7. Семик, А.А. (2014). Судебно-психологическая экспертиза и обеспечение прав человека в гражданском процессе. *Право и практика*, 2, 105—113. URL: <https://elibrary.ru/tfbylt> (дата обращения: 16.08.2025).
Syomik, A.A. (2014). Judicial-psychological expert operation and ensuring the human rights in civil process. *Law and Practice*, 2, 105—113. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/tfbylt> (viewed: 16.08.2025).
8. Солохин, А.Е. (2024) Судебная примирительная процедура в арбитражном судопроизводстве: вопросы теории и практики: Дис. ... канд. юрид. наук. Институт государства и права РАН. М. URL: <https://elibrary.ru/dtmzgi> (дата обращения: 16.08.2025).
Solokhin, A.E. (2024). Judicial conciliation procedure in arbitral procedure: issues of theory and practice: Diss. Cand. of Law. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/dtmzgi> (viewed: 16.08.2025).
9. Шакарян, М.С. (2014). *Избранные труды*. СПб: Издательский Дом Р. Асланова «Юридический центр».
Shakaryan, M.S. (2014). *Selected works*. Saint Petersburg: Izdatel'skiy Dom R. Aslanova "Yuridicheskiy Tsentr". (In Russ.).
10. Шестакова, Л.А. (2013). Проблемы и перспективы отправления правосудия по делам несовершеннолетних по УПК РФ. *Вестник Самарского государственного университета*, 5(106), 239—244. URL: <https://elibrary.ru/ritvkj> (дата обращения: 16.08.2025).
Shestakova, L.A. (2013). Problems and prospects of juvenile jurisdiction according to the CCP RF. *Vestnik of Samara State University*, 5(106), 239—244. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ritvkj> (viewed: 16.08.2025).

Информация об авторах

Екатерина Владимировна Михайлова, доктор юридических наук, доцент, исполняющий обязанности заведующего сектором процессуального права, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН (ИГП РАН), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Information about the authors

Ekaterina V. Mikhailova, Doctor of Law, Associate Professor, Acting Head of the Procedural Law Sector, Chief Researcher, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0313-3813>, e-mail: e.v.mikhailova@bk.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 26.08.2025
Поступила после рецензирования 03.09.2025
Принята к публикации 03.09.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.08.26
Revised 2025.09.03
Accepted 2025.09.03
Published 2026.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка

К.В. Злоказов¹ ✉

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ zkirvit@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование обусловлено ростом преступлений против общественного порядка, результатом которых становится повреждение или уничтожение имущества, совершенных в России в период с 2022 по 2024 год. Недостаточная разработанность представлений о вандализме как посягательстве на общественный порядок затрудняет решение этой задачи и выступает научной проблемой. **Цель** — разработка теоретической модели представления о вандализме как угрозе общественному порядку и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки вандализмо-пораженных объектов государственной, муниципальной и частной собственности. **Выборку составили:** группа экспертов — 27 участковых уполномоченных полиции различных регионов страны; группа респондентов — 417 человек (ср. возраст — 21,3 года; SD = 4,1 лет; 50,3% — мужчины, обучающиеся в образовательных организациях высшего образования Калужской, Свердловской, Ульяновской областей, г. Санкт-Петербург по очной и заочной формам обучения). **Методы и материалы** исследования. Применялись: а) метод опроса с предъявлением авторских фотографий вандализмо-пораженных объектов государственной, муниципальной и частной собственности, дополненных интервальной дихотомической шкалой фиксации когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонент представления; б) методики: оценки антисоциальной креативности (Н.В. Мешкова с соавт.), Шкала правового нигилизма (Е.В. Распопин, В.О. Ермош), Шкала риска криминализации (К.В. Злоказов). Методом обработки данных стал комплекс процедур оценки надежности (а Кронбаха, корреляционный анализ), сравнения групп (Н-критерий Краскелла—Уоллиса), исследования структуры (эксплораторный факторный анализ, EFA). **Результатами** исследования стали: верификация конструкта представления о вандализме как осмысленном, привлекательном и допустимом противоправном

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

деянии, посягающем на общественный порядок; подтверждение надежности Шкалы изучения представлений о вандализме на основе изображений вандално-пораженных объектов городской среды. Показано, что предпосылками вандализма, посягающего на общественный порядок, выступают антисоциальная креативность, правовой нигилизм и комплекс отношений личности, способствующие криминализации ее поведения (сверхценное отношение к себе, обесценивающее отношение к наказанию и цинично-обвиняющее отношение к потерпевшему). **Выводы.** Конструкт и шкала субъективной приемлемости вандализма обладают достаточным потенциалом применения в научной и практической деятельности. Выявленные психологические предпосылки вандалного поведения могут использоваться в профилактической работе по поддержанию общественного порядка.

Ключевые слова: вандализм, общественный порядок, психология правонарушения, мотивация вандализма, профилактика вандализма

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00900, <https://rscf.ru/project/25-18-00900/>

Для цитирования: Злоказов, К.В. (2026). Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка. *Психология и право*, 16(2), 31—48. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160203>

The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification

K.V. Zlokazov¹ ✉

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ zkirvit@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The study is driven by an increase in crimes against public order, which result in damage or destruction of property committed in Russia between 2022 and 2024. The lack of elaboration of ideas about vandalism as an encroachment on public order makes it difficult to solve this issue and constitutes a scientific problem. **Objective.** The aim is to develop a theoretical model of the concept of vandalistic behavior as a threat to public order and its operationalization in the form of a scale of subjective assessment of vandalized objects of state, municipal and private property. **Methods and materials.** The group of experts consisted of 27 police officers from various regions of the country; the group of respondents consisted of 417 people (mean age: 21.3 years, SD = 4.1 years, 50.3% male participants, studying at higher education institutions in Kaluga, Sverdlovsk, Ulyanovsk regions, St. Petersburg. **Methods** Assessment of antisocial creativity (N.V. Meshkova et al.), the scale of legal nihilism (E.V. Raspopin, V.O. Ermosh), the scale of criminalization risk (K.V. Zlokazov) were used. Data were analyzed using reliability assessment procedures (Cronbach's alpha, correlation analysis), group comparisons (Kruskal—

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Wallis H test), structural studies (exploratory factor analysis, EFA). **Results.** Verification of the construct of the perception of vandalism as a meaningful, attractive and permissible illegal act, confirmation of the reliability of the scale for studying ideas about vandalism. It is shown that the prerequisites for vandalism that encroaches on public order are antisocial creativity, legal nihilism, and a set of personality attitudes that contribute to the criminalization of behavior. **Conclusions.** The construct and the scale of subjective acceptability of vandalism have sufficient potential for application in scientific and practical activities. Identified psychological prerequisites for vandalistic behavior can be used in preventive work with diverse groups of the population to reduce acts aimed at violating public order.

Keywords: vandalism, public order, psychology of offense, motivation of vandalism, prevention of vandalism

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-18-00900, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00900/>

For citation: Zlokazov, K.V. (2026). The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification. *Psychology and Law*, 16(2), 31—48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160203>

Введение

Анализ статистических данных об административных и уголовных наказаниях за вандализм, уничтожение и повреждение чужого имущества свидетельствует о тенденции к снижению данных противоправных деяний за 2022—2024 года более чем на 15%¹. Однако изучение новостных публикаций за аналогичный период показывает, что осквернение объектов государственного и муниципального имущества, порча транспортной инфраструктуры, зданий и сооружений ежегодно требует значительных средств на восстановление и ремонт². Более того часть вандальных повреждений не регистрируется органами охраны правопорядка, поскольку сразу устраняется уполномоченными службами³. При снижении вандальной нагрузки на внутри- и околodomовое пространство на прежнем уровне находится ущерб, наносимый памятникам архитектуры, истории и культуры. Помимо этого, в последние три года увеличивается количество преступлений, в которых уничтожение и повреждение имущества нацелено на устрашение населения, оказание дезорганизующего воздействия на органы власти. В частности, за совершение террористических актов на территории нашей страны в 2022 году было осуждено 569 человек, в 2023 — 711, в 2024 — 869. Растет количество преступлений, связанных с возбуждением ненависти и вражды. Так, если в 2022 году по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» было осуждено 264 человека, то в 2023 — 388, а в 2024 — 491. Можно заключить, что снижение бытового вандализма происходит наряду с увеличением вандальных поражений, наносимых государственному и муниципальному

¹ Судебная статистика РФ. [б.г.]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/> (дата обращения: 01.07.2025).

² Более 17 тысяч вандальных рисунков удалили с городских объектов в 2024 году. (2025). Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/149687073/> (дата обращения: 01.07.2025).

³ Каждая пятая управляющая компания в России еженедельно сталкивается с вандализмом. (2025, Май 18). *Газета.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/18/25809170.shtml> (дата обращения: 01.07.2025).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

имуществу. Изменение целей вандализма сопровождается общественной опасностью способов, которыми они достигаются, а также вовлечением несовершеннолетних и молодежи в их совершение⁴.

Эта тенденция актуализирует научное переосмысление вандальных деяний с позиций их угрозы общественному порядку и общественной безопасности. Поскольку актуальные исследования в основном представляют вандализм вызовом общественной нравственности, классификация его как посягательства на общественный порядок требует разработки субъективной стороны данного деяния. В свою очередь, изучение субъективной приемлемости вандальных действий позволит понять направленность опрашиваемого лица на их совершение. Подобный диагностический инструмент, отсутствующий в настоящее время, будет полезен для осуществления превентивных мер в отношении несовершеннолетних и молодежи, профилактики действий лиц, вовлекаемых в совершение террористических и экстремистских действий.

Поэтому целью исследования является разработка теоретической модели представления о вандальном поведении как угрозе общественному порядку и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки вандально-пораженных объектов государственной, муниципальной и частной собственности.

Задачами исследования выступает синтез интерпретаций вандального поведения в контексте посягательства на общественный порядок в уголовно-правовом и административном законодательстве; конкретизация теоретических представлений о субъективных составляющих вандализма и разработка их теоретической модели; эмпирическое исследование субъективных представлений о вандально-пораженных объектах городской среды.

Результатом исследования выступает теоретическая модель (конструкт) субъективного представления о вандальных действиях, отражающая приемлемость нарушения общественного порядка и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки изображений вандально-пораженных объектов.

Структура статьи соответствует ее задачам. В начале обсуждаются представления о вандализме в российском уголовно-правовом и административном законодательстве, затем описываются подходы к изучению вандального поведения, на основе обобщения которых формируется теоретическая модель представления о вандализме. В эмпирической части статьи раскрывается операционализация теоретической модели в виде шкалы оценки представлений о субъективном значении, привлекательности и допустимости вандальных повреждений объектов городской среды, осуществляется интерпретация результатов и формулируются выводы.

Вандализм как посягательство на общественный порядок. Вандализм является антиобщественным деянием, преимущественно выражающимся в осквернении (порче), умышленном повреждении или уничтожении чужого имущества. Уголовно-правовая оценка вандализма строится на основе признания его общественной опасности, границы которой устанавливаются и регулируются вредом, причиняемым различным общественным

---

⁴ МВД назвало число поджогов военкоматов и диверсий на ж/д с марта 2022 года. (2024, Январь, 22). RTVI. URL: <https://rtvi.com/news/mvd-nazvalo-chislo-podzhogov-voenkmatov-i-diversij-na-zh-d-s-marta-2022-goda/> (дата обращения: 01.07.2025).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

отношениям (Бавсун, 2021). Криминализация (признание общественной опасности) вандажных действий различается в зависимости от посягательств на общественные отношения, которыми выступают права и свободы личности, отношения собственности, общественного порядка и общественной безопасности, государственной власти (Старостин, 2017). Поэтому критерии криминализации вандализма связываются не только с самим вредом, но и со способом его совершения, мотивом и целью, характеристиками вандажно-пораженного объекта и потерпевшего.

С учетом представлений о сущности вандализма и его общественной опасности (Бохан, 2015; Складов, 2012, Староверов, 2019) многообразие проявлений вандажного поведения может условно быть рассмотрено как совокупность трех видов деяний: преступление, правонарушение, проступок. В наиболее общем виде они могут быть дифференцированы:

- на общественно опасное вандажное действие, совершение которого запрещено уголовным законом;
- общественно-вредное вандажное действие, совершение которого нарушает нормы административного законодательства;
- антиобщественное вандажное действие, нарушающее нормы (правила) поведения, определенные для участников различных видов общественных отношений — трудовых, служебных, образовательных и пр. (Кобзарь-Фролова, 2010).

В правоприменительной практике разграничение ответственности за совершение вандажных деяний предполагает анализ его объективных и субъективных составляющих (Лепина, 2022). Так, порча школьного имущества обучающимся (разбитый унитаз) может быть квалифицирована и как дисциплинарный проступок, и как преступление (в случае если оно совершено общеопасным способом — взрывом). Потерпевший, на входной двери квартиры которого маркером была нанесена оскорбительная надпись, может являться специальным субъектом (военнослужащим, представителем власти, участником судопроизводства), что позволяет квалифицировать данное деяние, выражающееся в порче чужого имущества, как уголовное преступление, посягающее на отношения в сфере государственной власти. Закрашивание стекол в вагоне метро, полностью препятствующее его использованию, может быть квалифицировано и как совершение вандажных действий в форме порчи имущества в общественных местах (ч. 1, ст. 214), и как умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 2, ст. 167). Для этого анализу должны быть подвергнуты характер объекта повреждения и мотив деяния (Зарубин, 2015). Вместе с тем оценка мотива может уточнить квалификацию деяния, поскольку желание самоутвердиться, продемонстрировав пренебрежение общепринятыми нормами поведения существенно отличается от мотива вражды или ненависти по отношению к какой-либо социальной группе.

Таким образом, считая вандализм посягательством на общественный порядок, полагаем, что необходимые для такой квалификации объективные и субъективные признаки должны получить соответствующий приоритет. Главенствующее значение целесообразно придавать не осквернению, порче или уничтожению имущества, а негативному влиянию вандализма на органы власти, государственные, муниципальные и общественные институты; его деморализующему воздействию на общество; его криминогенной контагиозности, выражающейся в побуждении других лиц к совершению аналогичных действий. При этом

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

предупреждение и профилактика вандальных действий также должны основываться на индивидуальных и общественных представлениях о вандализме (Van Wilsem, 2004). Учитывая, что представленные критерии не могут быть разработаны посредством правовых исследований, решение этой задачи нуждается в изучении субъективной стороны восприятия, переживания и оценки вандализма.

Теоретические подходы к изучению вандального поведения. Феноменология вандального поведения изучается с начала XX века в межпредметной области, образованной слиянием криминологии и социологии. Первые исследования вандального поведения, развернувшиеся в 40—50-х годах, были направлены на изучение образа жизни горожан как причины их вандального поведения. Их основаниями выступили концепции социальной дезорганизации и социального контроля. Вандализм объяснялся дезорганизацией нормативно-правовых основ общественного порядка (Merton, 2017), способствующей увеличению правонарушений (Sykes, Matza, 2017), приводящей к формированию криминальных городских сообществ (Agnew, 2017). С позиции концепции социального контроля вандальное поведение объяснялось недостатком сил и средств охраны правопорядка (Cecato, 2015), снижением возможности неформального контроля населения над вандализмом (Shaw, McKay, 2010). На основе этих теорий выстраивалась превентивно-профилактическая работа, имевшая в основном карательный характер по отношению к субъектам вандальных действий и антивандально-защитный по отношению к объектам.

Понимая, что репрессивные или пассивно-защитные стратегии противодействия вандализму не приносят результата, исследователи перешли к комплексной оценке его разнородных причин и столь же многообразных последствий. Поэтому уже к середине 80-х годов XX века акцент сместился с вандально-пораженных объектов на изучение психологии субъекта вандальных действий. Так, разрушительное поведение стало рассматриваться через призму субъективных представлений: отмечалось, что и вандализм, и наблюдение за вандальными действиями приносят эстетическое удовольствие; вандализм имеет значение и может рассматриваться как коммуникативный акт; вандализм является способом адаптации субъекта к городу и иным видам социально-регламентированных пространств (Allen, Greenberger, 1978; Allen, Greenberger, 2013; Fisher, Baron, 1982).

Расширение предметного поля исследований способствовало накоплению знаний о его отдельных компонентах — когнитивных, эмоциональных и поведенческих.

С когнитивных позиций вандальное поведение рассматривается целерациональным действием, направленным на получение определенных ресурсов, устранение препятствий или приспособление объектов среды в своих целях. Вандальные рисунки, символы и надписи с когнитивных позиций представляют собой своеобразное коммуникативно-символическое действие, значение которого нацелено на жителей города и может быть расшифровано (Воробьева и др., 2018; Fisher, Baron, 1982).

Эмоциональный компонент вандализма раскрывает переживания, свойственные лицам, осуществляющим вандальные действия или наблюдающими вандальные повреждения. В нем выделяются такие эмоциональные проявления, как чувство страха и опасности, вызванное опасением быть пойманным; чувство удовольствия от удовлетворения любопытства; чувство облегчения и радости, побуждаемое получением контроля над обстановкой (Allen, Greenberger, 2013; Pfattheicher, Keller, Knezevic, 2019). К числу эмоциональных переживаний

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

относят также радость от присвоения чужого имущества, уничтожения памятников, сооружений, символизирующих свергнутую власть (Marschall, 2017).

Поведенческое направление исследования вандализма нацелено на раскрытие его инструментальных составляющих — мотивации и целей, процесса вандальных действий, условий в которых они совершаются (Кружкова, Воробьева, Матвеева, 2024; Николаева и др., 2020).

Полученные сведения о причинах и условиях вандального поведения способствовали пониманию его феноменологии, лежащей вне антиобщественного поведения, но смежного с ним. Это способствовало не только совершенствованию антивандальной защищенности объектов культурного наследия, но и компромиссам в использовании общественных пространств для самовыражения и демонстрации творческих способностей (Vanderveen, Van Eijk, 2016). Однако рост преступлений экстремистской и террористической направленности в нашей стране актуализирует изучение общественно опасных форм вандального поведения. Ими выступают осквернение и порча сооружений, используемых федеральными органами государственной власти, транспортной инфраструктуры авиа- и железнодорожного транспорта, линий коммуникаций. Вандальные повреждения наносятся и общественно-опасным способом (поджог, взрыв), и с привлечением внимания (в виде рисунков, сообщений, заклеивания), что указывает на влияние антисоциальной креативности (Perchtold-Stefan et al., 2021). Совершению деяний способствует недооценка уголовно-правовых последствий вандализма, недостаточный уровень развития правосознания, в том числе у несовершеннолетних и молодежи, влияние субкультур с антиобщественной направленностью (Волкова, Митицина, 2020; Николаева и др., 2020; Kalgi, Aliyev, 2015; Van Wilsem, 2004).

Исходя из сущности вандализма и особенностей лиц, участвующих в его совершении, можно заключить, что меры противодействия должны основываться на анализе субъективных представлений о приемлемости подобных действий, сочетаясь с изучением их антиобщественной и криминальной направленности. Выявление одобрительного отношения к вандализму, посягающему на общественный порядок, может обосновывать проведение превентивных мероприятий с несовершеннолетними и молодежью и профилактику вандализма среди ранее судимых лиц.

Отсутствие конструкта и методики, которые могли бы быть применены для решения этой задачи, обуславливает необходимость изучения субъективного представления о вандализме как антиобщественном противоправном деянии. В этой связи нами предлагается теоретическая модель представления о приемлемости совершения вандальных действий в отношении объектов государственной, муниципальной и частной собственности.

Модель представления включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, в совокупности подразумевающие приемлемость вандализма. Приемлемость характеризуется: а) приданием значения вандальным повреждениям (когнитивный компонент), б) признанием их привлекательности (эмоциональный компонент); в) констатацией допустимости нанесения (поведенческий аспект). Проверка теоретической модели осуществляется посредством эмпирического исследования.

Материалы и методы

Цель — операционализация субъективных представлений о вандально-пораженных объектах городской среды, отражающих посягательство на общественный порядок.

Злоказов К.В. (2026)

Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)

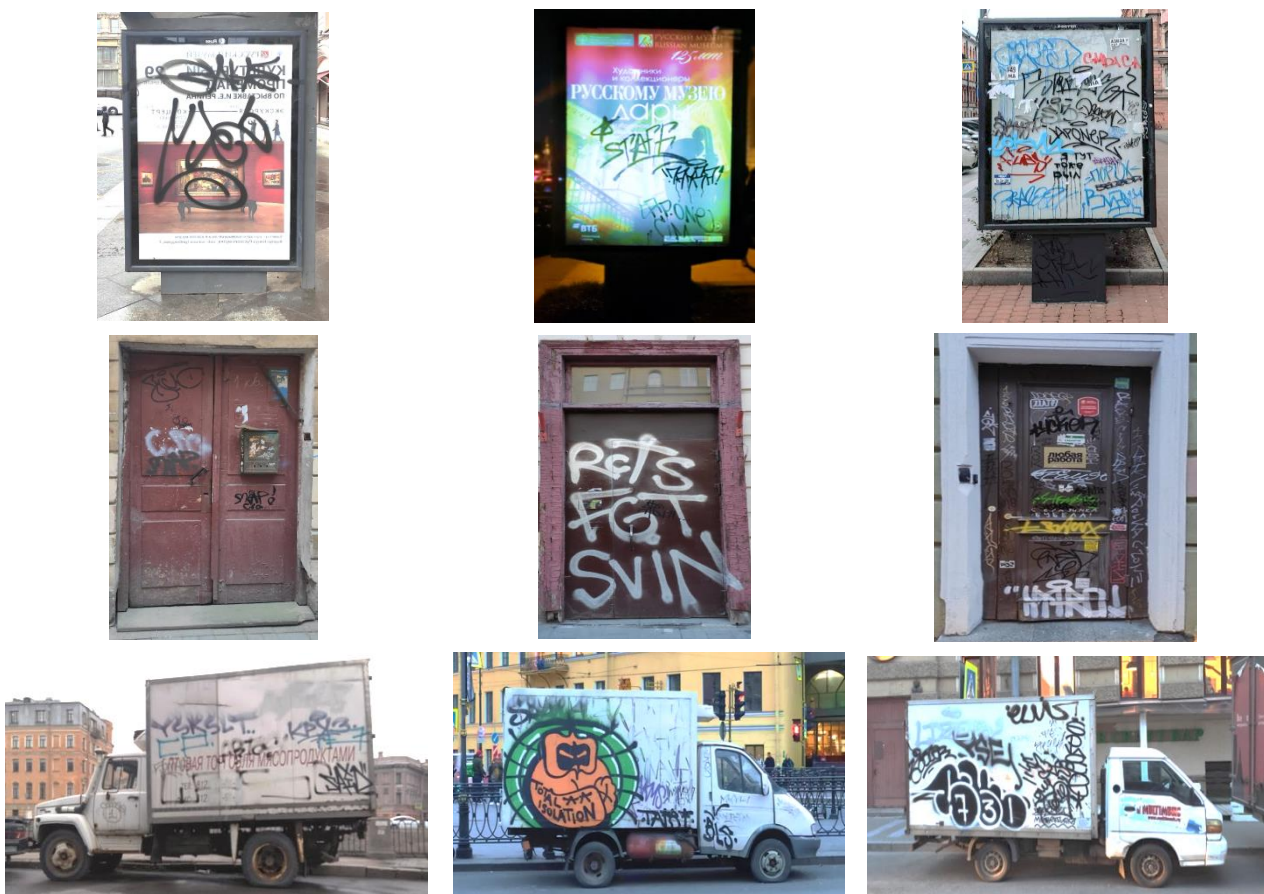
The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Задачи исследования.

1. Стандартизация изображений вандално-пораженных объектов и оценка согласованности шкалы оценивания субъективных представлений о вандализме.
2. Выявление структуры представлений о вандализме, определяющей отношения между когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами представления.
3. Определение отношений между представлением о вандално-пораженных объектах и антиобщественной, криминогенной направленностью личности (в параметрах антисоциальной креативности, правового нигилизма и риска криминализации).

Методы. Методом сбора информации выступал опрос. Для опроса использовались следующие методики.

1. Авторский комплект фотографий вандално-пораженных объектов городской среды, дополненный шкалой оценки представления о вандализме, разработанный на основе теоретической модели. В качестве стимулов опроса использовались фотографии вандално-пораженных объектов (рис.).

Рис. Образцы стимульного материала (без изображений, содержащих запрещенные уголовным законом надписи и знаки)

Fig. Samples of stimulus material (without images containing inscriptions and signs prohibited by criminal law)

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Отбор осуществлялся с учетом следующих требований: а) различие принадлежности объекта, подвергшегося осквернению (порче) по критерию собственности (государственная, муниципальная, частная); б) оценка нанесенного поражения (ущерба), мешающего или затрудняющего использование объекта по своему назначению (функциональный аспект) либо искажающего его вид (эстетический аспект); в) дифференциация санкций за осквернение (порчу) объекта на уголовно-правовые, административные и дисциплинарные. Для квалификации санкций к анализу были привлечены 27 сотрудников участковых уполномоченных из территориальных органов внутренних дел Российской Федерации различных регионов страны. По результатам отбора были определены 15 фотографий вандальных повреждений, удовлетворяющих описанным критериям.

Предметом опроса являлись когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики каждого вандального действия, собираемые для выявления их общности и построения шкалы оценки субъективных представлений. Когнитивная компонента — значение вандального действия — измерялась признаками «осмысленно—бессмысленно», «умно—глупо», «толково—бестолково»; эмоциональная компонента измерялась по признакам «нравится—не нравится», «привлекательно—непривлекательно», «радует—огорчает»; поведенческая компонента — допустимость вандального действия — измерялась индикаторами «поддерживаю—порещаю», «допустимо—недопустимо», «поступлю так—не стану так поступать». Результаты восприятия каждого акта вандализма обследуемыми обобщались с помощью мер центральной тенденции, оценки распределения, а также согласованности ответов.

2. Для опроса использовался комплект методик, характеризующих антиобщественную и криминальную направленность личности: Опросник антисоциальной креативности (Мешкова и др., 2018); Шкала правового нигилизма (Распопин, Ермош, 2015); Шкала риска криминализации (Злоказов, 2023).

Методами обработки результатов выступали процедуры математико-статистического анализа: а) расчет мер центральной тенденции для характеристики когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонент представления; б) расчет согласованности и связи представлений о вандальных действиях (альфа Кронбаха и корреляционный анализ); в) эксплораторный факторный анализ для анализа структуры представлений; г) изучение конвергентной валидности модели представления по отношению к уровню правосознания, асоциальной креативности и криминальной направленности (Н-критерий Красселла—Уоллиса).

Выборка исследования составила: группа экспертов — 27 участковых уполномоченных из территориальных органов внутренних дел Российской Федерации различных регионов страны; группа респондентов — 417 человек (ср. возраст — 21,3 года; SD = 4,1 лет; 50,3% — мужчины, обучающиеся в образовательных организациях высшего образования Калужской, Свердловской, Ульяновской областей, г. Санкт-Петербурга по очной и заочной формам обучения).

Процедура. Исследование проводилось посредством интернет-форм, включающих изображение вандально-пораженных объектов городской среды и шкал опросников. Исследование носило добровольный и анонимный характер, с предварительным информированием респондентов о цели, содержании, длительности выполнения.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Результаты

Результаты исследования описываются в соответствии с его задачами.

1. Стандартизация изображений вандально-пораженных объектов и оценка согласованности шкалы оценивания субъективных представлений о вандализме.

Получены статистические данные, свидетельствующие об однородности восприятия вандально-пораженных объектов, относимых к различным видам собственности (государственной, муниципальной, частной). Согласованность мнений респондентов подтверждена отсутствием статистически значимых различий в восприятии изображений ($p > 0,05$).

Результаты анализа ответов свидетельствуют о достаточности интервальной дихотомической шкалы оценивания, крайние значения которой составили противоположные по смыслу суждения о сущности вандальных действий. Мнения респондентов распределились относительно середины шкалы (для когнитивного измерения ср. знач. = 3,29, SD = 0,52; эмоциональные характеристики — ср.знач. = 3,37, SD = 0,43; поведенческие характеристики — ср. знач. = 3,19, SD = 0,48). Распределение ответов соответствовало нормальному закону (оценивалось критерием Шапиро—Уилка).

Согласованность мнений по когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентам представления о вандализме рассчитывалась с помощью коэффициента α Кронбаха, а также коэффициента корреляции «пункт—шкала». Был установлен достаточный уровень согласованности (α Кронбаха для утверждений когнитивного компонента = 0,89, $r = 0,71$; эмоционального компонента = 0,88, $r = 0,67$, поведенческого = 0,88, $r = 0,74$).

Результаты решения первой задачи показывают, что демонстрация комплекса фотографий вандальных действий позволяет получить непротиворечивые и согласованные представления о вандально-пораженных объектах. Это указывает на допустимость использования фотоизображений для изучения представлений о значении вандальных действий, эмоциональном отношении к ним и допустимости их совершения.

2. Анализ структуры представлений о вандально-пораженных объектах. Изучение структуры представлений выполнялось для проверки гипотезы об однородности их априорно произведенной (теоретической) группировки в соответствии с когнитивными, эмоциональными и поведенческими их компонентами. Структура изучалась посредством эксплораторного факторного анализа, поскольку отсутствовали предположения об организации или структуре представлений, обосновывающие применение других методов статистического анализа (конфирматорного факторного анализа, структурных линейных уравнений).

Решение задачи в терминах факторного анализа предполагало выделение небольшого количества факторов, объясняющих связи между компонентами представлений. Поскольку факторы могли быть связаны между собой, для их определения использовался облический метод экстракции факторов, а не ортогональный. Кроме того, в целях установления максимального соответствия между эмпирическими данными и структурой факторов применялся метод максимального подобия (maximum likelihood) с вращением облимин (oblimin) (Finch, 2020).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструктора и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Проверка подтвердила возможность его выполнения на собранном эмпирическом материале (тест Бартлетта — $\chi^2 = 1828$; $df = 105$; $p < 0,001$; тест Кайзера—Мейера—Олкина — MSA по всем переменным = 0,899, в 0,872—0,952).

Число факторов определялось по критерию собственного значения (eigenvalue), превышающему 1, и проценту объясняемой дисперсии. Было получено трехфакторное решение, объясняющее 56,6% дисперсии. Качество решения удовлетворяет критериям соответствия между исходными данными и их эмпирической моделью ($n = 417$; $\chi^2 = 94,1$; $df = 51$; $p < 0,001$; RMSEA = 0,057; RMSEA 90% CI = 0,038—0,075; CFA = 0,971).

Решение продемонстрировало группирование переменных, относимых к когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам представлений в виде самостоятельных факторов. При этом переменные, составляющие поведенческий фактор, в полученном решении имеют максимальный факторный вес (3,00) и процент объясняемой дисперсии (20,64%) по сравнению с эмоциональным (2,89 и 18,57% соответственно) и когнитивным (2,52 и 17,11% соответственно) компонентами. Также между факторами были выявлены положительные статистически значимые корреляционные связи (когнитивный—эмоциональный факторы: $r = 0,56$, $p < 0,001$; когнитивный—поведенческий факторы: $r = 0,47$, $p < 0,001$; эмоциональный—поведенческий факторы: $r = 0,55$, $p < 0,001$). Связи указывают на принадлежность компонент одной общности, позволяя рассматривать сумму их значений в виде суммарного показателя, характеризующего общее представление опрашиваемого лица о вандализме.

В целом, решение второй задачи подтверждает структуру и связь компонент представлений о вандальном действии, обосновывая, во-первых, возможность их дифференцировать по трем компонентам (когнитивному — осмысленности, эмоциональному — привлекательности, поведенческому — допустимости совершения); во-вторых, обобщить их в единый показатель представления о приемлемости вандализма по отношению к объектам государственной, муниципальной и частной собственности.

3. Определение отношений между представлением о вандально-пораженных объектах и уровнем антиобщественной, криминогенной направленности личности.

Решение задачи осуществлялось выявлением различий в субъективных представлениях о вандальных повреждениях у лиц, имеющих высокие значения (более $M + 1,5$ SD), средние (в диапазоне от $M - 1,5$ SD до $M + 1,5$ SD) и низкие значения (менее $M - 1,5$ SD) по показателям антисоциальной креативности, правового нигилизма и риска криминализации. Опрошенные лица, отобранные по данным критериям, образовали подгруппы выборки, различия между которыми выявлялись посредством Н-критерия Краскелла—Уоллиса с оценкой мощности различий расчетом критерия ε^2 . Установлено следующее.

1. Высокий уровень антисоциальной креативности способствует признанию вандальных действий ($\chi^2 = 15,58$; $df = 3$; $p = 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,061$), в том числе их осмысленности ($\chi^2 = 9,58$; $df = 3$; $p = 0,022$; $\varepsilon^2 = 0,037$), эмоциональной привлекательности ($\chi^2 = 11,49$; $df = 3$; $p = 0,009$; $\varepsilon^2 = 0,044$) и допустимости совершения ($\chi^2 = 16,93$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,07$).

2. Высокий уровень правового нигилизма влияет на признание вандальных действий ($\chi^2 = 12,43$; $df = 3$; $p = 0,006$; $\varepsilon^2 = 0,048$) и согласие с их эмоциональной привлекательностью ($\chi^2 = 19,96$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,078$), а также допустимостью ($\chi^2 = 7,86$; $df = 3$; $p = 0,049$;

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

$\varepsilon^2 = 0,03$). Влияния правового нигилизма на когнитивный компонент представления не установлено ($p = 0,191$).

3. Высокий риск криминализации в сравнении с низким и средним влияет на признание вандальных действий ($\chi^2 = 29,1$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,11$), их осмысление ($\chi^2 = 12,2$; $df = 3$; $p = 0,007$; $\varepsilon^2 = 0,047$), эмоциональную привлекательность ($\chi^2 = 44,7$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,17$) и допустимость совершения ($\chi^2 = 27,1$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,105$).

Результаты решения третьей задачи позволяют заключить, что представление об актах вандализма находится в предсказуемой зависимости от антиобщественной и криминальной направленности личности. При этом наибольшее влияние зафиксировано в эмоциональной и поведенческой составляющих представления, указывающих на положительную оценку и признание вандальных действий лицами с криминальными и антиобщественными мотивами.

Обсуждение результатов

Выполненное исследование подтверждает предположение о том, что отношение к вандальному поведению в отношении объектов государственной, муниципальной и частной собственности выступает индикатором отношения к общественному порядку. Теоретический анализ показал, что его изучение с этих позиций возможно путем анализа субъективных представлений об осмысленности вандального деяния, его эмоциональной привлекательности и допустимости совершения.

Эмпирическое исследование подтвердило обоснованность применения интервальной дихотомической шкалы оценивания для регистрации ответов и достаточный уровень надежности (по критериям согласованности) выбранного набора фотографий. Изучение структуры ответов посредством эксплораторного факторного анализа продемонстрировало их соответствие теоретической модели представления, включающей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Полученное факторное решение свидетельствует о возможности измерения осмысленности, привлекательности и допустимости вандализма с обобщением в виде суммарного показателя, характеризующего обобщенное представление о приемлемости.

Изучение отношений между субъективным представлением о вандализме и предпосылками асоциального и криминального поведения подтвердило конвергентную валидность шкалы с этими индивидуальными особенностями. Было установлено, что антисоциальная креативность усиливает эмоциональную привлекательность вандализма и допустимость его совершения при достижении максимального уровня выраженности (критерий парных сравнений Двасса—Стила—Критчлоу—Флигнера: $W = 5,061$; $p = 0,002$) и только для вредоносной и шутливой креативности. Влияние правового нигилизма также установлено применительно к эмоциональному и поведенческому компонентам вандализма и также только при максимальном его выражении ($W = 4,039$; $p = 0,01$). Фактически только показатель риска криминогенности личности значимо влияет и на эмоциональный, и на поведенческий, и на когнитивный компоненты представления о вандализме, равно как и наблюдается в группах со средним и высоким уровнями его проявления ($W = 6,42$; $p < 0,001$ и $W = 5,75$; $p < 0,001$).

Психологическое объяснение выявленным фактам видится в антиобщественном и противоправном значениях, придаваемых вандализму. С субъективной точки зрения функцией вандализма выступает осквернение, не просто затрудняющее или мешающее

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

использовать объект, но снижающее его культурную ценность и общественное значение. Таким образом, акт вандализма как посягательства на общественный порядок реализует два символических значения: *противоправно-деструктивное*, нацеленное на демонстрацию слабости государственного и общественного контроля над асоциальным поведением, и *антисоциально-креативное*, фокусирующееся на противопоставлении личности общественному порядку через эксплуатацию субкультурного значения вандального повреждения. Подобная трактовка соответствует общим представлениям об антиобщественной сущности вандализма, однако расширяет область представления о его противоправных формах как исключительно криминальных (Seccato, 2015), политически мотивированных (Marschall, 2017) или импульсивно-разрушительных (Perchtold-Stefan et al., 2021).

Проведенное исследование дополнило теоретические представления о психологических аспектах вандализма, связанных с готовностью к его совершению. Теоретически описанные составляющие вандального поведения, раскрывающие его значение, эмоциональное отношение и признание допустимости, были эмпирически связаны с изображениями вандально-пораженных объектов. Это расширяет возможности эмпирической проверки теорий вандального поведения о протестно-девиантном, криминальном, эстетическом мотивах вандализма. Кроме того, выявленные отношения между вандализмом и асоциальной креативностью, криминогенностью, правовым нигилизмом обогащают социально-психологические и субкультурные концепции вандализма, показывая новые возможности объяснения причин и регуляции групповых вандальных действий. Наконец, в ходе исследования не выявлено влияние представлений об опасности вандальных действий, возможностях самовыражения посредством их совершения общественно опасным способом, что требует дальнейшего изучения, в том числе посредством сопоставления с разработанными методиками психологической диагностики вандального поведения (Кружкова, Воробьева, Матвеева, 2024; Kalgi, Aliyev, 2015).

В целом, результаты обосновывают необходимость дальнейшего изучения отношения к вандализму как индикатора готовности к совершению правонарушений и преступлений, посягающих на общественный порядок.

Заключение

1. Установлено, что направленность на нарушение общественного порядка может изучаться через отношение к вандальным действиям. Субъективное представление о вандализме в таком случае должно включать в себя признание его осмысленности, эмоциональной привлекательности и допустимости совершения.

2. Оценка вандально-пораженных объектов путем их субъективного шкалирования по когнитивному (осмысленность), эмоциональному (привлекательность) и поведенческому (допустимость) компонентам позволяет выполнить оценку представления о вандализме с приемлемой степенью надежности и структурной валидности.

3. Показано, что представление о вандализме находится под влиянием антисоциальной креативности, правового нигилизма и комплекса отношений личности, способствующих криминализации ее поведения (сверхценное отношение к себе, обесценивающее отношение к наказанию и цинично-обвиняющее отношение к потерпевшему).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Ограничения. Исследование имеет несколько ограничений, требующих дальнейших теоретических и эмпирических исследований представлений о вандализме в его смежных областях: в части стимульного материала — отсутствие изображений объектов пораженных вследствие поджога, взрыва, физического воздействия; в части выборки исследования — необходимость привлечения лиц, имеющих опыт вандальных действий и сопоставление с правопослушной выборкой; в части конструкта — изучение мотивации разрушения, вызванной небрежностью действий, неумышленностью либо корыстью.

Limitations. The present study has several limitations that necessitate further theoretical and empirical investigations into the conceptualizations of vandalism within its related domains: with respect to the stimulus material — the absence of images depicting objects affected by arson, explosion, or physical impact; with respect to the study sample — the necessity of involving individuals with experience of vandalistic acts and their comparison with a law-abiding sample; with respect to the construct — the examination of the motivation for destruction induced by negligence of actions, unintentionality, or self-interest.

Список источников / References

1. Бавсун, М.В. (2021). «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(89), 10—16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>
Bavsun, M.V. (2021). «Emergency» legal regulation as new public relations management model. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(89), 10—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>
2. Бохан, А.П. (2015). Уголовно-правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений. *Теория и практика общественного развития*, 9, 117—120. URL: <https://www.elibrary.ru/uchkcn> (дата обращения: 01.07.2025).
Vokhan, A.P. (2015). Criminal characteristics of vandalism and its delimitation from related crimes and administrative offenses. *Theory and Practice of Social Development*, 9, 117—120. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/uchkcn> (viewed: 01.07.2025).
3. Воробьева, И.В., Злоказов, К.В., Кружкова, О.В., Оболенская, А.Г., Порозов, Р.Ю., Руденкин, Д.В., Симонова, И.А. (2018). *Вандализм в городской среде: девиация или коммуникация: Монография* (И.В. Воробьева, О.В. Кружкова, ред.). Екатеринбург. URL: <https://www.elibrary.ru/iflltn> (дата обращения: 01.07.2025).
Vorobyeva, I.V., Zlokazov, K.V., Kruzhkova, O.V., Obolenskaya, A.G., Porozov, R.Yu., Rudenkin, D.V., Simonova, I.A. (2018). *Vandalism in an urban environment: deviation or communication: Monograph* (I.V. Vorobyeva, O.V. Kruzhkova, eds.). Yekaterinburg. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/iflltn> (viewed: 01.07.2025).
4. Волкова, Е.Н., Митицина, Е.А. (2020). Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде. *Вестник Мининского университета*, 8(3), Статья 6. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-3-6>
Volkova, E.N., Mititsina, E.A. (2020). Review of psychological studies of vandalism of children and adolescents as a basis for designing prevention programs in the educational environment.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Vestnik of Minin University, 8(3), Article 6. (In Russ.). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-3-6>

5. Зарубин, А.В. (2015) Проблемы разграничения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества со смежными составами преступлений. *Криминалистъ*, 1(16), 12—15. URL: <https://www.elibrary.ru/vijcil> (дата обращения: 01.07.2025).
Zarubin, A.V. (2015) problems of differentiation between intentional destruction of or damage to the property belonging to another and related crimes. *Criminalist*, 1(16), 12—15. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/vijcil> (viewed: 01.07.2025).
6. Злоказов, К.В. (2023). Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности. *Российский девиантологический журнал*, 3(4), 413—428. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-413-428>
Zlokazov, K.V. (2023). Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(4), 413—428. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-413-428>
7. Кобзарь-Фролова, М.Н. (2010). Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта. *Вестник Российской таможенной академии*, 1, 50—57. URL: <https://www.elibrary.ru/laatdl> (дата обращения: 01.07.2025).
Kobzar-Frolova, M.N. (2010). Correlation of an offence, misdemeanor, crime and delictum. *Vestnik of the Russian Customs Academy*, 1, 50—57. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/laatdl> (viewed: 01.07.2025).
8. Кружкова, О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И. (2024). Методика диагностики мотивов вандального поведения для обучающихся подросткового и юношеского возраста: результаты доработки. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 57—66. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.57-66>
Kruzhkova, O.V., Vorobyeva I.V., Matveeva A.I. (2024). Methodology for diagnosing the motives of vandal behavior for adolescent and young adult students: the results of refinement. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 1, 57—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.57-66>
9. Лепина, Т.Г. (2022). Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления. *Гуманитарные и юридические исследования*, 9(2), 279—287. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.15>
Lepina, T.G. (2022). Delimitation of hooliganism from vandalism and mass riots on certain signs of criminal composition. *Humanities and Law Research*, 9(2), 279—287. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.15>
10. Мешкова, Н.В., Ениколопов, С.Н., Митина, О.В., Мешков, И.А. (2018). Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности». *Психологическая наука и образование*, 23(6), 25—40. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Mitina, O.V., Meshkov, I.A. (2018). Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psychological Science and Education*, 23(6), 25—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
11. Николаева, Ю.В., Гребенников, В.В., Федякин, А.В., Ростокинский, А.В., Калиновская, В.С. (2020). Исследование особенностей молодежного вандализма и

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

- выработка инструментария его профилактики. *Психология и право*, 10(3), 224—234. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100315>
- Nikolaeva, Y.V., Grebennikov, V.V., Fedyakin, A.V., Rostokinskiy, A.V., Kalinovskaya, V.S. (2020). Research of Features of Youth Vandalism and Development of Its Prevention Tools. *Psychology and Law*, 10(3), 224—234. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100315>
12. Распопин, Е.В., Ермош, О.В. (2015). Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел. *Правоохранительные органы: теория и практика*, 1, 124—129. URL: <https://www.elibrary.ru/txnxgf> (дата обращения: 01.07.2025).
- Raspopin, E.V., Ermosh, O.V. (2015). Method of study of legal awareness police officers. *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 1, 124—129. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/txnxgf> (viewed: 01.07.2025).
13. Скляр, К.А. (2012). Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ). *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 3(22), 107—112. URL: <https://www.elibrary.ru/oqmhsr> (дата обращения: 01.07.2025).
- Sklyarov, K.A. (2012). Problems of distinguishing vandalism (Part 1 of Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation) and destruction or damage of historical, cultural monuments, natural complexes or objects protected by the state, as well as objects or documents of historical or cultural value (Part 1 of Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 3(22), 107—112. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/oqmhsr> (viewed: 01.07.2025).
14. Староверов, А.В. (2019). О сущностном отличии преступлений от административных правонарушений. *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*, 1(19), 192—195. URL: <https://www.elibrary.ru/kugaar> (дата обращения: 01.07.2025).
- Staroverov, A.V. (2019). On the essential difference between crimes from administrative offenses. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 1(19), 192—195. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/kugaar> (viewed: 01.07.2025).
15. Старостин, С.А. (2017). Уголовный проступок: взгляд административиста. *Вестник Омской юридической академии*, 14(4), 33—39. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-4-33-39>
- Starostin, S.A. (2017). Criminal Misdemeanor: an Administrative Look. *Vestnik of the Omsk Law Academy*, 14(4), 33—39. (In Russ.). <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-4-33-39>
16. Agnew, R. (2017). Building on the foundation of general strain theory: Specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency. In: *Recent developments in criminological theory* (pp. 311—354). Routledge.
17. Allen, V.L., Greenberger, D.B. (1978). An aesthetic theory of vandalism. *Crime & Delinquency*, 24(3), 309—321. <https://doi.org/10.1177/001112877802400305>
18. Allen, V.L., Greenberger, D.B. (2013). Destruction and perceived control. In: *Advances in environmental psychology* (pp. 85—110). Psychology Press.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

19. Ceccato, V. (2015). *Rural crime and community safety*. Taylor & Francis.
20. Finch, W.H. (2020). Using fit statistic differences to determine the optimal number of factors to retain in an exploratory factor analysis. *Educational and Psychological Measurement*, 80(2), 217—241. <https://doi.org/10.1177/0013164419865769>
21. Fisher, J.D., Baron, R.M. (1982). An equity-based model of vandalism. *Population and Environment*, 5(3), 182—200. <https://doi.org/10.1007/bf01257056>
22. Kalgi, M.E., Aliyev, R. (2015). Adolescents vandalism scale: its development, validity, reliability. *Journal of Educational Sciences*, 3(4), 79—93
23. Marschall, S. (2017). Targeting statues: monument “vandalism” as an expression of sociopolitical protest in South Africa. *African Studies Review*, 60(3), 203—219. <https://doi.org/10.1017/asr.2017.56>
24. Merton, R.K. (2017). Social structure and anomie. In: *Gangs* (pp. 3—13). Routledge.
25. Perchtold-Stefan, C.M., Fink, A., Rominger, C., Papousek, I. (2021). Creative, antagonistic, and angry? Exploring the roots of malevolent creativity with a real-world idea generation task. *Journal of Creative Behavior*, 55(3), 710—722. <https://doi.org/10.1002/jocb.484>
26. Pfattheicher, S., Keller, J., Knezevic, G. (2019). Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences*, 140, 52—56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.049>
27. Shaw, C.R., McKay, H.D. (2010). Juvenile delinquency and urban areas: A study of rates of delinquency in relation to differential characteristics of local communities in American cities (1969). In: *Classics in environmental criminology* (pp. 103—140). Routledge.
28. Sykes, G.M., Matza, D. (2017). Techniques of neutralization: A theory of delinquency. In: *Delinquency and Drift Revisited. Volume 21* (pp. 33—41). Routledge.
29. Van Wilsem, J. (2004). Criminal victimization in cross-national perspective: an analysis of rates of theft, violence and vandalism across 27 countries. *European Journal of Criminology*, 1(1), 89—109. <https://doi.org/10.1177/1477370804038708>
30. Vanderveen, G., van Eijk, G. (2016). Criminal but beautiful: A study on graffiti and the role of value judgments and context in perceiving disorder. *European Journal of Criminal Policy and Research*, 22(1), 107—125. <https://doi.org/10.1007/s10610-015-9288-4>

Информация об авторах

Кирилл Витальевич Злоказов, доктор психологических наук, доцент, исследователь, Уральский государственный педагогический университет (ФГАОУ ВО УрГПУ), Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Information about the authors

Kirill V. Zlokazov, Doctor of Science (Psychology), Docent, Researcher, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 25.08.2025
Поступила после рецензирования 16.09.2025
Принята к публикации 16.09.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.08.25
Revised 2025.09.16
Accepted 2025.09.16
Published 2026.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности

В.А. Шуняева¹ ✉

¹ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Российская Федерация

✉ vera1705@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Криминологически обосновывается концепция ментальной принадлежности цифрового поколения в условиях трансформации социальных институтов и приоритета цифровых инструментов в социализации личности современных несовершеннолетних. **Цель** исследования: выявить особенности влияния информационной глобализации на ментальность несовершеннолетних, принимающих коллективное сознание отдельных социальных групп как собственное в контексте развития его деструктивности на примере конкретных форм цифровых девиаций. **Гипотеза.** Ментальная принадлежность цифрового поколения — это принятие несовершеннолетним индивидом коллективного менталитета отдельной социальной группы как собственного, которое помогает личности интегрироваться в эту социальную группу и определить свое место в ней и за ее пределами, в условиях цифровой информационной глобализации. **Методы и материалы.** Выявлена связь концепции ментальной принадлежности с теориями социальной идентичности, самокатегоризации, социальных представлений, что обуславливает междисциплинарный подход к противодействию криминализации цифрового поколения и изучению его посредством таких дисциплин, как «Юридическая психология», «Криминология» и «Возрастная психология». Приведенные статистические данные, а также данные социологического опроса подтверждают гипотезу о влиянии цифровых сообществ на формирование цифровых девиаций несовершеннолетних и их дальнейшую криминализацию. **Результаты.** Основные результаты заключаются в обосновании идеи о том, что ментальная принадлежность обусловлена коллективным сознанием интернет-сообщества, где несовершеннолетний приобщается к новым смыслам, ценностям и взглядам; анализе этапов прохождения ментальной принадлежности, которые предполагают путь от самопознания несовершеннолетних до ментальной мимикрии в этом интернет-сообществе; характеристике отдельных форм

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

цифровых девиаций современного поколения несовершеннолетних. **Выводы.** Ментальная принадлежность цифрового поколения также детерминирует преступность несовершеннолетних. Попадание подростков в виртуальную реальность приводит к формированию как новых девиаций, так и новых видов преступлений.

Ключевые слова: коллективное сознание, ментальная принадлежность, цифровое поколение, цифровая глобализация, цифровая девиация, цифровая социализация, цифровое самоповреждение

Для цитирования: Шуняева, В.А. (2026). Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности. *Психология и право*, 16(2), 49—66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160204>

The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features

V.A. Shunyaeva¹ ✉

¹ Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation

✉ vera1705@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Criminologically, the concept of the mental belonging of the digital generation is substantiated in the context of the transformation of social institutions and the priority of digital tools in the socialization of the personality of modern minors. **The purpose** of the study is to identify the peculiarities of the influence of information globalization on the mentality of minors who accept the collective consciousness of individual social groups as their own in the context of the development of its destructiveness using the example of specific forms of digital deviations. **Hypothesis.** The mental affiliation of the digital generation is the acceptance by a minor of the collective mentality of a particular social group as his own, which helps a person integrate into this social group and determine his place in it and beyond, in the context of digital information globalization. **Methods and materials.** The connection between the concept of mental belonging and theories of social identity, self-categorization, social representations and trajectory is revealed, which determines an interdisciplinary approach to countering the criminalization of the digital generation and studying it through "Legal Psychology", "Criminology" and "Age Psychology". The above statistics, as well as the data from the sociological survey, confirm the hypothesis about the influence of digital communities on the formation of digital deviations of minors and their further criminalization. **Results.** The main results are to substantiate the idea that mental belonging is determined by the collective consciousness of the Internet community, where minors are exposed to new meanings, values and views; to analyze the stages of mental belonging, which involve a path from self-knowledge of minors to mental mimicry in this Internet community; to characterize individual forms of digital deviations of the modern generation of minors. **Conclusions.** The mental identity of the digital generation also

Шуняева В.А. (2026)
 Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
 The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

determines juvenile delinquency. Teenagers entering virtual reality leads to the formation of both new deviations and new types of crimes.

Keywords: collective consciousness, mental affiliation, digital generation, digital globalization, digital deviation, digital socialization, and digital self-harm

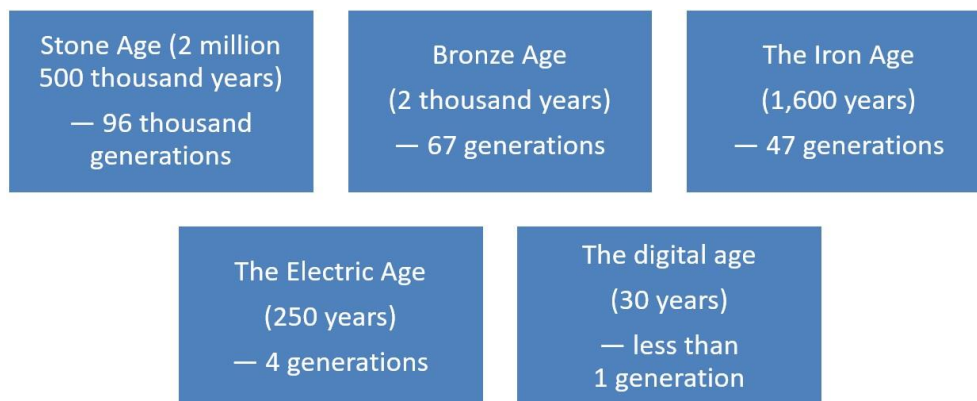
For citation: Shunyaeva, V.A. (2026). The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features. *Psychology and Law*, 16(2), 49—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160204>

Введение

Генезис современного общества обусловлен колоссальными изменениями в социальном инструментарии, который является как воздействующим, так и изменяющимся фактором — под влиянием объективных и субъективных особенностей общественного развития. Неизменным остается тот факт, что человек — существо социальное и его выживаемость, как вида, зависит от совместной общности. Наглядно демонстрирует происходящее преобразование в различных областях человеческой деятельности скорость изменений орудий труда, передающихся от поколения к поколению, с целью их освоения, применения и совершенствования (см. рис.).

Рис. Скорость развития орудий труда

Fig. Speed of development of tools

Как видим, в начале развития человеческой цивилизации совершенствование и изменение орудий труда требовало деятельности 96 тысяч поколений людей. На современном этапе этот же процесс занимает менее 30 лет. Таким образом, сегодня менее чем за одно поколение, происходит трансформация орудий труда, в том числе цифровых. В этой связи встает вопрос об актуальности тех знаний и ценностей, которыми делится старшее поколение с младшим, так как зачастую молодежь, в том числе и несовершеннолетние, обладают большими знаниями о цифровых технологиях и связанных с ним орудиях производства, чем взрослые. Происходит разрушение привычной межпоколенной связи, при которой старшее поколение передавало свой опыт, знания, навыки молодому поколению, закрепляя свое уважение и статус наставника.

Трансформация социальных институтов обусловила приоритет цифровых инструментов социализации в качестве детерминирующих. Быстрота коммуникаций, усиленная благодаря цифровизации, увеличила многократно скорость передачи мысли (идей, ценностей) на глобальные расстояния. Цифровая глобализация расширила границы до размеров всего мира. Гигантский охват территорий за очень короткий промежуток времени приводит к максимально быстрому приобщению подростков к различного рода цифровым девиациям, а демонстрация причастности к этим идеям несовершеннолетних в разных уголках мира лишь усиливает эффект общности и восприятия его как нормы. Любые взгляды найдут своих последователей, где бы они ни находились. Деструктивные идеи даже быстрее откликнутся подросткам, так как именно в этот период начинаются не только поиск себя, но и проверка на прочность общепринятой социальной системы.

Происходящие изменения приводят к необходимости обоснования и создания концепции ментальной принадлежности цифрового поколения, которая позволит разработать эффективные криминологические профилактические механизмы противодействия различным цифровым (и не только) криминальным аспектам поведения несовершеннолетних.

Материалы и методы

Современная тенденция плюралистического подхода к выбору направления исследования того или иного объекта предполагает использование всего разнообразия идей, входящих в него, исходя из мировоззренческих, идеологических, философских и иных особенностей, что также отражено и в Конституции РФ, где в ст. 13 провозглашено идеологическое многообразие.

Определяя методологические основы концепции ментальной принадлежности цифрового поколения, отметим, что они несут в себе как теоретические, так и практические аспекты, выражающиеся в анализе разнообразных поведенческих стратегий с выявлением той или иной корреляции определенных факторов, способствующих «...выработке и практической реализации соответствующих линий поведения, в которых в большей или меньшей степени присутствовали определенные стратегические начала» (Мирзиеева, 2020).

В исследовании применялся метод анализа различного рода научной литературы, позволивший не только сравнить разнообразные подходы, но и выработать авторское видение решения обозначенной проблемы. Анализ статистических данных продемонстрировал современное состояние преступности несовершеннолетних, а также отобразил ее наметившиеся тенденции. Социально-психологический метод раскрывает сущностные особенности сознания и подсознания представителей цифрового поколения, влияющие на их

поведение, в том числе и на выбор своей принадлежности. Культурологический метод выявляет причинность принадлежности подростков к той или иной группе через проявление культуры, в настоящее время в большей степени цифровой культуры. Системный подход помогает в изучении ментальной принадлежности несовершеннолетних через триединую неразделимую взаимосвязанную систему менталитета личности, принадлежащей той или иной группе и обществу в целом.

Таким образом, мультипарадигмальный подход к изучению концепции ментальной принадлежности цифрового поколения позволяет исследовать социальные процессы, влияющие на криминализацию личности несовершеннолетнего с учетом особенностей их проявления через юридические, психологические, социальные аспекты, находящиеся в тесной взаимосвязи друг с другом.

Результаты

Изучая теоретические конструкты, в основе которых лежит социальная природа криминализации личности, в том числе и несовершеннолетних, остановимся на некоторых теориях, заложивших основу концепции ментальной принадлежности цифрового поколения.

Основным направлением развития первых указанных теорий стала идея принадлежности индивида к конкретным социальным группам, которые имели для него особое эмоциональное и ценностное значение (Tajfel, 1972). Дальнейшее совершенствование этой теории принадлежит Дж. Тернеру, обосновавшему, что социальная идентичность невозможна без анализа социальных групп, их сравнения и самоопределения индивида относительно каждой проанализированной группы (Turner, 1985).

В теории социальных представлений С. Московиси основной акцент делается на влиянии социальных проблем, воздействующих на людей через образы, идеи, метафоры, транслируемые социальными группами и формирующие их взгляды, влияя на их поведение (Moscovici, 2001).

Особенности концепции социальной траектории, заключаются в том, что последовательная социализация личности в рамках различных социальных групп происходит при выполнении индивидом требований, предъявляемых к нему в этих группах. При этом вступившему на путь социальной траектории молодому человеку в сознание закладывается принцип «человек сам строит свое будущее» (Шкаев, 2009).

Современные криминологи, акцентируя внимание на особенностях существующего гиперинформационного социума, выделяют онлайн-фактор как глобально информационный детерминатор, воздействующий на несовершеннолетних посредством социальных сетей, виртуальных игр, сообществ, электронных мессенджеров и т. д. (Демидова-Петрова, 2023). Целенаправленное внедрение криминальных идей посредством онлайн-фактора изменяет человеческое сознание, экстраполируя обозначенные интересы не только в пределах отдельной социальной группы, но и на общество в целом: «Качественное преобразование всей системы социальных институтов детерминировало формирование поколения молодежи, которое предстает, как субъект новой социогрупповой ментальности» (Думнова, 2013).

Концепцию ментальной принадлежности цифрового поколения можно отнести в большей степени к социологической криминологической школе, так как основным фактором, криминализирующим личность несовершеннолетнего, являются социальные группы, транслирующие через цифровое поле новые ценности.

Рассматривая ментальную принадлежность цифрового поколения как категориальное понятие, следует остановиться на его определении и признаках. Итак, ментальная принадлежность цифрового поколения — это принятие несовершеннолетним индивидом коллективного менталитета отдельной социальной группы как собственного, которое помогает личности интегрироваться в эту социальную группу и определить свое место в ней и за ее пределами в условиях цифровой информационной глобализации.

Главными признаками рассматриваемого понятия выступают следующие.

- *Наличие коллективного менталитета*, где основным элементом является информационное ядро, содержащее ценности, транслируемые и разделяемые членами группы. Такие ценности могут изменяться, адаптироваться в ходе эволюционных циклов (Висленко, 2015). Общественное сознание отражает социокультурные особенности, характерные для того или иного времени его развития. В настоящее время ключевым фактором генезиса общественного сознания является цифровизация. При этом само общественное сознание становится экзогенным фактором индивидуального сознания и выступает регулятором поведения отдельного индивида, входящего в группу. На это указывал и В.Н. Кудрявцев: «Социальная норма закрепляет большей частью такое поведение, которое выражает типичные социальные связи и отношения, характерно для большинства представителей данного класса или социальной группы, одобряется ими и встречается наиболее часто» (Кудрявцев, 1980).
- *Социальная группа определяется количественными и качественными показателями*. Группой можно назвать два и более лица, взаимодействующих между собой на основе формальных и неформальных связей (Лоусон, 2000), объединенных общими ценностями, социальными взглядами. Н.Ф. Кузнецова при изучении проблем криминологических детерминантов выделяла трехуровневый комплекс причин преступности, где наряду с обществом и личностью, особое место занимали социальные группы, имеющие определенную дисфункциональность (Кузнецова, 1984).
- *Принадлежность несовершеннолетнего индивида обусловлена тем, что он разделяет, принимает, поддерживают и распространяет идеологические смыслы, транслируемые группой*. Процесс принадлежности включает в себя также анализ, сопоставление указанных смыслов и ценностей с другими, исходящими из иных групп, и понимание того, что эти ориентиры либо не приемлемы, либо приемлемы не полностью, а, следовательно, формируется осознание идентичности своего менталитета с групповым. «В подростковом возрасте, как никогда, люди испытывают фундаментальную психологическую потребность принадлежать к группе сверстников и быть принятыми этой группой» (Baumeister, Leary, 1995).
- *Определение места индивида в социуме так же обусловлено его принадлежностью к конкретной группе, где он в системе «Мы—Они» понимает место как всей группы, так и свое место в системе «Я—Мы»*. В этом процессе «...производится обобщение полного социального отождествления индивида» (Андреева, 2005).
- *Информационная глобализация привела к трансформации социальных институтов, где приоритетом выступают цифровые инструменты социализации в качестве доминирующих*. Изменяющаяся под воздействием расширения коммуникационных систем, социальная среда преобразует личностные потребности, закрепляющиеся в ее менталитете,

в том числе экзистенциальную потребность в принадлежности к той социальной группе, которая близка ей своими идеями, ценностями, традициями.

На подростковую ментальность оказывает влияние так называемый национальный характер. Его особенности, самобытность, «...культурные и поведенческие шаблоны, отличающие одни народы от других» (Мункуева, Серебрякова, 2018), не могут не затронуть становление и развитие подростков, в том числе и в условиях цифровизации. Социальные институты с базовой культурной принадлежностью, воздействующие на личность несовершеннолетнего, формируют его мышление и поведение. Первичная социализация закладывает культурный фундамент тех фильтров, через которые в дальнейшем личность будет пропускать различные идеи и взгляды. Они настраивают ментальность на сканирование таких идей с целью выявления их этнической допустимости. Выбор идеологических направлений в социальных группах интернет-пространства для представителей этнокультур может быть неприемлем из-за страха потери базовой национальной принадлежности через осуждение представителями своей национальности. На это также влияет степень идентификации со своим этносом и безусловное принятие его ценностей.

Такой страх чаще наблюдается у представителей восточных народностей мусульманской правовой семьи. Одним из наиболее толерантных народов к проявлениям разной степени эксцентричности, включая цифровую, являются американцы. Их терпимость, дружелюбие и уважение чужой свободы выбора позволяют принять любое проявление человека как абсолютно допустимое. В связи с этим многие формы цифровых девиаций зародились именно в США.

Глобальная информатизация способствует размыванию традиционных национальных ценностей, в которых общечеловеческие ценности базируются на историческом прошлом, а системообразующие национальные приоритеты помогают не только идентифицироваться личности, разделяющей такие ценности, но и дают право на их сбережение и защиту.

Цифровизация приводит к динамичному развитию социальных процессов, влияющих на адаптацию несовершеннолетних, в результате чего они в большей степени готовы принять уже сформированные идеи, нежели участвовать в формировании или осмыслении этих идей. Трансляция информационным пространством определенных идей приводит к развитию не только девиантного, но и криминального поведения среди подростков.

Спецификой преступности цифрового поколения является возраст как социальное свойство личности, так как «...возрасту присущи различные виды социальной активности и различные социальные роли» (Прозументов, Шеслер, 2014). Особенности подросткового возраста заключаются в том, что у его представителей недостаточно развито критическое мышление, не выстраиваются логические связи между событиями, присутствует иллюзорное представление о персональных последствиях отдельно взятого подростка.

Ментальность, как «социокультурный феномен» (Козловский, 1997), неразрывно связана с индивидуальным и групповым мышлением. Такое мышление отражает духовные процессы самого общества и проявляется в свойственном определенной социальной группе коллективном представлении, относящемся к значимым установкам. Ментальная принадлежность, формируя социальные контакты, укрепляет социальные связи внутри группы, при этом происходит более глубокое изменение сознания подростка из-за обрушившегося на него информационного потока, в который вплетаются целенаправленные манипуляционные методики, закладывающие новые установки, потребности, ценности, в том

числе и криминальные: «Нравственное развитие выступает как присвоение моральных норм, их обобщение и превращение во внутренние “моральные инстанции”» (Делибалт, 2003).

Ментальность детерминирует также и с тем состоянием, которое приобретает несовершеннолетний в своем виртуальном сообществе. Благодаря поддержке, одобрению, пониманию, что он не одинок и есть люди, близкие ему по своим взглядам, убеждениям, ценностям, у подростка вырабатывается дофамин — так называемый гормон удовольствия. Эта реакция закрепляется у подростка как желаемая, с последующей физиологической потребностью почувствовать свою сопричастность к этому сообществу и получить выброс дофамина, подтвердить статус своей виртуальной идентификации, от которого зависит его место в близкой ему социальной группе.

Алгоритм прохождения ментальной принадлежности может включать в себя несколько этапов.

На первом этапе несовершеннолетний находится в осознании своей индивидуальности. Его самосознание «...проявляется в самостоятельной осознанной позиции и свободной смысловой регуляции деятельности на основе индивидуальной нравственности» (Карауш, Куприянова, Кузнецова, 2020). На этом этапе подросток не только понимает, что он самостоятельная личность со своими мыслями, желаниями, чувствами, идеями, но и стремится к обособленному положению от родителей. Проявляя свое противостояние, подросток ищет себя в социальной группе близкой ему по возрасту.

На следующем этапе, находясь в информационном потоке, несовершеннолетний выбирает то, что близко его мировоззрению, либо позволяет выделиться, заявить о себе. На этом этапе у подростка, попавшего под целенаправленный манипуляционный процесс, происходит формирование новых потребностей, ценностей и целей (Думнова, 2014), которые он разделяет, находясь в цифровом сообществе.

Следующий этап — активное или пассивное участие в жизни интернет-сообщества. Это может проявляться в пассивном отношении к выбранному сообществу (регистрация в различных социальных сетях, выбранных группах, просмотр контента, внутреннее согласие с транслируемыми идеями и т. д.), а также активная поддержка таких идей (выкладывание фото и видео роликов в концепции общей идеологии выбранного сообщества, распространение этих ценностей в других сообществах и т. д.). Этот этап также связан с пониманием своего места в этом сообществе.

Вирусное распространение деструктивных идей приводит к тому, что несовершеннолетние, подхватывая их, реализуя через свои социальные сети, вовлекают других подростков в сопричастность к таким девиациям. Параллельный виртуальный мир, по мнению Я.И. Гилинского, дает возможность реализовать себя подросткам, но при этом расширяя киберпреступность и кибердевиантность, являющиеся наиболее латентными (Гилинский, 2024). На неоднозначность процесса социализации в киберпространстве указывают и другие авторы: «Процессы киберсоциализации молодежи на сегодняшний день проходят не только в открытом информационном пространстве, но и на просторах глубокого Интернета, что создает дополнительные опасности вовлечения молодых людей в опасные для физического и психического здоровья эксперименты, преступную деятельность. Освоение молодежью “deepweb” иллюстрирует усиливающуюся в современном обществе тенденцию рассматривать некоторые формы девиантного, неконвенционального или криминального поведения как приемлемые способы самопредъявления и самореализации» (Айсина, Нестерова, 2019).

Цифровая и виртуальная среда, интегрируясь в объективную реальность несовершеннолетних, стирает границы восприятия этой реальности. Подросток, погружаясь в новый мир, переносит из него недопустимые, деструктивные действия. Таким образом, информационная глобализация принесла цифровому поколению и новые формы девиаций, среди которых: фаббинг; кибербуллинг; игромания; цифровое самоповреждение; хакерство; net-дружба; квадратинг, скулшутинг.

Кратко охарактеризуем новые формы цифровых девиаций. Итак, «...**фаббинг** характеризуется невербальной реакцией между беседующими людьми, связанной с отвлечением на свой мобильный телефон и потерей зрительного контакта и интереса к своему собеседнику» (Максименко и др., 2021). Такое пренебрежительное отношение с неконтролируемым погружением в мобильный телефон, не только снижает качество общения, но и вызывает защитную агрессию, провоцирует гнев, ссоры, либо способствует депрессивно-суицидальному настроению при осознании своей неостребованности.

Несмотря на то, что законодательно не закреплено понятие кибербуллинга, суды выносят решения по делам об интернет-травле¹. **Кибербуллинг** — «...агрессивное, преднамеренное действие, совершаемое группой или отдельным лицом, использующим электронные формы контакта, неоднократно и в течение долгого времени против жертвы, которая не может легко защитить себя» (Smith et al., 2008). Проявления кибербуллинга разнообразны: «...бойкотирование жертвы в социальных сетях, в том числе и ее удаление из общих социальных групп; раскрытие личной информации без согласия жертвы в социальной сети; высмеивание в оскорбительной форме различных характеристик жертвы, в том числе и внешних; публикация от имени жертвы, но без ее ведома различных постов на ее страницах в социальных сетях и др.» (Демидова-Петрова, 2023).

Подростки, осуществляющие кибертравлю, утверждают в допустимости своего негативного поведения за счет одобрения зрителей, проявляющегося в различных формах реакций в социальных сетях и одобрительных комментариях. Однако подобное поведение, по мнению некоторых исследователей, «...имеет долгосрочные негативные последствия и для их психического здоровья, в виде проблем социальной компетентности и формирования антисоциального поведения» (Козловский, 1997).

Последствия для кибержертв подобной интернет-агрессии также существенны. Помимо изменения состояния здоровья (головные боли, тошнота, плохой аппетит, депрессия и т. д.), выявлена взаимосвязь кибервиктимизации и суицидальных мыслей у жертв (Карауш, Куприянова, Кузнецова, 2020).

Игромания является еще одной формой девиаций у несовершеннолетних. Неконтролируемая игра в интернет-пространстве приводит к повышению агрессии, приемлемости насилия, как самого естественного для подростка способа решения проблемы, к размытости реальности, когда виртуальный инструментальный решения возникающих трудностей переносится на реальную жизнь.

По миру прокатилась волна тяжких преступлений со стороны несовершеннолетних в отношении своих родителей, которые пытались контролировать их время, проведенное в виртуальной игре (Никитина, 2024, Санташов, 2018).

---

¹ Решение № 2-3928/2019 2-549/2020 2-549/2020(2-3928/2019;)-М-3728/2019 М-3728/2019 от 6 июля 2020 г. по делу № 2-3928/2019. (2020). Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QuPFD5Cj18bn> (дата обращения: 12.10.2024).

Цифровой селф-харм, или цифровое самоповреждение, — форма цифровой девиации, которая «...может включать в себя любой способ преднамеренного поиска и публикации оскорбительного контента о себе, например создание негативного блога о себе или публикацию оскорбительных комментариев к собственным фото или видео анонимно, либо из ложного аккаунта, созданного специально для этой цели, известного как аккаунт-призрак» (Макарова, 2023).

Причиной такого поведения может быть желание подростка привлечь внимание к себе как можно большего числа людей, так как за подобным самотроллингом всегда стоит психологическая проблема, которую несовершеннолетний решить не может. Более того, цифровое самоповреждение коррелирует с физическим самоповреждением и суицидальными мыслями у несовершеннолетнего.

Хакерство связано «с психической тягой время от времени взламывать сайты государственных и частных организаций, а также электронную почту, переписку, операции снятия и перевода денежных средств, хранящихся на счетах в банках» (Волкова, 2024; Смирнов, 2021).

Уровень современных навыков у подростков, доступ к обучающим ресурсам, в том числе и криминального характера, не требуют специального IT-образования для незаконного выхода к различным чужим аккаунтам и сайтам. Умение проникнуть за «красную линию» и остаться безнаказанным у многих подростков повышает самооценку, включает азарт и желание достичь более высоких целей, прибавляет авторитет в своем интернет-сообществе.

Нет-дружба — это отношения, возникающие благодаря социальной сети и поддерживающиеся именно через нее, обеспечивающие определенную анонимность и основанные на общих интересах и желании дистанционно дружить. Опасность такой виртуальной дружбы заключается в том, что несовершеннолетний не знает с кем конкретно он дружит, так как за нет-другом может стоять взрослый криминализированный субъект. Такой негативный опыт общения подтверждало немало подростков (Щекотуров, 2013). Войдя в доверие к несовершеннолетнему, взрослый человек, путем шантажа и запугивания, склонял его к совершению аморальных и иных поступков.

Квадробинг является новым направлением подростковой субкультуры. Дети подражают животным, в том числе фиксируют это подражание и выкладывают в социальных сетях. Имитируя животных, ребенок уходит от своей человеческой идентичности, надевая маску, он прячется от социальных задач, погружаясь в анималистический порядок. Принимая животную сущность, разрешает ее проявление в виде нападения на людей (кусает, царапает, пугает)². Желая соответствовать этой субкультуре, несовершеннолетние демонстрируют максимально достоверно поведение животных, в том числе при выполнении ими естественных потребностей. Такое расчеловечивание закладывает основу допустимости различных отклонений, включая криминальные.

Скулиштинг также имеет цифровые корни. Вооруженное нападение на школы или иные учебные заведения самими подростками обусловлено особым вниманием к этому явлению в социальных сетях. Есть группы поддержки и единомышленников этой субкультуры, которые посредством интернет-общения пропагандируют, распространяют ее преступную идеологию.

---

² Пугают, царапают, кусают: как защитить себя и ребенка при нападении квадробера? (2024, Октябрь 17). *Царьград*. URL: https://tsargrad.tv/news/pugajut-carapajut-kusajut-kak-zashhitit-sebja-i-rebjonka-pri-napadenii-kvadrobera-sovet-jurista_1068666 (дата обращения: 26.10.2024).

Наличие таких интернет-сообществ говорит о социальном признании этого криминального явления. Корреляцию цифрового пространства и скулшутинга отмечает и Ю.В. Суходольская: «По результатам проведенного анализа сделаны выводы о значимой роли в популяризации скулшутинга современного медиаландшафта, создаваемого СМИ, интернет-публиками, специализированными форумами. Благодаря ряду деструктивных интернет-движений акты массового расстрела в образовательных организациях воспринимаются молодежью уже не как трагедия, а как интересная, живая тема для обсуждения. Скулшутеры получают положительную оценку среди несовершеннолетних и молодежи и, де-факто, уже являются лидерами идейного течения, а не объектом обсуждения, состоящего из хаотичных, разбросанных по интернет-пространству мыслей и суждений» (Суходольская, 2024).

В.В. Делибалт и Н.В. Богданович к цифровым проявлениям агрессии относят такие явления, как «киберпровокация (троллинг), киберразжигание (флейминг, киберзлословие (хейтинг), внутриигровой кибервандализм (грифинг), киберразглашение (доксинг), кибервыманивание конфиденциальной информации (аутинг), киберклевета (дениграция), киберсамозванство (имперсонация), киберподлог (фрейпинг), киберпреследование (киберсталкинг), видеоконференционный вандализм (зумбомбинг, Zoom-рейдерство), видеопубликация избиений (хеппислепинг)» (Богданович, Делибалт, 2024). Очевидно многообразие цифровых девиаций, которые в настоящее время распространяются среди цифрового поколения.

Приведенные формы цифровых девиаций отражают различные виды преступлений несовершеннолетних. В табл. представлена официальная статистика по преступности несовершеннолетних³.

Таблица / Table

Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними, и количество несовершеннолетних, совершивших преступления
Number of crimes committed by minors and who committed crimes

	Годы / Years									
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Кол-во преступлений / Number of crimes	61833	53736	45288	43553	41548	37771	31865	30469	27325	26398
Кол-во несовершеннолетних / Number of minors	55993	48589	42504	40860	37953	33575	29126	26305	22340	21069

Очевидно, что за десятилетний период, количество несовершеннолетних, совершивших преступление, сократилось более чем в два раза. При этом неизменным остается тот факт, что количество преступлений больше, чем самих подростков, их совершивших, что доказывает неоднократное совершение преступного деяния этими лицами.

К сожалению, нет официальных статистических данных о коэффициенте причастности виртуальной реальности, в которую погружены несовершеннолетние, к совершаемым ими

³ *Состояние преступности*. [б. г.]. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.пф/folder/101762> (дата обращения: 24.01.2025).

преступлениям. Однако исследования, в том числе и судебная практика, показывают, что мотивация цифрового поколения связана с глобальной цифровой трансформацией⁴.

Современные исследования акцентируют внимание на том, что криминализация несовершеннолетних связана с использованием ими сети Интернет, где, присоединяясь к различным деструктивным сообществам, подростки перенимают устойчивые антисоциальные установки, способствующие формированию преступного поведения.

Специфической особенностью таких сообществ является культивирование ненависти к тем, кто не отвечает представлениям и не разделяет идеологию лиц, находящихся в этих сообществах (Прозументов, Шеслер, 2014). Преступность несовершеннолетних, обусловленная возможностью использовать социальные сети, отличается сплоченностью, скоординированностью и интерактивностью. Этому способствует «тренировка на массовое поведение»⁵, регулярно проходящая в социальных сетях. Такая тренировка носит конструктивный и деструктивный характер. Участие во флешмобах вырабатывает у несовершеннолетних автоматическую реакцию, которая быстро распространяется, благодаря социальным сетям. Сформированный автоматизм участия во всевозможных онлайн-мероприятиях массового характера приводит к тому, что подросток становится участником не только правомерных, но и противоправных действий.

В этой связи интерес представляет исследование Е.В. Демидовой-Петровой, которая в результате социологического опроса среди сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних выявила, что «...подавляющее большинство (94%) респондентов уверены в том, что пребывание либо участие лиц несовершеннолетнего возраста в таких группах/сообществах является следующим шагом имеющихся сложностей, проблем несовершеннолетних в «реальном» мире (в жизни офлайн)» (Демидова-Петрова, 2022). Опрос несовершеннолетних осужденных показал, что 95% таких подростков все свое свободное время проводили в социальных сетях и в компьютерных играх (там же).

Приведенные данные подтверждаются и результатами исследований других ученых: «Непосредственно в рамках служебной деятельности 78% респондентов сталкивались со следующими проявлениями деструктивного поведения несовершеннолетних: киберхулиганство (39%); зависимость от компьютерных игр (16%); просмотр контента, не предназначенного для несовершеннолетних (15%); совершение преступных действий (9%)» (Лапсарь, 2023). Опрошенными также были сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних.

Как видим, связь интернет-сообществ и преступности несовершеннолетних подтверждается опытом сотрудников, непосредственно работающих с несовершеннолетними правонарушителями.

---

⁴ Уголовная ответственность несовершеннолетних за преступления, связанные с использованием сети Интернет. (2019). Администрация Красносельского сельского поселения Кушевского района. URL: <https://admkrasnoselie.ru/information/prosecutor-informs/ugolovnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnikh-za-prestupleniya-svyazannye-s-ispolzovaniem-seti-inte/> (дата обращения: 23.10.2024).

⁵ Ашманов И. (2021). Социальные медиа как поле боя. VC.RU. URL: <https://vc.ru/marketing/261921-igor-ashmanov-socialnye-media-kak-pole-boya> (дата обращения: 21.10.2024).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование концепции ментальной принадлежности цифрового поколения подтверждает ее социальную природу, где изменения общества коррелируются с личностными изменениями. В связи с этим доказано формирование новых криминальных девиаций у представителей цифрового поколения, использующих цифровизацию как инструмент своего преступного поведения. К таким цифровым девиациям были отнесены: фаббинг, кибербуллинг, игромания, цифровой селф-харм, хакерство, net-дружба, квадробинг, скулшутинг.

Анализ особенностей ментальной принадлежности цифрового поколения позволил акцентировать внимание на его признаках, отражающих как личностные, так и социальные изменения в современный период.

Заключение

Воздействие социальных институтов на личность несовершеннолетних неопровержимо и неизбежно.

Таким образом, исходя из особенностей признаков ментальной принадлежности и ее роли в социализации несовершеннолетних, доказана ее относимость к социологической криминологической школе. Ментальная принадлежность обусловлена коллективным сознанием интернет-сообщества, где несовершеннолетний приобщается к новым смыслам, ценностям и взглядам.

Проанализированы этапы прохождения ментальной принадлежности, которые предполагают путь от самопознания несовершеннолетних до ментальной мимикрии в том или ином интернет-сообществе.

Ментальная принадлежность цифрового поколения также детерминирует преступность несовершеннолетних. Попадание подростков в виртуальную реальность приводит к формированию как новых девиаций, так и новых видов преступлений.

Дальнейшие исследования важно сосредоточить на развитии эффективных методов профилактики преступности несовершеннолетних. С этой целью необходимо пересмотреть принудительные меры воспитательного воздействия, акцентируя внимание на изменениях психических процессов, свойств и состояний личности несовершеннолетнего.

Список источников / References

1. Айсина, Р.М., Нестерова, А.А. (2019). Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски. *Социальная психология и общество*, 10(4), 42—57. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
Aysina, R.M., Nesterova, A.A. (2019). Cyber socialization of youth in the information and communication space of the modern world: effects and risks. *Social Psychology and Society*, 10(4), 42—57. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100404>
2. Андреева, Г.М. (2005). *Психология социального познания* (3-е изд., перераб. и доп.). М.: Аспект Пресс. URL: <https://www.elibrary.ru/qodldh> (дата обращения: 21.10.2024).
Andreeva, G.M. (2005). *Psychology of social cognition* (3rd rev. ed.). Moscow: Aspect Press. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/qodldh> (дата обращения: 21.10.2024).
3. Богданович, Н.В., Делибалт, В.В. (2024). Девиантное онлайн-поведение: от классификации видов к анализу программ и технологий помощи. *Психология и право*,

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

- 14(2), 45—66. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
- Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V. (2024). Deviant Online Behavior: From the Classification of Types to an Analysis of Assistance Programmes and Technologies. *Psychology and Law*, 14(2), 45—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140204>
4. Висленко, А.Л. (2015). *Коллективное сознание в культуре: Дис. ...д-ра философ. наук: 24.00.01 Теория и история культуры*. Санкт-Петербургский государственный университет. СПб. URL: <https://www.elibrary.ru/reotab> (дата обращения: 21.10.2024).
Vislenko, A.L. (2015). *Collective consciousness in culture: Diss. Dr. Sci. (Philos): 24.00.01 Theory and History of Culture*. Saint-Petersburg State University. Saint-Petersburg. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/reotab> (viewed: 21.10.2024).
5. Волкова, Е.Н. (2024) Хакерство российских подростков: постановка проблемы и перспективы исследований. В: *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: Материалы III международной научно-практической конференции, 27 сентября 2024 года*. СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России. URL: <https://www.elibrary.ru/ahkaxl> (дата обращения: 21.10.2024).
Volkova, E.N. (2024) Hacking of Russian teenagers: problem formulation and research prospects. In: *Russian deviantological panorama: theory and practice. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, 2024, September 27*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ahkaxl> (viewed: 21.10.2024).
6. Гилинский, Я.И. (2024). *Криминология и девиантология постмодерна*. СПб: Алетея.
Gilinsky, Ya.I. (2024). *Criminology and deviantology of the postmodern*. Saint Petersburg: Aleteya Publ. (In Russ.).
7. Демидова-Петрова, Е.В. (2023). Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 14(1), 51—58. <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.78.007>
Demidova-Petrova, Ye.V. (2023). Juvenile delinquency: features, causal complex. *Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 14(1), 51—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.37973/KUI.2023.58.78.007>
8. Демидова-Петрова, Е.В. (2022). Социальные сети и их влияние на преступность несовершеннолетних в современной России. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 4(147), 116—125. <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-4-116-125>
Demidova-Petrova, E.V. (2022). Social networks and their impact on juvenile delinquency in modern Russia. *Saratov State Law Academy Bulletin*, 4(147), 116—125. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2227-7315-2022-4-116-125>
9. Думнова, Э.М. (2014) Проблемы полиментальности молодежной среды. *Мир науки, культуры, образования*, 2(45), 387—390. URL: <https://www.elibrary.ru/scqsaz> (дата обращения: 21.10.2024).
Dumnova, E.M. (2014). The problem of polymentality of the youth. *World of Science, Culture and Education*, 2(45), 387—390. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/scqsaz> (viewed: 21.10.2024).
10. Думнова, Э.М. (2013). Формирование ментальности молодежи в постсоветский период. *Идеи и идеалы*, 1(4), 130—136. URL: <https://www.elibrary.ru/rrrkan> (дата обращения: 21.10.2024).

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

- Dumnova, E.M. (2013). Formation of the mentality of youth in the post-Soviet period. *Ideas and Ideals*, 1(4), 130—136. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/rrrkan> (viewed: 21.10.2024).
11. Дозорцева, Е.Г. (2000). *Аномальное развитие личности у подростков и юношей с делинквентным и криминальным поведением: Автореф. д-ра психол. наук: 19.00.04 Медицинская психология*. М. URL: <https://www.elibrary.ru/nltfxx> (дата обращения: 21.10.2024).
- Dozortseva, E.G. (2000). *Abnormal personality development in adolescents and young men with delinquent and criminal behavior: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.): 19.00.04 Medical Psychology*. Saint Petersburg. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/nltfxx> (viewed: 21.10.2024).
12. Делибалт, В.В. (2003). К вопросу изучения нравственно-смысловой сферы безнадзорных и беспризорных подростков. В: В.В. Рубцов (ред.), *Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации московского образования: Материалы II-ой городской научно-практической конференции молодых ученых и студентов учреждений высшего и среднего образования городского подчинения: Тезисы, Москва, 23–24 апреля 2003 года* (с. 42—47). М.: Московский государственный психолого-педагогический университет. URL: <https://www.elibrary.ru/ytzjgl> (дата обращения: 21.10.2024).
- Delibalt, V.V. (2003). On the issue of studying the moral and semantic sphere of neglected and street teenagers. In: V.V. Rubtsov (Ed.), *Scientific and practical activities of young scientists and students within the framework of the Moscow education modernization program: Proceedings of the II City Scientific and practical Conference of young scientists and students of institutions of higher and secondary education of urban subordination: Abstracts, Moscow, April 23-24, 2003* (pp. 42—47). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ytzjgl> (viewed: 21.10.2024).
13. Карауш, И.С., Куприянова, И.Е., Кузнецова, А.А. (2020). Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. *Суицидология*, 11(1), 117—129. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-117-129](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129)
- Karaush, I.S., Kupriyanova, I.E., Kuznetsova, A.A. (2020). Cyberbullying and suicidal behavior of adolescents. *Suicidology (Russia)*, 11(1), 117—129. (In Russ.). [https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-117-129](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129)
14. Козловский, В.В. (1997). Понятие ментальности в социологической перспективе. В: В.Д. Виноградов, В.В. Козловский (ред.), *Социология и социальная антропология: Сборник статей* (с. 32—56). СПб: Алетея. URL: <https://www.elibrary.ru/xrrjsz> (дата обращения: 21.10.2024).
- Kozlovsky, V.V. (1997). The concept of mentality in a sociological perspective. In: V.D. Vinogradov, V.V. Kozlovsky (Eds.), *Sociology and Social Anthropology: A collection of articles* (pp. 32—56). Saint Petersburg: Aletheya Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xrrjsz> (viewed: 21.10.2024).
15. Кудрявцев, В.Н. (1980). Юридические нормы и фактическое поведение. *Советское государство и право*, 2, 10—20. URL: <https://www.elibrary.ru/zgvreb> (дата обращения: 21.10.2024).
- Kudryavtsev, V.N. (1980). Legal norms and actual behavior. *Soviet State and Law*, 2, 10—20. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/zgvreb> (viewed: 21.10.2024).

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

16. Кузнецова, Н.Ф. (1984). *Проблемы криминологической детерминации*. М.: МГУ.
Kuznetsova, N.F. (1984). *Problems of criminological determination*. Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
17. Лапсарь, М.В. (2023). Об актуальности превенции деструктивного поведения несовершеннолетних в интернет-пространстве. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, 3(61), 37—41. URL: <https://www.elibrary.ru/wctlfs> (дата обращения: 21.10.2024).
Lapsar, M.V. (2023). On relevance of preventing the destructive behavior of minors in the internet-space. *Bulletin of Krasnodar University of Russian MIA*, 3(61), 37—41. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/wctlfs> (viewed: 21.10.2024).
18. Лоусон, Т., Гэррод, Д. (2000). *Социология. А — Я: Словарь-справочник*. Пер. с англ. М.: Фаир-пресс.
Lawson, T., Garrod, J. (2000). *Dictionary of Sociology*. Trans. from Engl. Moscow: Grand Fair Publ. (In Russ.).
19. Макарова, Е.А. (2023). Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети Интернет. *Вестник Таганрогского института управления и экономики*, 1(37), 49—55. URL: <https://www.elibrary.ru/euptpc> (дата обращения: 21.10.2024).
Makarova, E.A. (2023). Children and adolescents' self-harm behavior in the Internet. *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*, 1(37), 49—55. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/euptpc> (viewed: 21.10.2024).
20. Максименко, А.А., Дейнека, О.С., Духанина, Л.Н., Сапоровская, М.В. (2021). Фаббинг: особенности аддиктивного поведения молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4(164), 345—362. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>
Maksimenko, A.A., Deineka, O.S., Dukhanina, L.N., Saporovskaya, M.V. (2021). Phubbing: Peculiarities of Addictive Behavior of the Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4(164), 345—362. (In Russ.). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1822>
21. Мирзиёева, С.Ш. (2020). Методологические основы разработки концепции национальных стратегий (миссия, приоритеты и конкурентные преимущества). *Экономика и управление*, 26(4), 345—357. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-4-345-357>
Mirziyoeva, S.Sh. (2020). A Methodological Framework for Developing National Strategy Concepts (Mission, Priorities, and Competitive Advantages). *Economics and Management*, 26(4), 345—357. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-4-345-357>
22. Мункуева, Р.Б., Серебрякова, Ю.А. (2018). Понятие национального характера. *Вестник БГУ. Философия*, 3(3), 32—37. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-32-37>
Munkuyeva, R.B., Serebryakova, Yu.A. (2018). Concept of national character. *BSU Bulletin. Philosophy*, 3(3), 32—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2018-3-3-32-37>
23. Никитина, Л.Н. (2024). Компьютерная игромания несовершеннолетних как психологическая проблема. *Российский девiantологический журнал*, 4(1), 75—84. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-1-75-84>
Nikitina, L.N. (2024). Computer game addiction in minors as a psychological problem. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4(1), 75—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2024-1-75-84>
24. Панфилов, Е.Е. (2020). *Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: уголовно-правовые и криминологические*

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

- аспекты: Дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. Курск. URL: <https://elibrary.ru/cogoue> (дата обращения: 21.10.2024).*
- Panfilov, E.E. (2020). *Prevention of delinquent behavior of minors convicted without isolation from society: criminal law and criminological aspects: Diss. Cand. of Law. Sci.: 12.00.08. Kursk. (In Russ.)*. URL: <https://elibrary.ru/cogoue> (viewed: 21.10.2024).
25. Прозументов, Л.М., Шеслер, А.В. (2014). Отечественные научные концепции причин преступности. *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*, 1, 49—58. URL: <https://elibrary.ru/rweqjv> (дата обращения: 21.10.2024).
- Prosumentov, L.M., Shesler, A.V. (2014). Russian scientific concepts of crime reasons. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 1, 149—158. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/rweqjv> (viewed: 21.10.2024).
26. Санташов, А.Л. (2018). Преступность и игромания несовершеннолетних как криминологическая проблема. *Социально-политические науки*, 6, 51—53. URL: <https://www.elibrary.ru/ysjvgp> (дата обращения: 21.10.2024).
- Santashov, A.L. (2018). Crime and underage gambling as the criminological problem. *Socio-Political Sciences*, 6, 51—53. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ysjvgp> (viewed: 21.10.2024).
27. Смирнов, В.В. (2021). Цифровизация как фактор формирования девиантного противоправного поведения у учащейся молодежи (социально-психологический анализ исследования). *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 2(42), 86—91. URL: <https://www.elibrary.ru/pcuesv> (дата обращения: 21.10.2024).
- Smirnov, V.V. (2021). Digitalization as a factor in the formation of deviant illegal behavior among students (socio-psychological analysis of the study). *Professional Education in Russia and Abroad*, 2(42), 86—91. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/pcuesv> (viewed: 21.10.2024).
28. Суходольская, Ю.В. (2024). *Массовое убийство в образовательных организациях как объект криминологического исследования: Дис. ... канд. юр. наук: 5.1.4. М. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01013154018> (дата обращения: 21.10.2024).*
- Sukhodolskaya, Yu.V. (2024). *Mass murder in educational organizations as an object of criminological research: Diss. Cand. of Law. Sci.: 5.1.4. Moscow. (In Russ.)*. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01013154018> (viewed: 21.10.2024).
29. Шкаев, Д.Г. (2009). *Менталитет молодежи в постсоветский период. Аналитический обзор*. М.: ИНИОН РАН.
- Shkaev, D.G. (2009). *The mentality of youth in the post-Soviet period. Analytical review*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) Publ. (In Russ.).
30. Щекотуров, А.В. (2013). Net-дружба в структуре конструирования виртуальной идентичности подростков. *Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского*, 3-1, 441—445. URL: <https://www.elibrary.ru/pijcxs> (дата обращения: 21.10.2024).
- Shchekoturov, A.V. (2013). Net friendship in the structure of adolescents' virtual identity construction. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 3-1, 441—445. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/pijcxs> (viewed: 21.10.2024).

Шуняева В.А. (2026)
Концепция ментальной принадлежности цифрового поколения: криминологические особенности
Психология и право, 16(2), 31—48.

Shunyaeva V.A. (2026)
The concept of mental belonging of the digital generation: criminological features
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

31. Baumeister, R.F., Leary, M.R. (1995). The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117, 497—529. URL: <https://www.elibrary.ru/hkcbnl> (viewed: 21.10.2024).
32. Colliety, P., Royal, C., Cowie, H. (2016). The unique role of the school nurse in the holistic care of the bully. *British Journal of School Nursing*, 11(9), 443—449. <https://doi.org/10.12968/bjsn.2016.11.9.443>
33. Moscovici, S. (2001). Why a theory of social representations? In: K. Deaux, G. Philogène (Eds.), *Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions* (pp. 18—61). Oxford: Blackwell Publishers.
34. Smith, P.K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., Tippett, N. (2008). Cyberbullying: its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 49(4), 376—385. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.2007.01846.x>
35. Tajfel, H. (1972). La catégorisation sociale, In: S. Moscovici (Ed.), *Introduction à la psychologie sociale. Vol. I*. Paris: Larousse.
36. Turner, J.C. (1985). Social Categorization and the Self-Concept: A Social Cognitive Theory of Group Behavior. In: E. J. Lawler (Ed.), *Advances in Group Processes* (pp. 77—122). Greenwich: JAI Press.

Информация об авторах

Вера Анатольевна Шуняева, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (ФГБОУ ВО «ТГУ имени Г.Р. Державина»), Тамбов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, e-mail: vera1705@mail.ru

Information about the authors

Vera A. Shunyaeva, Candidate of Science (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0035-8013>, e-mail: vera1705@mail.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 20.02.2025
Поступила после рецензирования 29.09.2025
Принята к публикации 29.09.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.02.20
Revised 2025.09.29
Accepted 2025.09.29
Published 2026.06.30

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Тактики самопрезентации и специфика самоорганизации курсантов в аспекте психологической безопасности личности

Е.В. Ахмадеева¹ ✉, Н.В. Асафьева¹

¹ Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

✉ elena-ram@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В статье раскрываются компоненты самоорганизации и тактики самопрезентации курсантов как предикторы высокого уровня их психологической безопасности. Полученные данные имеют высокую прикладную ценность для системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Анализ тактик самопрезентации и особенностей самоорганизации курсантов первого курса юридического института позволяет выявить психологические ресурсы и потенциальные риски, влияющие на формирование психологической безопасности личности будущих правоохранителей. Проведенная качественная интерпретация данных может стать научной основой для проектирования специализированной программы, направленной на оптимизацию профессиональной адаптации молодых специалистов силовых ведомств, с фокусом на развитие социально востребованных поведенческих паттернов. **Цель** исследования заключается в выявлении и систематизации специфических особенностей самоорганизации и используемых тактик самопрезентации у курсантов в контексте выраженности индекса их психологической безопасности. **Гипотеза:** у курсантов первого года обучения существуют устойчивые факторные структуры взаимосвязи компонентов самоорганизации и таких тактик самопрезентации, как «пример для подражания», «приписывание достоинств», что обеспечивает формирование высокого уровня их психологической безопасности в условиях адаптации к условиям обучения. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 72 курсанта первого курса факультета подготовки сотрудников полиции направления подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка» Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации. Среди обследованных — 26 женщин и 46 мужчин в возрасте от 17 до 19 лет. Самоорганизация и самопрезентация оценивались с помощью опросников: «Диагностика особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков, Н.Г. Милорадова), «Шкала тактик самопрезентации» (С. Ли, Б. Куигли,

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

модификация О.А. Пикулевой), а также был измерен уровень психологической безопасности на основе методики «Диагностика психологической безопасности личности» (И.И. Приходько). **Результаты.** Выявлены доминирующие тактики самопрезентации, компоненты самоорганизационного поведения, составлена модель, объясняющая взаимосвязь компонентов самоорганизации, тактик самопрезентации и выраженного высокого уровня психологической безопасности курсантов. **Заключение.** Конструирование на основе полученных данных оптимальных методов психологического сопровождения и поддержки позволит своевременно выявлять и корректировать дезадаптивные формы самопрезентации и нарушения самоорганизации у курсантов первого года обучения, обеспечивая тем самым более эффективную социализацию курсантов в профессиональное сообщество.

Ключевые слова: психологическая безопасность, уровень психологической безопасности, самоорганизация, компоненты самоорганизации, тактики самопрезентации, курсанты

Для цитирования: Ахмадеева, Е.В., Асафьева, Н.В. (2026). Тактики самопрезентации и специфика самоорганизации курсантов в аспекте психологической безопасности личности. *Психология и право*, 16(2), 67—81. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160205>

Self-presentation tactics and specifics of self-organization of cadets in the aspect of psychological safety of the individual

E.V. Akhmadeeva¹ ✉, N.V. Asafyeva¹

¹ Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

✉ elena-ram@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The article explores the components of self-organization and self-presentation tactics among cadets as predictors of their high level of psychological security. The study provides a comprehensive analysis of theoretical concepts related to these psychological phenomena, supplemented by empirical verification that establishes statistically significant correlational relationships. The findings hold substantial practical value for the professional training system of internal affairs personnel. An analysis of self-presentation tactics and self-organization features among first-year cadets at a law institute helps identify psychological resources and potential risks affecting the formation of psychological security in future law enforcement officers. The quantitative and qualitative data analysis can serve as a scientific foundation for designing a specialized adaptation program aimed at optimizing the professional socialization of young specialists in law enforcement agencies, with a focus on correcting and developing their behavioral patterns. The purpose of the study is to identify and systematize the specific features of self-organization and the self-presentation tactics used by cadets in the context of their psychological security index. **The hypothesis** posits that first-year cadets exhibit

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

stable factor structures linking self-organization components and self-presentation tactics such as "exemplary model" and "entitlement," which contribute to a high level of psychological security during their adaptation to the academic environment. **Methods and materials.** The study involved 72 first-year cadets from the Police Training Faculty, specializing in "Ensuring Law and Order" (program code 40.03.02) at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The participants included 26 women and 46 men aged 17 to 19 years. Self-organization and self-presentation were assessed using the following questionnaires: "Diagnostics of Self-Organization Features" (A.D. Ishkov, N.G. Miloradova), "Self-Presentation Tactics Scale" (S. Lee, B. Quigley, modified by O.A. Pikuleva), and the level of psychological security was measured using the "Diagnostics of Personal Psychological Security" methodology (I.I. Prihodko). **Results.** The study identified dominant self-presentation tactics, key parameters of self-organizational behavior, and developed a model explaining the relationship between self-organization components, self-presentation tactics, and a high level of psychological security among cadets. **Conclusion.** Based on the findings, designing optimal methods for psychological support and guidance will enable timely identification and correction of maladaptive self-presentation forms and self-organization disruptions, thereby ensuring more effective socialization of cadets into the professional community.

Keywords: psychological safety, level of psychological safety, self-organization, components of self-organization, self-presentation tactics, cadets

For citation: Akhmadeeva, E.V., Asafyeva, N.V. (2026). Self-presentation tactics and specifics of self-organization of cadets in the aspect of psychological safety of the individual. *Psychology and Law*, 16(2), 67—81. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160205>

Введение

Профессиональное и личностное самоопределение неразрывно связано с особенностями презентации и организации человека в системе его взаимоотношений. Высокий уровень самоорганизации позволяет личности четко определять жизненные цели и задачи, формировать самостоятельность, что, в свою очередь, способствует росту конкурентоспособности и профессиональному совершенствованию. Бесспорно, важным фактором успеха в карьере является умение эффективно представлять индивидуальные и профессиональные качества.

В исследовании рассматриваются курсанты первого курса, в перспективе сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации, будущая деятельность которых сопряжена с выполнением задач, требующих высокого уровня ответственности и профессионального самосознания. Стоит отметить, что деятельность сотрудников органов внутренних дел, как и военнослужащих, протекает в условиях строгой иерархии и субординации, регламентированной уставами, инструкциями и правилами (Краснова, Проняева, 2022). Это формирует схожий социально-психологический климат, основанный на дисциплине, единоначалии и безусловном исполнении приказов (Рыжов, 2017). Основное различие между этими коллективами заключается в их целях и контексте работы. Военские подразделения сосредоточены на защите от внешних угроз в условиях конфликта. Коллективы органов

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

внутренних дел, напротив, действуют внутри общества, взаимодействуя с гражданами в рамках закона, обеспечивая правопорядок и безопасность внутри государства. При этом оба типа коллективов нуждаются в сформированной психологической устойчивости и психологической безопасности, поскольку работают в условиях повышенной моральной ответственности, риска и неопределенности.

Как подчеркивают А.О. Бурцев, Н.В. Ефимкина, С.И. Кудинов, А.И. Позин, к каждому сотруднику предъявляются строгие требования, включающие в себя профессиональное мастерство, честность и справедливость. Им следует быть готовыми к немедленной мобилизации ресурсов, обладать способностью к восстановлению в условиях жестких временных рамок, реализации умений управлять своим эмоциональным состоянием и целенаправленно действовать в экстремальных условиях (Бурцев и др., 2021). Р.И. Каннуников, Е.А. Коноплева считают, что успешность профессиональной деятельности в сложных и рискованных условиях, где речь идет о жизни людей, во многом определяется уровнем психологической безопасности/защищенности специалистов (Каннуников, Коноплева, 2024).

Данное исследование имеет высокую прикладную ценность для системы профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел. Анализ тактик самопрезентации и особенностей самоорганизации курсантов первого курса юридического института позволяет выявить психологические ресурсы и потенциальные риски, влияющие на формирование психологической безопасности личности будущих правоохранителей. В процессе обучения для курсантов целесообразно разрабатывать специальные программы диагностики, которые помогут определить их способность к самоорганизации и сохранению профессионального поведения в стрессовых ситуациях, внедрять специализированные тренинговые программы, направленные на освоение техник осознанной самопрезентации и эффективного целеполагания. Овладение техниками целеполагания и контролируемой самопрезентации позволит курсантам создать когнитивно-поведенческий базис для противодействия стрессогенным факторам, что позволит поддерживать оптимальный уровень психического здоровья, способствуя тем самым укреплению психологической устойчивости и снижению риска эмоционального выгорания в профессиональной деятельности.

Таким образом, результаты исследования не только углубляют и расширяют теоретические знания в области самоорганизации, психологической безопасности и самопрезентации, но и оказывают влияние на практическую деятельность специалистов по подготовке и сопровождению кадров в правоохранительной сфере.

Исследования в проблемном поле психологической безопасности показывают, что в настоящее время существует терминологическая и содержательная сложность в восприятии этого понятия. В ранее проведенном нами исследовании было выявлено, что в структуре психологической безопасности сотрудников правоохранительных органов центральное положение занимает жизнестойкость, выступая системообразующим элементом (Ахмадеева, Галяутдинова, 2021). Согласно исследованиям Л.А. Проскуряковой, способность к саморегуляции психических состояний позволяет сотрудникам правоохранительных органов сохранять оптимальный уровень психологической безопасности и выбирать наиболее действенные реакции на экстремальные ситуации, возникающие в ходе выполнения служебных обязанностей. (Проскурякова, 2022). И.И. Приходько разработал концепцию, описывающую, как человек чувствует себя в безопасности в обычной жизни и в

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

экстремальных ситуациях, потенциально связанных с различными травмами (Приходько, 2013). Практика свидетельствует о том, что успех адаптации человека в воинском коллективе, а также его положение и репутация среди сослуживцев во многом определяются тем, насколько эффективно он сможет проявить себя в повседневной жизни, продемонстрировать свои профессиональные знания, навыки, умения и личные качества во время несения службы (Кулагина, 2016; Пикулева, 2013; Пономаренко, 2007; Слободчикова, 2017).

В современной психологической науке самопрезентация изучается с разных точек зрения. О.А. Пикулева определяет ее как осознанный и постоянный процесс взаимодействия, который помогает человеку выразить свою уникальность и показать способность к саморегуляции (Пикулева, 2013). А.А. Золотарева рассматривает самопрезентацию через призму перфекционизма. Она видит в ней стремление создать идеализированный образ себя в глазах окружающих и считает это неадаптивным защитным механизмом (Золотарева, 2018). Интересна концепция «запечатленной самопрезентации» С.А. Васюра. Она включает визуальные артефакты, такие как фотографии, видеозаписи и портреты, которые помогают анализировать внешний облик и поведение человека в прошлом (Васюра, 2023).

В нашем исследовании самопрезентация рассматривается как комплексный психологический феномен, включающий когнитивные, поведенческие и эмоциональные компоненты, проявляющийся через стратегии и тактики, которые зависят от индивидуальных особенностей личности и социальной ситуации ее развития.

Самоорганизация как ключевой регуляторный механизм состоит из структурно-функциональных элементов. В деятельностном подходе (В.Н. Донцов, Н.В. Кузьмина) она раскрывается через последовательность операций, которые повышают эффективность самостоятельной деятельности в разных системах (Котова, 2012). Л.В. Фалеева рассматривает способность к самоорганизации как интегративное качество, проявляющееся в целеустремленности, осознанной мотивации и ответственности за результаты (Фалеева, 2012).

На наш взгляд, наиболее продуктивна пятикомпонентная модель (Ишков, 2014), которая включает целеполагание, анализ, планирование, самоконтроль, коррекцию. Этот подход, объединяющий профессиональные и личностные аспекты, является наиболее эффективным для исследования регуляторных процессов у курсантов.

Проведенный теоретический анализ позволил систематизировать основные подходы к пониманию феноменов самопрезентации и самоорганизации в психологической науке. На основании изученных концепций можно заключить, что самопрезентация представляет собой сложный, многокомпонентный конструкт, интерпретируемый в диапазоне от осознанной тактики управления впечатлением до неадаптивного перфекционистского поведения. В контексте профессионального становления курсантов она выступает как базовая компетенция, необходимая для эффективного взаимодействия в формализованной служебной среде. Самоорганизация раскрывается через синтез деятельностного и личностного подходов, выступая интегральным показателем зрелости регуляторных процессов. Стоит подчеркнуть, что осознанная самопрезентация и развитая самоорганизация создают мощный психологический ресурс, который не только улучшает профессиональную эффективность, но и защищает от дезадаптации и эмоционального выгорания в условиях хронического стресса.

Материалы и методы

В исследовании проверялась *гипотеза*: у курсантов первого года обучения существуют устойчивые факторные структуры взаимосвязи компонентов самоорганизации и таких тактик самопрезентации, как «пример для подражания», «приписывание достоинств», позволяющих сформировать высокий уровень их психологической безопасности в условиях адаптации к условиям обучения.

Исследование было организовано в Уфимском юридическом институте Министерства внутренних дел Российской Федерации. Респондентами выступили 72 курсанта первого курса направления подготовки 40.03.02 «Обеспечение законности и правопорядка». Из них с высоким уровнем психологической безопасности было 32 человека. Среди обследованных — 26 женщин и 46 мужчин в возрасте от 17 до 19 лет.

Диагностический материал был получен при помощи стандартизированных методик: «Диагностика особенностей самоорганизации» (А.Д. Ишков, Н.Г. Милорадова), «Шкала тактик самопрезентации» (С. Ли, Б. Куигли, модификация О.А. Пикулевой), «Диагностика психологической безопасности личности» (И.И. Приходько). В процессе математической обработки данных были применены критерии, позволяющие оценить нормальность распределения. Использовались методы описательной статистики, эксплораторный и конфирматорный факторный анализ. Для этого применялись специализированные компьютерные программы: Statistica 10, Jamovi, а также пакеты psych и lavaan в среде R в приложении RSudio 3.6.

Результаты

Данные, полученные в результате применения методики, изучающей тактики самопрезентации (модификация О.А. Пикулевой), свидетельствуют, что одной из самых распространенных среди курсантов является тактика «приписывания достоинств» (высокий уровень использования показывают 43% выборки), что может говорить о выраженном стремлении создания положительного имиджа и стремлении повышения самооценки в структуре социальных отношений учебного заведения. Далее, с уровнем 42%, следует использование тактики «пример для подражания», что свидетельствует о наличии стремления быть образцом для окружающих, демонстрировать важность одобряемых в системе качеств личности и ответственно принимать их. Среди исследуемой группы курсантов 38% имеют высокий уровень использования тактики «препятствования себе», что подтверждает наличие нерешенных внутренних конфликтов, мешающих эффективной адаптации к условиям обучения. 37% курсантов активно используют тактику «преувеличения достижений», что может указывать на желание курсантов демонстрировать личную успешность и выделяться среди сверстников. На четвертом месте по распространенности располагается «тактика запугивания»: 34% курсантов используют ее для того, чтобы самореализовываться в конкурентной среде, возможно защищая собственные позиции и ценности. У 23% молодых юношей и девушек проявлена тактика «самоотречения». Возможно, процесс адаптации вызывает у них необходимость отказываться от индивидуальных смыслов. Этим же обстоятельством можно объяснить и использование тактики «оправдание—отрицание» (22%) и «оправдание—принятие» (18%). Трудности принятия собственных ошибок вполне характерны для юношеского возраста, но, когда это происходит, используется тактика «извинения» (18% выборки). Пятая часть выборки (20%) в качестве защитной реакции на

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

критику или вследствие привычки использует «негативную оценку других». В целом, для курсантов более характерны ассертивные тактики самопрезентации, использующиеся в качестве позитивного аспекта построения образа Я.

Рассмотрим результаты по методике «Диагностика особенностей самоорганизации» авторов А.Д. Ишкова и Н.Г. Милорадовой. Диагностика проводилась по шести составляющим шкалам и общему уровню самоорганизации личности. Значительное количество участников (45%) демонстрируют средний уровень общего показателя. По шкале «целеполагание» получены 17% низких, 48% средних и 35% высоких результатов. Большинство участников исследования способны и ставить цели, и осознанно прилагать усилия по их достижению. «Анализ ситуации» подвластен 42% курсантов на высоком уровне. Лишь 13% молодых людей-респондентов демонстрируют невыраженную способность оценки обстоятельств и принятия на их основе решений. Высокий «уровень планирования» выражен у 38% курсантов. И это очень хороший показатель, свидетельствующий о наличии баланса между сформированной моделью необходимого поведения в условиях обучения вуза и прилагаемыми усилиями для ее реализации. Тем не менее 22% обучающихся испытывают явные трудности и нуждаются в профессиональной поддержке наставников.

Шкала «самоконтроля» демонстрирует равномерное распределение данных низкого, среднего и высокого уровней: 49% курсантов демонстрируют высокий уровень по данной шкале, 45% — средний и 6% — низкий. Шкала «коррекции» практически равно показывает данные высокого (34%) и низкого (28%) уровней при преобладании среднего диапазона. Здесь, на наш взгляд, также нужно дополнительно исследовать причины и особенности воспроизводства умений корректировать себя в зависимости от актуализирующихся обстоятельств.

В целом, большинство курсантов-первокурсников имеют средние или высокие уровни компонентов самоорганизации, обнаруживают способность к формированию личной эффективности в данной области.

Результаты методики «Диагностика психологической безопасности личности» (И.И. Приходько) позволяют расширить представление о том, каким образом личность взаимодействует с социальной средой, оставаясь эмоционально стабильной и субъективно оценивая ее как релевантную безопасному функционированию. Низкий уровень общего индекса психологической безопасности демонстрируют 25% курсантов. Эта часть выборки испытывает неблагоприятные симптомы относительно безопасной возможности реализовываться в актуальной обстановке. Вероятно, непривычные условия социальной изолированности, связанные с условиями обучения, недостаточная поддержка со стороны окружающих лежат в основе полученных данных. 31% курсантов находятся на высоком уровне сформированности общей психологической безопасности. Они способны хорошо справляться с трудностями, имеют выраженную мотивацию самореализации в сложившихся условиях и могут поддержать товарищей в командной работе. Большинство респондентов демонстрируют средний уровень психологической безопасности. То есть они справляются с большинством задач функционирования, при возникающих проблемах имеют ресурсы, но не всегда их используют. Низкий уровень у 27% курсантов «морально-коммуникативного компонента» говорит о некоторых проблемах прежде всего в межличностных отношениях, не вполне выраженной эмпатии и рефлексии в общении. Участники с высоким уровнем (33%)

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
 Тактики самопрезентации и специфика
 самоорганизации курсантов в аспекте
 психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
 Self-presentation tactics and specifics
 of self-organization of cadets in the aspect
 of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

способны поддерживать позитивные отношения и эффективно взаимодействовать с окружающими при помощи сформированных коммуникативных навыков.

Мотивационно-волевой компонент высокого уровня представленности продемонстрировали 35% курсантов. Они активно стремятся к своим целям и способны преодолевать преграды на пути к их достижению, проявляют лидерские качества и не боятся брать на себя ответственность. К сожалению, 16% респондентов не показали достаточной проявленности целей или внутренней мотивации для налаживания самоощущения безопасности. Им необходимы дополнительные ресурсы или поддержка референтной группы.

Ценностно-смысловой компонент выражен на среднем уровне у большинства испытуемых (69%). Можно констатировать, что они имеют определенные ценности, но не всегда достаточно осознают их, либо не четко структурировали позиции смысла выбранной профессии. Лишь 13% курсантов показывают низкий уровень результатов по этой шкале. Это может свидетельствовать о кризисе идентичности или разочаровании в ситуации личностного самоопределения. Высокий уровень данного показателя наблюдается у трети (28%) курсантов. Они, вероятно, четко понимают перспективы реализации своих целей и приоритетов в жизни, способны принимать осознанные решения и действовать в соответствии со своими убеждениями, что делает их достаточно устойчивыми к психологическому стрессу. Компонент внутреннего комфорта продемонстрировал вполне ожидаемое распределение данных: 20% — низкий уровень, 34% — средний и 26% — высокий.

Далее для проверки нормальности распределения исследуемых переменных был использован критерий Шапиро—Уилка. В результате проверки было установлено, что распределение переменных не соответствует нормальному закону (Субботина, Гржибовский, 2014). В связи с этим для дальнейшего исследования были использованы непараметрические методы обработки. Для подтверждения предположения о том, что курсанты с высоким уровнем психологической безопасности используют определенные способы самоорганизации и ассертивные тактики самопрезентации («пример для подражания», «приписывание достоинств»), применялся эксплораторный факторный анализ с использованием метода главных компонент для определения оптимального числа факторов и облического вращения для уточнения факторной структуры. Для верификации соответствия полученного решения исходным гипотезам осуществлен конфирматорный факторный анализ, результаты которого представлены в таблице.

Таблица / Table

**Результаты конфирматорного факторного анализа у курсантов
 с высоким уровнем психологической безопасности (N = 32)
 The results of the confirmatory factor analysis of cadets
 with a high level of psychological safety (N = 32)**

Фактор / Factor	Индикатор / Indicator	Оценка стандарт / Rating standard	SE	Z	P
Фактор 1 / Factor 1	Приписывание достоинств / Attribution of merits**	1,000			
	Целеполагание / Goal setting	1,254	0,619	2,045	< 0,001

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
 Тактики самопрезентации и специфика
 самоорганизации курсантов в аспекте
 психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
 Self-presentation tactics and specifics
 of self-organization of cadets in the aspect
 of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

	Анализ ситуации / Analysis of the situation	2,291	0,774	2,036	< 0,001
	Психологическая безопасность / Psychological Safety	1,908	0,755	2,389	< 0,001
Фактор 2 / Factor 2	Пример для подражания / An example to follow **	1,000			
	Осмысленность жизни / Meaningfulness of life	1,751	0,504	3,474	< 0,001
	Планирование / Planning	0,339	0,349	0,970	< 0,001
	Волевые усилия / Efforts of will	0,226	0,261	0,786	< 0,001

Примечание: «*» — отмечен фиксированный параметр; «**» — отмечены тактики самопрезентации. CFI 0,992; TLI 0,988; RMSEA 95%.

Note: «*» — fixed parameter is marked; «**» — behavioral tactics of self-presentation. CFI 0,992; TLI 0,988; RMSEA 95%.

Двухфакторная модель заданной структуры из 8 переменных демонстрирует статистически значимые связи между латентными факторами и их индикаторами, высокие значения глобальных критериев соответствия, что свидетельствует о валидности модели (CFI = 0,992 и TLI = 0,988 выше их порогового значения, равного 0,95) (Kenny, 2024; van de Schoot, Lugtig, Нох, 2012).

Первый фактор «Психологическая регуляция и адаптивность» объединяет механизмы саморегуляции (целеполагание/планирование), когнитивной оценки (анализ ситуации) и эмоциональной стабильности (психологическая безопасность), обеспечивающие устойчивость личности в стрессовых и неопределенных ситуациях. Комбинация перечисленных переменных отражает интегративную способность личности к осознанному управлению своими когнитивными, эмоциональными и поведенческими процессами с целью эффективного приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды.

Эмпирические данные показывают достаточно высокую факторную нагрузку переменной «психологическая безопасность», что свидетельствует о ее системообразующей роли в структуре психологической регуляции. Ощущение безопасности у курсантов создает необходимую «платформу» для реализации других адаптивных механизмов: только при условии внутренней стабильности становятся возможными эффективное целеполагание, рациональный анализ ситуации и продуктивное использование личностных ресурсов. В контексте военного образования данный конструкт приобретает особую значимость, поскольку: снижает дезадаптивную тревожность, связанную с жесткой регламентацией повседневной деятельности; способствует формированию устойчивой профессиональной идентичности через принятие корпоративных норм; обеспечивает психологическую основу для развития ключевых компетенций — от дисциплинированности до навыков командного взаимодействия, а также развивает самообладание и самоконтроль, которые являются «ключевыми качествами будущего сотрудника правоохранительных органов» (Буслаева, Власова, 2023).

Переменная «целеполагание» в данной модели выступает как «связующее звено» между анализом ситуации, безопасностью и волевыми процессами, обеспечивая направленность деятельности курсантов через их четкие представления о будущем в различных сферах

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

жизнедеятельности, создавая при этом цикл: оценка → постановка цели → действие. На начальной стадии происходит анализ собственных возможностей, прошлого опыта, внутренних и внешних факторов, что соотносится с рефлексивным анализом концепции осознанной саморегуляции, разработанной В.И. Моросановой, где точность оценки определяет эффективность последующих этапов (Зинченко, Моросанова, 2020). Здесь же определяются мотивы деятельности. После анализа, с учетом индивидуальных особенностей и внешних обстоятельств, ставится цель. Затем выбираются подходящие модели поведения и осуществляются действия, направленные на достижение желаемого результата.

Второй фактор «Ценностно-волевая регуляция» объединяет мотивационно-волевые и смысложизненные стороны поведения курсантов, демонстрируя их способность к самодетерминации и осознанному управлению собственными действиями. Стратегия «пример для подражания» позволяет им сознательно демонстрировать качества, соответствующие идеальному образу военнослужащего, а именно: следование уставным нормам, подчеркивание дисциплинированности, физической подготовки, моральной устойчивости. Эта тактика предполагает также акцентирование внимания на собственных успехах и одобряемых действиях, чтобы соответствовать ожиданиям командира и коллектива с целью укрепления своей принадлежности к военному сообществу. В данном случае срабатывает механизм нормативного социального влияния (желание быть принятым в референтной группе). Возможно, у некоторых курсантов эта стратегия связана с искренним стремлением к идеалам (патриотизм, чувство долга, честь).

Наличие планирования в модели указывает на сформированность у курсантов важнейшего профессионально значимого навыка, обеспечивающего эффективную адаптацию к жестко регламентированным условиям военной службы.

Заключение

Большинство курсантов-первокурсников демонстрируют средние или высокие уровни компонентов самоорганизации, обнаруживают способность к формированию личной эффективности в данной области.

Среди курсантов одной из самых распространенных является тактика «приписывания достоинств», что может говорить о проявлении выраженного стремления к созданию позитивного социального имиджа и укреплению самооценки в контексте социальных взаимодействий. В рамках социально-психологического анализа данный процесс можно рассматривать как стратегию самопрезентации, направленную на повышение социального статуса и улучшение межличностных отношений в образовательной среде.

Чуть более 30% участников исследования демонстрируют высокий уровень психологической безопасности, что свидетельствует о способности эффективно преодолевать стрессовые ситуации, о выраженной мотивации к личностному росту, профессиональному развитию, а также о готовности оказывать конструктивную поддержку коллегам в рамках командной деятельности.

В результате проведенного исследования была составлена модель, объясняющая взаимосвязь компонентов самоорганизации, тактик самопрезентации и выраженного высокого уровня психологической безопасности. Полученные взаимосвязи подчеркивают, что данные феномены не являются изолированными, а функционируют как интегральные компоненты, определяющие когнитивно-поведенческие паттерны и адаптационные стратегии курсантов в

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

процессе их профессионального становления. Наибольшие нагрузки «анализа ситуации» (1-й фактор) и «осмысленности жизни» (2-й фактор) указывают на их центральную роль в моделях адаптации курсантов исследуемой выборки.

Результаты работы подчеркивают важность формирования условий психологической безопасности курсантов как основы их успешной профессионализации в системе МВД, что совпадает с результатами ранее проведенных нами исследований (Нурмухаметова, Асафьева, Давтян, 2022). Полученные выводы могут служить основой для дальнейших исследований на более широком пласте респондентов и разработки рекомендаций по психологическому сопровождению процесса социально-психологической адаптации курсантов, формированию их адаптивных навыков самопрезентации в условиях профессионально специфичного вида деятельности.

Перспективы исследования. Научные исследования в этой области позволяют создавать программы психологического сопровождения, адаптирующие курсантов к профессиональной деятельности на начальном этапе, повышающие их психологическую безопасность и формирующие разнообразные тактики самопрезентации. Включение в практику обучения специально разработанных программ будет способствовать предотвращению симптомов профессиональной деформации молодых курсантов и осознанному формированию навыков самоорганизации.

Ограничения. Размер выборки, ограниченный доступ к данным.

Limitations. Possible issues in generalization of results, e. g., sample size, limited access to data.

Список источников / References

1. Ахмадеева, Е.В., Галяутдинова, С.И. (2021). Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД. *Психология и право*, 11(1), 106—120. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110109>
Akhmadeeva, E.V., Galyautdinova, S.I. (2021). Social Frustration, Resilience and Psychological Security of Internal Affairs Officers. *Psychology and Law*, 11(1), 106—120. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110109>
2. Бурцев, А.О., Ефимкина, Н.В., Кудинов, С.И., Позин, А.И. (2021). Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. *Психология и право*, 11(1), 90—105. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110108>
Burtsev, A.O., Efimkina, N.V., Kudinov, S.I., Pozin, A.I. (2021). Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Psychology and Law*, 11(1), 90—105. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110108>
3. Буслаева, Е.Л., Власова, Н.В. (2023). Особенности мотивации и самоконтроля курсантов вузов МВД России на разных этапах обучения. *Психология и право*, 13(2), 2—13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130201>
Buslaeva, E.L., Vlasova, N.V. (2023). Motivation and Self-Control Features in Cadets of Ministry of Internal Affairs Universities at Different Stages of Training. *Psychology and Law*, 13(2), 2—13. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130201>
4. Васюра, С.А. (2023). Самопрезентация в общении: аспекты визуальной самоподачи образа Я. *Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение*, 4(24), 46—55. <https://doi.org/10.47475/2409-4102-2023-24-4-46-55>
Vasyura, S.A. (2023). Self-presentation in communication: aspects of visual self-image of I.

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

Bulletin of Chelyabinsk State University. Education and Healthcare, 4(24), 46—55. (In Russ.).
<https://doi.org/10.47475/2409-4102-2023-24-4-46-55>

5. Золотарева, А.А. (2018). Перфекционистская самопрезентация и особенности ее диагностики. *Клиническая и специальная психология*, 7(1), 104—117. <https://doi.org/10.17759/psyclin.2018070108>
Zolotareva, A.A. (2018). Perfectionistic Self-presentation and its Diagnostic Features. *Clinical Psychology and Special Education*, 7(1), 104—117. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/cpse.2018070108>
6. Ишков, А.Д. (2014). Применение опросника «Диагностика особенностей самоорганизации» в психолого-педагогических исследованиях. *Казанская наука*, 8, 152—154. URL: <https://elibrary.ru/symgnl> (дата обращения: 08.05.2025).
Ishkov, A.D. (2014). The Use of a Questionnaire "Diagnostics Features of Selforganization" in Psycho-Pedagogical Studies. *Kazan Science*, 8, 152—154. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/symgnl> (viewed: 08.05.2025).
7. Канунников, Р.И., Коноплева, Е.А. (2024). Психологическая безопасность сотрудников органов внутренних дел в экстремальных ситуациях. *Психология и право*, 14(3), 107—121. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140309>
Kanunnikov, R.I., Konopleva, E.A. (2024). Psychological Safety of Law Enforcement Officers in Extreme Situations. *Psychology and Law*, 14(3), 107—121. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140309>
8. Котова, С.С. (2012). *Самоорганизация учебно-профессиональной деятельности студентов: Монография*. Екатеринбург: РГППУ.
Kotova, S.S. (2012). *Self-organization of students' educational and professional activities: Monograph*. Ekaterinburg: RSVPU Publ. (In Russ.).
9. Краснова, М.В., Проняева, Е.В. (2022). О формировании положительного социально-психологического климата в воинском коллективе. *Человеческий капитал*, 4(160), 135—140. <https://doi.org/10.25629/НС.2022.04.09>
Krasnova, M.V., Pronyaeva, E.V. (2022). On the formation of a positive socio-psychological climate in the military team. *Human Capital*, 4(160), 135—140. (In Russ.). <https://doi.org/10.25629/НС.2022.04.09>
10. Кулагина, Н.В. (2016). Особенности самопрезентации мужчин и женщин в сфере деловых отношений. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 3(27), 122—128. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-122-128>
Kulagina, N.V. (2016). Peculiarities of men's and women's self-presentation in business relationship. *Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology"*, 3(27), 122—128. (In Russ.). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2016-3-122-128>
11. Зинченко, Ю.П., Моросанова, В.И. (Ред.). (2020). *Психология саморегуляции: эволюция подходов и вызовы времени: Коллективная монография*. М.; СПб: Нестор-История. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44331517> (дата обращения: 08.05.2025).
Zinchenko, Yu.P., Morosanova, V.I. (Eds.). (2020). *Psychology of self-regulation: evolution of approaches and challenges of the time: Collective monograph*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istotiya Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44331517> (viewed: 08.05.2025).

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

12. Нурмухаметова, И.Ф., Асафьева, Н.В., Давтян, В.Г. (2022). Специфика адаптационных возможностей сотрудников органов внутренних дел в период ранней взрослости. *Евразийский юридический журнал*, 10(173), 502-504. <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-10-173-502-504>
Nurmukhametova, I.F., Asafjeva, N.V., Davtyan, V.G. (2022). Psychological features of the adaptive capabilities of employees of internal affairs agencies. *Eurasian Law Journal*, 10(173), 502—504. (In Russ.). <https://doi.org/10.46320/2073-4506-2022-10-173-502-504>
13. Пикулёва, О.А. (2013). Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты. *Психологическая наука и образование*, 18(4), 37—44. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2013_n4/66279 (дата обращения: 08.05.2025).
Pikuleva, O.A. (2013). Psychology of personality self-presentation: gender and age aspects. *Psychological Science and Education*, 18(4), 37—44. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/pse/archive/2013_n4/66279 (viewed: 08.05.2025).
14. Пономаренко, И.В. (2007). *Социально-психологические особенности самопрезентации военнослужащих-женщин: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 Социальная психология*. Воен. ун-т. М. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003456720> (дата обращения: 08.05.2025).
Ponomarenko, I.V. (2007). *Social and psychological features of self-presentation of female military personnel: Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.05 Social Psychology*. Military University. Moscow. (In Russ.). URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003456720> (viewed: 08.05.2025).
15. Приходько, И.И. (2013). Психодиагностический инструментарий определения психологической безопасности личности специалиста экстремального вида деятельности. *Мир науки, культуры, образования*, 3(40), 28—31. URL: <https://elibrary.ru/qcpsyah> (дата обращения: 08.05.2025).
Prikhodko, I.I. (2013). Psychodiagnostics instruments determine the psychological safety of personality of specialist of extreme professional activities. *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*, 3(40), 28—31. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/qcpsyah> (viewed: 08.05.2025).
16. Проскурякова, Л.А. (2022). Анализ уровня саморегуляции и компонентов эмоционального состояния у сотрудников полиции: результаты практической работы. *Психология и право*, 12(4), 83—95. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120407>
Proskuryakova, L.A. (2022). Analysis of the level of self-regulation and components of the emotional state of police officers: results of practical work. *Psychology and Law*, 12(4), 83—95. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120407>
17. Рыжов, Б.С. (2017). Факторы, определяющие состояние социально-психологического климата в воинском коллективе. *Прикладная психология и педагогика*, 2(1), Статья 5. <https://doi.org/10.12737/22190>
Ryzhov, B.S. (2017). The factors determining the socio-psychological climate in the military collective. *Applied Psychology and Pedagogy*, 2(1), Article 5. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/22190>
18. Слободчикова, Ю.В. (2017). *Влияние профессиональной идентичности курсантов образовательных организаций МВД России на развитие их коммуникативной компетенции: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 Психология труда, инженерная психология, эргономика*. Моск. ун-т МВД России им. В.Я. Кикотя. М. URL:

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

<https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008712533> (дата обращения: 08.05.2025).

Slobodchikova, Yu.V. (2017). *The influence of professional identity of cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the development of their communicative competence: Extended abstr. Cand. of Psychol. Sci.: 19.00.03 Labor Psychology, Engineering Psychology, Ergonomics*. Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.Y. Kikot. Moscow. (In Russ.). URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01008712533> (viewed: 08.05.2025).

19. Субботина, А.В., Гржибовский, А.М. (2014). Описательная статистика и проверка нормальности распределения количественных данных. *Экология человека*, 2, 51—57. URL: <https://elibrary.ru/ryievz> (дата обращения: 08.05.2025).
Subbotina, A. V., Grjibovski, A.M. (2014). Descriptive statistics and normality testing for quantitative data. *Human Ecology*, 2, 51—57 (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ryievz> (viewed: 08.05.2025).
20. Фалеева, Л.В. (2012). Организованность и самоорганизация как качество личности: сравнительный анализ понятий. *Современные проблемы науки и образования*, 4, 266—274. URL: <https://elibrary.ru/pbiswp> (дата обращения: 08.05.2025).
Faleeva, L.V. (2012). Self-discipline and self-organization as a person quality: the comparative analysis of definitions. *Modern Problems of Science and Education*, 4, 266—274. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/pbiswp> (viewed: 08.05.2025).
21. Kenny, D.A. (2024). Measuring Model Fit. URL: <http://www.davidakenny.net/cm/fit.htm> (viewed: 08.05.2025).
22. van de Schoot, R., Lugtig P., Hox, J. (2012). A checklist for testing measurement invariance. *European Journal of Developmental Psychology*, 9(4), 486—492. <https://doi.org/10.1080/17405629.2012.686740>

Информация об авторах

Елена Владимировна Ахмадеева, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического сопровождения и клинической психологии, Высшая школа философии психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНИТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Наталья Валерьевна Асафьева, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, Высшая школа философии психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий (ФГБОУ ВО УУНИТ), Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0842-0712>, e-mail: a197222@yandex.ru

Information about the authors

Elena V. Akhmadeeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychological Support and Clinical Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Ахмадеева Е.В., Асафьева Н.В. (2026)
Тактики самопрезентации и специфика
самоорганизации курсантов в аспекте
психологической безопасности личности
Психология и право, 16(2), 67—81.

Akhmadeeva E.V., Asafyeva N.V. (2026)
Self-presentation tactics and specifics
of self-organization of cadets in the aspect
of psychological safety of the individual
Psychology and Law, 16(2), 67—81.

Natalia V. Asafyeva, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of General Psychology, Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-0842-0712>, e-mail: a197222@yandex.ru

Вклад авторов

Ахмадеева Е.В. — идеи исследования; аннотирование; применение статистических, математических и других методов для анализа данных; написание и оформление рукописи; контроль за проведением исследования.

Асафьева Н.В. — идеи исследования; планирование исследования; сбор, описание и анализ данных; визуализация результатов исследования; контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Elena V. Akhmadeeva — ideas; annotation; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; writing and formatting the manuscript; supervision of the study.

Natalia V. Asafyeva — ideas; research planning; data collection and analysis; visualization of research results; supervision of the study.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 09.05.2025
Поступила после рецензирования 06.10.2025
Принята к публикации 06.10.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.05.09
Revised 2025.10.06
Accepted 2025.10.06
Published 2026.06.30

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Научная статья | Original paper

**Сексизм и временная перспектива как предикторы отчуждения
моральной ответственности у осужденных по статье 131 УК РФ**

А.Д. Тарадаев¹ ✉, Т.Ю. Артюхова¹

¹ Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

✉ anatolytaradaev@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Работа направлена на выявление механизмов отчуждения моральной ответственности у осужденных по статье 131 УК РФ, а также на проверку гипотезы о том, что сексизм и временная перспектива могут являться предикторами отчуждения моральной ответственности у данной выборки. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке осужденных по статье 131 УК РФ. **Методы и материалы.** В исследовании (N = 55) приняли участие респонденты мужчины, осужденные по статье 131 УК РФ, в возрасте от 35 до 61 лет (M = 42,21). Использовались опросники отчуждения моральной ответственности MD-24 в адаптации Я.А. Ледовой с коллегами; опросник структуры сексизма Е.С. Зизевской и М.А. Шукиной; опросник временной перспективы Ф. Зимбардо. Для подтверждения результатов опросника использовались качественные методы исследования: незаконченные предложения и тематический апперцептивный тест Г. Мюррея. Для подтверждения полученных результатов, были проведены два эксперимента: на сексизм как предиктор отчуждения моральной ответственности и на временную перспективу как предиктор отчуждения моральной ответственности. **Результаты.** Полученные результаты дают возможность говорить о том, что у осужденных по статье 131 УК РФ преобладают механизмы отчуждения морали, дегуманизация и атрибуция вины, а также о том, что сексизм и временная перспектива могут являться предикторами для данного феномена. **Выводы.** Показано, что сексизм и временная перспектива являются предикторами отчуждения моральной ответственности, что можно использовать для дальнейшей коррекционной работы с осужденными.

Ключевые слова: отчуждение моральной ответственности, сексизм, временная перспектива, осужденные по статье 131 УК РФ, дегуманизация, атрибуция вины

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Благодарности. Авторы благодарят за помощь в организации исследования руководство межрегионального отдела психологической работы ГУФСИН России по Красноярскому краю, г. Красноярск.

Для цитирования: Тарадаев, А.Д., Артюхова, Т.Ю. (2026). Сексизм и временная перспектива как предикторы отчуждения моральной ответственности у осужденных по статье 131 УК РФ. *Психология и право*, 16(2), 82—99. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160206>

Sexism and time perspective as predictors of moral disengagement among convicts under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation

A.D. Taradaev¹ ✉, T.Yu. Artyukhova¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ anatolytaradaev@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The work is aimed at the mechanisms of moral disengagement among convicted under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as testing the hypothesis that sexism and time perspective may be predictors of moral disengagement in this sample. **Method and materials.** The research (N = 55) involved male respondents convicted under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, aged from 35 to 61 years (M = 42.21). Questionnaires of moral disengagement MD-24 were used, adapted by Ya. Ledova and colleagues, questionnaire of the structure of sexism by E. Zizevskaya and M. Shchukina, questionnaire of time perspective by P. Zimbardo. To confirm the results of the questionnaire, qualitative research methods were used: unfinished sentences and the thematic apperception test of G. Murray. **Results.** To confirm the obtained results, two experiments were conducted, on sexism as a predictor of moral disengagement and time perspective as a predictor of moral disengagement. **Conclusions.** The obtained results make it possible to say that among those convicted under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, the mechanisms of moral disengagement-dehumanization and attribution of blame-prevail, and also that sexism and time perspective can be predictors for this phenomenon.

Keywords: moral disengagement, sexism, time perspective, convicted under Article 131 of the Criminal Code of the Russian Federation, dehumanization, attribution of blame

Acknowledgements. The authors thank the management of the interregional Department of psychological work of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, for their help in organizing the study.

For citation: Taradaev, A.D., Artyukhova, T.Yu. (2026). Sexism and time perspective as predictors of moral disengagement among convicts under Article 131 of the Criminal Code of the Russian

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Federation. *Psychology and Law*, 16(2), 82—99. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160206>

Введение

Из года в год наблюдается тенденция к высокому проценту рецидива преступлений. Так, как указывает О.В. Филиппова, преступления, совершенные рецидивистами, занимают более трети от всех расследованных преступлений (Филиппова, 2025). Преступления против сексуальной неприкосновенности зачастую также попадают под высокую вероятность рецидива, эта ситуация ставит перед психологами, врачами и криминалистами вопросы о причинах возникновения повторных преступлений у отбывших срок граждан. В психологии А. Бандурой разработан конструкт «отчуждение моральной ответственности», который достаточно полно смог описать когнитивные механизмы человека, идущего на преступления. Однако механизмы отчуждения морали не могут появляться сами по себе, должны быть причины или же психологические феномены, которые позволяют механизмам появляться и, что самое главное, оставаться в психике человека даже после отбывания срока в местах лишения свободы.

Согласно когнитивно-социальной теории А. Бандуры, поведение человека формируется и закрепляется согласно идее реципрокного детерминизма, т. е. взаимовлияния личности, поведения и социальной среды. Моральное поведение, как и любое другое поведение, также можно рассматривать с точки зрения реципрокного детерминизма и выборочности контроля (Зимбардо, 2022).

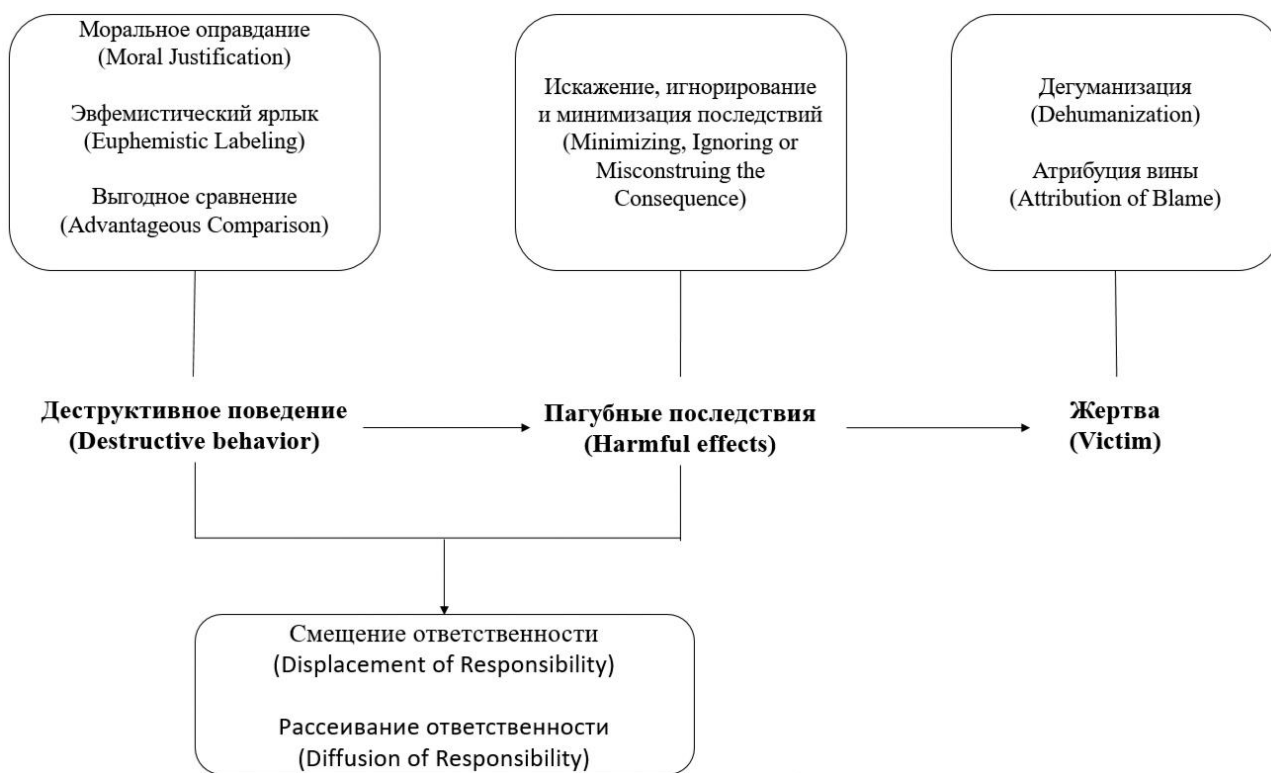
Теория отчуждения моральной ответственности (moral disengagement) разрабатывалась А. Бандурой в 1975—2016 годах и призвана объяснить то, как люди способны ситуационно отказаться от морали и при этом не испытывать угрызения совести.

Бандура описал отчуждение моральной ответственности как «механизмы, при помощи которых на разных этапах процесса саморегуляции моральные запреты индивида активируются избирательно и не применяются им к себе (т. е. отчуждаются) в ответ на его вредоносное по отношению к окружающим поведение» (Ледовая, и др., 2016).

Бандура выделил восемь когнитивных механизмов отчуждения морали, разделенных на четыре локуса контроля, схематично представленных на рис. 1 (Ледовая и др., 2016). Первый локус — «поведенческий». Бандура отмечает, что человек может отказаться от морали, если он когнитивно реконструирует негативное поведение в приемлемое. Самонаказание в таком случае не применяется, так как даже если человек понимает, что совершил преступление, он считает, что имел на это право. В данном локусе есть три механизма, первый из которых это «моральное оправдание» — механизм, при котором человек пользуется собственным понятием морали и тем самым оправдывает свои преступления. Чаще всего данный механизм применяют религиозные служители или тоталитарные правители (пример: «Бог требует, чтобы я его убил»). Вторым механизмом является «эвфемистический ярлык», он проявляется, когда человек специально подбирает или искажает факты своего разрушительного поведения, дабы показать их в более выгодном свете. Последний механизм в поведенческом локусе — «выгодное сравнение». Это использование сравнения с гораздо более предосудительными поступками и людьми, дабы снизить ощущение собственной вредоносности (Bandura, 2015).

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
 Сексизм и временная перспектива как предикторы
 отчуждения моральной ответственности у осужденных
 по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
 Sexism and time perspective as predictors of moral
 disengagement among convicts under Article 131
 of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Рис. 1. Механизмы отчуждения моральной ответственности и их локусы контроля
Fig. 1. Mechanisms of moral disengagement and their locus of control (The English original is presented in Bandura, 2015)

Второй локус — «личный локус актора», в него входят два механизма. При этом локусе самонаказание не применяется, так как человек уверен, что ответственность за преступление лежит не на нем. Первый механизм — «смещение ответственности», когда человек, совершивший преступление, пытается сместить ответственность на своего непосредственного начальника или на лидера. Второй механизм — «рассеивание ответственности». Это распространенный прием разделения вины, когда люди представляют свои действия просто элементами огромной системы, которой они неспособны противостоять (Bandura, 2015).

Третий локус в теории Бандуры называется «локусом переформулирования последствий поведения» и представлен одним механизмом — «искажение последствий». Он проявляется, когда человек пытается указать на положительные свойства в своих негативных поступках или вообще отрицает, что кто-то пострадал (Bandura, 2015).

Последний, четвертый, локус называется «локусом искажения образа жертвы» и, по мнению Бандуры, является самым опасным и жестоким из вышеперечисленных. В нем находятся два механизма, первый из которых — это «дегуманизация». При использовании этого механизма жертва на когнитивном уровне приравнивается к более низкой ступени, может представляться в виде животного и, по мнению актора, не имеет права на существование (Bandura, 2015).

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Последним механизмом, выделенным Бандурой в теории отчуждения моральной ответственности и последним в локусе искажения образа жертвы, является механизм «Атрибуция вины». Этот механизм, как и предыдущие, проявляется на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях и означает мнение, что жертва сама виновата в произошедшем преступлении (Bandura, 2015).

Все вышеперечисленные механизмы способны в полной мере описать то, как мыслят преступники, однако остается загадкой то, почему формируются те или иные механизмы и какие феномены могут повлиять на их появление и закрепление.

Существуют исследования, указывающие, что сексизм и домашнее насилие могут быть следствием обвинения жертв этого самого домашнего насилия (Chapleau, Oswald, Russel, 2007). Также во время нашего пилотажного исследования с помощью тематического апперцептивного теста (ТАТ) мы смогли выявить фиксацию испытуемых на прошлых негативных событиях.

Таким образом, мы решили выяснить, какие механизмы отчуждения моральной ответственности характерны для осужденных по статье 131 УК РФ — изнасилование, а также выдвинули ряд *гипотез*.

1. У осужденных по статье 131 УК РФ будут выявлены механизмы из локуса «переформатирования образа жертвы», а именно дегуманизация и атрибуция вины.
2. Сексизм может являться предиктором для отчуждения моральной ответственности.
3. Временная перспектива, а именно негативное прошлое, может являться предиктором для отчуждения моральной ответственности.

Материалы и методы

Исследование проводилось в 2024 году в г. Красноярске в ФКУ ИК-6 и ФКУ ИК-17 ГУФСИН по Красноярскому краю. В исследовании приняли участие 55 мужчин, осужденных по статье 131 УК РФ — изнасилование.

Для диагностики были выбраны следующие методики.

1. Опросник «Отчуждение моральной ответственности» С. Мур в адаптации Я.А. Ледовой и коллег, полный вариант (MD-24) для выявления механизмов отчуждения моральной ответственности.
2. Опросник временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) в адаптации Е.Т. Соколовой и О.В. Митиной, для диагностики системы отношений личности к своему прошлому, настоящему и будущему.
3. Опросник структуры сексизма (ОСС) Е.С. Зизевской и М.А. Шукиной, для диагностики конкретных сфер сексистских паттернов мышления.
4. Составленные нами незаконченные предложения, для подтверждения результатов опросников MD-24 и ОСС.
5. Тематический апперцептивный тест Г. Мюррея для подтверждения результатов всех опросников, а также для диагностики бессознательных аспектов личности.

Для математического анализа был выбран коэффициент корреляции Спирмена.

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Для подтверждения исследования и для доказательства того, что сексизм и временная перспектива могут являться предикторами отчуждения моральной ответственности, нами были проведены два эксперимента.

Эксперимент 1 — сексизм как предиктор отчуждения моральной ответственности. Экспериментальная процедура первого опыта заключалась в предоставлении осужденным списка обезличенных конфликтных интеракций между мужчиной и женщиной, которые можно найти в приложении, и определения виновного в этом конфликте. Задачи испытуемых различались в зависимости от их группы.

Контрольная группа получала только список интеракций, поэтому их задачи следующие.

1. Определение виновного в сложившейся ситуации на основе автоматической ассоциации осужденных.
2. Затем осужденному предоставляется возможность подобрать синоним, чтобы описать виновного одним словом.

Экспериментальная группа, помимо прочего, еще получала список синонимов, которые можно использовать для описания виновного. Таким образом, задачами экспериментальной группы являются следующие.

1. Определение виновного в сложившейся ситуации, на основе автоматической ассоциации осужденных.
2. Затем осужденные получают список возможных синонимов, построенных по принципу «положительные—нейтральные—отрицательные/дегуманизированные», текст синонимов можно найти в приложении.

Эксперимент 2 — временная перспектива как предиктор отчуждения моральной ответственности. Процедура заключалась в предложении поучаствовать в психотерапии посредством общения с живым стулом или с портретом персонажа (портреты представлены в приложении). Осужденный должен был вспомнить самое неприятное воспоминание, связанное с каким-либо человеком, и пообщаться с ним через образ на стуле или через портрет (пол персонажа предлагается на выбор).

Процедура отличалась в зависимости от причастности осужденных к группе.

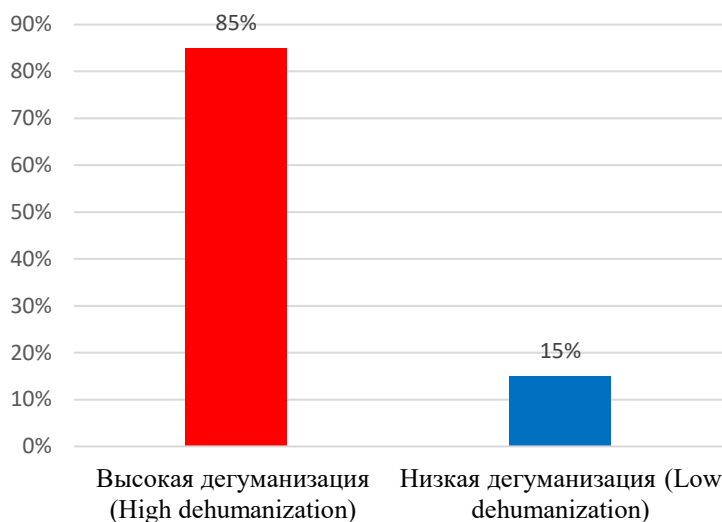
Контрольная группа получала только портрет или стул и им позволялось вести диалог в свободной манере, самим подбирать слова.

Экспериментальная группа, помимо портрета или стула, получала еще и вербальные стимулы, построенные по принципу «положительные — нейтральные — отрицательные / дегуманизированные».

Результаты

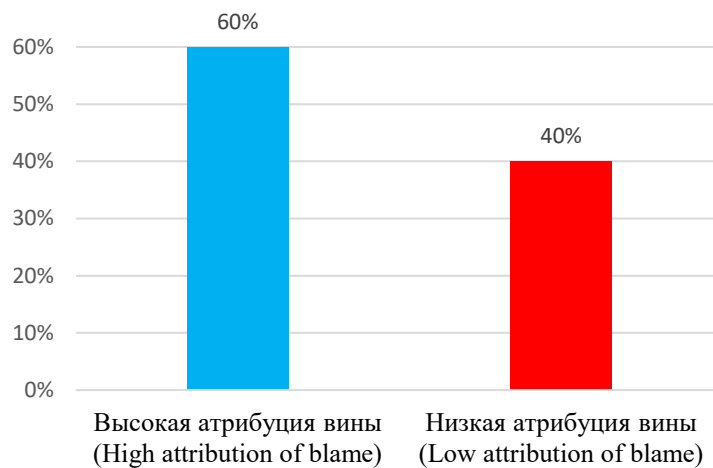
В ходе диагностирования механизмов морального отчуждения мы смогли подтвердить нашу гипотезу, а именно то, что у осужденных по статье за изнасилование в когнитивной структуре должны быть механизмы «дегуманизация» и «атрибуция вины». Как видно на рис. 2, у 85% осужденных был выявлен высокий уровень дегуманизации, что свидетельствует об имеющихся установках дегуманизировать других людей, в зависимости от пола, веры, расы, т. е. лишать этих людей «человеческого» статуса. У 60% осужденных была выявлена атрибуция вины, т. е. стремление обвинить жертву в том, что с ней произошло. Остальные

шесть механизмов также выявлялись у некоторых испытуемых, однако не так часто, чтобы на этой основе делать какие-либо выводы (рис. 3).

Рис. 2. Результаты диагностики по методике MD-24 (а) — дегуманизация, %

Fig. 2. MD-24 diagnostic results (a) — dehumanization, %

Рис. 3. Результаты диагностики по методике MD-24 (б) — атрибуция вины, %

Fig. 3. MD-24 diagnostic results (b) — attribution of blame, %

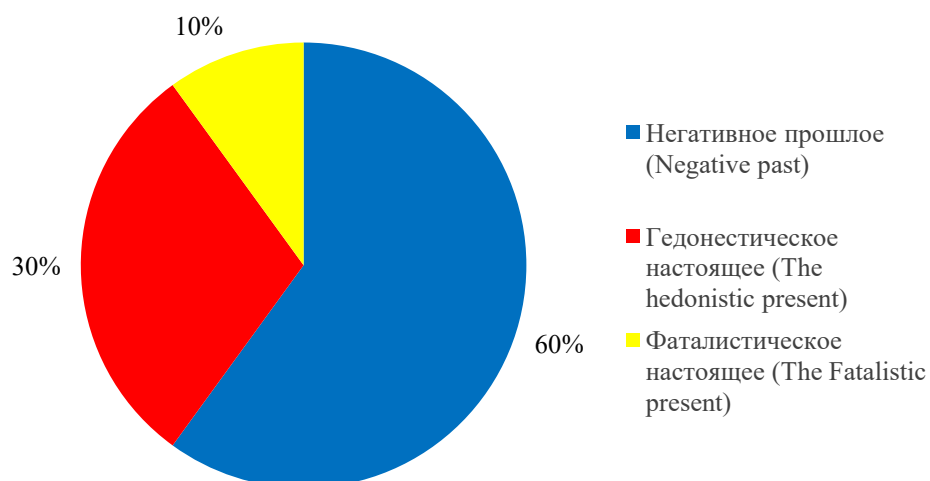
С помощью незаконченных предложений, текст которых есть в приложении, мы смогли увидеть дегуманизированные ответы, которые соответствуют результатам, полученным с помощью опросника MD-24. На вопрос «Человек напоминает животное, когда...» испытуемые давали разнообразные ответы, которые в основном варьировались от простого сравнения с животными до отрицания каких-либо личностных черт. Например: «когда ведет себя, как

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

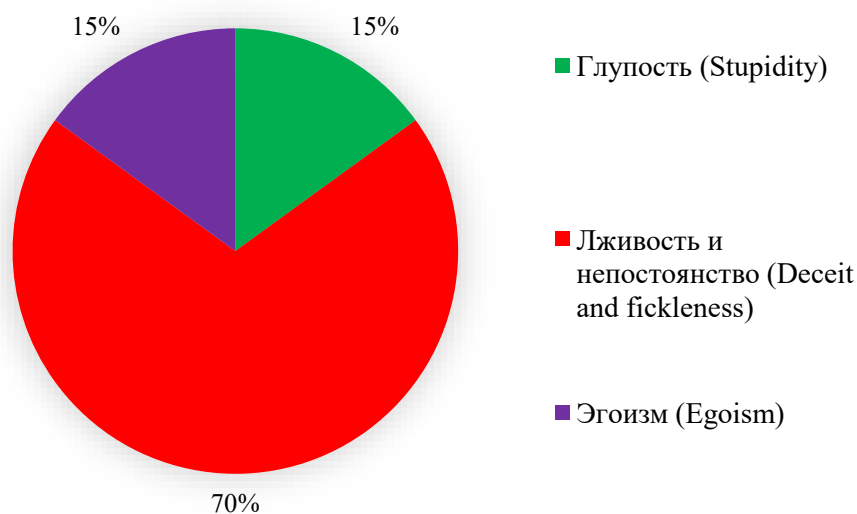
животное», «когда не контролирует свои инстинкты», «когда ведет себя агрессивно, как собака» — прямое сравнение с животными — и «когда невоспитанный», «когда глупый», «когда непонятный» — лишение личностных черт. Лишь единицы испытуемых ответили отрицательно на это предложение — «никогда». На предложения «Человек заслуживает грубость, когда...» и «Человек имеет право на преступление, когда...», относящиеся к атрибуции вины, осужденные давали смешанные ответы. 55% испытуемых давали ответы, отсылающие к самозащите или оправданию, например: «когда он на тебя напал», «когда он по-другому не понимает», «когда он опасен». 45% испытуемых отвечали социально приемлемо: «никогда», «есть полиция», «я с таким не буду сталкиваться». Большинство ответов так или иначе подтверждают выявленные механизмы.

По результатам опросника временной перспективы Ф. Зимбардо (рис. 4), у 60% осужденных выявлена фиксация на негативном прошлом. С помощью ТАТ мы выяснили, что речь идет не о травмах из детства, а о подростковом возрасте. Большинство из осужденных — это выходцы из благополучных семей, что подтверждается и внутренней статистикой исправительных колоний, лишь 20% из 55 осужденных пережили насилие в детстве. Большинство же из них сожалели о том, что когда-то в подростковом возрасте не послушались своих родителей в плане жизненных ориентиров, сожалели о том, что связались с плохой компанией, что пристрастились к алкоголю, а 30% имеют негативный опыт общения с девушками (отвержение, расставание, безответная первая любовь). Гедонистическое настоящее, выявленное у 30% осужденных, проявляется скорее в адаптации к условиям тюремной жизни, до такой степени, что заключенные даже и не понимают, что им делать после освобождения. Фаталистическое настоящее (10%) подразумевает веру в судьбу и удачу, эти результаты интересны в контексте ответов на ТАТ, ведь больше половины осужденных отметили, что совершили преступление, так как «бес попутал».

Рис. 4. Результаты опросника временной перспективы, %
Fig. 4. The results of the time perspective questionnaire, %

В ходе диагностирования с помощью ОСС мы получили следующие результаты, представленные на рис. 5: по 15% осужденных набрали высокие баллы по шкалам «эгоизм» и «глупость», а вот у 70% есть высокие баллы по шкале «лживость и непостоянство». Если учесть некоторые ответы из незаконченных предложений, а именно: *«когда ведет себя непонятно»*, *«когда человек похож на животное...»*, — можно сделать вывод, что поведенческий аспект очень важен для дегуманизации, а хаотичное, непредсказуемое поведение, приписываемое женщинам, скорее характерно для животных, нежели для людей, отсюда и сексизм по шкале, в которой речь идет о непостоянстве. Помимо этого, осужденные давали характерные ответы и на предложения, которые были напрямую связаны с сексизмом. Так, например, на предложения *«Противоположный пол хуже в...»* осужденные давали стереотипные ответы *«в управлении транспортом»*, *«политике»*, *«в спорте»*. На предложение *«Противоположный пол не заслуживает к себе уважение, если...»*, большинство осужденных ответили: *«если женщины забывают, что они женщины и не выполняют своих стереотипных ролей (материнство, готовка и т. д.)»*. Особого внимания заслуживает вопрос *«Домашнее насилие нормально, если...»*, на который 30% осужденных ответили *«если она не слушается»*. На заданные нами вопросы во время ТАТ осужденные отвечали, что *«нет ничего плохого в том, чтобы наказать жену за невыполнение обязательств»*; это буквально означает что они считают женщин своей собственностью, которую можно «наказать» за провинность.

Рис. 5. Результаты опросника структуры сексизма, %
Fig. 5. The results of the questionnaire on the structure of sexism, %

С помощью ТАТ мы смогли зафиксировать прямые сексистские высказывания, в моменты, когда картинка к этому была не предрасположена. Картинки № 2 и № 4 вызывали у некоторых осужденных желание сравнить нарисованное с мнимой действительностью, а именно: *«все, как и в жизни, мужик работает, а бабы фигней страдают»*, *«эти курицы читаются своих книжек, ходят потом мозги клюют»*. Особого внимания заслуживает сравнение женщин с курицами, что характерно для дегуманизации.

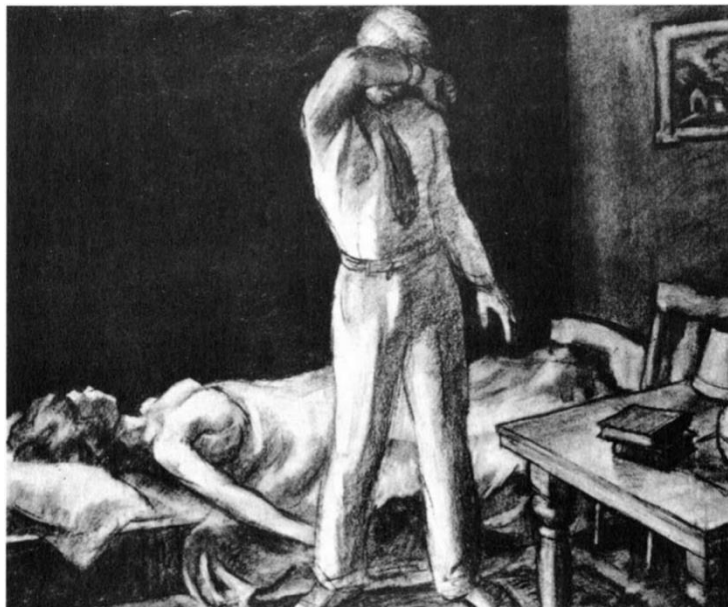
Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Рис. 5. Картинки ТАТ, вызывавшие сексистские высказывания осужденных, № 2 и № 4
Fig. 5. TAT images that caused sexist statements by convicts, No. 2 and No. 4

Говоря об интересных ответах на ТАТ, отдельного рассмотрения заслуживает картинка № 13, из-за которой больше половины осужденных реагировали активным возмущением и нежеланием дальше проходить тестирование, начиная либо кричать, либо же просто впадали в уныние и апатию. Подобные реакции возможны у осужденных, так как они понимают, что совершили тяжкое преступление, и все еще имеют рефлексивный и моральный компонент (механизмы активируются избирательно).

Рис. 6. Картинка № 13 ТАТ
Fig. 6. Picture No. 13 TAT

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
 Сексизм и временная перспектива как предикторы
 отчуждения моральной ответственности у осужденных
 по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
 Sexism and time perspective as predictors of moral
 disengagement among convicts under Article 131
 of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Для нахождения связи между феноменами нами был использован коэффициент корреляции Спирмена, результаты которого представлены в таблице. Негативное прошлое коррелирует с дегуманизацией (0,842, $p \leq 0,01$), это означает, что дегуманизированные образы, имеющиеся в когнитивной сфере осужденных, тянутся из прошлого, как мы выяснили с помощью ТАТ, из подросткового возраста. Гедонистическое настоящее коррелирует с атрибуцией вины (0,723, $p \leq 0,05$), из чего мы можем сделать вывод, что если осужденный уверен в том, что жертва была виновата сама, то переживать об этом не имеет смысла. Также негативное прошлое имеет прямую и сильную корреляцию с атрибуцией вины (0,893, $p \leq 0,01$), и если вспоминать результаты, полученные с помощью ТАТ, то можно сделать вывод, что те осужденные, которые не могли простить девушек, которые их отвергли в подростковом возрасте, способны пронести обиду сквозь время, а также в целом имеют ригидный тип мышления.

В рамках структуры сексизма была выявлена корреляция между дегуманизацией и «лживостью и непостоянством» (0,806, $p \leq 0,01$), что может свидетельствовать о том, что эти качества прямо соотносятся с желанием осужденных дегуманизировать женщин. Этот результат соотносится с ответами осужденных по ТАТ, когда они намекали на «куриное» происхождение женщин.

Таблица / Table

Выявленные корреляции между феноменами
The revealed correlations between the phenomena

	Дегуманизация / Dehumanization	Атрибуция вины / Attribution of blame
Негативное прошлое / Negative past	0,842*	0,893*
Гедонистическое / настоящее The Hedonistic Present	-	0,723**
Глупость и непостоянство / Stupidity and fickleness	0,806*	-

Примечание: «*» — $p \leq 0,01$; «**» — $p \leq 0,05$.

Note: «*» — $p \leq 0,01$; «**» — $p \leq 0,05$.

По результатам проведенного первого эксперимента, направленного на исследование сексизма как предиктора отчуждения моральной ответственности, выяснилось, что у 70% осужденных есть явная предрасположенность к обвинению женщин, так как они отмечали их вину в интеракциях в более чем половине случаев. Самыми сексистскими социальными сферами для обвинений стали ситуации, связанные с транспортом или семейным укладом. Осужденные отмечали, что семейные ценности в основном рушатся из-за женщин, а также что «не женское дело» работать и водить автотранспорт. Если смотреть по их описанию виновного, то между контрольной и экспериментальной группами практически нет различий в выборе синонимов. 60% обследуемых из контрольной группы использовали дегуманизированные синонимы, которые они сами и придумывали. В экспериментальной группе 80% также использовали дегуманизированные синонимы. В ходе эксперимента выяснилась закономерность: испытуемые из контрольной группы использовали дегуманизацию в более интенсивном виде, нежели из экспериментальной. Интенсивность проявлялась в количестве дегуманизированных слов и предъявляемых эмоций во время ответов. Так, осужденные из контрольной группы смеялись, повышали голос и злились, когда подбирали слова, а также могли говорить до тех пор, пока мы их не остановим. Такое отличие,

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

скорее всего, вызвано эффектом испытуемого, т. е. желанием соглашаться с экспериментатором, ведь если он дал стимульный материал, то нужно использовать только его, а остальное может восприняться как ошибки и нежелательные действия.

Во втором эксперименте, исследующем временную перспективу, а именно негативное прошлое как предиктор отчуждения моральной ответственности, выяснилось, что разница между контрольной и экспериментальной группой также не столь велика. Больше половины осужденных выбирали для общения своих бывших жен или школьных возлюбленных (60%), значительно реже выбирали родителей (15%) и друзей (25%). Незначительные различия в экспериментальной и контрольной группах выявлены в ходе общения: в обеих группах диалог начинался спокойно, с постепенным нарастанием эмоционального напряжения, но в момент «предъявления обвинений» собеседнику (атрибуция вины) испытуемые контрольной группы совмещали дегуманизированные синонимы с оскорбительными. Испытуемые экспериментальной группы медленнее приходили к эмоциональному напряжению, так как изучали стимульный материал, а также в основном использовали дегуманизированные синонимы (80%) во время общения. Так или иначе, и контрольная, и экспериментальная группы подтверждают, что, находясь в негативном прошлом, они готовы использовать дегуманизацию и атрибуцию вины.

Обсуждение результатов

Исходя из результатов, полученных по опроснику отчуждения моральной ответственности (MD-24), у осужденных выявлено два механизма: дегуманизация (85%) и атрибуция вины (60%). Исходя из теории, это возможно, так как преступник может не воспринимать женщину как человека и как личность, за что отвечает механизм дегуманизации, который дает человеку осознание, что он имеет право на изнасилование.

Атрибуция вины, или приписывание вины жертве, также является ключевым механизмом спускового крючка для изнасилования. Однако далеко не все осужденные имеют данный механизм в своей когнитивной структуре, и в рамках проведенного исследования 40% имели низкие баллы по данной шкале.

По опроснику структуры сексизма (ОСС) выяснилось, что 70% осужденных имеют сексистские установки по отношению к женщинам, связанные со шкалой «лживость и непостоянство». По всей видимости, в культуре до сих пор распространен миф о том, что женщины — это коварные и хитрые создания, которые желают завладеть имуществом мужчины и подчинить его себе, а для этого они готовы врать и манипулировать. Многие осужденные высказывали подобные мысли в экспериментальной процедуре, когда рассматривали интеракции, связанные с семейными конфликтами. Все это вызывает ощущение недоверия к женщинам, желание не допустить поглощения своего мужского Я.

Говоря о дегуманизации и сексизме, стоит отметить, что осужденные во время работы с незаконченными предложениями указывали, что непостоянное и хаотичное поведение характерно для животных или для людей невоспитанных и малокультурных. При этом женщин они также воспринимали как существ с непредсказуемым поведением, управляемыми эмоциями, а не разумом. В результате мы смогли выявить корреляционную связь между «лживостью и непостоянством» и дегуманизацией, которая отражает культурный и стереотипный уклад некоторых мужчин, который может стать ключевым аспектом в принятии решения изнасиловать женщину.

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

В нашем первом эксперименте, который был направлен на сексизм как предиктор отчуждения моральной ответственности, мы выяснили, что у 70% осужденных есть явные тенденции обвинять женщин (атрибуция вины) в большинстве социальных конфликтов между мужчинами и женщинами. Особенно если речь идет о семейном укладе или профессиональной деятельности. Как в контрольной (60%), так и в экспериментальной (80 %) группах осужденные выбирали дегуманизированные синонимы для описания виновного в конфликте. Таким образом, можно сделать вывод, что сексизм является предиктором к отчуждению моральной ответственности.

По опроснику временной перспективы (ZTPI) мы получили ожидаемые результаты: у большинства осужденных (60%) была выявлена фиксация на негативном прошлом. Но также у 30% осужденных была выявлена перспектива — гедонистическое настоящее и у 10% — фаталистическое настоящее. Как указывал Ф. Зимбардо (1997), из этих трех шкал только гедонистическое настоящее, в разумных пределах, можно считать положительной для человеческой личности, остальные же свидетельствуют о дисфункциональном проживании текущего времени (Stolarski, Fieulaine, Zimbardo, 2018). Негативное прошлое указывает на то, что осужденные живут прошлым днем, в котором произошли какие-либо травмирующие ситуации. С помощью ТАТ, мы смогли понять, о каких событиях идет речь:

- неразделенная любовь в подростковом возрасте или грубое отвержение чувств (60%);
- пристрастие к алкоголю и наркотикам в подростковом возрасте, идентификация себя с «плохой компанией» (80%);
- событие, связанное с преступлением (90%);
- меньшинство осужденных (20%) указывали на семейные проблемы в детстве.

Полученная корреляционная связь между дегуманизацией и негативным прошлым подтверждает нашу мысль о том, что дегуманизированные установки могли проявиться в подростковом возрасте и связаны с негативным опытом в прошлом.

Также эту связь подтвердил и второй эксперимент, направленный на временную перспективу как предиктор отчуждения моральной ответственности. В данном эксперименте 60% осужденных выбрали собеседника женского пола, и вспоминали они либо девушку, отвергнувшую их чувства в подростковом возрасте, либо своих бывших жен, что также можно рассматривать как негативную ориентировку по отношению к женщинам. И контрольная (60%) и экспериментальная (70%) группы показали тенденцию выбирать дегуманизированные прозвища и синонимы для разговора с собеседником, что подтверждает нашу гипотезу о том, что временная перспектива может являться предиктором к отчуждению моральной ответственности.

Таким образом, суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод: у осужденных по статье 131 УК РФ — изнасилование могут присутствовать дегуманизация и атрибуция вины как механизмы отчуждения морали, негативное прошлое как временная перспектива и сексистские установки по отношению к женщинам. Все полученные и проанализированные результаты дают основание говорить о том, что сексизм и временная перспектива являются предикторами отчуждения моральной ответственности.

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Выводы

Проведенное нами исследование показывает, что сексизм и временная перспектива действительно могут являться предикторами отчуждения моральной ответственности и могут отвечать за закрепление механизмов в когнитивной структуре человека; однако также стоит отметить, что исследование было проведено на определенной выборке, а именно на осужденных по статье 131 УК РФ — изнасилование, а значит, на данный момент вывод справедлив сугубо для данной категории граждан.

Полученные данные можно использовать в пенитенциарных учреждениях — для создания тренинговых программ и бесед с осужденными по статье 131 УК РФ, направленных непосредственно на работу с данными феноменами, что может способствовать коррекции преступного поведения и предотвращению рецидива.

Исследование будет продолжено, так как остаются невыясненным до конца причины появления данных феноменов, а также все многообразие их проявлений.

Тема криминального поведения все еще остается нерешенной во всем мире, а потому крайне актуальной. Мы считаем, что исследования, направленные на определение причин деструктивного поведения, будут способствовать формированию и укреплению правового сознания граждан.

Список источников / References

1. Зимбардо, Ф. (2022). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев* (6-е изд.). Пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн.
Zimbardo, F. (2022). *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil* (6th ed.). Trans. from Engl. Moscow: Alpina non-fikshn Publ. (In Russ.).
2. Ледовая, Я.А., Тихонов, Р.В., Боголюбова, О.Н., Казенная, Е.В., Сорокина, Ю.Л. (2016). Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, 4, 23—39. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>
Ledovaya, Ya.A., Tikhonov, R.V., Bogolyubova, O.N., Kazennaya, E.V., Sorokina, Yu.L. (2016). Moral disengagement: the psychological construct and its measurement. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 4, 23—39. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.402>
3. Филиппова, О.В. (2025) Рецидивная преступность в России: тенденции и закономерности. *Всероссийский криминологический журнал*, 19(2), 137—147. [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)
Filippova, O.V. (2025). Recidivism in Russia: Trends and Regularities. *Russian Journal of Criminology*, 19(2), 137—147. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19\(2\).137-147](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2025.19(2).137-147)
4. Bandura, A. (2015). *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*. New York: Worth.
5. Chapleau, K.M., Oswald, D.L., Russell, B.L. (2007). How Ambivalent Sexism Toward Women and Men Support Rape Myth Acceptance. *Sex Roles*, 57(2), 131—136. <https://doi.org/10.1007/s11199-007-9196-2>

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
 Сексизм и временная перспектива как предикторы
 отчуждения моральной ответственности у осужденных
 по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
 Sexism and time perspective as predictors of moral
 disengagement among convicts under Article 131
 of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

6. Moore, C. (2015). Moral disengagement. *Current Opinion in Psychology*, 6, 199—204. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2015.07.018>
7. Stolarski, M., Fieulaine, N., Zimbardo, P.G. (2018) Putting time in a wider perspective: The past, the present, and the future of time perspective theory. In: *The SAGE Handbook of Personality and Individual Differences* (pp. 592—628). Thousand Oakes, CA: SAGE.

Приложение / Appendix

Ответы осужденных на незаконченные предложения

Предложение	Положительные ответы	Отрицательные ответы
1. К людям другой расы я отношусь...	Терпимо, с интересом, обычно, ничего	С отвращением
2. Другие страны вызывают у меня...	Интерес, желание их посетить, ничего	Обиду, злость, желание их уничтожить
3. К традиционным ценностям я отношусь...	Прекрасно, хорошо, с пониманием	-
4. Человек напоминает животное, когда...	Никогда	Когда ведет себя, как животное; когда не контролирует свои инстинкты; когда ведет себя агрессивно, как собака; когда невоспитанный; когда глупый; когда непонятный
5. Человек заслуживает грубость, когда...	Никогда, зачем это? Есть полиция, я с таким не сталкивался	Когда ведет себя грубо, когда он опасен, когда он напал, когда по-другому не понимает
6. Представители противоположного пола могут вызвать агрессию, если...	Никогда, не могут	Нападают, перечат, угрожают
7. Человек имеет право на преступление, когда...	Никогда, есть полиция	Если защищается, если на него нападают
8. Противоположный пол не заслуживает к себе уважение, если...	Всегда заслуживает, женщины самые удивительные создания этого мира	Не хочет рожать, не выполняет домашних обязанностей
9. Я скажу, что этим человеком управляют инстинкты, если...	-	Он агрессивный, он нападает, не контролирует себя
10. Домашнее насилие нормально, если...	Ненормально, оно ужасно в любом случае	На тебя нападают, когда она не слушается
11. Я имею право поступить плохо, если...	Не имею, никогда	Когда человек это заслужил, когда другого выхода нет

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

12. Противоположный пол хуже в...	-	В управлении транспортом, политике, в спорте
--------------------------------------	---	---

Конфликтные интеракции для экспериментов

1. Мужчина и женщина находятся в процессе развода.
2. Мужчина и женщина спорят на дороге возле своих автомобилей.
3. Мужчина и женщина спорят из-за очереди в аптеке.
4. Мужчина и женщина дискутируют на научной конференции и не могут прийти к соглашению.
5. Мужчина и женщина проходят стадию судебных разбирательств, решая, с кем будет жить их ребенок.
6. Мужчина и женщина ссорятся из-за измены.
7. Мужчина и женщина спорят, кому достанется последний товар в магазине.
8. Мужчина и женщина пришли устраиваться на одну и ту же вакансию, но место всего одно, поэтому они начали спорить кому оно достанется.
9. Женщина надела слишком короткую юбку, чем вызвала гнев своего мужчины.
10. Мужчина на всю ночь ушел отдыхать с друзьями, не предупредив об этом женщину, из-за чего у них начался конфликт.

Список синонимов

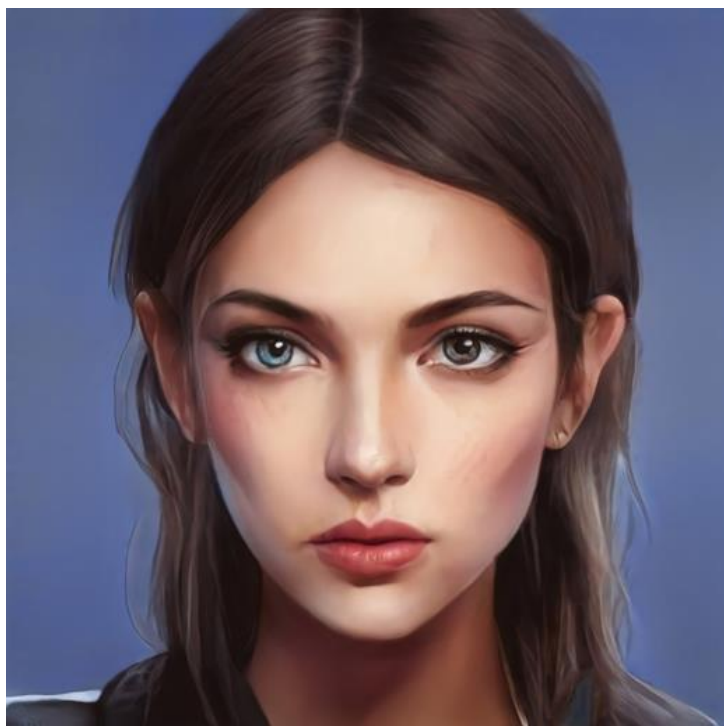
1. Хороший/хорошая
2. Милый/милая
3. Любимый/любимая
4. Важный/важная
5. Дорогой/дорогая
6. Прекрасный/прекрасная
7. Умный/умная
8. Вежливый/вежливая
9. Верный/верная
10. Заботливый/заботливая
11. Обычный/обычная
12. Любопытный/любопытная
13. Запасливый/запасливая
14. Скромный/скромная
15. Пунктуальный/пунктуальная
16. Трудолюбивый/трудолюбивая
17. Нормальный/нормальная
18. Эрудированный/эрудированная
19. Животное

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

20. Тупой/тупая
21. Бездушный/бездушная
22. Жуткий/жуткая
23. Бешенный/бешенная
24. Петух/курица
25. Виноватый/виноватая
26. Проблемный/проблемная
27. Урод/уродина

Портреты для эксперимента 2

Информация об авторах

Анатолий Дмитриевич Тарадаев, магистрант кафедры психологии развития и консультирования, Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет (ФГАОУ ВО СФУ), Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6820-3859>, e-mail: anatolytaradaev@yandex.ru

Татьяна Юрьевна Артюхова, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и консультирования, Институт педагогики, психологии и социологии, Сибирский федеральный университет (ФГАОУ ВО СФУ), Красноярск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4805-8431>, e-mail: tartjuchova@mail.ru

Тарадаев А.Д., Артюхова Т.Ю. (2026)
Сексизм и временная перспектива как предикторы
отчуждения моральной ответственности у осужденных
по статье 131 УК РФ
Психология и право, 16(2), 82—99.

Taradaev A.D., Artyukhova T.Yu. (2026)
Sexism and time perspective as predictors of moral
disengagement among convicts under Article 131
of the Criminal Code of the Russian Federation
Psychology and Law, 16(2), 82—99.

Information about the authors

Anatoly D. Taradaev, Master's Student of the Department of Developmental Psychology and Counselling, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-6820-3859>, e-mail: anatolytaradaev@yandex.ru

Tatiana Yu. Artyukhova, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Counselling, Institute of Pedagogy, Psychology and Sociology, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4805-8431>, e-mail: tartjuchova@mail.ru

Вклад авторов

Тарадаев А.Д. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; проведение исследования; применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Артюхова Т.Ю. — договоренность о проведении исследования; контроль за выполнением исследования; корректировка данных.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Anatoly D. Taradaev — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Tatiana Yu. Artyukhova — agreement on conducting a study; control over the research; correction.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 16.10.2024
Поступила после рецензирования 05.09.2025
Принята к публикации 11.09.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2024.10.16
Revised 2025.09.05
Accepted 2025.09.11
Published 2026.06.30

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE**

Научная статья | Original paper

**Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью**

Е.С. Игнатова¹, Е.В. Кушева¹ ✉, А.В. Панфилова², Л.В. Кустова²

¹ Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь,
Российская Федерация

² Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю,
Пермь, Российская Федерация

✉ katakxx@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Проблема рецидивной преступности остается одной из острых проблем для современной пенитенциарной системы и общества в целом. Согласно статистическим данным, доля лиц, повторно совершающих преступления после отбытия наказания, остается на высоком уровне, что актуализирует поиск психологических механизмов, лежащих в основе устойчивого криминального поведения. В связи с этим для возможности предсказания и последующего предупреждения рецидивов приобретает актуальность изучение устойчивых личностных характеристик осужденных, в частности соотношения их агрессивных тенденций и способности к эмоциональному отклику. **Цель.** Выявить различия в агрессивности и способности к эмоциональному отклику у осужденных, имеющих первую и повторную судимость. **Методы и материалы.** В исследовании приняли участие 291 осужденный в возрасте от 18 до 69 лет ($M = 39,7$; $SD = 10,9$), 247 мужчин и 44 женщины. Используются методики: социально-демографическая анкета, «Тест руки» Вагнера, «Шкала эмоционального отклика». **Результаты.** Обнаружено, что осужденные с первой и повторной судимостью, а также отличающиеся по объекту воздействия преступления, не имеют различий по агрессивности и способности к эмоциональному отклику. Вместе с тем агрессивность у осужденных мужчин статистически значимо выше, чем у женщин, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности. **Выводы.** Осужденные с первой и повторной судимостью не различаются по агрессивности. В целом они оказываются чувствительными к переживаниям, но могут не понимать, что именно испытывают другие. Полученные результаты

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

могут использоваться при проектировании программ психологического сопровождения осужденных в процессе ресоциализации.

Ключевые слова: агрессивность, эмоциональный отклик, эмпатия, осужденные, рецидив, рецидивная преступность

Для цитирования: Игнатова, Е.С., Кушева, Е.В., Панфилова, А.В., Кустова, Л.В. (2026). Агрессивность и способность к эмоциональному отклику у осужденных с первой и повторной судимостью. *Психология и право*, 16(2), 100—117. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160207>

Aggressiveness and ability to respond emotionally in convicts with first and repeat convictions

E.S. Ignatova¹, E.V. Kusheva¹ ✉, A.V. Panfilova², L.V. Kustova²

¹ Perm State University, Perm, Russian Federation

² Russian Federal Penitentiary Service for Perm Region, Perm, Russian Federation

✉ katakxx@mail.ru

Abstract

Context and relevance. The problem of recidivism remains one of the acute problems for the modern penitentiary system and society as a whole. According to statistics, the proportion of people who re-commit crimes after serving their sentences remains at a high level, which actualizes the search for psychological mechanisms underlying sustainable criminal behavior. In this regard, for the possibility of predicting and subsequent prevention of recidivism, it becomes relevant to study the stable personal characteristics of convicts, in particular, the relationship between their aggressive tendencies and the ability to respond emotionally. **Objective.** The purpose of the study is to identify differences in aggressiveness and emotional response ability in convicts with first and repeat convictions. **Methods and materials.** The study involved 291 inmates aged 18 to 69 years ($M = 39,7$; $SD = 10,9$), 247 males and 44 females. The following methods were used: socio-demographic questionnaire, Wagner “Hand Test”, “Emotional Response Scale”. **Results.** As a result, it was found that convicts with first and repeated convictions, as well as those differing on the object of the crime, had no differences in aggressiveness and ability to emotional response. At the same time, the aggressiveness of male convicts is statistically significantly higher than that of men who have never been criminally prosecuted. Convicts in general appear sensitive to experiences, but may not realize what others are experiencing. **Conclusions.** Convicts with first and second convictions do not differ in aggressiveness. In general, they turn out to be sensitive to experiences, but they may not understand what others are experiencing. The obtained results can be used in designing programmes of psychological support for inmates in the process of resocialisation.

Keywords: aggression, emotional response, empathy, convicts, recidivism, recidivist crime

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

For citation: Ignatova, E.S., Kusheva, E.V., Panfilova, A.V., Kustova, L.V. (2026). Aggressiveness and ability to respond emotionally in convicts with first and repeat convictions. *Psychology and Law*, 16(2), 100—117. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160207>

Введение

Современная система подведомственных структур эффективно выполняет социальную функцию обеспечения безопасности. За последние десять лет регистрируется общее снижение количества преступлений. Так, в 2023 г., по данным ЕМИСС, совершено 646 684 преступлений, что на 41% меньше, чем в 2013 г.¹ Несмотря на введение различных мер социальной поддержки и постоянно ведущуюся работу с осужденными, на высоком уровне остается процент рецидивной преступности. По данным Генпрокуратуры РФ, до 60% преступлений совершается лицами, которые уже имеют судимость². В качестве одного из основных факторов совершения повторных преступлений выделяют негативные личностные характеристики самих осужденных. В рамках стратегии совершенствования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г. принят Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Цель данного закона — сокращение повторных правонарушений, а также реализация психологической помощи осужденным, отбывшим наказание, в процессе ресоциализации и реадaptации. В связи с вступлением закона в силу актуальным для реализации психологического сопровождения и разработки индивидуальных программ помощи осужденным становится изучение личностных особенностей осужденных.

Как правило, исследование личности преступников, их социально-психологического и правового статуса, мер социальной поддержки, способов адаптации к жизни вне мест лишения свободы и причин совершения рецидивов находится в сфере интересов представителей области права (например: Филиппова, 2021, 2022). Тем не менее, для формирования представлений о характерологических особенностях, мотивационной и ценностно-смысловой сферах личности, совершающей повторные преступления, необходимо проведение именно психологических исследований.

Анализ литературы позволяет оформить обобщенный портрет преступника, который отличается следующим: особенности морального самосознания, бедность ценностно-смысловой сферы (Ратинов, 1979), стереотипность поведения (Биндасова, 2022; Каширский, Старосельцева, 2023), высокая агрессивность (Зубова, 2005; Каширский, Старосельцева, 2023; Назаров, 2022; Овсянникова, 2020; Пахомова, 2023; Собчик, Спасенников, Кулакова, 2022; Сочивко, Клименко, 2018) на фоне повышенной импульсивности, чрезмерной чувствительности (Биндасова, 2023; Заломина, 2022; Кротова, 2023; Овсянникова, 2017), а также слабый самоконтроль и низкая адаптивность (Коноплева и др., 2022). Предполагается, что данные характеристики способствуют реактивному поведению, одной из форм которого является преступление. Проблемы с волевым самоконтролем могут стать причиной разбойного поведения, экстремистских высказываний или нанесений телесных повреждений вплоть до убийства.

¹ *Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде*. [б. г.]. ЕМИСС Государственная статистика. URL: <https://fedstat.ru/indicator/36225> (дата обращения: 03.05.2024).

² Арстанова, А. (2023, Апрель 28). Генпрокурор РФ констатировал минимальный уровень преступности, зафиксированный за последние 10 лет. *Адвокатская газета*. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/genprokuror-rf-konstatiroval-minimalnyu-uroven-prestupnosti-zafiksirovannyyu-za-poslednie-10-let/> (дата обращения: 03.05.2024).

Ряд авторов делают акцент на нехватку именно просоциальных личностных характеристик у осужденных, например эмпатии (Биндасова, 2023; Заломина, 2022; Кротова, 2023). Эмпатия предполагает способность сопереживать, сочувствовать, возможность встать на позицию другого (Петрова, 2009), выполняет морально-регуляторную функцию и способствует накоплению социального капитала (Свенцицкий, Казанцева, 2015). Поскольку поведение преступников, как правило, носит асоциальный характер — целенаправленное нарушение социальных норм и нанесение вреда другому — непроизвольно возникает предположение о том, что им не свойственно эмоционально откликаться на переживания других (Биндасова, 2022). Эмпатия способствует прекращению насильственных действий и предотвращению их совершения в будущем, поскольку агрессор во время совершения насильственных действий может разделить высокий дистресс своей жертвы (Карягина, 2009). В противном случае, когда эмпатия не развита или отсутствует, агрессивность ничего не сдерживает. М.В. Овсянникова отмечает у осужденных несформированность эмпатийных способностей, низкий уровень доверия к миру и восприятие его как несправедливого и враждебного, что может затруднять процесс ресоциализации (Овсянникова, 2020) и, как следствие, приводить к повторному совершению преступлений.

Итак, среди характеристик, которые сопряжены с асоциальным и преступным поведением (Злоказов, 2023), можно выделить повышенную агрессивность, несдержанность/реактивность и неспособность к эмоциональному отклику на переживания других как эмоциональному компоненту эмпатии (Коноплева и др., 2022; Биндасова, 2023). Считается, что преступники агрессивны и не эмпатичны. Но могут ли они эмоционально откликаться на переживания других людей? Возникает вопрос об особенностях проявления данных характеристик у осужденных, совершивших повторные преступления. Могут ли агрессивность и эмпатия дифференцировать осужденных, совершивших первое и повторное преступление? Являются ли высокая агрессивность и неспособность к эмоциональному отклику характерными чертами лиц, совершивших рецидивное преступление?

Стремление восполнить данный пробел обозначило цель настоящего исследования — изучить агрессивность и способность к эмоциональному отклику у осужденных с первой и повторной судимостью.

Гипотезы: 1) склонность к агрессивному поведению более выражена у осужденных, совершивших рецидив, чем у осужденных впервые; 2) осужденные имеют низкие показатели эмоционального отклика. Дополнительно мы предположили: различия в агрессивности у осужденных впервые и повторно могут объясняться социально-демографическими факторами (пол, образование, социальная поддержка, зависимость).

Материалы и методы

Организация. Исследование агрессивности и способности к эмоциональному отклику у осужденных с первой и повторной судимостью проходило в 2022—2023 гг. в рамках сотрудничества ГУФСИН России по Пермскому краю и ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Выборка. Эмпирической базой исследования выступили исправительные учреждения городов Пермь, Чайковский, Чусовой, Лысьва, Березники, Соликамск. Выборку составили 291 осужденный в возрасте от 18 до 69 лет ($M = 39,7$; $SD = 10,9$), из них 247 мужчин и 44 женщины. Распределение выборки осужденных по объекту совершения преступления: преступления

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

против личности (ст. 105—157) — 152 человека; преступления в сфере экономики (ст. 158—204) — 51 человек; преступления против общественной безопасности и общественного порядка (ст. 205—274) — 80 человек; преступления против государственной власти (ст. 275—330) — 8 человек. Из них ранее судимых — 142 человека, ранее не судимых — 149 человек.

Процедура. Диагностика проводилась индивидуально с каждым испытуемым. Психолог опрашивал осужденного и заполнял анкету, затем предлагал заполнить методики. Диагностика сопровождалась беседой, которая содержала уточняющие вопросы относительно ответов испытуемых. Специфика сбора данных заключалась в следующем: время на каждого испытуемого было ограничено 20 минутами.

Методики. Подбор методик осуществлялся с учетом рисков: 1) демонстрации социальной желательности осужденными при заполнении опросников, 2) эффекта тестирования из-за использования распространенного психодиагностического инструментария в пенитенциарной практике. С целью нивелирования данных рисков выбор сделан в пользу проективных и наименее знакомых для осужденных методик.

Для сбора социально-демографической информации с опорой на пенитенциарный опыт сотрудников психологической службы ГУФСИН России по Пермскому краю разработана анкета, состоящая из следующих пунктов: 1) пол, 2) возраст, 3) семейное положение, 4) образование, 5) статья УК РФ, 6) ранее судимый/несудимый, 7) наличие алкогольной/наркотической зависимости, 8) наличие/отсутствие социальной поддержки. Данные характеристики подобраны с учетом пенитенциарной практики как факторы, которые связаны с совершением преступлений.

Для оценки агрессивности осужденных использовалась проективная методика «Тест руки» Вагнера. Испытуемым предлагалось в качестве стимульного материала 9 социально нейтральных изображений кисти руки и одна пустая карточка, для которой необходимо представить руку и описать действия, которые она может совершать. Последовательность предъявления карточек испытуемым соответствовала инструкции автора. С помощью формул методики оценивались следующие показатели: вероятность агрессивных действий в поведении, личностная дезадаптация, тенденция к уходу от реальности и психопатология.

Для оценки эмоционального отклика как эмоционального компонента эмпатии использовалась методика «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, которая состоит из 25 пунктов, характеризующих повседневные социальные ситуации. С ее помощью определялись общие эмпатические тенденции — уровень выраженности способности к эмоциональному отклику на переживания другого.

Обработка данных. Данные обрабатывались в статистической программе JASP 0.18.3.0. Характер распределения переменных оценивался с помощью описательных статистик (асимметрия, эксцесс). Для выявления различий по агрессивности и эмоциональному отклику в группах осужденных с первой и повторной судимостью использовался сравнительный анализ — U-критерий Манна—Уитни, для сравнения с нормативными показателями — одновыборочный критерий Стьюдента. Для обнаружения различий в агрессивности и эмоциональном отклике у осужденных, совершивших различные по объекту воздействия преступления, применялся однофакторный ANOVA. Установление эффектов социально-демографических факторов на агрессивность и эмоциональный отклик происходило с помощью двухфакторного ANOVA.

Результаты исследования

Оценка характера распределения полученных данных проходила с помощью описательных статистик (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Описательные статистики (n = 291) Descriptive statistics (n = 291)

Параметры / Parameters	Me	M	SD	As	Ex	min	max
Агрессивность / Aggressiveness	1	0,863	2,244	-0,037	0,728	-6	9
Эмоциональный отклик / Emotional response	66	65,371	10,087	-0,270	0,149	31	89

Для показателей «Агрессивность» и «Эмоциональный отклик» значения асимметрии и эксцесса не превышали 1, поэтому они определены как соответствующие закону нормального распределения.

Анализ различий агрессивности и эмоционального отклика у осужденных с первой и повторной судимостью

Как видно из табл. 2, осужденные впервые и совершившие рецидив не различаются по показателям агрессивности ($U = 10651,5$, $p = 0,919$) и эмоционального отклика ($U = 9867$, $p = 0,321$). Обнаружены различия по отдельным пунктам методики «Шкала эмоционального отклика». Так, осужденные, совершившие рецидив, в большей степени сочувствуют беспомощным людям пожилого возраста и переживают из-за проблем друзей, чем осужденные впервые. Также обнаружено, что осужденные повторно более терпимы к открытому проявлению эмоций другими людьми, тогда как осужденные впервые демонстрируют неприязнь в подобных ситуациях.

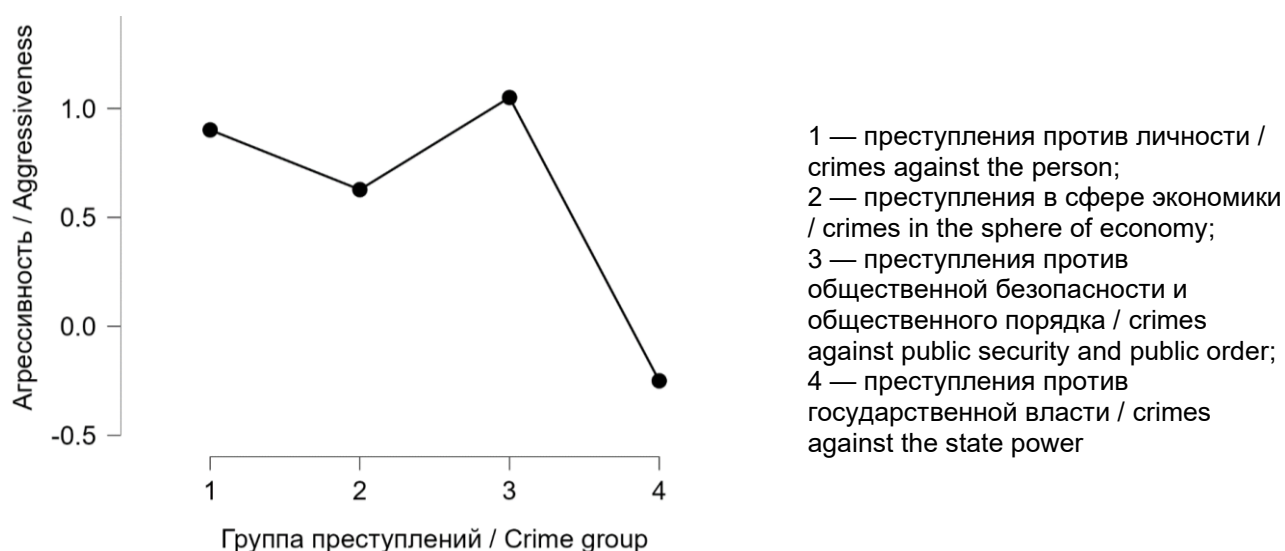
Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнительного анализа по показателям «Агрессивность» и «Эмоциональный отклик» в группах с первой судимостью и рецидивом (n = 291) Results of comparative analysis on Aggressiveness and Emotional Response in groups with first conviction and recidivism (n = 291)

Параметры / Parameters	Средние / Mean		U	p
	Первая судимость / First conviction (n = 149)	Рецидив / Recidivism (n = 142)		
Агрессивность / Aggressiveness	0,872	0,852	10651,5	0,919
Вопрос № 2 «Мне неприятно, когда люди не умеют сдерживаться и открыто проявляют»	2,564	2,268	12200,5	0,02

свои чувства» / Question 2 "I hate it when people don't know how to restrain themselves and openly show their feelings"				
Вопрос № 5 «Я близко к сердцу принимаю проблемы своих друзей» / Question 5: "I take my friends' problems to heart"	2,534	2,901	8386,5	0,002
Вопрос № 22 «Я очень расстраиваюсь, когда вижу беспомощных старых людей» / Question 22 "I get very upset when I see helpless old people"	3,06	3,338	8879,5	0,011
Эмоциональный отклик / Emotional response	64,624	66,155	9867	0,321

Вследствие отсутствия различий в агрессивности между осужденными с первой и повторной судимостью дополнительно проведен одновыборочный сравнительный анализ агрессивности у осужденных. В качестве нормативных значений приняты данные, полученные в исследовании М.М. Зелениной и Н.В. Дворянчикова (Зеленина, Дворянчиков, 2011), поэтому в выборке сравнения — только мужчины ($n = 247$). В результате обнаружено, что осужденные мужчины статистически достоверно имеют более выраженные показатели агрессивности, чем мужчины, не имеющие судимостей и никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности ($t = 12,705, p < 0,001, n = 247$).

Рис. 1. Выраженность агрессивности у лиц, осужденных за различные по объекту воздействия преступления ($n = 291$)

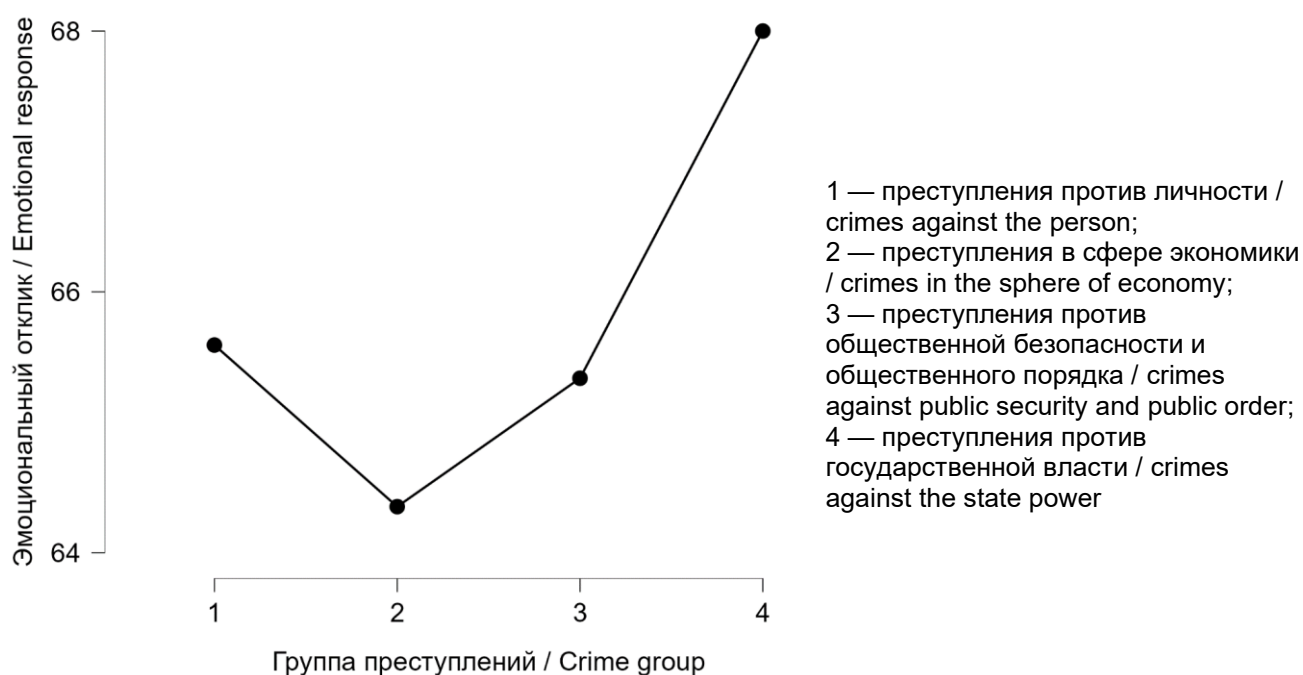
Fig. 1. Expression of aggressiveness in persons convicted for crimes different in object of influence ($n = 291$)

Анализ различий агрессивности и эмоционального отклика у осужденных за различные по объекту воздействия преступления

Результаты однофакторного дисперсионного анализа представлены на рис. 1.

Полученные данные свидетельствуют об отсутствии различий в склонности к проявлению агрессивных действий у осужденных, совершивших различные по объекту воздействия преступления ($F = 1,044, p = 0,374$).

Аналогичные результаты получены при сравнении осужденных по показателю «Эмоциональный отклик» (рис. 2).

Рис. 2. Выраженность эмоционального отклика у лиц, осужденных за различные по объекту воздействия преступления ($n = 291$)

Fig. 2. Expression of emotional response in persons, condemned for different on object of influence crimes ($n = 291$)

Как видно из рис. 2, в разных группах осужденных не обнаруживается достоверных различий в выраженности эмоционального отклика ($F = 0,377, p = 0,77$).

Анализ эффектов социально-демографических характеристик на агрессивность и эмпатический отклик осужденных

В табл. 3 представлены только значимые результаты двухфакторного дисперсионного анализа для показателя «Агрессивность». В качестве факторов выступили: судимость (две градации — первая/рецидив) и социальная поддержка (две градации — есть/нет).

Таблица 3 / Table 3

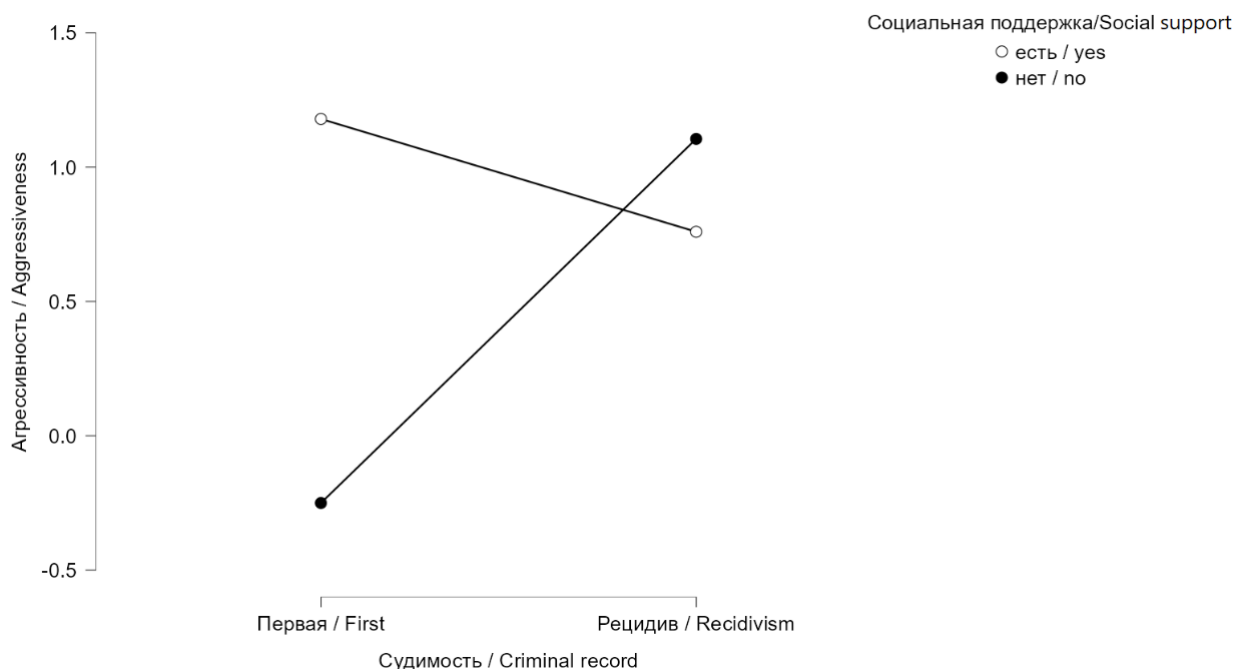
Эффекты факторов «Социальная поддержка» и «Судимость» для показателя «Агрессивность» (n = 291)

Effects of Social Support and Criminal Record for the Aggressiveness (n = 291)

Параметры / Parameters	F	p
Судимость / Criminal record	2,359	0,126
Социальная поддержка / Social Support	3,167	0,076
Социальная поддержка * Судимость / Social Support * Criminal record	8,495	0,004

Как видно из таблицы, осужденные впервые и повторно не различаются по агрессивности ($F = 2,359$, $p = 0,126$), что уже обнаружено ранее. Также само по себе наличие или отсутствие социальной поддержки не оказывает эффекта на агрессивность осужденных ($F = 3,167$, $p = 0,076$). Однако интерес представляет обнаруженный эффект взаимодействия данных факторов ($F = 8,495$, $p = 0,004$): при наличии социальной поддержки у осужденных показатели агрессивности в среднем выше, чем у всех остальных групп ($t = 3,238$ при $psheffe = 0,016$).

Наглядно результаты представлены на рис. 3.

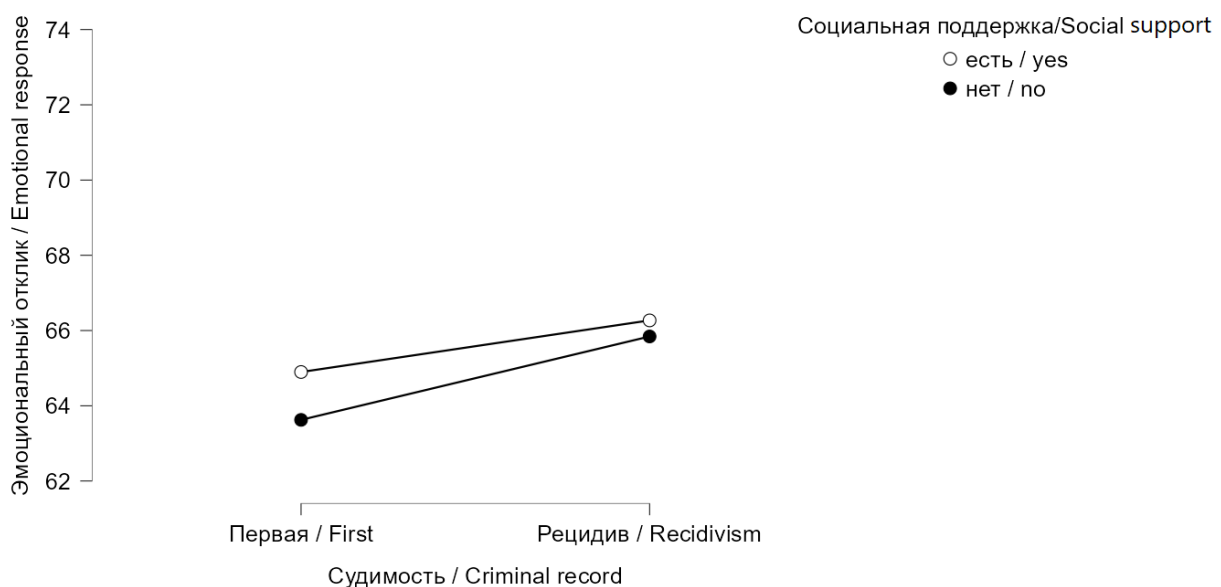

Рис. 3. Выраженность агрессивности у осужденных при разных уровнях факторов «Социальная поддержка» и «Судимость» (n = 291)

Fig. 3. Expressions of aggression in inmates at different levels of the factors Social support and Criminal record (n = 291)

Как видно из рис. 3, наиболее низкие значения по показателю «Агрессивность» демонстрируют осужденные впервые и не имеющие социальной поддержки ($M = -0,25$). При этом показатели по агрессивности увеличиваются у осужденных без социальной поддержки в случае, если они совершили повторное преступление ($M = 1,105$). Значимо не различаются осужденные впервые и имеющие социальную поддержку и совершившие рецидив осужденные без социальной поддержки. Интересно, что наибольшие показатели агрессивности свойственны группе, в которую включаются осужденные впервые и имеющие социальную поддержку ($M = 1,179$).

Результаты двухфакторного дисперсионного анализа для переменной «Эмоциональный отклик» оказались незначимыми. Не обнаружено эффекта факторов «Социальная поддержка» ($F = 0,374$, $p = 0,541$) и «Судимость» ($F = 1,667$, $p = 0,198$). Взаимодействие данных факторов тоже не оказало значимого эффекта ($F = 0,092$, $p = 0,761$). Наглядно результаты представлены на рис. 4.

Рис. 4. График средних значений показателя «Эмоциональный отклик» при разных уровнях факторов «Социальная поддержка» и «Судимость» ($n = 291$)
Fig. 4. Graph of mean values of the Emotional response indicator at different levels of the factors Social support and Criminal record ($n = 291$)

Как видно из рис. 4, наличие или отсутствие социальной поддержки у осужденных впервые и совершивших рецидив не оказывает эффекта на изменения в показателе «Эмоциональный отклик». В целом по выборке наблюдается тенденция к средним и высоким значениям по данной характеристике, что представляет отдельный интерес для изучения. Другие социально-демографические характеристики также не связаны с различиями в агрессивности и способности к эмоциональному отклику.

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

Обсуждение результатов

Изучение личностных особенностей осужденных остается актуальным направлением исследований для поиска причин рецидивной преступности, в том числе в пенитенциарной психологии. Полученные в нашем исследовании данные свидетельствуют о том, что склонность к открытому агрессивному поведению не различается у осужденных впервые и совершивших рецидивное преступление. Криминальная агрессия может объяснять поведение лиц, совершающих преступления, в том числе рецидивистов, ведь она носит навязчивый, стереотипный характер и связана с нарушениями на нейрхимическом уровне программирования поведения (Каширский, Старосельцева, 2023). Вместе с тем мы обнаружили, что осужденные мужчины в целом имеют более выраженную агрессивность в сравнении с мужчинами, которые никогда не привлекались к уголовной ответственности. Подобные результаты получены М.М. Зелениной и Н.В. Дворянчиковым (Зеленина, Дворянчиков, 2011).

По мнению И.С. Дорошенко, агрессивность — отличительная черта осужденных за преступления против личности (убийство, насилие, причинение тяжких телесных повреждений) (Дорошенко, 2010). Однако в нашем исследовании уровень агрессивности примерно одинаков у всех осужденных вне зависимости от объекта воздействия преступления. Скорее, мы подтверждаем данные исследователей о том, что повышенная агрессивность свойственна осужденным в целом (Сочивко, Клименко, 2018; Собчик, Спасенников, Кулакова, 2022; Назаров, 2022; Лопатина, 2022; Черемисова, Фешук, 2023).

Факт социальной поддержки у осужденных, имеющих первую судимость, связан с более высокой агрессивностью. Вероятно, сочетание первого попадания в места лишения свободы и наличие людей, которые остались «дома», активизирует агрессию как форму защиты — такие осужденные готовы бороться, потому что им есть, что терять.

Интересно, что агрессивность и эмпатия позиционируются как противоположные направления поведения: эмпатия выступает ингибитором агрессии (Биндасова, 2023). Полученные нами результаты позволяют говорить о том, что наличие повышенной агрессивности не притупляет сензитивность к переживаниям других. Чувствительность к переживаниям другого имеет высокие и средние показатели у всех испытуемых. Это может свидетельствовать о том, что осужденным не чужды эмоции: они откликаются на чувства других, сопереживают. Обнаружены различия только по отдельным вопросам методики «Шкала эмоционального отклика». Осужденные, совершившие рецидив, испытывают грусть, когда видят беспомощных возрастных людей. Возможно, в подобных ситуациях вид беспомощности людей старшего поколения вызывает ассоциации собственного бессилия. Также рецидивные преступники остаются равнодушными к проблемам друзей, хотя они оказываются более сдержанными и терпимыми к проявлениям эмоций другими людьми. Можно предположить, что при одновременной чувствительности присутствует страх перед эмоциями или неспособность их контролировать (Овсянникова, 2017): недостаточная эмоциональная осведомленность приводит к избеганию чувств, защитным реакциям или импульсивным действиям.

Итак, в целом, осужденные способны эмоционально откликаться на переживания других людей, однако возникает вопрос в отношении уровня рефлексии и понимания этих самых переживаний самих осужденных. Возможно, следует обратить внимание на развитие эмоционального интеллекта как ресурса для ресоциализации, поскольку распознавание,

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

понимание и управление своими эмоциями и эмоциями других людей — важный социальный навык, способствующий просоциальному поведению (Логвинова, 2021).

Заключение

Анализ имеющейся литературы относительно личностных особенностей преступников наводит на мысль о том, что совершение преступлений предопределено на биологическом и социально-психологическом уровнях. Лица, осужденные впервые, являются преступниками, нарушившими социальные и правовые нормы. Однако людей, совершивших повторные правонарушения, можно назвать уже преступными личностями, которых характеризуют низкий уровень морали, стойкие асоциальные установки, склонность к стереотипному поведению и мышлению. Выдвинутая в нашем исследовании гипотеза о более выраженной склонности к агрессивному поведению у осужденных, совершивших рецидив, чем у осужденных впервые, не получила эмпирической поддержки, хотя по сравнению с «нормой» осужденным в целом присущ более высокий уровень агрессивности.

Получены уникальные результаты относительно эмпатии у осужденных. Несмотря на различный характер совершенных преступлений и их направленность, осужденные способны эмоционально откликаться на переживания других, т. е. они сохраняют чувствительность. Дальнейших исследований требует сфера эмпатии осужденных: способны ли они понимать эмоции других людей, а также могут ли они оказывать помощь.

Установленные в настоящем исследовании данные могут выступить ключевыми компонентами коррекции асоциального поведения — смещения вектора пенитенциарной работы на развитие просоциальных характеристик как адаптационного потенциала осужденных. Видится необходимым продолжить изучение социальных и эмоциональных навыков у осужденных с целью построения программ психологического сопровождения в процессе ресоциализации.

Ограничения. Мы осознаем, что исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, выборка неоднородна по полу — преобладают осужденные мужчины. Во-вторых, диагностический инструментарий представлен несколькими методиками в силу ограниченного времени на работу с осужденными.

Limitations. We are aware that the study has a number of limitations. Firstly, the sample is heterogeneous by gender — male convicts predominate. Secondly, the diagnostic tools are represented by several methods due to the limited time spent working with convicts.

Список источников / References

1. Биндасова, О.В. (2022). Взаимосвязь показателей эмпатии с типами просоциального поведения и асоциальными личностными чертами осужденных за убийство. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*, 1(43), 184—188. URL: <https://www.elibrary.ru/mmfrir> (дата обращения: 13.04.2025).
Bindasova, O.V. (2022). Relationship of empathy indicators with the types of prosocial behavior and asocial personality traits of convicted of murder. *Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus*, 1(43), 184—188. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/mmfrir> (viewed: 13.04.2025).
2. Биндасова, О.В. (2023). Просоциальные характеристики, ингибирующие асоциальные

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

черты личности осужденных, совершивших тяжкие преступления. *Право. Экономика. Психология*, 4(32), 68—77. URL: <https://www.elibrary.ru/zldzcv> (дата обращения: 13.04.2025).

Bindasova, O.V. (2023). Pro-Social Characteristics that Inhibit Antisocial Personality Traits of Convicts who Committed Serious Crimes. *Law. Economics. Psychology*, 4(32), 68—77. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/zldzcv> (viewed: 13.04.2025).

3. Дорошенко, И.С. (2010). Об опыте формирования у осужденных эмпатийного поведения. *Вестник института: преступление, наказание, исправление*, 11, 50—52. URL: <https://www.elibrary.ru/muqowp> (дата обращения: 13.04.2025).

Doroshenko, I.S. (2010). On the experience of developing empathic behavior in convicts. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*, 11, 50—52. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/muqowp> (viewed: 13.04.2025).

4. Заломина, К.В. (2022). О значимости изучения эмпатии несовершеннолетних осужденных. *Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты»*, 26, 61—65. URL: <https://www.elibrary.ru/blzsy> (дата обращения: 13.04.2025).

Zalomina, K.V. (2022). On the importance of studying the empathy of juvenile convicts. *Bulletin of the Public Research Laboratory “Interaction of the penal enforcement system with civil society institutions: historical, legal, theoretical and methodological aspects”*, 26, 61—65. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/blzsy> (viewed: 13.04.2025).

5. Зеленина, М.М., Дворянчиков, Н.В. (2011). Психологические особенности агрессивных проявлений лиц, осужденных условно. *Психология и право*, 1(2), Статья 8. URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n2/40892 (дата обращения: 13.04.2025).

Zelenina, M.M., Dvoryanchikov, N.V. (2011). Psychological Peculiarities of Aggressive Manifestations in Criminals with Suspended Sentences. *Psychology and Law*, 1(2), Article 8. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/psylaw/archive/2011_n2/40892 (viewed: 13.04.2025).

6. Злоказов, К.В. (2023). Оценка личностных, межличностных и социальных проблем в ресоциализации лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 3(99), 218—226. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>

Zlokazov, K.V. (2023). Assessment of personal, interpersonal and social factors related to resocialisation of convicted individuals. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3(99), 218—226. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2023-3-218-226>

7. Зубова, Л.В. (2005). К вопросу асоциальной направленности личности: ценностно-ориентационный аспект. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 4(42), 17—23. URL: <https://www.elibrary.ru/jvlglb> (дата обращения: 13.04.2025).

Zubova, L.V. (2005). To the question of a persons asocial orientation: value-orientational aspect. *Vestnik of the Orenburg State University*, 4(42), 17—23. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/jvlglb> (viewed: 13.04.2025).

8. Каширский, Д.В., Старосельцева, О.В. (2023). Особенности криминального поведения обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений с различными нарушениями

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

- функций программирования, регуляции и контроля психической деятельности (Часть 1). *Психология и право*, 13(4), 53—69. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130405>
- Kashirsky, D.V., Staroseltseva, O.V. (2023). Features of Criminal Behavior of the Accused of the Particularly Serious Crime with Violations of Programming, Regulation and Control Functions of Mental Activity (Part 1). *Psychology and Law*, 13(4), 53—69. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130405>
9. Коноплева, И.Н., Князева, С.О., Дебольский, М.Г., Красненкова, С.А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12(2), 27—41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
- Konopleva, I.N., Knyazeva, S.O., Debolsky, M.G., Krasnenkova, S.A. (2022). Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes. *Psychology and Law*, 12(2), 27—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>
10. Кротова, Д.Н. (2023). Развитие способности к эмпатии у осужденных за преступления против жизни и здоровья. В: *Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию со дня рождения профессора Александра Львовича Ременсона — юриста, ученого-пенитенциариста, педагога, основателя Томской школы исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права. Выпуск 11* (с. 255—257). Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России. URL: <https://www.elibrary.ru/dxcjgr> (дата обращения: 13.04.2025).
- Krotova, D.N. (2023). Development of empathy in prisoners of crimes against life and health. In: *The penal enforcement system: pedagogy, psychology and law: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on the 100 th anniversary of the birth of Professor Alexander Lvovich Remenson — lawyer, scientist, penitentiary, teacher, founder of the Tomsk School of Correctional Labor (Penal Enforcement) Law* (pp. 255—257). Tomsk: FSEI APT Tomsk IIPSW FAEP Russia Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/dxcjgr> (viewed: 13.04.2025).
11. Лопатина, Н.В. (2022). Агрессия и ее роль в возникновении конфликтов в среде осужденных. *Человеческий фактор: Социальный психолог*, 1(43), 132—136. URL: <https://elibrary.ru/jrakuj> (дата обращения: 13.04.2025).
- Lopatina, N.V. (2022). Aggression and its role in the emergence of conflicts among condemned persons. *Human Factor: Social Psychologist*, 1(43), 132—136. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/jrakuj> (viewed: 13.04.2025).
12. Назаров, В.И., Лопатина, Н.В., Турчин, А.С. (2022). Проблемность диагностики и контроля предикторов агрессивного поведения осужденных в местах отбывания наказания. В: И.А. Кондаурова, М.В. Жаболенко (ред.), *Управление персоналом: реалии настоящего и возможности будущего. Материалы I Международной научно-практической конференции, г. Донецк, 20 апреля 2022 г.* (с. 141—147). Донецк: ДонНТУ. URL: <https://www.elibrary.ru/tisrfm> (дата обращения: 13.04.2025).
- Nazarov, V.I., Lopatina, N.V., Turchin, A.S. (2022) The problematic nature of diagnostics and control of predictors of aggressive behavior of convicts in places of serving their sentences. In: I.A. Kondaurova, M.V. Zhabolenko (Eds.), *Human Resources Management: Present Realities and Future Opportunities. Proceedings of the 1st International Scientific and Practical Conference, Donetsk, April 20, 2022* (pp. 141—147). Donetsk: Donetsk National Technical University Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/tisrfm> (viewed: 13.04.2025).
13. Овсянникова, М.В. (2017). Изучение эмоциональной сферы личности осужденных

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

женщин: история и современность. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 23(2), 54—57. URL: <https://www.elibrary.ru/zqpugr> (дата обращения: 13.04.2025).

Ovsyannikova, M.V. (2017). The study of the emotional sphere of female offenders: history and modernity. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, 23(2), 54—57. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/zqpugr> (viewed: 13.04.2025).

14. Овсянникова, М.В. (2020). К вопросу об эмоциональной зрелости осужденных женского пола, отбывающих наказание в исправительных колониях. В: *Уголовно-исполнительная система на современном этапе и перспективы ее развития: Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции (Рязань, 18–19 ноября 2020 г.): в 6 т. Т. 5: Материалы Всероссийского круглого стола с международным участием «Современная пенитенциарная практика: воспитательная, социальная и психологическая работа»* (с. 331—334). Рязань: Академия ФСИН России. URL: <https://elibrary.ru/jwvypun> (дата обращения: 13.04.2025).

Ovsyannikova, M.V. (2020). On the emotional maturity of female condemned persons sent to correctional colonies. In: *The penal system at the present stage and prospects for its development: A collection of abstracts of speeches and reports of participants of the International scientific and practical conference (Ryazan, November 18–19, 2020): in 6 volumes. Volume 5: Proceedings of the All-Russian round table with international participation “Modern penitentiary practice: educational, social and psychological work”* (pp. 331—334). Ryazan: The Academy of the FPS of Russia Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/jwvypun> (viewed: 13.04.2025).

15. Пахомова, Д.А. (2023). К вопросу о психологических особенностях личности осужденных рецидивистов. *Прикладная юридическая психология*, 4(65), 116—126. [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)

Pahomova, D.A. (2023). On the question of the psychological characteristics of the personality of convicted repeat offenders. *Applied Legal Psychology*, 4(65), 116—126. (In Russ.) [https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4\(65\).116-126](https://doi.org/10.33463/2072-8336.2023.4(65).116-126)

16. Петрова, К.А. (2009). Эмпатия как психологический механизм развития этнического самосознания личности. *Омский научный вестник*, 4(179), 125—128. URL: <https://elibrary.ru/mwbeeb> (дата обращения: 13.04.2025).

Petrova, K.A. (2009). Empathy and its role in the development of ethnic self-consciousness of a personality. *Omsk Scientific Bulletin*, 4(179), 125—128. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/mwbeeb> (viewed: 13.04.2025).

17. Ратинов, А.Р. (Ред.). (1979). Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход. В: *Личность преступника как объект психологического исследования: сборник научных трудов* (с. 3—33). М.: Издательство Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности.

Ratinov, A.R. (Ed.). (1979). Psychology of the Criminal's Personality. A Value-Normative Approach. In: *The Criminal's Personality as an Object of Psychological Research: A Collection of Scientific Papers* (pp. 3—33). Moscow: All-Union Institute for the Study of Causes and the Development of Measures to Prevent Crime Publ. (In Russ.).

18. Свенцицкий, А.Л., Казанцева, Т.В. (2015). Повседневное просоциальное поведение личности как накопление социального капитала. *Вестник Санкт-Петербургского*

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика, 2, 45—55. URL: <https://elibrary.ru/tzfxtd> (дата обращения: 13.04.2025).

Sventsitskiy, A.L., Kazantseva, T.V. (2015). Everyday prosocial behavior of personality as accumulation of social capital. *Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2, 45—55. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/tzfxtd> (viewed: 13.04.2025).

19. Собчик, Л.Н., Спасенников, Б.А., Кулакова, С.В. (2022). Криминологические аспекты агрессивности. *Психология и право*, 12(1), 209—225. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120116>

Sobchik, L.N., Spasennikov, B.A., Kulakova, S.V. (2022). Criminological Aspects of Aggression. *Psychology and Law*, 12(1), 209—225. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120116>

20. Сочивко, Д.В., Клименко, В.С. (2018). Некоторые психологические особенности осужденных за разные виды преступлений: анализ эмпирического исследования. *Прикладная юридическая психология*, 1(42), 41—45. URL: <https://elibrary.ru/ywukue> (дата обращения: 13.04.2025).

Sochivko, D.V., Klimenko, V.S. (2018). Some psychological features of suffered for different kinds of crimes: analysis of empirical study. *Applied Legal Psychology*, 1(42), 41—45. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/ywukue> (viewed: 13.04.2025).

21. Филиппова, О.В. (2022). Криминологическая характеристика рецидивной преступности в Центральном федеральном округе России. *Актуальные проблемы государства и права*, 6(3), 394—403. <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-394-403>

Filippova, O.V. (2022). Criminological characteristics of recurrent crime in the Central Federal District of Russia. *Current Issues of the State and Law*, 6(3), 394—403. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-3-394-403>

22. Филиппова, О.В. (2021). Социально-психологические детерминанты рецидивной преступности. *Вестник Томского государственного университета*, 468, 265—269. <https://doi.org/10.17223/15617793/468/31>

Filippova, O.V. (2021). Socio-psychological determinants of recidivism. *Tomsk State University Journal*, 468, 265—269. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/15617793/468/31>

23. Черемисова, И.В., Фещук, Ю.И. (2023). Особенности проявлений агрессивного поведения осужденных мужского пола различного социального статуса. *Пенитенциарная наука*, 17(4), 427—435. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.010>

Cheremisova, I.V., Feshchuk, Yu.I. (2023). Describing manifestation of aggressive behavior of male convicts of various social status. *Penitentiary Science*, 17(4), 427—435. (In Russ.). <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2023.64.4.010>

Информация об авторах

Екатерина Сергеевна Игнатова, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и клинической психологии, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО ПГНИУ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-7879>, e-mail: 131013@mail.ru

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

Екатерина Викторовна Кушева, ассистент кафедры общей и клинической психологии, философско-социологический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет (ФГАОУ ВО ПГНИУ), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3225-108X>, e-mail: katakxx@mail.ru

Анна Владимировна Панфилова, полковник внутренней службы, заместитель начальника, Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю (ГУФСИН России по Пермскому краю), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4286-1281>, e-mail: panfilos@mail.ru

Любовь Вячеславовна Кустова, капитан внутренней службы, психолог внутренней службы, Главное управление Федеральной службы исполнения наказаний по Пермскому краю (ГУФСИН России по Пермскому краю), Пермь, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2806-2967>, e-mail: ledikustova@yandex.ru

Information about the authors

Ekaterina S. Ignatova, Candidate of Science (Psychology) Docent, Head of the Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3288-7879>, e-mail: 131013@mail.ru

Ekaterina V. Kusheva, Assistant of the Department of General and Clinical Psychology, Faculty of Philosophy and Sociology, Perm State University, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3225-108X>, e-mail: katakxx@mail.ru

Anna V. Panfilova, Colonel of Internal Service, Deputy Head, Russian Federal Penitentiary Service for Perm Region, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4286-1281>, e-mail: panfilos@mail.ru

Lyubov V. Kustova, Captain of Internal Service, Internal Service Psychologist, Russian Federal Penitentiary Service for Perm Region, Perm, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-2806-2967>, e-mail: ledikustova@yandex.ru

Вклад авторов

Игнатова Е.С. — идея и планирование исследования, подбор методик; контроль за проведением исследования; работа с литературой и корректировка рукописи.

Кушева Е.В. — подготовка матрицы и анализ данных; описание результатов и их интерпретация, работа с литературой, написание основного текста и оформление рукописи.

Панфилова А.В. — идея исследования, сбор данных, контроль за проведением исследования.

Кустова Л.В. — идея исследования, сбор данных, контроль за проведением исследования.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Ekaterina S. Ignatova — ideas and planning of the research, selection of methods; control over the of the research; work with literature and correction of the manuscript.

Игнатова Е.С., Кушева Е.В.,
Панфилова А.В., Кустова Л.В. (2026)
Агрессивность и способность к эмоциональному отклику
у осужденных с первой и повторной судимостью
Психология и право, 16(2), 100—117.

Ignatova E.S., Kusheva E.V.,
Panfilova A.V., Kustova L.V. (2026)
Aggressiveness and ability to respond emotionally in
convicts with first and repeat convictions
Psychology and Law, 16(2), 100—117.

Ekaterina V. Kusheva — preparation of the matrix and data analysis; description of the results and their interpretation, work with literature, writing and design of the manuscript.

Anna V. Panfilova — ideas, data collection, control over the of the research.

Lyubov V. Kustova — ideas, data collection, control over the of the research.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 13.05.2025
Поступила после рецензирования 04.06.2025
Принята к публикации 04.06.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.05.13
Revised 2025.06.04
Accepted 2025.06.04
Published 2026.06.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

**Информационная безопасность детей и подростков в мире:
характеристика основных направлений исследований
и научно-практических разработок**

П.А. Сорокин^{1,2}✉, А.А. Бочавер³

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

² Корпоративный университет Московского образования, Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

✉ pavsorokin@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Информационная безопасность детей и подростков — в настоящее время важнейший предмет междисциплинарных исследований и практической деятельности. Данные российских и международных исследований свидетельствуют о высоком уровне представленности угроз информационной безопасности несовершеннолетних, основные из которых — киберагрессия, кража персональных данных, сетевая педофилия, вовлечение в деструктивные субкультуры и движения, манипуляции несовершеннолетними в преступных целях, аддикции. **Цель:** систематизация и описание перспектив и ограничений основных подходов к проблемам информационной безопасности детей и подростков в современной науке и прикладных разработках, а также выстраивание перспективы по формированию комплексного подхода к проблематике информационной безопасности несовершеннолетних, в котором бы интегрировались наиболее конструктивные решения существующих подходов. **Гипотеза** исследования состоит в том, что существует ряд достаточно изолированных друг от друга подходов или направлений в сфере информационной безопасности, каждое из которых обладает определенными достоинствами и перспективами, но также и существенными ограничениями. **Методы и материалы:** были проведены поиск и анализ литературы по ключевым словам в наукометрических базах eLibrary и Lens. **Результаты:** выделены три основных направления исследований и прикладных разработок в сфере информационной безопасности несовершеннолетних: технологическое; социально-психологическое; общественно-политическое, или нормативное. Рассмотрены основные принципы и содержательные достижения в рамках

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

каждого направления. Показано, что все три направления обладают серьезными достоинствами, в каждом из них достигнуты существенные научные и прикладные результаты, однако имеются и ограничения, отчасти связанные со значительной изоляцией каждого направления от остальных. **Выводы:** для преодоления существующих сложностей, получения междисциплинарных научных данных и своевременной актуализации прикладных разработок рекомендуется продвижение комплексного подхода с интеграцией технологических, социально-психологических и общественно-политических решений и вовлечением обширного ряда лидеров, принимающих решения, стейкхолдеров на разных этапах научно-практической работы.

Ключевые слова: информационная безопасность несовершеннолетних, онлайн-угрозы, онлайн-риски, профилактика, цифровая социализация, цифровое детство

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00271.

Для цитирования: Сорокин, П.А., Бочавер, А.А. (2026). Информационная безопасность детей и подростков в мире: характеристика основных направлений исследований и научно-практических разработок. *Психология и право*, 16(2), 118—131. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160208>

Information security of children and adolescents around the world: characteristics of the main areas of research

P.A. Sorokin^{1,2}✉, **A.A. Bochaver**³

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Corporate University of Moscow Education, Moscow, Russian Federation

³ HSE University, Moscow, Russian Federation

✉ pavsorokin@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. Information security for children and adolescents is currently a key subject of interdisciplinary research and practice. Data from Russian and international studies indicate a high prevalence of threats to the information security of minors, the main ones being cyberbullying, personal data theft, online pedophilia, involvement in destructive subcultures and movements, manipulation of minors for criminal purposes, and addictions. **Objective.** To systematize and describe the prospects and limitations of the main approaches to information security for children and adolescents in modern science and applied research, as well as to develop a comprehensive approach to the issue of information security for minors that would integrate the most constructive solutions from existing approaches. **Hypothesis.** There is a number of relatively isolated approaches and study directions in the field of information security, each with its own merits and potential, but also significant limitations. **Methods and Materials.** A literature search using keywords in the

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

scientometric databases eLibrary and Lens to conduct the analysis. **Results.** Three main areas of research and applied development in the field of information security for minors were identified: technological; socio-psychological; and socio-political, or normative. The main principles and substantive achievements within each area are examined. It is shown that all three areas have significant merits, and each has achieved significant scientific and applied results. However, there are also limitations, partly related to the significant isolation of each area from the others. **Conclusions.** To overcome existing difficulties, obtain interdisciplinary scientific data, and timely update applied research, it is recommended to promote an integrated approach that includes technological, socio-psychological, and socio-political solutions and involves a wide range of decision-makers and stakeholders at various stages of scientific and practical work.

Keywords: information security of minors, online threats, online risks, prevention, digital socialization, digital childhood

Funding. The study was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project № 19-18-00271).

For citation: Sorokin, P.A., Bochaver, A.A. (2026). Information security of children and adolescents around the world: characteristics of the main areas of research. *Psychology and Law*, 16(2), 118—131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160208>

Введение

Развитие и социализация несовершеннолетних формируются в условиях новой реальности под значительным влиянием цифровых технологий. Исследователями фиксируются изменения высших психических функций, механизмов формирования личности, форм взаимоотношений, культурных практик (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). В связи с этим риски для детей и подростков в коммуникационном пространстве являются важнейшим предметом междисциплинарных исследований и прикладных решений в XXI веке. С вопросами информационной безопасности (ИБ) работают психологи, юристы, криминалисты, программисты, IT-специалисты, эксперты по связям с общественностью, социологи, политологи, культурологи, философы, журналисты и т. д. В психологии данная тема актуальна, прежде всего потому, что нарушения ИБ могут иметь тяжелые последствия для психологического благополучия. В силу междисциплинарности предмета, стремительного обновления рисков, связанных с технологическим прогрессом, а также различиями в задачах и ограничениях авторов, исследования зачастую изолированы друг от друга и фрагментарны. Среди исследователей не достигнут консенсус в том, что касается закономерностей развития детей и молодежи в контексте цифровой среды, и отсутствует последовательная система снижения рисков и усиления компетенций у новых пользователей по мере освоения цифровых сред.

Научная электронная библиотека содержит 45 392 публикации на тему информационной безопасности несовершеннолетних (из них около 78% датированы 2015—2025 гг.). В основном она понимается как состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и(или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию. Чрезвычайные происшествия (ЧП) с

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

несовершеннолетними в контексте ИБ представляют собой негативные сценарии реализации угроз, связанных с коммуникацией, контентом, персональными (в том числе финансовыми) данными, техническими устройствами, интернет-зависимостью (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). В числе основных угроз следует отметить киберагрессию (в том числе кибербуллинг), кражу персональных данных (в том числе риски, связанные с использованием нейросетей), сетевую педофилию (онлайн-груминг), вовлечение в деструктивные субкультуры и движения, манипуляции несовершеннолетними в преступных целях, аддикции (в частности, зависимость от компьютерных игр). Наиболее распространенная в мире классификация угроз в Интернете представлена в модели 4С — угрозы, связанные с контентом (content), контактами (contact), поведением (conduct), а также потреблением (consumer/contract). Впоследствии в нее были добавлены «сквозные» риски, связанные с искусственным интеллектом и интернетом вещей, нарушениями приватности, рисками для здоровья и благополучия (Children in the digital environment..., 2021). В отечественной традиции доминирует модель пяти онлайн-рисков: контентные, коммуникационные, потребительские, технические, интернет-зависимость (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017).

По данным опроса ВЦИОМ, в 2025 г. россияне больше всего боялись кражи персональных данных¹, а каждый пятый считал виртуальную травлю одной из главных угроз для детей в Интернете². По данным ЮНЕСКО³, в 2025 г. в мире каждый десятый школьник ежемесячно подвергался кибербуллингу (умышленным агрессивным действиям, совершаемым группой лиц или одним лицом с использованием электронных форм контакта) (Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020). Кибербуллинг — эмоционально значимое событие для подростков с тяжелыми последствиями. В eLibrary по запросу «кибербуллинг» находится 12 338 публикаций, из них больше 50% выпущены после 2022 года.

Однако проблема киберагрессии не исчерпывается кибербуллингом. В силу недостатка открытых данных и правовых ограничений в публикациях слабо представлены темы о вовлечении детей в деструктивные ARG (alternate reality games, игротехники в «альтернативной» или смешанной реальности, например так называемые «группы смерти»), об активности сетевых педофилов (в контексте развития сообществ преступников в так называемом «Темном» сегменте Интернета, DarkNet), ряда специфических и опасных субкультур, запрещенных в РФ организаций и движений («Школьные стрелки — «Колумбайнеры *», «АУЕ**», *запрещены в РФ*). Обратимся к соответствующим цифрам Научной электронной библиотеки: 319 публикаций о «Колумбайне*» (2022—2025), 191 об АУЕ** (2022—2025), 2 об онлайн-груминге (сетевая педофилия) (2022—2025), единственная публикация про деструктивные ARG, около 20 материалов, упоминающих игротехнику «Синий кит» (2022—2025). О росте статистики преступлений в отношении неприкосновенности несовершеннолетних с использованием Интернета регулярно заявляют

¹ *Индекс цифрофобии*. (2025). АЦ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/indeks-sifrofobii> (дата обращения: 04.12.2025).

² Ячменникова П. (2025, Март 25) В сетях травят. *Коммерсантъ*. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7603751> (дата обращения: 04.12.2025).

³ *Cyberbullying is not cool: How words matter to any learner's education, online or offline*. (2025). UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/cyberbullying-not-cool-how-words-matter-any-learners-education-online-or-offline> (дата обращения 04.12.25).

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

Интерпол, ОДКБ, МВД, Следственный комитет и другие (например, отчет Childlight (2025))⁴. При этом в России и в мире ужесточается ответственность за различные категории преступлений, связанные с ИБ несовершеннолетних, на основе материалов комплексных судебно-психиатрических экспертиз (КСПЭ) разрабатываются прикладные модели формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве (Дозорцева, 2025).

Целью данной статьи является систематизация и описание перспектив и ограничений основных подходов к проблемам ИБ детей и подростков в современной науке и прикладных разработках, а также выстраивание перспективы по формированию комплексного подхода к проблематике ИБ несовершеннолетних, в котором бы интегрировались наиболее конструктивные решения существующих подходов.

Материалы и методы

Статья выполнена в форме нарративного обзора. Для выделения ключевых подходов к проблемам ИБ были проведены поиск и анализ научной литературы в двух наукометрических базах: eLibrary.ru — по ключевым словам: *цифровое детство, онлайн-риски, киберугрозы, киберагрессия, детская информационная безопасность, родительский контроль, дети и искусственный интеллект, дети и нейросети, кибербуллинг, онлайн-груминг (сетевая педофилия), деструктивные ARG, скулшутинг*, Колумбайн*, АУЕ**, игровая зависимость*, — и lens.org — по ключевым словам: *digital childhood, online risks, cyber threats, cyber aggression, children's information security, parental control, children and artificial intelligence (AI), cyberbullying, online grooming (online pedophilia), destructive ARG, school shooting, Columbine*, gaming addiction*. Дополнительно по тем же ключевым словам осуществлялся поиск в публикациях за 2022—2025 гг. изданий «Киберпсихология», «Современная зарубежная психология», «Психология и право», а также в профессиональной системе мониторинга СМИ и соцсетей «Медialogия». В мониторинг в рамках подготовки обзора попали свыше 50 тыс. источников. Для поиска информации использовались модели нейросетей Perplexity.ai и DeepSeek.com (в промптах для поиска использованы те же ключевые слова).

Результаты

Проведенный анализ позволил выявить три основные направления, в рамках которых проводятся исследования ИБ детей и подростков и разрабатываются прикладные решения по профилактике, просвещению и урегулированию уже произошедших ситуаций, включающих нарушения ИБ. Ниже приводятся основные принципы каждого из направлений, ссылки на практические разработки, а также обсуждаются перспективы и ограничения.

Технологическое направление

Это направление связано с инструментами обеспечения ИБ несовершеннолетних (программы родительского контроля, защита персональных данных) и анализом новых пространств коммуникации. Важная роль в нем отводится новым платформам и технологиям (Okoli et al., 2024; Ziorklui, 2024).

---

⁴ Fry, D. (2024, May 27). We found over 300 million young people had experienced online sexual abuse and exploitation over the course of our meta-study. *The Conversation*. URL: <https://theconversation.com/we-found-over-300-million-young-people-had-experienced-online-sexual-abuse-and-exploitation-over-the-course-of-our-meta-study-229039> (дата обращения: 04.12.2025).

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

Когда дети делятся личной информацией в Интернете, это делает их более уязвимыми для кражи личных данных и эксплуатации. Среди технологий, решающих задачи родительского контроля, фигурируют: фильтрация контента, контроль экранного времени, мониторинг и контроль детской активности в различных сервисах и приложениях. Авторы подчеркивают перспективность сочетания родительского контроля с просветительскими программами для школьников по теме ИБ онлайн (Oshodi et al., 2024). При этом родительский контроль может вызывать у детей страх осуждения и наказаний, приводить к секретам, мешать доверительным беседам. Одновременно недостаток родительского контроля связан с повышенным рискованным поведением и может привести, например, к секстингу (Dolev-Cohen, Ricon, 2020). Важную роль играет возраст, поскольку ограничения, подходящие для младшего подростка, старшие подростки могут воспринимать как чрезмерно контролирурующие (Young, Tully, 2022).

Технологическое направление тесно связано с деятельностью профильных IT-компаний: эксперты регулярно анализируют актуальные тренды, возможности профилактики и варианты ЧП в ситуациях, связанных с использованием несовершеннолетними Интернета и новых коммуникационных пространств. В России компания Kaspersky регулярно публикует обзоры о динамике ситуации в сфере ИБ несовершеннолетних, в частности, в 2024 г. компания спрогнозировала уязвимости технологии нейросетей (например, при обработке личных фотографий), а также атаки мошенников на геймеров⁵.

Большое внимание уделяется коммуникативному пространству нейросетей (технологии искусственного интеллекта, ИИ): например, опрос 2025 года⁶ показал, что 31% американских подростков считают общение с ИИ-компаньонами «таким же приятным или более приятным», чем с реальными друзьями; 33% подростков обсуждали серьезные или важные вопросы с ИИ, а не с настоящими людьми; 24% делились с ним персональными данными. 72% опрошенных регулярно небезопасно используют различные нейросети, беспрецедентно усиливая уязвимость своих персональных данных. В то же время родители скорее демонстрируют консервативное отношение к технологии ИИ. Например, по данным опроса ВЦИОМ⁷, в 2025 г. 46% взрослых россиян считали, что не разрешили бы использовать ИИ своему ребенку для учебы в школе при подготовке домашних работ и заданий. Различие позиций в отношении ИИ между детьми и взрослыми содержит риск межпоколенческого разрыва и показывает необходимость поиска сочетания заботы о безопасности с использованием достижений технического прогресса.

Активно обсуждается пространство видеоигр, при этом прежний фокус на пропаганде жестокости и рисках возникновения зависимости (игровая аддикция зафиксирована в Международном каталоге болезней; рассматриваются темы зависимости от компьютерных игр, онлайн-казино) постепенно смещается на обсуждение перспективности их использования

---

⁵ «Лаборатория Касперского» назвала неклассические источники онлайн-угроз для детей в 2024 году. (2024). Kaspersky. АО «Лаборатория Касперского». URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-nazvala-neklassicheskie-istochniki-onlajn-ugroz-dlya-detej-v-2024-godu> (дата обращения: 04.12.2025).

⁶ *Talk, Trust, and Trade-Offs: How and Why Teens Use AI Companions*. (2025). Common Sense Media https://www.common Sense Media.org/sites/default/files/research/report/talk-trust-and-trade-offs_2025_web.pdf (дата обращения: 04.12.2025).

⁷ *Искусственный интеллект в школе: добро или зло?* (2025). АЦ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/iskusstvennyi-intellekt-v-shkole-dobro-ili-zlo> (дата обращения: 04.12.2025).

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

для улучшения когнитивных функций и психического благополучия (Клопотова, Романова, 2020; Лаптева, 2024).

Профилактика в рамках технологического направления интерпретируется IT-компаниями в рамках своих компетенций и состоит чаще всего во внедрении технологического родительского контроля и комплексном защитном решении для всех устройств в семье (предлагая, например, функции безопасного поиска, контроля времени онлайн, посещаемых сайтов, тематику интернет-сервисов, образовательные материалы по ИБ). Различные финансовые организации регулярно публикуют сводки по утечкам персональных данных, информацию о мошенниках и их способах воздействия, в частности на детей.

Технологическое направление предоставляет решения по регулированию детской онлайн-активности, позволяя предупредить риски, связанные с кражей и использованием персональных данных. Сильной его стороной является регулярное обновление инструментов и оперативное реагирование на появление новых рисков. В то же время в нем почти не уделяется внимания социальным, психологическим и образовательным аспектам: в приоритете — технологическая защищенность и изоляция ребенка от потенциальной угрозы с помощью родительского контроля и программной инфраструктуры.

Социально-психологическое направление

Это направление исследований и практических разработок предполагает анализ мышления, поведения, социально-психологических ресурсов и рисков для личности и коллектива в контексте опасных ситуаций в коммуникационном пространстве, а также изучение отдельных цифровых угроз, например киберагрессии и сетевой педофилии. Киберагрессия определяется как намеренный вред, который причиняется посредством использования электронных устройств одному человеку или группе людей вне зависимости от возраста и воспринимается ими как оскорбление, унижение, нежелательное поведение или нанесение ущерба (Grigg, 2010). Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова и С.В. Чигарькова (2020) указывают на постоянное расширение диапазона деструктивных коммуникативных практик и трансформацию их содержания: 86% подростков, участвовавших в исследовании, в различной роли сталкивались хотя бы с одним из рассматриваемых видов киберагрессии (кибербуллинг, stalking, троллинг, флейминг и др.). Психологические исследования ложатся в основу профилактики киберагрессии, а также продвижения определенных ценностей и форм поведения — например, это могут быть такие цели, как развитие самоконтроля и виртуальной эмпатии (Тернакооп et al., 2024), интереса к обучению (Mendez et al., 2024), формирование просоциального поведения (Chu et al., 2024).

Отдельный кластер исследований посвящен феномену сетевой педофилии, поскольку в России и в мире сохраняются высокие показатели совершения сексуальных преступлений в сети в отношении несовершеннолетних. Изучаются онлайн-практики общения с преступниками — например, алгоритмы общения педофилов с детьми и сценарии сопротивления жертв (Медведева, 2025; Thomas et al., 2023). Российские исследователи (Дозорцева, Гулиева, Медведева, 2025) выяснили, что несовершеннолетние в ряде случаев сообщали о себе конфиденциальную информацию (телефон, адрес) и первыми вступали в контакт со злоумышленниками.

Стоит отметить недостаток в публикациях актуальной информации о сообществах педофилов в пространстве так называемого «Темного сегмента» Интернета (Даркнет). Также фрагментарные данные представлены по теме вовлечения несовершеннолетних в группы

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

смерти, различные деструктивные субкультуры, запрещенные организации. За период 2022—2025 гг. на эту тему можно отметить работу об общих механизмах вовлечения молодежи в экстремистские организации в социальных сетях (Гурина, Ремеева, 2024) и работу о феномене скулшутинга* (Борисова, 2024). Актуальной в XXI в., в том числе и в контексте онлайн-рисков, остается тема вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков и психоактивных веществ (Ошевский, Федонкина, 2022; Motyka, Al-Imam, 2022). При этом для профилактики перечисленных угроз нужны постоянно актуализируемые прикладные исследования, сфокусированные на специфике той или иной субкультуры и разновидности деструктивного поведения.

Ключевыми достоинствами социально-психологического направления являются ориентация на индивида и возрастную специфику и выстраивание комплексных профилактических решений с привлечением семьи, школы, сообщества. Однако в этом направлении медленно происходит обновление, зачастую недостает информации об актуальных технологических трендах, присутствует дефицит данных закрытого или конфиденциального характера (с учетом норм законодательства), существенных для реализации содержательных прикладных решений.

Общественно-политическое, или нормативное, направление

ИБ все чаще фигурирует как важный нормативный и общественно-политический параметр благополучия страны и общества. Учитываются наличие соответствующего законодательства, страновой модели работы с цифровыми угрозами, когда существующая система государственных и общественных структур оперативно реагирует на свежую аналитику, обзоры и рекомендации соответствующих организаций (например, ЮНИСЕФ, Организации экономического сотрудничества и развития), место в межстрановом рейтинге кибербезопасности и др. (Богатырев, 2022; Albadry, Oraibi, 2023; Jang, Ko, 2023).

Исследование национальных особенностей (традиционные ценности, религиозные аспекты), присущих тем или иным государствам и обществам в контексте ИБ несовершеннолетних, порождает две полярные позиции с точки зрения практики.

1. Нужен единый общемировой подход и стандарты детской ИБ. Национальные и религиозные особенности не столь значимы в контексте общих вызовов и угроз и не влияют критически на работу с ЧП и развитие системы профилактики.

2. Возможен только национальный, цивилизационный подход к осуществлению ИБ детей и молодежи. Любая профилактика и работа с ЧП возможна при четкой фиксации ценностей, правовых и моральных ограничений, которые будут варьироваться, например внутри светского, христианского, исламского, буддистского или иудаистского государства.

Внутри общественно-политического (нормативного) направления справедливо выделить *криминологический подход*. В нем ИБ несовершеннолетних сводится: к международному и национальным уголовным законодательствам, которые касаются преступлений, связанных с несовершеннолетними, их физической, ментальной безопасностью и информационным пространством, и к законодательству об информационном пространстве и несовершеннолетних в целом. В России и в мире периодически дополняются статьи уголовного законодательства, регулярно актуализируется Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (последняя редакция

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

произошла в ноябре 2024 г.), была принята Концепция информационной безопасности детей (2023 г.).

К сильным сторонам криминологического подхода относится высокая практическая ориентированность. Основные показатели — уровень преступности и распространенность соответствующей угрозы; инструменты — актуализация законодательства, работа правоприменительной системы (привлечение преступников к ответственности), оповещение граждан через СМИ о работе в соответствующей сфере. К недостаткам подхода относятся: слабый фокус на теме профилактики; невнимание к социально-психологической динамике, приводящей к нарушениям законодательства; ограниченный обмен данными между представителями силовых ведомств, профильными экспертами и образовательными учреждениями.

Отдельного внимания заслуживает *медиа-технологический подход*. На фоне политического кризиса и ряда конфликтов тема ИБ фигурирует в контексте информационных войн. В то же время тематика киберагрессии, новых молодежных субкультур, цифровых вызовов и угроз регулярно попадает в поле внимания журналистов, экспертов по медиа и связям с общественностью. Резонансные новости (инфоповоды) позволяют привлечь внимание экспертов, законодателей, широкой общественности, педагогов, родителей и детей к актуальной проблеме, но одновременно могут приводить к усталости от тем ИБ, своего рода «карнавализации», как, например, это произошло с феноменом деструктивных игротехник ARG (в частности, так называемые «игры смерти»), героизацией личности преступников, побуждающей к подражательному поведению (эффект Вертера).

К достоинствам общественно-политического (нормативного) направления относится фокус на правовом (законы), институциональном (профильные организации, СМИ) и цивилизационном (практика разных стран) измерениях ИБ несовершеннолетних. К ограничениям относится возможная политизация темы, ее ситуативное использование в интересах различных стейкхолдеров, а также рассредоточенность актуальных данных в государственных и общественных институтах.

Обсуждение результатов

В процессе систематизации существующих работ по ИБ несовершеннолетних выделено три глобальных направления исследований и прикладных разработок. **Технологическое направление** обусловлено научно-технической парадигмой, возможностью и практиками родительского контроля, ресурсным и программным обеспечением, различными пространствами и инструментами коммуникации. **Социально-психологическое направление** связано с вопросами коммуникации личности и различных социальных групп в смешанной реальности и с изучением различных психологических феноменов и проблем. **Общественно-политическое, или нормативное, направление** касается вопросов законодательного регулирования, создаваемого государственными, экспертными и общественными структурами, а также нормами и ценностями тех или иных обществ, которые связаны с ИБ несовершеннолетних.

В интересах сохранения экспертности, научности, оперативности и актуальности обмена данными важно стремиться к интегративному подходу, общей теоретико-методологической базе в контексте работы с ИБ детей и молодежи. В то же время в мире сейчас наблюдается, с одной стороны, тенденция на универсализацию показателей, связанных с присутствием

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

несовершеннолетних в информационном пространстве; с другой стороны, выбор отдельными государствами уникальных подходов к детской ИБ.

Заключение

Представляется, что наиболее эффективно и систематически работа с детской ИБ может осуществляться *в рамках комплексного подхода*. Он предполагает интеграцию методов и подходов из социальных наук с данными в сферах информационных технологий и криминалистики, а также инструментарий общественно-политического направления. В число вовлеченных субъектов ИБ несовершеннолетних входят дети (до 18 лет), родители/опекуны, педагоги/наставники, политики/законодатели, представители IT-компаний, силовых структур и регуляторов, научных сообществ, НКО, а также представители СМИ и блогеры.

С точки зрения практической деятельности комплексный подход означает разработку межотраслевых аналитических, просветительских и образовательных проектов, в которых основными заказчиками и операторами могут выступать государство, профильные общественные и научные организации при поддержке коммерческих структур, специализирующихся на различных аспектах проблематики ИБ несовершеннолетних. Разработка комплексного подхода требует осторожности в плане работы с персональными данными, оценки последствий в вопросах ЧП в сфере ИБ.

Ограничения. Ряд тем, связанных с онлайн-рисками несовершеннолетних, контролируется профильными государственными структурами, в связи с чем доступ к данным и кейсам, связанным с подобными темами, закрыт или ограничен.

Limitations. A number of topics related to the online risks of minors are controlled by relevant government agencies, and therefore access to data and cases related to such topics is closed or restricted.

Список источников / References

1. Богатырев, К.М. (2022). Угрозы медиабезопасности в цифровой среде: систематизация и анализ. *Актуальные проблемы российского права*, 17(7), 136—142. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.136-142>
Bogatyrev, K.M. (2022). Threats to Media Security in the Digital Environment: Systematization and Analysis. *Actual Problems of Russian Law*, 17(7), 136—142. (In Russ.). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.140.7.136-142>
2. Борисова, С.Е. (2024). Феномен скулшутинга* и его толкование в контексте юридико-психологического знания и ассоциативных смыслов будущих следователей. *Психология и право*, 14(2), 172—184. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140213>
Borisova, S.E. (2024). The Phenomenon of Schoolshooting* and Its Interpretation in the Context of Legal and Psychological Knowledge and Associative Meanings of Future Investigators. *Psychology and Law*, 14(2), 172—184. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140213>
3. Гурина, О.Д., Ремеева, А.Ф. (2024). Психологические механизмы вовлечения молодежи в экстремистские и террористические организации (на примере социальных сетей). *Психология и право*, 14(3), 1—12. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000001>
Gurina, O.D., Remeeva, A.F. (2024). Psychological Mechanisms of Youth Involvement in Extremist and Terrorist Organizations (Using the Example of Social Networks). *Psychology and Law*, 14(3), 1—12. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024000001>

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

4. Дозорцева, Е.Г. (2025). Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве. *Психология и право*, 15(3), 3—23. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301>
Dozortseva, E.G. (2025). Analytical model of adolescents' dangerous behaviour formation in the internet space. *Psychology and Law*, 15(3), 3—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150301>
5. Дозорцева, Е.Г., Гулиева, А.Р., Медведева, А.С. (2025). Характеристики виктимного поведения несовершеннолетних в ситуации кибергруминга. *Психология и право*, 15(1), 181—192. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150112>
Dozortseva, E.G., Gulieva, A.R., Medvedeva, A.S. (2025). Characteristics of victim behavior of adolescents in cybergrooming situation. *Psychology and Law*, 15(1), 181—192. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150112>
6. Клопотова, Е.Е., Романова, Ю.А. (2020). Компьютерные игры как фактор познавательного развития дошкольников. *Вестник практической психологии образования*, 17(1), 32—40. <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170104>
Klopotova, E.E., Romanova, Y.A. (2020). Computer games as a factor in the cognitive development of preschoolers. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 17(1), 32—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170104>
7. Лаптева, Н.М. (2025). Влияние видеоигр на эмоциональное состояние игроков: обзор современных исследований. *Современная зарубежная психология*, 13(4), 120—130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130411>
Lapteva, N.M. (2025). The Impact of Video Games on the Emotional State of Gamers: Review of Modern Research. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 13(4), 120—130. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2024130411>
8. Медведева, А.С. (2025). Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость. *Психология и право*, 15(3), 78—89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150306>
Medvedeva, A.S. (2025). Sextortion on the Internet: reactions of minors and their vulnerability. *Psychology and Law*, 15(3), 78—89. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150306>
9. Ошевский, Д.С., Федонкина, А.А. (2022). Возможности и проблемы использования информации с цифровых носителей при проведении комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, обвиняемых в незаконном распространении наркотиков. *Психология и право*, 12(3), 97—108. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120309>
Oshevsky, D.S., Fedonkina, A.A. (2022). Opportunities and Problems of Using Information from Digital Media in a Comprehensive Forensic Psychological and Psychiatric Examination of Minors Accused of Illegal Drug Distribution. *Psychology and Law*, 12(3), 97—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120309>
10. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Нестик, Т.А. (2017). *Цифровое поколение России: компетентность и безопасность: Монография*. М.: Смысл.
Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Nestik, T.A. (2017). *Digital generation of Russia: competence and security: Monograph*. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.).
11. Солдатова, Г.У., Рассказова, Е.И., Чигарькова, С.В. (2020). Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. *Национальный психологический журнал*, 2(38), 3—20. <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201>

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., Chigarkova, S.V. (2020). Types of cyberaggression: adolescents and youth experience. *National Psychological Journal*, 2(38), 3—20. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2020.0201>
12. Albadry, A.S., Oraibi, F.M. (2023). Elements Of Successful Sustainable Development in the Kingdom of Saudi Arabia. *Multicultural Education*, 9(2), 50—58 <https://doi.org/10.5281/zenodo.7606406>
  13. Children in the digital environment: Revised typology of risks. (2021). *OECD Digital Economy Papers*, 302. <https://doi.org/10.1787/9b8f222e-en>
  14. Chu, X., Zhao, Y., Li, X., Yang, S., Lei, Y. (2024). The sense of responsibility and bystanders' prosocial behavior in cyberbullying: The mediating role of compassion and the moderating roles of moral outrage and moral disgust. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 18(3), Article 8. <https://doi.org/10.5817/CP2024-3-8>
  15. Dolev-Cohen, M., Ricon, T. (2020) Demystifying sexting: Adolescent sexting and its associations with parenting styles and sense of parental social control in Israel. *Cyberpsychology. Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 14(1), Article 6. <https://doi.org/10.5817/CP2020-1-6>
  16. Grigg, D.W. (2010). Cyber-Aggression: Definition and Concept of Cyberbullying. *Journal of Psychologists and Counsellors in Schools*, 20(2), 143—156. <https://doi.org/10.1375/ajgc.20.2.143>
  17. Jang Y., Ko B. (2023) Online Safety for Children and Youth under the 4Cs Framework—A Focus on Digital Policies in Australia, Canada, and the UK. *Children*, 10, Article 1415. <https://doi.org/10.3390/children10081415>
  18. Méndez, I., Rojas Gómez, I.E., Ruiz-Esteban, C., Delgado, M.D., García-Fernández, J.M. (2024). Profiles of bullying, cyberbullying, and disinterest in reading among primary school learners in Spain. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 18(4), Article 10. <https://doi.org/10.5817/CP2024-4-10>
  19. Motyka, M.A., Al-Imam, A (2022). Causes of drug initiation among adolescents. *Canadian Journal of Family and Youth*, 14(1), 63—81. <https://doi:10.29173/cjfy29755>
  20. Okoli, U.I., Obi, C.O., Adewusi, A.O., Abrahams, T.O. (2024). A review of threat detection and defense mechanisms: machine learning in cybersecurity. *World Journal of Advanced Research and Reviews*, 21(1), 2286—2295 <https://doi.org/10.30574/wjarr.2024.21.1.0315>
  21. Oshodi, N., Adelodun, M.O., Anyanwu, E.C., Majebi, N.L. (2024). Combining parental controls and educational programs to enhance child safety online effectively. *International Journal of Applied Research in Social Sciences*, 6(9), 2293—2314. <https://doi.org/10.51594/ijarss.v6i9.1592>
  22. Tennakoon, H., Betts, L., Chandrakumara, A., Saridakis, G., Hand, C. (2024). Exploring the effects of personal and situational factors on cyber aggression. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*, 18(3), Article 7. <https://doi.org/10.5817/CP2024-3-7>
  23. Thomas, K., Hamilton-Giachritsis, C., Branigan, P., Hanson, E. (2023). Offenders' approaches to overcoming victim resistance in technology-assisted child sexual abuse. *Child Abuse & Neglect*, 141, Article 106. <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2023.106143>
  24. Young, R., Tully, M. (2022). Autonomy vs. control: Associations among parental mediation, perceived parenting styles, and U. S. adolescents' risky online experiences. *Cyberpsychology:*

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

Journal of Psychosocial Research on Cyberspace, 16(2), Article 5.
<https://doi.org/10.5817/CP2022-2-5>

25. Ziorklui, J.E.K. (2024). AI-Driven risk assessment: Revolutionizing audit planning and execution. *Finance & Accounting Research Journal*, 6(6), 1069—1090
<https://doi.org/10.51594/farj.v6i6.1236>

Информация об авторах

Павел Андреевич Сорокин, старший преподаватель кафедры философии языка и коммуникации, философский факультет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова»); преподаватель, Корпоративный университет московского образования (ГАО ДПО КУМО), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-5591-1789>, e-mail: pavsorokin@yandex.ru

Александра Алексеевна Бочавер, доктор психологических наук, старший научный сотрудник, директор Центра исследований современного детства, Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Information about the authors

Pavel A. Sorokin, Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Language and Communication, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Lecturer, Corporate University of Moscow Education, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0009-0005-5591-1789>, e-mail: pavsorokin@yandex.ru

Alexandra A. Bochaver, Doctor of Psychology, Senior Researcher, Head of the Center for Research on Modern Childhood, Institute of Education, HSE University, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0001-6131-5602>, e-mail: a-bochaver@yandex.ru

Вклад авторов

Сорокин П.А. — идеи исследования; подбор и анализ источников, аннотирование, написание и оформление рукописи.

Бочавер А.А. — анализ источников, структурирование текста, оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Pavel A. Sorokin — research ideas; source selection and analysis; annotation; manuscript writing and formatting.

Alexandra A. Bochaver — source analysis, text structure, and manuscript formatting.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Сорокин П.А., Бочавер А.А. (2026)
Информационная безопасность детей и подростков
в мире: характеристика основных направлений
исследований и научно-практических разработок
Психология и право, 16(2), 118—131.

Sorokin P.A., Bochaver A.A. (2026)
Information security of children
and adolescents around the world:
characteristics of the main areas of research
Psychology and Law, 16(2), 118—131.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 11.12.2025
Поступила после рецензирования 25.12.2025
Принята к публикации 29.12.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.12.11
Revised 2025.12.25
Accepted 2025.12.29
Published 2026.06.30

---

* Международное молодежное движение «Колумбайн» (другое используемое наименование «Скулшутинг») включено в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

** Международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) включено в Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

**Защита прав детей в условиях современных угроз:
вызовы и стратегии (на примере Республики Дагестан)**

Х.М. Джалилова¹ ✉

¹ Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова,
Махачкала, Российская Федерация

✉ hadizhatdzhililova@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В статье рассматриваются актуальные проблемы защиты прав детей в условиях современных угроз и вызовов. **Целью** исследования является анализ современного состояния системы защиты прав детей, выявление основных угроз и вызовов детству в условиях современного общества и разработка эффективных стратегий противодействия современным угрозам детству. Особое внимание уделяется анализу практического опыта Республики Дагестан в сфере защиты детства. **Гипотеза.** В статье предлагаются комплексные подходы к совершенствованию системы защиты детства, в том числе учитывающие региональную специфику. Они включают: создание системы профилактики и раннего выявления угроз, создание системы межведомственного взаимодействия, повышение информированности и правовой грамотности детей и родителей, информационную поддержку, интеграцию традиционных и современных механизмов защиты детства, разработку специализированных программ для сельских территорий и т. д., а также принятие федерального закона «О системе комплексной защиты прав детей в условиях современных угроз». **Методы и материалы.** В ходе исследования использовались следующие методы: теоретико-правовой анализ нормативно-правовых актов; статистический мониторинг данных Росстата, Уполномоченного по правам ребенка в РД и органов опеки; социологические опросы родителей и детей. Для оценки эффективности региональных программ («Семья и дети Дагестана», «Школьная медиация») применялись методы сравнительного анализа, экспертные интервью и моделирование концептуальных предложений по совершенствованию системы защиты прав ребенка. Материалом для исследования послужили: нормативно-правовые акты, официальная статистика, социологические исследования (результаты опросов родителей и детей - по материалам региональных исследований), экспертные заключения (материалы рабочих совещаний Комиссии по делам несовершеннолетних, интервью с детским

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

омбудсменом), публикации в СМИ и научных журналах. **Результаты.** Исследование выявляет недостатки механизма защиты прав ребенка, обусловленные, прежде всего, слабым межведомственным взаимодействием и недостаточной правовой информированностью семей. **Выводы.** Выявлены как успешные практики поддержки детей, основанные на специфике региона, так и системные проблемы - социальное сиротство, образовательное неравенство, правовой нигилизм среди родителей, в том числе в части правовых аспектов воспитания и т. д.

Ключевые слова: защита прав детей, современные угрозы, Республика Дагестан, кибербезопасность, социальное сиротство, профилактика правонарушений, межведомственное взаимодействие

Для цитирования: Джалилова, Х.М. (2026). Защита прав детей в условиях современных угроз: вызовы и стратегии (на примере Республики Дагестан). *Психология и право*, 16(2), 132—143. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160209>

Protecting children's rights in the face of modern threats: challenges and strategies (based on the Republic of Dagestan)

Kh.M. Jalilova¹ ✉

¹ Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala, Russian Federation

✉ hadizhatdzhililova@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The article examines current problems of protecting children's rights in the context of modern threats and challenges. **Objective.** The aim of the study is to analyze the current state of the children's rights protection system, identify the main threats and challenges to childhood in modern society, and develop effective strategies to counter modern threats to childhood. Special attention is paid to analyzing the practical experience of the Republic of Dagestan in the field of child protection. **Hypothesis.** The article proposes comprehensive approaches to improving the child protection system, including those taking into account regional specifics. These include: the creation of a system of prevention and early detection of threats, the creation of a system of interdepartmental interaction, raising awareness and legal literacy of children and parents, information support, the integration of traditional and modern mechanisms for the protection of children, specialized programs for rural areas, etc., as well as the adoption of the federal law "On the system of comprehensive protection of children's rights in the context of modern threats." **Methods and materials.** The study utilized the following methods: theoretical and legal analysis of regulatory legal acts, statistical monitoring of data from Rosstat, the Children's Rights Commissioner of the Republic of Dagestan, and guardianship authorities, as well as sociological surveys of parents and children. To assess the effectiveness of regional programs, comparative analysis methods ("Family and Children of Dagestan," "School

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

Mediation"), expert interviews, and modeling of conceptual proposals for improving the child rights protection system were used. The study was based on regulatory legal acts, official statistics, and sociological research: results of surveys of parents and children (based on materials from regional studies), expert opinions (materials from working meetings of the Commission on Minors' Affairs, interviews with the Ombudsman for Children's Rights), publications in the media and scientific journals. **Results.** The study reveals shortcomings in the child rights protection mechanism, primarily due to weak interagency cooperation and insufficient legal awareness among families. **Conclusions.** The study identified both successful child support practices based on regional specifics and systemic problems such as social orphanhood, educational inequality, and legal nihilism among parents, including regarding legal aspects of upbringing, etc.

Keywords: child rights protection, contemporary threats, Republic of Dagestan, cybersecurity, social orphanhood, crime prevention, inter-agency cooperation

For citation: Jalilova, Kh.M. (2026). Protecting children's rights in the face of modern threats: challenges and strategies (based on the Republic of Dagestan). *Psychology and Law*, 16(2), 132—143. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160209>

Введение

Защита прав детей является одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации и важнейшей задачей современного общества. В условиях динамично развивающегося мира дети сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, которые требуют адекватного ответа со стороны государственных институтов, общественных организаций и семьи.

Современные угрозы детству носят многоплановый характер и включают в себя как традиционные формы нарушения прав ребенка (физическое и психологическое насилие, пренебрежение нуждами), так и новые риски, связанные с цифровизацией общества, изменением социально-экономических условий, геополитической нестабильностью.

Особую актуальность проблема защиты прав детей приобретает в многонациональных регионах Российской Федерации, где к общегосударственным вызовам добавляются специфические региональные факторы, связанные с этнокультурными особенностями, социально-экономическим развитием территории, миграционными процессами.

Республика Дагестан представляет собой уникальный регион, где вопросы защиты детства рассматриваются в контексте сохранения традиционных ценностей многонационального общества при одновременном противодействии современным угрозам. Анализ практики реализации государственной политики в сфере защиты прав детей в данном субъекте Российской Федерации позволяет выявить как успешные модели работы, так и проблемы, требующие системного решения.

Цель данного исследования заключается в анализе современного состояния системы защиты прав детей, выявлении основных угроз детству в современных условиях и разработке стратегических подходов к совершенствованию системы защиты прав несовершеннолетних, в том числе на примере Республики Дагестан.

Материалы и методы

Исследование было проведено с помощью методов: анализа нормативно-правовых актов Российской Федерации и международного законодательства, регулирующих защиту прав детей, изучения статистических данных компетентных органов республики, в том числе и Уполномоченного по правам ребенка РД, анализа научных исследований, анализа публикаций СМИ посвященных защите прав детей в Дагестане.

Результаты

Права ребенка как самостоятельная категория прав человека получили международное признание во второй половине XX века. Конвенция о правах ребенка, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 года как основополагающий документ в данной сфере, определила основные принципы защиты детства: борьба с дискриминацией, отстаивание интересов ребенка, право на жизнь и развитие, уважение взглядов ребенка и т. д.

Российская правовая доктрина в области защиты прав детей формировалась под влиянием международных стандартов, но имеет свои особенности, связанные с традициями отечественного права и спецификой государственного устройства. А.М. Нечаева отмечает, что российский подход к правам ребенка характеризуется сочетанием индивидуальных прав несовершеннолетнего с обеспечением интересов семьи и общества (Нечаева, 2024, с. 89).

Несмотря на развитие системы защиты детства, традиционные угрозы правам ребенка не утратили своей актуальности, более того, они приобрели новые формы и характеристики в условиях современного общества.

Хотя официальная статистика отмечает снижение числа родителей, лишенных и ограниченных в родительских правах,¹ семейное неблагополучие остается одной из самых серьезных угроз детству. Современные формы семейного неблагополучия включают не только алкоголизм и наркоманию родителей, но и такие явления, как трудовая миграция, приводящая к фактическому оставлению детей без присмотра, цифровая зависимость родителей, снижение качества детско-родительских отношений и т. д.

Физическое и психологическое насилие в отношении детей приобретает новые формы. Наряду с традиционным физическим воздействием, все большее распространение получает психологическое насилие, включая эмоциональное пренебрежение, психологическое принуждение, буллинг, манипулирование. Особую тревогу вызывает рост случаев сексуального насилия в отношении несовершеннолетних, в том числе в сети Интернет. «Сексуальная эксплуатация и другие проблемы стали расти очень быстро. Миллионы детей заняты не подходящим для них трудом, препятствующим их развитию и образованию, причиняющим физический и психологический вред и зачастую угрожающим их жизни», — отмечает Л.С. Тихая (Тихая, 2020).

Цифровизация общества породила принципиально новые угрозы детству, такие как кибербуллинг, разглашение личной информации и кибершпионаж, онлайн-эксплуатация детей, цифровая зависимость, ввод в заблуждение и мошенничество, воздействие на сознание детей через опасный контент, пропагандирующий насилие, экстремизм, саморазрушающее

---

¹ Опубликованы данные за 2025 год о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. (2026). Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <https://deti.gov.ru/Press-Centr/news/1720> (дата обращения: 07.03.2026).

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

поведение, в том числе суицид, которые требуют особого внимания со стороны системы защиты прав ребенка.

Детская преступность и виктимизация характеризуются изменением структуры и мотивации правонарушений. Если ранее основными причинами детской преступности были социально-экономические, то в настоящее время значительную роль играют информационные и идеологические воздействия, групповые механизмы (групповое давление, субкультура девиантности, подражание и роль модели, социальная изоляция, онлайн-влияние и т. д.).

Республика Дагестан характеризуется высокой долей детского населения: по данным Росстата на 2023 год в регионе проживают более 800 тысяч детей и подростков до 18 лет, что составляет около 25% от общей численности населения республики². Это один из самых высоких показателей в Российской Федерации, что определяет особую значимость вопросов защиты детства для региона.

Этническая структура детского населения Дагестана отражает многонациональный характер республики: среди детей представлены более 100 народностей, в т. ч. 30 коренных, представляющих крупные языковые семьи и группы: иберийско-кавказскую, тюркскую, иранскую, индоевропейскую и другие (Гаджимурадова, 2019). При этом наиболее многочисленными являются аварцы (29,4%), даргинцы (17%), кумыки (14,9%), лезгины (13,3%).³ Быстрыми темпами растет численность азербайджанцев (4,3%), табасаранцев (4,3%), рутульцев (ок. 1%), агулов (0,9%), цахуров (0,3%) и др. (Ибрагимов, 2010). Такое этническое разнообразие требует учета культурных особенностей различных народов при организации работы по защите детства.

Территориальное распределение детского населения характеризуется высокой долей сельских жителей: около 55% детей проживают в сельской местности, что создает дополнительные вызовы в обеспечении равного доступа к социальным услугам, образованию, здравоохранению (Алиев, 2020, с. 123). В систему органов, ответственных за защиту прав детей в Республике Дагестан, входят:

- Министерство образования и науки РД, которое координирует вопросы образования, опеки и попечительства;
- Министерство труда и социального развития РД, отвечающее за социальную поддержку семей с детьми;
- Министерство здравоохранения РД, обеспечивающее медицинскую помощь детям;
- Уполномоченный по правам ребенка в Республике Дагестан;
- Комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве РД (Баширова, 2014).

Уполномоченный по правам ребенка в Республике Дагестан осуществляет деятельность с 2010 года. За период работы Уполномоченного по правам ребенка было рассмотрено более 15 тысяч обращений граждан, проведены сотни проверок детских учреждений, инициированы изменения в региональном законодательстве (Гаджиева, 2019).

---

² Основные показатели в сфере образования Республики Дагестан за 2023/2024 учебный год. Статистический сборник. (2024). Министерство образования и науки Республики Дагестан. (Минобрнауки РД). URL: https://dagminobr.ru/storage/uploads/editor/files/1760707022_XqghhTdY4d.pdf (дата обращения: 12.07.2025).

³ Краткая справка. [б. г.]. Глава Республики Дагестан. URL: <https://glava.e-dag.ru/brief-reference/> (дата обращения: 14.07.2025).

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП) действуют во всех муниципальных образованиях республики. Ежегодно они рассматривают более 8 тысяч дел в отношении несовершеннолетних и более 6 тысяч дел в отношении родителей, не исполняющих обязанности по воспитанию детей⁴.

Обсуждение результатов

Анализ практики защиты прав детей в Республике Дагестан позволяет выделить ряд системных проблем.

Социальное сиротство остается серьезной проблемой: ежегодно в республике выявляется около 400—500 детей, оставшихся без попечения родителей, при этом более 85% из них являются социальными сиротами. Основными причинами социального сиротства являются лишение родительских прав (45%), отказ от ребенка при рождении (25%), смерть родителей (20%).

Детская безнадзорность и правонарушения характеризуются региональной спецификой. В 2023—2024 годах на учете в органах системы профилактики состояло более 3,5 тысячи несовершеннолетних правонарушителей. Структура детской преступности включает кражи (35%), причинение вреда здоровью (15%), хулиганство (12%), наркотические преступления (8%).

Проблемы образовательной интеграции особенно актуальны для детей из семей внутренних мигрантов, которые составляют значительную долю в городских школах. Языковые барьеры, культурные различия создают дополнительные риски для этой категории детей (Иванова, Стецевич, Ширкова, 2018).

Кибербезопасность детей становится все более актуальной проблемой: по данным регионального мониторинга, более 40% подростков в Дагестане сталкивались с различными формами онлайн-угроз.

Как утверждает С.Е. Титор, проблемы, связанные с деструктивной информацией, преобладают и в других регионах; она справедливо считает повышение медиаграмотности детей одним из эффективных механизмов их защиты (Титор, 2023).

Несмотря на существующие проблемы, в Республике Дагестан реализуется ряд успешных инициатив в сфере защиты детства.

- Программа «Семья и дети Дагестана» объединяет различные направления поддержки семей с детьми: материальную помощь, психологическое сопровождение, профилактику семейного неблагополучия. В рамках программы ежегодно поддержку получают более 50 тысяч семей.
- Проект «Школьная медиация» внедрен в 85% образовательных учреждений республики и показывает высокую эффективность в разрешении конфликтов с участием несовершеннолетних.

---

⁴ Данные о деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в Республике Дагестан приведены по материалам отчетов Министерства труда и социального развития РД, Министерства образования и науки РД, Министерства юстиции РД (анализируются на закрытых заседаниях межведомственных комиссий). См.: *Справка о проделанной работе КДН и ЗП за 2024 г.* (2025). Администрация МР «Бабаюртовский район». URL: https://babayurtovskij-r82.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/411/5158/1.pdf (дата обращения: 13.07.2025).

- Система раннего выявления семейного неблагополучия на базе медицинских учреждений позволила увеличить долю семей, получивших своевременную помощь, до 65%.
- Межведомственное взаимодействие в рамках «Детского координационного совета» обеспечивает системный подход к решению проблем детства на региональном уровне.
- Специфической особенностью Республики Дагестан является значительная роль традиционных социальных институтов в защите детства: институт старейшин продолжает играть важную роль в разрешении семейных конфликтов, профилактике детского неблагополучия в сельских районах. По данным социологических исследований, к старейшинам за помощью в решении семейных проблем обращается каждая четвертая семья в сельской местности (Mustafaeva, Niyasova, Musaeva, 2020).
- Религиозные организации активно участвуют в профилактической работе с семьями и детьми. Совет муфтиев Дагестана реализует программы духовно-нравственного воспитания детей, профилактики экстремизма в молодежной среде (Гусенова, Саркарова, Агаева, 2020).
- Общинные структуры (джамааты) в сельских районах выполняют функции социального контроля и поддержки семей с детьми, особенно в кризисных ситуациях.

Анализ состояния системы защиты прав детей выявляет ряд системных проблем, которые снижают эффективность существующих механизмов:

- фрагментарность системы защиты, проявляющаяся в недостаточной координации между различными ведомствами и уровнями власти. Часто дети и семьи «теряются» между различными службами, не получая комплексной помощи;
- недостаточное финансирование системы защиты детства, что ограничивает возможности для реализации эффективных программ. По оценкам экспертов, текущий уровень финансирования составляет лишь 60—70% от необходимого;
- кадровый дефицит, особенно остро проявляющийся в сельских районах: не хватает квалифицированных социальных работников, психологов, специалистов по работе с семьей. Текучесть кадров в системе достигает до 30% в год;
- формализация процедур, которая приводит к тому, что значительная часть усилий специалистов тратится на ведение документооборота в ущерб непосредственной работе с детьми и семьями.

Итак, исходя из анализа современного состояния системы защиты прав детей в условиях современных угроз и вызовов, можно определить следующие перспективные стратегии защиты их прав.

1. Разработка комплексного подхода в решении проблем защиты прав детей. Комплексный подход к защите прав детей — это многогранная стратегия, объединяющая различные меры, методы и ресурсы для эффективного, системного обеспечения и восстановления прав и безопасности детей. Он обеспечивает долгосрочное решение проблем, учитывает все аспекты и взаимосвязи в трудной ситуации, влияние социально-экономических, правовых, технологических факторов. Сюда можно отнести:

а) усиление правовой защиты: разработка и актуализация законодательства, предусматривающего более строгое наказание за преступления против детей и учитывающего угрозы цифровизации. Например, принятие федерального закона «О системе комплексной защиты прав детей в условиях современных угроз» (или «О системе защиты прав и интересов детей»), который включал бы: определение современных угроз для детей; систему

профилактики и раннего выявления угроз (мониторинг цифровой безопасности детей в образовательных и социальных учреждениях, образовательные инициативы для повышения медиа-грамотности детей и родителей; проведение профилактических мероприятий среди семей, особенно в социально уязвимых группах); закрепление и ужесточение ответственности за преступления против детей, в том числе связанные с использованием цифровых технологий, ответственности образовательных организаций за нарушение правил цифровой безопасности и т. д.;

б) разработку и внедрение образовательных программ, просвещение и информационную поддержку (включение в общеобразовательные программы курса по цифровой безопасности и информационной гигиене, обучение безопасному поведению в Интернете, распознаванию опасных ситуаций, кибербуллинга и мошенничества, а также совершенствование инструментов контроля и фильтрации недопустимых контента, сайтов);

в) межведомственное сотрудничество (взаимодействие специалистов из разных сфер - органов опеки и попечительства, образования, здравоохранения, полиции, IT-специалистов, социальных служб и НКО для защиты прав ребенка; создание межведомственной координационной комиссии по защите прав детей);

г) институциональное обеспечение (введение специальных подразделений в органах системы профилактики семейного неблагополучия, отвечающих за цифровую безопасность детей, обязательные профилактические проверки семей на предмет рисков, связанных с цифровыми угрозами);

д) создание механизмов раннего выявления и реагирования на угрозы и нарушения: проведение систематического мониторинга, организация горячих линий, центров поддержки для детей, столкнувшихся с онлайн-угрозами;

е) обеспечение психологической и информационной устойчивости (психологическая, социальная, юридическая помощь и консультации для детей и семей, обучение детей навыкам критического мышления и медиаграмотности для противодействия дезинформации и пропаганде).

С учетом специфики региона, для Республики Дагестан в дополнение предлагаем следующие стратегические направления:

а) интеграция традиционных и современных механизмов защиты детства, предполагающая: легализацию роли старейшин и религиозных лидеров в системе защиты детей; создание механизмов взаимодействия традиционных институтов с государственными службами; разработка культурно-адаптированных программ работы с семьями;

б) развитие билингвального и поликультурного образования для обеспечения равных возможностей для детей различных национальностей: подготовка педагогических кадров, владеющих языками народов Дагестана; создание учебных материалов на национальных языках, программ культурной адаптации для детей мигрантов;

в) создание специализированных программ для сельских территорий: мобильных служб социальной помощи; дистанционных технологий образования и психологической поддержки; развитие транспортной доступности социальных услуг.

В Республике Дагестан может быть реализован ряд пилотных проектов:

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

- «Цифровая семья» — комплексная информационная система для мониторинга благополучия детей, объединяющая данные образования, здравоохранения, социальной защиты;
- «Этнокультурная медиация» — программа подготовки медиаторов из числа представителей различных этнических групп для работы с семейными конфликтами;
- «Горное детство» — специализированная программа поддержки детей в высокогорных районах с использованием современных технологий связи и транспорта.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

1. Система защиты прав детей в современных условиях требует комплексного и системного подходов.

2. Действующее законодательство в целом обеспечивает защиту прав детей, но нуждается в совершенствовании с учетом современных вызовов и угроз (в целях реализации данного пункта предлагаем принять федеральный закон «О системе комплексной защиты прав детей в условиях современных угроз»).

3. Основные проблемы в системе защиты прав детей связаны с отсутствием эффективного межведомственного сотрудничества и механизмов раннего выявления угроз, нарушений, а также с формализмом в работе с семьями и детьми, недостаточной квалификацией специалистов, недостаточным финансированием и т. д.

4. Опыт Республики Дагестан демонстрирует как успешные практики (интеграция традиционных институтов, межведомственное взаимодействие, региональные программы поддержки семей), так и системные проблемы (социальное сиротство, детская преступность, образовательное неравенство). Поэтому целесообразнее принимать региональные законы в сфере правовой защиты детства, конкретизирующие федеральное законодательство с учетом местной специфики и этнокультурных особенностей.

5. Эффективная защита прав детей возможна только при условии комплексного подхода, объединяющего усилия государства, общества, семьи, при активном использовании современных технологий и сохранении лучших традиций отечественной системы защиты детства.

Список источников / References

1. Алиев, А.К. (2020). *Социально-экономическое развитие сельских территорий Дагестана*. Махачкала: ИПЦ ДГУ.
Aliyev, A.K. (2020). *Social and economic development of rural territories in Dagestan*. Makhachkala: Publishing and Printing Center of Dagestan State University. (In Russ.).
2. Баширова, С.-х.А. (2014). Особенности социально-правовой защиты детства в республике Дагестан. *Историческая и социально-образовательная мысль*, 6(6-2), 308—313. URL: <https://www.elibrary.ru/tixmjd> (дата обращения: 13.07.2025).
Bashirova, S-kh.A. (2014). Social-legal protection of childhood in the Republic of Dagestan. *Historical and Social Educational Idea's*, 6(6-2), 308—313. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/tixmjd> (viewed: 13.07.2025).

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

3. Васильева, В.С. (2023). Оценка данных в планировании предоставления услуг ранней помощи детям и их семьям в рамках формирования межведомственного взаимодействия: опыт региона. *Перспективы науки и образования*, 6(66), 722—744. <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.42>
Vasilyeva, V.S. (2023). Assessing data in planning the provision of early assistance services to children and their families as part of the formation of interdepartmental interaction: regional experience. *Perspectives of Science and Education*, 6(66), 722—744. (In Russ.). <https://doi.org/10.32744/pse.2023.6.4>
4. Гаджиева, А.Г. (2019). Деятельность органов государственной власти и местного самоуправления по обеспечению прав детей в Российской Федерации. *Закон и право*, 8, 35—37. <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10340>
Gadzhieva, A.G. (2019). Activities of public authorities and local self-government to ensure the rights of children in the Russian Federation. *Law and Right*, 8, 35—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2073-3313-2019-10340>
5. Гаджимурадова, Г.И. (2019). Этноконфессиональные аспекты социально-политических процессов на Северном Кавказе (на примере Республики Дагестан). В: С.В. Рязанцев, Г.И. Гаджимурадова (ред.), *Демографический и миграционный портрет Кавказа. Серия «Демография. Социология. Экономика». Том 5. № 2* (с. 252—258). М.: Экон-информ.
Gadzhimuradova G.I. (2019) ethnic and religious aspects of socio-political processes in the North Caucasus (a case study of the Republic of Dagestan). In: S.V. Ryazantsev, G.I. Gadzhimuradova (Eds.), *Demographic and migration portrait of the Caucasus. Series "Demography. Sociology. Economics" Vol. 5. No. 2* (pp. 252—258). Moscow: Econ-Inform Publ. (In Russ.).
6. Гусенова, Д.А., Саркарова Н.А., Агаева Ш.А. (2020). О религиозной ситуации в Республике Дагестан: по материалам социологических опросов обучающейся молодежи г. Махачкалы. *Исламоведение*, 11(3), 34—47. <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-3-34-47>
Gusenova, D.A., Sarkarova N.A., Agayeva Sh.A. (2020). On the Religious Situation in the Republic of Dagestan: a Study Based on the Data of Sociological Surveys of Young People Studying in Makhachkala. *Islamovedenie*, 11(3), 34—47. (In Russ.). <https://doi.org/10.21779/2077-8155-2020-11-3-34-47>
7. Дугур-Сурун, К.В. (2021). Законодательное закрепление института прав ребенка в России на региональном уровне (на примере Республики Тыва). В: *Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей VII Международной научно-практической конференции* (с. 24—26). Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». URL: <https://www.elibrary.ru/rnfdtd> (дата обращения: 04.11.2025).
Dugar-Surun, K.V. (2021). Legislative consolidation of the institute the rights of the child in Russia at the regional level (on the example of the Republic of Tyva). In: *Jurisprudence, state and law: current issues and modern aspects: collection of articles from the VII International scientific and practical conference* (pp. 24—26). Penza: MTSNS "Nauka i Prosveshcheniye" Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/rnfdtd> (viewed: 04.11.2025).
8. Ибрагимов, М.-Р. А. (2010). Дагестан: проблемы этнодемографического развития (вторая половина XIX- начало XXI вв.). *Вестник института истории, археологии и этнографии Кавказа*, 3, 82—102.
Ibragimov, M.-R. A. (2010). Dagestan: Problems of Ethnodemographic Development (Second

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

- Half of the 19th — Early 21st Centuries). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Caucasus*, 3, 82—102. (In Russ.).
9. Иванова, Г.П., Стецевич М.Ю., Ширкова Н.Н. (2018). Проблема адаптации детей-мигрантов в образовательном учреждении: результаты теоретического и эмпирического исследования. *Социальные отношения*, 2(25), 106—115. URL: <https://www.elibrary.ru/xqhylyz> (дата обращения: 04.11.2025).
Ivanova, G.P., Stetsevich M.Yu., Shirikova N.N. (2018). The problem of adaptation of migrant children in an educational institution: the results of theoretical and empirical research. *Social Relations*, 2(25) 106—115. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xqhylyz> (viewed: 04.11.2025).
  10. Коденцева, К.И. (2024). К вопросу об актуальных нормативных и правоприменительных аспектах международной защиты прав и свобод ребенка. *Вестник науки*, 12(81-1), 469—478. URL: <https://www.elibrary.ru/gxumjs> (дата обращения: 04.11.2025).
Kodentseva, K.I., Ivanova, T.A. (2024). Question of current regulatory and law enforcement aspects of the international protection of the rights and freedoms of the child. *Science Bulletin*, 12(81-1), 469—478. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/gxumjs> (viewed: 04.11.2025).
  11. Нечаева, А.М. (2024). *Семейное право: Учебник*. М.: Норма: ИНФРА.
  12. Титор, С.Е. (2023). Региональный опыт организации защиты несовершеннолетних от деструктивной информационной среды (на примере нецентральных регионов). *Вестник университета*, 2, 181—188. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-181-188>
Titor, S.E. (2023). Regional experience in organizing the protection of minors from a destructive information environment (by the example of non-central regions). *Vestnik Universiteta*, 2, 181—188. (In Russ.). <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-181-188>
  13. Тихая, Л.С. (2020). О некоторых аспектах защиты прав детей. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(85), 66—70. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-66-70>.
Tihaya, L.S. (2020). On certain aspects of the protection of the rights of children. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(85), 66—70. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2020-1-66-70>
  14. Mustafaeva, M.G., Niyasova, S.G., Musaeva, E.Sh. (2020). Customs and traditions of the peoples of Dagestan as the basis of the Dagestan mentality. *Science Almanac of Black Sea Region Countries*, 24(4), 15—23. <https://doi.org/10.23947/2414-1143-2020-24-4-11-19>

Информация об авторах

Хадизжат Музаферовна Джалилова, кандидат исторических наук, доцент кафедры обществоведческих дисциплин и правоведения, факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова (ФГБОУ ВО ДГПУ), Махачкала, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0613-2751>, e-mail: hadizhatdzhililova@yandex.ru

Information about the authors

Khadizhat M. Dzhililova, Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Social Sciences and Law, Faculty of Management and Law, Dagestan State Pedagogical University

Джалилова Х.М. (2026)
Защита прав детей в условиях
современных угроз: вызовы и стратегии
(на примере Республики Дагестан)
Психология и право, 16(2), 132—143.

Jalilova Kh.M. (2026)
Protecting children's rights in the face of
modern threats: challenges and strategies
(based on the Republic of Dagestan)
Psychology and Law, 16(2), 132—143.

named after R. Gamzatov, Makhachkala, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-0613-2751>, e-mail: hadizhatdzhililova@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.03.2026
Поступила после рецензирования 15.04.2026
Принята к публикации 20.04.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.15
Revised 2026.04.15
Accepted 2026.04.20
Published 2026.06.30

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА |
LEGAL PSYCHOLOGY OF CHILDHOOD

Научная статья | Original paper

**Психологические предикторы девиантного поведения
несовершеннолетних. Часть 4. Результаты лонгитюдного
исследования**

Р.В. Чиркина¹, А.С. Радчиков¹, О.Д. Гурина^{1, 2}, Е.А. Куприянова¹ ✉,
Н.В. Дворянчиков¹, Е.Э. Бойкина¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

² Московский исследовательский центр, Москва, Российская Федерация

✉ kupriyanovaea@mgppu.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Диагностика риска деструктивного поведения подростков — ключевой этап профилактики. Верифицированная методологическая основа обеспечивает системный подход. В рамках лонгитюдного исследования для повышения эффективности управления рисками в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (СУВУ ЗТ) была создана диагностическая модель на основе разработанного С.В. Бонкало конструкта жизненной позиции. **Цель.** Выявить психологический механизм перехода от деструктивной к конструктивной жизненной позиции воспитанников СУВУ ЗТ посредством воздействия комплекса психолого-педагогических технологий. **Гипотеза.** Применение в СУВУ ЗТ комплексной программы профилактики и коррекции по модели «Экосистема детства» приводит к статистически значимому изменению комплекса параметров, характеризующих антисоциальную жизненную позицию воспитанников. **Методы и материалы.** Выборка: воспитанники 15 СУВУ ЗТ: 1-й срез (N = 456, M_{age} = 15,4 ± 1,3, M = 396); 2-й срез (N = 463, M_{age} = 15,4 ± 1,3, M = 405); 3-й срез (N = 486, M_{age} = 15,4 ± 1,8, M = 438); 4-й срез (N = 447, M_{age} = 15,4 ± 1,9, M = 392). Методики: «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова); «Диагностика диспозиций насильственного экстремизма» (Давыдов, Хломов); «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (Хобфолл; адаптация Водопьяновой, Старченковой); «Шкала субъективного остракизма», «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм» (Бойкина и др.); «Тест смысловых ориентаций» (Леонтьев); «Дерево» (Лампен; адаптация Пономаренко), «Самоотношение» (Пантिलеев, Столин); «Тест жизнестойкости» (Осин, Рассказова). **Результаты.** Исследование показало эффективность

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

комплексной программы профилактики и коррекции для воспитанников СУВУ ЗТ. Программа снизила антисоциальную позицию на 12,6% в антисоциальном кластере и увеличила долю воспитанников в просоциальном. **Выводы.** Коррекция деструктивной позиции требует минимум 12 месяцев с прохождением стадий сопротивления, сомнения и принятия. Риск рецидива высок при меньших сроках или без учета внешних факторов.

Ключевые слова: делинквентное поведение, жизненная позиция несовершеннолетних, профилактика, психологические предикторы, профиль личности, специальные учебно-воспитательные учреждения, СУВУ ЗТ, доказательный подход

Финансирование. Результаты эмпирического исследования получены в рамках научно-исследовательского проекта ФГБОУ ВО МГППУ «Доказательное исследование эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков, применяемых в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (Государственное задание Министерства просвещения РФ № 073-00037-24-01 от 09.02.2024 г.) и НИР на тему «Методическое обеспечение и сопровождение реализации и мониторинга эффективности программ профилактики антисоциального поведения несовершеннолетних в образовательных организациях» (внутренний грант ФГБОУ ВО МГППУ, 2025 г.).

Для цитирования: Чиркина, Р.В., Радчиков, А.С., Гурина, О.Д., Куприянова, Е.А., Дворянчиков, Н.В., Бойкина, Е.Э. (2026). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 4. Результаты лонгитюдного исследования. *Психология и право*, 16(2), 144—176. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160210>

Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 4. The longitudinal study results

R.V. Chirkina¹, A.S. Radchikov¹, O.D. Gurina^{1,2}, E.A. Kupriyanova¹ ✉,
N.V. Dvoryanchikov¹, E.E. Boykina¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

² Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation

✉ kupriyanovaea@mgppu.ru

Abstract

Context and relevance. Diagnostics of destructive behavior risks in adolescents is a key stage in prevention. A verified methodological framework provides a systematic approach. As part of a longitudinal study, a diagnostic model based on S.V. Bonkalo's life position has been developed to improve the effectiveness of risk management in closed type special educational institutions (here next — CTSEI). **Objective.** To identify the psychological mechanism of transition from a destructive to a constructive life position among students in CTSEI through the use of a set of psychological and pedagogical technologies. **Hypothesis.** The use of a comprehensive prevention and

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

correction program based on the “Childhood Ecosystem” model in CTSEI leads to a statistically significant change in the complex of parameters that characterize the students' antisocial attitudes. **Methods and materials.** Sample: students of 15 CTSEI: 1st cut (N = 456, Mage = 15.4 ± 1.3, M = 396); 2nd cut (N = 463, Mage = 15.4 ± 1.3, M = 405); 3rd cut (N = 486, Mage = 15.4 ± 1.8, M = 438); 4th cut (N = 447, Mage = 15.4 ± 1.9, M = 392). Methods: “Style of Self-Regulation of Behavior” (Morosanova); “Dispositions for Violent Extremism” (Davydov, Khlomov); “Strategies for Coping with Stressful Situations” (SACS) (Hobfoll; adaptation by Vodopyanova, Starchenkova); “Ostracism Experience Scale”; “Ostracism Threatened Needs Scale” (Boykina et al.); “Test of Life Orientation” (Leontiev); “Tree” (Lampen; adaptation by Ponomarenko), “Self-Attitude” (Pantileev, Stolin); “Resilience test” (Osin, Rasskazova). **Results.** The study demonstrated the effectiveness of a comprehensive prevention and correction program for CTSEI students. The program reduced the antisocial position by 12.6% in the antisocial cluster and increased the proportion of students in the prosocial cluster. **Conclusions.** Correction of a destructive position requires at least 12 months, with the stages of resistance, doubt, and acceptance. The risk of relapse is high with shorter periods or without considering external factors.

Keywords: delinquent behavior, minors' life position, prevention, psychological predictors, personality profile, special educational institutions, CTSEI, evidence-based approach

Funding. The results of the empirical study were obtained as part of a research project “Evidence-based study of the effectiveness of technology programs for the prevention of social risks used in institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency” (Moscow State University of Psychology and Education) according to the state assignment of the Ministry of Education No. 073-00037-24-01 dated 02/09/2024 and research “Methodological support and assistance in implementing and monitoring the effectiveness of programs for preventing antisocial behavior among minors in educational organizations” (internal grant of the Moscow State University of Psychology and Education, 2025).

For citation: Chirkina, R.V., Radchikov, A.S., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Dvoryanchikov, N.V., Boykina, E.E. (2026). Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 4. The longitudinal study results. *Psychology and Law*, 16(2), 144—176. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160210>

Введение

Диагностика риска деструктивного поведения подростков представляет собой один из основных этапов любой системной профилактической, коррекционной работы. Целью такой диагностики является своевременное выявление подростков с признаками деструктивного, девиантного поведения, установление причин (внешних и внутренних) негативных поведенческих проявлений, определение мишеней профилактики и разработка профилактических программ. При этом разработка диагностической модели предполагает наличие методологического основания, так как оно создает доказательный, системный подход

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

к дальнейшему стратегическому психологическому воздействию (Подушкина, 2022; Подушкина, Гани, 2024; Сорокова, 2024).

Существующие объяснительные и диагностические модели девиантного, асоциального поведения несовершеннолетних описаны в работах Л.Б. Шнейдер (2026), Ю.А. Клейберга (2026), Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, П.Д. Азыркина (2024), К.А. Воробьевой (2024), Е.В. Змановской (2018), С.В. Алехиной, В.В. Делибалт, Н.В. Дворянчикова, Е.Г. Дозорцевой, Р.В. Чиркиной и др. (2017), И.Б. Умняшовой (2022) и др.

Проблематика эффективности мер третичной профилактики, направленной на работу с несовершеннолетними, уже совершившими правонарушения, с целью их дальнейшей стабильной ресоциализации и предотвращения рецидивов, признается в как в РФ, так и в зарубежных странах¹. Данное направление активно развивается в воспитательных и реабилитационных центрах закрытого типа (например, франц. Centres éducatifs fermés) во Франции, «Воспитательных школах для несовершеннолетних» (англ. Juvenile Training School), учреждениях закрытого типа в США и ряде других стран (Mucchielli, 2005; Honma, Nagao, Aiga, 2022).

В рамках двухлетнего лонгитюдного научно-исследовательского проекта МГППУ на базе 15 специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа (далее — СУВУ ЗТ), подведомственных Минпросвещения РФ (2024—2025 гг.), была создана модель диагностики на основе разработанного С.В. Бонкало конструкта жизненной позиции (Бонкало, 2012). Целью данного исследования была разработка и апробация методических и диагностических инструментов повышения эффективности программ и технологий профилактики социальных рисков деструктивного, антисоциального поведения несовершеннолетних в учреждениях системы образования и профилактики.

Гипотезами стали следующие предположения.

1. Модель диагностики на основе структуры жизненной позиции личности подростка (Бонкало, 2012) позволяет выявить группы риска (личностные профили воспитанников СУВУ ЗТ), которые дифференцируются по типу устойчивой жизненной позиции просоциального или антисоциального характера.

2. Применяемые в экспериментальной программе технологии могут дать значимые изменения в параметрах, отражающих направленность этих технологий (мишени профилактики): осознанность, самостоятельность, доверие, конструктивные копинги, социальная вовлеченность, представленность жизненных целей, направленность в будущее, саморегуляция и пр.

В данной работе представлено подтверждение гипотезы об эффективности экспериментальной комплексной программы профилактики и коррекции: применение в СУВУ ЗТ профилактической модели «Экосистема детства» приводит к статистически значимому

---

¹ Методические рекомендации по использованию международного опыта профилактики деструктивного поведения подростков и молодежи в образовательных организациях России. (2021). ФИОКО, Федеральный институт оценки качества образования URL: <https://fio.ru/Media/Default/Documents/Аналитический%20центр%20по%20мониторингу%20и%20профилактик%20деструктивного%20поведения%20подростков%20и%20молодежи%20ФИОКО/Методические%20рекомендации%20по%20использованию%20международного%20опыта!.pdf> (дата обращения: 13.03.2026).

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

изменению комплекса параметров, характеризующих антисоциальную жизненную позицию воспитанников.

Основные результаты исследования изложены в статьях Е.Э. Бойкиной, Р.В. Чиркиной, О.Д. Гуриной, Е.А. Куприяновой, А.С. Радчикова, Е.В. Стратийчук и др. (Бойкина и др., 2024; Бойкина и др., 2025; Бойкина, Чиркина, Стратийчук, 2025).

Материалы и методы

В данной статье приводятся результаты лонгитюдного исследования по итогам формирующего эксперимента с четырьмя психодиагностическими срезами (Бойкина и др., 2024; Бойкина и др., 2025; Бойкина, Чиркина, Стратийчук, 2025).

Методологическая основа — модель жизненной позиции С.В. Бонкало, включающая 6 компонентов (когнитивный (КК), аксиологический (АкК), экзистенциальный (ЭкК), эмоциональный (ЭК), поведенческий (ПК), акмеологический (АК) (Бонкало, 2012).

Независимая переменная — комплексная программа профилактики и коррекции «Экосистема детства», включающая экспериментальное внедрение в психолого-педагогическую работу с воспитанниками СУВУ ЗТ *навыковых технологий, практик восстановительного подхода, техники ориентированной на решение краткосрочной терапии (ОРКТ-технологии), компетентного наставничества/менторинга в индивидуальной профилактической работе с подростками после психолого-медико-педагогической комиссии, а также дополнительное профессиональное образование специалистов учреждений.*

Зависимая переменная — диагностируемые параметры (**методики**: АК: Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (Моросанова, 2020); КК: диагностика диспозиций насильственного экстремизма (Давыдов, Хломов, 2017); «Стратегии преодоления стрессовых ситуаций» (SACS) (Хобфолл; Водопьянова, Старченкова, 2009); АкК: «Шкала субъективного остракизма», «Шкала нарушенных потребностей. Остракизм» (Бойкина и др., 2023, 2024); ЭкК: «Тест смысложизненных ориентаций» (Леонтьев, 1992); ЭК: «Дерево» (Лампен; Пономаренко, 1999), «Самоотношение» (Пантилеев, Столин, 1988); ПК: «Тест жизнестойкости» (Осин, Рассказова, 2013) (Бойкина и др., 2024). Перечень исследуемых параметров по методикам представлен в Приложении А (see Appendix A).

Контролируемые (постоянные переменные): эмпирические базы (15 СУВУ ЗТ).

Побочные (дополнительные) переменные — внедрение независимых переменных в контрольных подгруппах с учетом лонгитюдного характера формирующего эксперимента.

Выборка. По объективным причинам количество участников (воспитанников) варьировалось. Критерии включения: поступление новых воспитанников, перемещение воспитанников из категории контрольной в категорию экспериментальной группы; критерии исключения: некорректно заполненные анкеты, выбывание воспитанника из учреждения. В исследовании приняли участие воспитанники обоих полов: девушки из двух СУВУ ЗТ, юноши из тринадцати СУВУ ЗТ.

Итоговые данные по выборке: 1-й срез ($N = 456$, $M_{age} = 15,4 \pm 1,3$, $M = 396$); 2-й срез ($N = 463$, $M_{age} = 15,4 \pm 1,3$, $M = 405$); 3-й срез ($N = 486$, $M_{age} = 15,4 \pm 1,8$, $M = 438$); 4-й срез ($N = 447$, $M_{age} = 15,4 \pm 1,9$, $M = 392$). Описательные статистики представлены в Приложении А (see Appendix A).

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Ограничения исследования по выборке: на 1-м срезе все участники были распределены на экспериментальную группу (ЭГ, 4 СУВУ ЗТ) и контрольную группу (КГ, 11 СУВУ ЗТ). На 2-м, 3-м и 4-м срезах корректно выдерживать данное разделение становилось все труднее ввиду влияния различных побочных (дополнительных) переменных. Например: дополнительное профессиональное обучение специалистов из числа контрольной группы СУВУ ЗТ (что в отсроченной перспективе одного—двух месяцев при условии применения полученных компетенций на практике) «переводит» учреждение из КГ в ЭГ (табл. 2). Данный факт учтен исследователями в результатах, представленных ниже.

Методы математико-статистической обработки результатов: статистика Хопкинса—Скеллама; кластерный анализ методом k-средних, критерий χ^2 . Данные обрабатывались в программе Statistica 10.0 (StatSoft Inc., США) и пакете R.

Гипотеза: Применение в СУВУ ЗТ комплексной программы профилактики и коррекции по модели «Экосистема детства» приводит к статистически значимому изменению комплекса параметров, характеризующих антисоциальную жизненную позицию воспитанников, и снижению количества воспитанников с антисоциальной жизненной позицией (Кластер 3). Для контрольной группы такое снижение возможно, но не будет статистически значимым.

Результаты

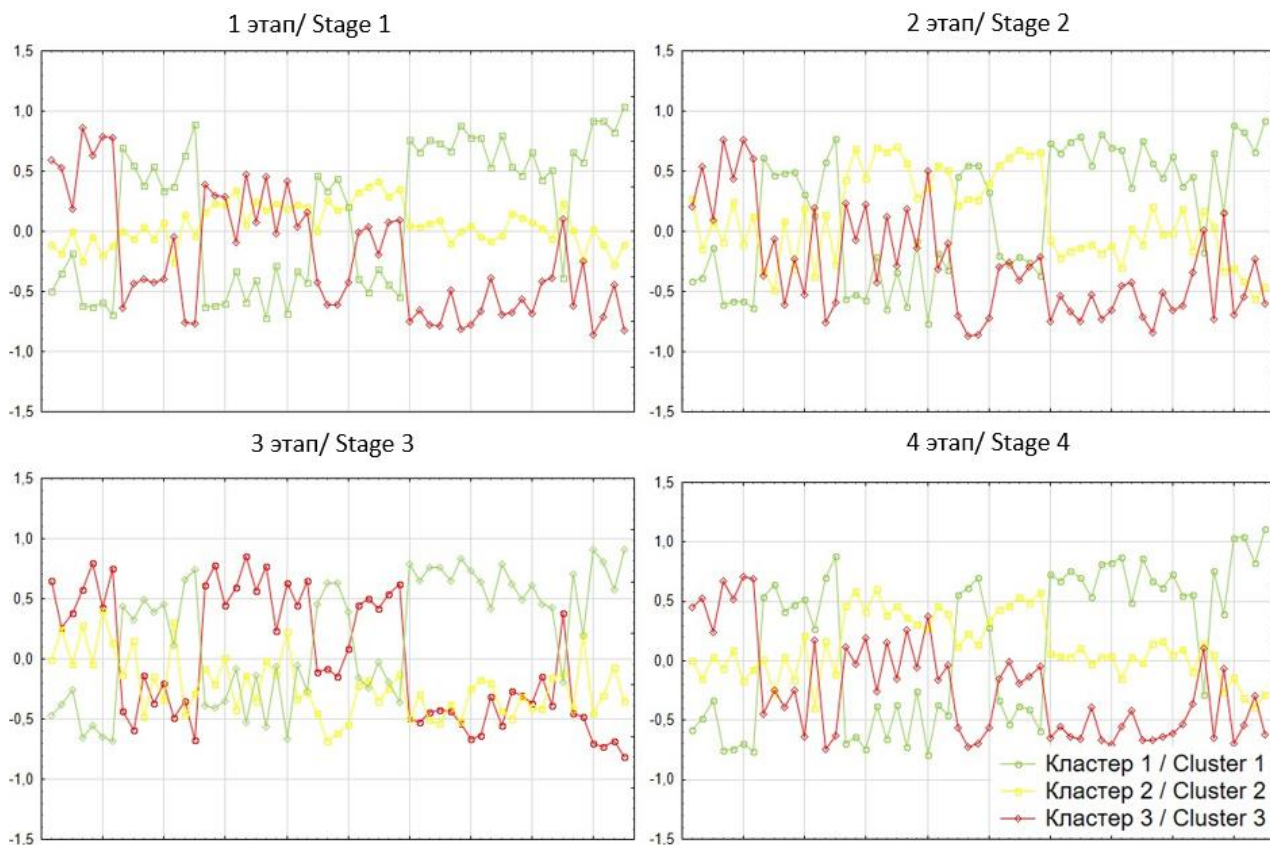
Проверка данных на возможность кластеризации

В данной статье представлены результаты кластерного анализа в четырех различных срезах. Первоочередным этапом исследования является верификация возможности кластеризации данных. Для этого производится расчет статистики Хопкинса—Скеллама для оценки тенденции к кластеризации в наборе данных. Результаты по всем четырем срезам получились следующими: статистика Хопкинса, 1-й срез — 0,63; статистика Хопкинса, 2-й срез — 0,64; статистика Хопкинса, 3-й срез — 0,64; статистика Хопкинса 4-й срез — 0,64. Исходя из интерпретации результатов (Судаков, 2010), можно сделать вывод, что некоторые группы данных могут быть выделены, однако они будут иметь пересечения. Это означает, что кластеризация возможна, но требует осторожного подхода.

Выделение профилей личности воспитанников (кластеров)

На каждом этапе (срезе) было выделено 3 кластера. На рис. 1 представлены средние значения нормированных показателей по каждому кластеру для каждого из этапов. На рисунке видно, что средние значения для всех срезов имеют достаточно похожую структуру, что позволяет говорить о сопоставимости выделенных кластеров в разных срезах. Другими словами, мы видим, что на каждом срезе выделяются три устойчивые группы воспитанников, которые уже были нами описаны (Бойкина и др., 2025).

В табл. 1 описана интерпретация каждого из трех кластеров. Для лонгитюдного исследования было важно установить, как воспитанники переходили из одного кластера в другой. Для этого мы определили кластеры для каждого воспитанника на каждом срезе, где данный воспитанник участвовал. Доля участников каждого среза с 95% доверительным интервалом (ДИ) и количество воспитанников в каждой группе и кластере представлены в Приложении Б (see Appendix B).

Рис. 1. Распределение средних нормированных показателей по кластерам в различных временных срезах (анализ методом k-средних)
Fig. 1. Distribution of mean normalized values across clusters in various time slices (k-means clustering analysis)

Таблица 1 / Table 1

Распределение выборки (воспитанники 15 СУВУ ЗТ) на основные личностные профили (кластеры) по итогам четырех психодиагностических срезов
Sample distribution of (pupils from 15 special closed-type educational institutions) into main personality profiles (clusters) based on the results of 4 psychodiagnostic tests

Кластер 1. Воспитанники с просоциальной жизненной позицией / Cluster 1. Pupils with a prosocial attitude	Кластер 2. Воспитанники с ситуативной жизненной позицией / Cluster 2. Pupils with a situational life position	Кластер 3. Воспитанники с антисоциальной жизненной позицией / Cluster 3. Pupils with an antisocial attitude
Высокий уровень жизнестойкости и саморегуляции / High level of resilience and self-regulation	Низкий уровень жизнестойкости и осознанности / Low level of resilience and awareness	Низкая жизнестойкость, саморегуляция и осмысленность жизни / Low resilience, self-regulation and meaningfulness of life

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Позитивное самоотношение, самоуважение / Positive self-attitude, self-respect	Конформизм, неустойчивость в сложных ситуациях / Conformity, instability in difficult situations	Субъективная остракизация, фрустрация социальных потребностей, негативное самоотношение / Feeling of ostracism, frustration of social needs, negative self-attitude
Конструктивные стратегии в стрессе: асертивность, поиск поддержки / Constructive strategies in stress: assertiveness, seeking support	Недифференцированные стратегии совладания со стрессом / Undifferentiated strategies for coping with stress	Склонность к экстремизму, выбор деструктивных стратегий в стрессе / Tendency to extremism, choice of destructive strategies in stress
Неприятие насилия, терпимость к противоречиям / Non-acceptance of violence, tolerance for contradictions	Ориентация на физическую реальность, неприятие субъективного / Focus on physical reality, rejection of the subjective	Социальный пессимизм, игнорирование норм и законов / Social pessimism, ignoring norms and laws
Высокие показатели осмысленности жизни, уверенности в себе / High indicators of meaningfulness of life, self-confidence	Неопределенное отношение к себе, ведомое поведени / Uncertain self-image, driven behavior	Низкий уровень планирования целей и саморегуляции / Low level of planning goals and self-regulation

Ввиду того, что исследование носило лонгитюдный характер, сохранить состав выборки в ЭГ и КГ в версии 1-го психодиагностического среза не удалось. В этой связи с целью выявления достоверных различий во всех четырех срезах и определения наличия статистически значимых эффектов влияния независимой переменной были проанализированы данные только тех участников, чьи СУВУ ЗТ полностью соответствовали включению в ЭГ (комплексная программа началась после 1-го среза и проводилась весь оставшийся период наблюдения) и КГ (комплексная программа не проводилась, специалисты данного СУВУ ЗТ обучение по технологиям воздействия не проходили). Стоит заметить, что мы учитывали тех воспитанников из обеих групп, которые попадали в СУВУ ЗТ в процессе исследования (на 2-й, 3-й и 4-й срезы). Описательная статистика по сокращенной выборке с учетом вышеописанных ограничений представлена в табл. 2.

Этапы исследования

- 1-й срез: октябрь 2024;
- 2-й срез: декабрь 2024;
- 3-й срез: май 2025;
- 4-й срез: ноябрь 2025.

На получившейся выборке было проведено сравнение основной и контрольной группы с применением критерия хи-квадрат. На первом этапе достоверных различий между

экспериментальной и контрольной группами выявлено не было ($\chi^2(2) = 4,57$; $p = 0,1016$).
 Графические результаты представлены на рис. 2.

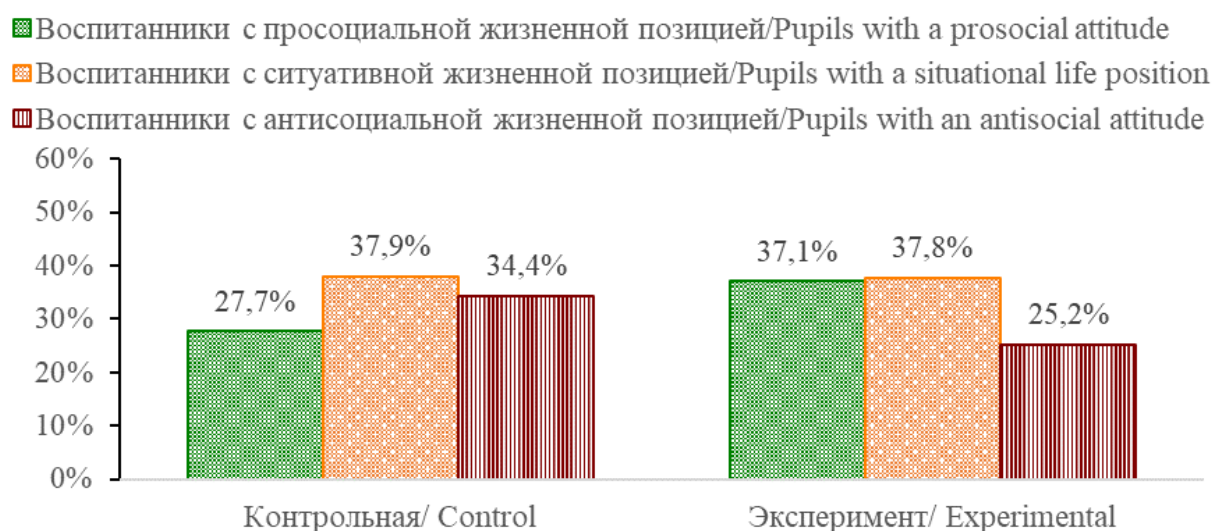
Таблица 2 / Table 2

**Выборка исследования на 1-м (до воздействия) и 2-м, 3-м, 4-м (после воздействия)
 этапах формирующего эксперимента (с учетом ограничений)**
**Sample description at the 1st (before exposure) and 2nd, 3d, 4th (after exposure) stages
 of the formative experiment (with regard of limitations)**

Параметры выборки	1-й срез / Stage 1		2-й срез / Stage 2		3-й срез / Stage 3		4-й срез / Stage 4	
	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG
Группа / Group	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG	КГ/CG	ЭГ/EG
Количество/ Number	195	143	190	136	213	141	186	131
Средний возраст / MAGE	15,5 ± 1,2	15,3 ± 1,4	15,6 ± 1,2	15,3 ± 1,4	15,3 ± 1,2	15,1 ± 1,3	15,3 ± 1,1	14,7 ± 1,2
Юноши / девушки / Male / Female	175/20	103/40	167/23	102/34	196/17	110/31	163/23	99/32

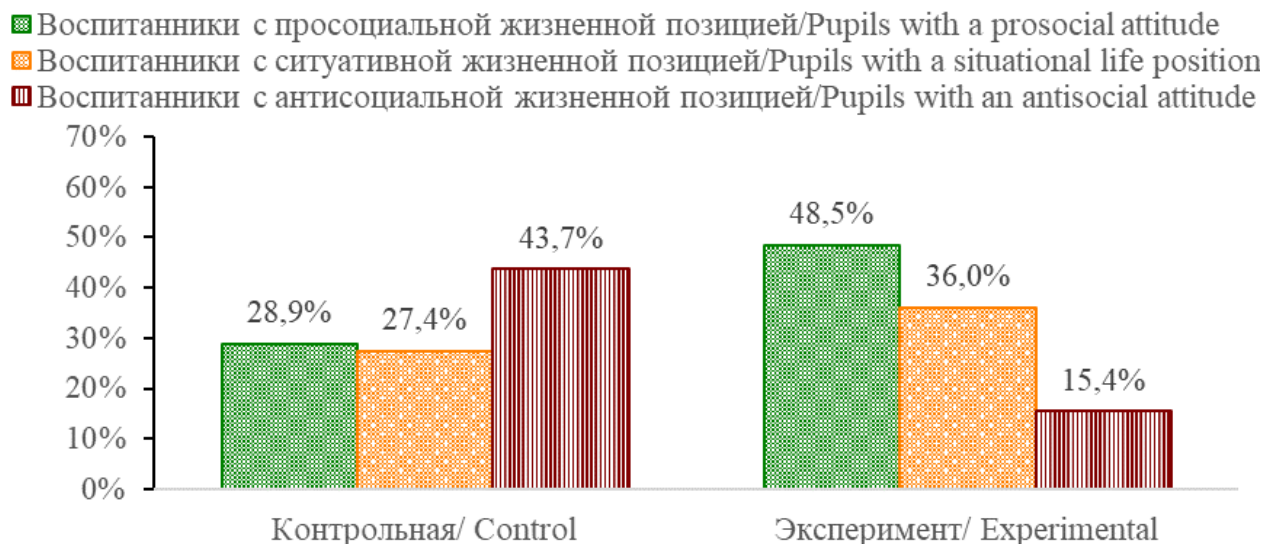
Примечание: КГ — контрольная группа; ЭГ — экспериментальная группа.

Note: CG — control group; EG — experimental group.

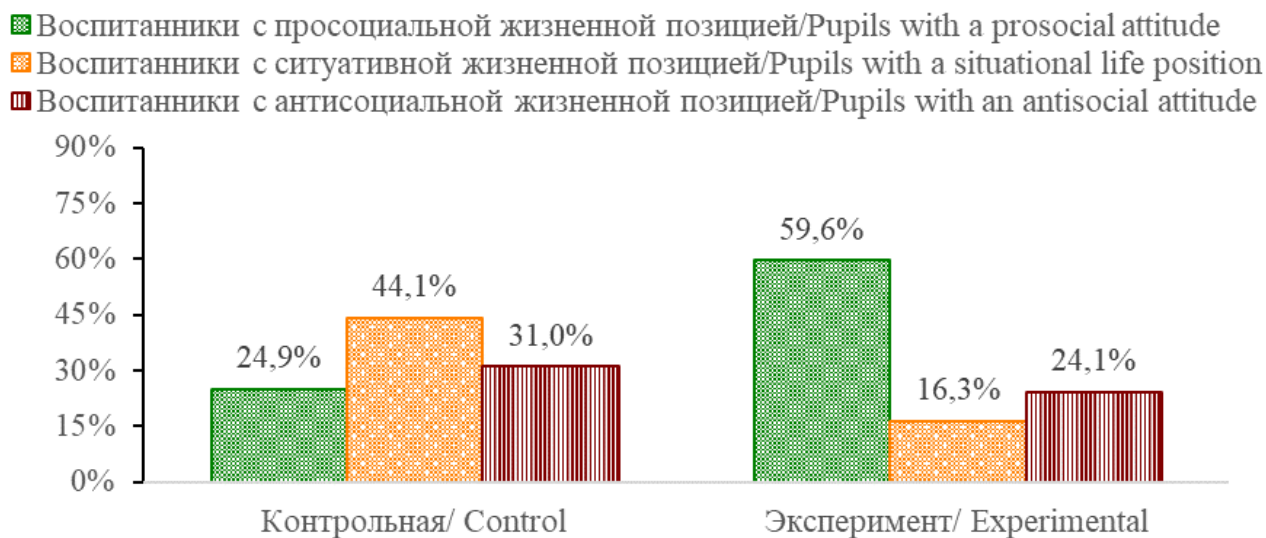

Рис. 2. Процентное соотношение кластеров в исследуемых группах (1-й срез)
Fig. 2. Percentage of clusters in the study groups (Stage 1)

После первого среза в экспериментальной группе началось внедрение комплексной программы. Второй срез проведен спустя чуть менее трех месяцев. Результаты сравнения групп воспитанников на 2-м срезе показали достоверные различия ($\chi^2(2) = 29,93; p < 0,0001$).

Рис. 3. Процентное соотношение кластеров в исследуемых группах (2-й срез)
Fig. 3. Percentage of clusters in the study groups (Stage 2)

Рис. 4. Процентное соотношение кластеров в исследуемых группах (3-й срез)
Fig. 4. Percentage of clusters in the study groups (Stage 3)

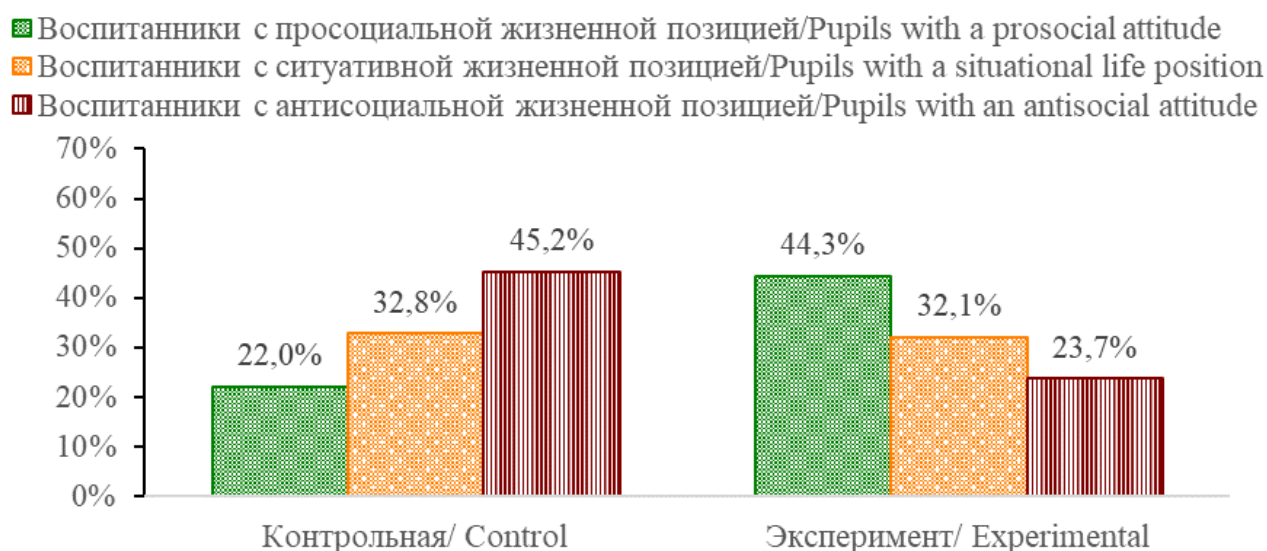
Результаты 2-го психодиагностического среза показали уверенное снижение в экспериментальной группе числа воспитанников, ранее относимых к кластеру 3 (устойчивая антисоциальная позиция), и рост в Кластере 1 (просоциальная позиция). Однако мы также

видим, что в КГ наблюдается значительный рост числа воспитанников, которые на исследуемый момент времени проявляли признаки антисоциального позиционирования.

Результаты 3-го среза (рис. 4) также показывают существенные различия между группами ($\chi^2(2) = 47,67$; $p < 0,0001$).

Данные показывают продолжение положительной динамики экспериментального воздействия комплексной профилактической и коррекционной программы: снижение в кластере 3 и рост в кластере 1. Данные по КГ стабилизировались на уровне 1-го среза, положительная динамика минимальна (снижение в кластере 3 всего на 1,1%).

На рис. 5 представлены результаты 4-го среза, где также видны достоверные различия между группами ($\chi^2(2) = 21,97$; Уровень $p < 0,0001$).

Рис. 5. Процентное соотношение кластеров в исследуемых группах (4-й срез)
Fig. 5. Percentage of clusters in the study groups (Stage 4)

Фиксация результатов по итогам 13 месяцев профилактико-коррекционной работы (см. подраздел «Независимая переменная»), визуализируемая на рис. 5, показывает положительную динамику: снижение количества подростков, придерживающихся антисоциальной позиции с 32,4% до 19,8%, рост количества просоциально ориентированных воспитанников с 30,8% до 42,9%. Количество несовершеннолетних с ситуативной жизненной позиции выросло незначительно — с 36,8% до 37,4%.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу о наличии значимого эффекта независимой переменной: комплексная программа профилактики и коррекции по модели «Экосистема детства», включающая в работу с воспитанниками СУВУ ЗТ навыков технологий, практик восстановительного подхода, ОРКТ-технологий, компетентного наставничества/менторинга в ИПР (далее — Программа) подтвердила свою эффективность.

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

При этом стоит отметить тот факт, что при прочих равных Программа хоть и позволила скорректировать антисоциальную жизненную позицию воспитанников СУВУ ЗТ (ЭГ, статистически значимое снижение на 12,6% в кластере 3 от 1-го к 4-му срезу) и увеличила долю в просоциальном кластере 1, количество воспитанников с ситуативной жизненной позицией почти не изменилось. Последний аспект, по мнению исследователей, говорит о механизме качественных изменений в жизненной позиции подростков: принятие новых норм, установок, переход от деструктивных паттернов не происходит «по прямой», данный процесс модерируется стадией сомнения, раздумий, неустойчивостью позиции.

Важно также отметить тот факт, что компоненты жизненной позиции воспитанника СУВУ ЗТ содержали множество исследуемых признаков, обладающих разной «скоростью» изменчивости. Так, такие параметры, как, например, «субъективная остракизация» и «нарушенные потребности в принятии, контроле», при должной коррекционной работе могут нормализоваться относительно быстро. А вот коррекция смысложизненных ориентаций, паттернов радикализации, стратегии преодоления в стрессовых ситуациях требует более длительного времени. С учетом вышесказанного полагаем целесообразным сделать здесь два основных вывода: работа специалистов по эффективной коррекции деструктивной жизненной позиции несовершеннолетних возможна только в длительном (не менее 12 месяцев) периоде и должна логично проходить стадии возможного сопротивления, обязательного сомнения и безусловного принятия в итоге. Исключение центральной стадии может привести к рецидиву.

Безусловный интерес вызывают результаты, полученные во 2-м срезе в контрольной группе, где наблюдался значительный рост в антисоциальном кластере 3 (с 28,4% до 43%) за счет «оттока» из кластеров 1 (32,7%/30,4%) и 2 (38,8%/26,7%). В данном случае, как считают авторы исследования, мы можем говорить о влиянии дополнительной переменной. Фиксация результатов 2-го среза пришлась на декабрь 2024 года. Помимо того, что конец года — это всегда трудный период, на который статистически приходится всплеск уровня тревожности, антивиатальных переживаний в среде несовершеннолетних, это также период годовых отчетов и проведения больших мероприятий в учреждениях, что отвлекает сотрудников от более глубокого погружения в работу с воспитанниками. Данный фактор уже обсуждался в результатах исследования по итогам 1-го и 2-го срезов (Бойкина и др., 2025). Данный артефакт Программы дает право обоснованно говорить в пользу ее лонгитюдного характера, поскольку первые фиксируемые положительные эффекты требуют не только подкрепления в работе, но и определенного временного лага для их закрепления. В противном случае любое непрогнозируемое воздействие может свести итоги месяцев работы специалистов на нет.

Заключение

Организация осознанной и эффективной работы с доказанной комплексной коррекционно-профилактической эффективностью нуждается в инструментах: прогнозирования рисков девиантного поведения и повторных преступлений среди несовершеннолетних, учащихся СУВУ ЗТ; оценки жизнеспособности несовершеннолетних с делинквентным (противоправным) поведением; определения обстоятельств и предикторов, приводящих подростков к крайним формам проявления деструктивного противоправного поведения.

Представленная выше диагностическая модель, разработанная для целей лонгитюдного исследования на базе СУВУ ЗТ, построена на основе выделения параметров, значимых для

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

снижения рисков девиантного поведения, в том числе рецидивов правонарушений, в соответствии со структурой жизненной позиции личности подростка (С.В. Бонкало, 2012). Включенные в модель 9 методик позволили не только выявить группы риска на основе выявления просоциальной или антисоциальной позиции личности воспитанников (кластеры) на начальном этапе исследования, но и фиксировать переход из одного кластера в другой в процессе реализации лонгитюдного исследования на базе 15 СУВУЗТ (2024—2025 гг., четыре диагностических среза).

Исследование носило доказательный характер, поскольку было направлено на оценку и выявление эффектов экспериментальной программы психологической профилактики «Экосистема детства». Сравнительный анализ четырех срезов диагностики в контрольной и экспериментальной выборках подростков, находящихся в СУВУ ЗТ, показал, что в процессе внедрения в психолого-педагогическую работу в СУВУ ЗТ комплексной программы «Экосистема детства», построенной на интеграции навыков технологий, практик восстановительного подхода, техник ОРКТ, компетентного наставничества/менторинга, количество воспитанников с устойчивой антисоциальной жизненной позицией значительно снизилось, а количество подростков с просоциальной жизненной позицией достоверно увеличилось. О том, как менялись в процессе эксперимента параметры, характеризующие различные компоненты жизненной позиции (представления о смысле своей жизни; ориентация на осознанность и направленность ближних и дальних целей в своей жизни; позитивное самоотношение; удовлетворенность потребностей в принятии, контроле и осмысленном существовании; ориентация на общепринятые нормы и ценности; владение более гибкими и адаптивными способами совладания со стрессом), было описано в предыдущих статьях по результатам данного исследования (Бойкина и др., 2025)

С учетом введения различных условий эксперимента и расширения экспериментальной базы проекта с четырех СУВУ ЗТ в 2024 г. до семи в 2025 г., увеличения количества специалистов, реализующих апробируемые технологии, в перспективе развития исследования добавилась возможность оценки влияния различных переменных. Авторский коллектив планирует провести исследование дифференцированных коррекционных эффектов отдельных элементов Программы: групповых и индивидуальных форматов **восстановительных, навыковых, ОРКТ-технологий, инструментов индивидуального сопровождения в рамках компетентного наставничества/менторинга и др.**

Результаты исследования, подтверждающие эффективность внедрения профилактической модели «Экосистема детства», не только являются обоснованием методического и инструментального арсенала специалистов СУВУ ЗТ, но и могут быть экстраполированы на все учреждения системы профилактики. Программа профилактики антисоциального поведения несовершеннолетних в образовательных организациях и учреждениях институционального воспитания (по модели «Экосистема детства») прошла независимую экспертизу и по решению Научно-экспертного совета ФГБОУ ВО НЭС внесена в реестр практик с доказанной эффективностью.

Список источников / References

1. Алехина, С.В., Делибалт, В.В., Дворянчиков, Н.В., Дозорцева, Е.Г., Дебольский, М.Г., Дегтярев, А.В., Малкин, Д.А., Пимонов, В.А., Семаго, Н.Я., Семаго, М.М., Чиркина, Р.В.

<p>Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д., Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026) Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 4. Результаты лонгитюдного исследования <i>Психология и право</i>, 16(2), 144—176.</p>	<p>Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D., Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026) Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 4. The longitudinal study results <i>Psychology and Law</i>, 16(2), 144—176.</p>
---	--

(2017). *Методические рекомендации по организации обследования детей с тяжелыми и легкими поведенческими нарушениями и созданию для них специальных образовательных условий*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL:

<https://psyjournals.ru/nonserialpublications/oecbdsect2017> (дата обращения: 10.01.2026).

Alekhina, S.V., Delibalt, V.V., Dvoryanchikov, N.V., Dozortseva, E.G., Debolsky, M.G., Degtyarev, A.V., Malkin, D.A., Pimonov, V.A., Semago, N.Ya., Semago, M.M., Chirkina, R.V. (2017). *Methodological recommendations for organizing the examination of children with severe and mild behavioral disorders and creating special educational conditions for them*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/oecbdsect2017> (viewed: 10.01.2026).

2. Богданович, Н.В., Делибальт, В.В., Азыркин, П.Д. (2024) *Подросток в Интернете. Методические рекомендации по оценке рисков отклоняющегося поведения в Интернете в рамках сети подростковых центров «Подростки России»*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ti2024> (дата обращения: 10.01.2026).

Bogdanovich, N.V., Delibalt, V.V., Azyrkin, P.D. (2024) *A teenager on the Internet. Methodological recommendations for assessing the risks of deviant behavior on the Internet within the framework of the network of adolescent centers "Teenagers of Russia"*. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/ti2024> (viewed 10.01.2026).

3. Бойкина, Е.Э., Гурина, О.Д., Куприянова, Е.А., Радчиков, А.С., Шпагина, Е.М., Чиркина, Р.В. (2024). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 1. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право*, 14(4), 1—14. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401>

Boykina, E.E., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Radchikov, A.S., Shpagina, E.M., Chirkina, R.V. (2024). Psychological Predictors of Deviant Behavior of Minors. Part 1. Portrait of a Special Educational Institution's Student. *Psychology and Law*, 14(4), 1—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140401>

4. Бойкина, Е.Э., Гурина, О.Д., Куприянова, Е.А., Радчиков, А.С., Стратийчук, Е.В., Чиркина, Р.В. (2025). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 2. Портрет воспитанника СУВУ. *Психология и право*, 15(3), 160—178. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150311>

Boykina, E.E., Gurina, O.D., Kupriyanova, E.A., Radchikov, A.S., Stratiychuk, E.V., Chirkina, R.V. (2025). Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 2. Portrait of a special educational institution's student. *Psychology and Law*, 15(3), 160—178. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150311>

5. Бойкина, Е.Э., Чиркина, Р.В., Стратийчук, Е.В. (2025). Психологические предикторы девиантного поведения несовершеннолетних. Часть 3. Портрет воспитанницы СУВУ. *Психология и право*, 15(4), 44—62. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150403>

Boykina, E.E., Chirkina, R.V., Stratiychuk, E.V. (2025). Psychological predictors of deviant behavior of minors. Part 3. Portrait of a special educational institution's female student. *Psychology and Law*, 15(4), 44—62. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150403>

6. Бонкало, С.В. (2012). *Социально-психологические технологии формирования конструктивной жизненной позиции делинквентных подростков (на примере воспитанников специальных образовательных учреждений закрытого типа): Автореф.*

дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05 Социальная психология. М.

Bonkalo, S.V. (2012). *Social and psychological technologies for the formation of a constructive life position of delinquent adolescents (using the example of pupils of special closed-type educational institutions): Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.): 19.00.05 Social psychology*. Moscow. (In Russ.).

7. Бусыгина, Н.П., Подушкина, Т.Г., Засимова, А.В. (2022). Типология практик и ее значение для их доказательного обоснования и экспертной оценки. *Социальные науки и детство*, 3(2), 10—23. <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030201>
Busygina, N.P., Podushkina, T.G., Zasimova, A.V. (2022). How to Verify Evidence: A Typology of Practices and Its Implications for Studying Their Efficiency. *Social Sciences and Childhood*, 3(2), 10—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2022030201>
8. Воробьева, К.А. (2024). *Психологическая детерминация структурной организации асоциальной направленности личности обучающихся: Автореф. дис... д-ра психол. наук: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии*. М.
Vorobyeva, K.A. (2024). *Psychological determination of the structural organization of the antisocial orientation of the personality of students: Extended abstr. Diss. Dr. Sci. (Psychol.): 5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology*. Moscow. (In Russ.).
9. Гервиц, А.Е., Леонтьев, Д.А. (2017). Переживания в одиночестве и в компании в зависимости от отношения к одиночеству. В: О.В. Соловьева, Т.Г. Стефаненко (Ред.), *Инновационные ресурсы социальной психологии: Теории, методы, практики: Сборник научных работ* (с. 409—414). М.: МГУ.
Gervits, A.E., Leontiev, D.A. (2017). Experiences in loneliness and in company depending on attitudes towards loneliness. In: O.V. Solovieva, T.G. Stefanenko (Eds.), *Innovative Resources of Social Psychology: Theories, methods, practices: Collection of scientific works* (pp. 409—414). Moscow: Moscow State University Publ. (In Russ.).
10. Змановская, Е.В. (2018). *Девиантология (психология отклоняющегося поведения)*. М.: Академия.
Zmanovskaya, E.V. (2018). *Deviantology (psychology of deviant behavior)*. Moscow: Akademiya Publ. (In Russ.).
11. Клейберг, Ю. А. (2026). *Психология девиантного поведения: Учебник и практикум для среднего профессионального образования (5-е изд., перераб. и доп.)*. М.: Юрайт.
Kleyberg, Yu. A. (2026). *Psychology of deviant behavior: A textbook and practices for secondary vocational education (5th rev. ed.)*. Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.).
12. Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н., Досумова, С.Ш., Рзаева, Ф.Р., Бобров, В.В. (2018). Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием. *Психологическая наука и образование*, 23(6), 55—66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
Leontiev, D.A., Osin, E.N., Dosumova, S.S., Rzaeva, F.R., Bobrov, V.V. (2018). Study-Related Experiences and Their Association with Psychological Well-Being. *Psychological Science and Education*, 23(6), 55—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
13. Подушкина, Т.Г., Гани, С.В. (2024). Методология и практика доказательного подхода в сфере детства в России. *Журнал исследований социальной политики*, 22(4), 627—640. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-627-640>
Podushkina, T.G., Gani, S.V. (2024). Methodology and practice of evidence-based approach to

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026) Чиркина R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026) Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Психологические предикторы девиантного Psychological predictors of deviant
поведения несовершеннолетних. Часть 4. behavior of minors. Part 4
Результаты лонгитюдного исследования The longitudinal study results
Психология и право, 16(2), 144—176. *Psychology and Law*, 16(2), 144—176.

childhood in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*, 22(4), 627—640. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-627-640>

14. Рубцов, В.В. (2024). *Социально-генетическая психология учебных взаимодействий: Избранные статьи, выступления, проекты. Том I*. М.: Городец. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgpli2024> (дата обращения: 10.12.2025).
Rubtsov, V.V. (2024). *Social-genetic psychology of learning interactions: Selected articles, speeches, projects. Vol. I*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/sgpli2024> (viewed: 10.12.2025).
15. Сорокова, М.Г., Ульянина, О.А., Семья, Г.В., Леонова, О.И., Лубовский, Д.В., Исаев, Е.И., Подушкина, Т.Г., Бусыгина, Н.П., Радчикова, Н.П., Шведовская, А.А. (2024). *Доказательный подход: Руководство по верификации программ, технологий, практик в образовании и социальной сфере: Учебное пособие* (А.А. Марголис, М.Г. Сорокова, Г.В. Семья, ред.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ. URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguever2024> (дата обращения: 10.12.2025).
Sorokova, M.G., Ulyanina, O.A., Semya, G.V., Leonova, O.I., Lubovsky, D.V., Isaev, E.I., Podushkina, T.G., Busygina, N.P., Radchikova, N.P., Shvedovskaya, A.A. (2024). *Evidence-based approach: Guide to verification of programs, technologies, practices in education and social sphere: Study guide* (A.A. Margolis, G. Sorokova, G.V. Semya, eds.). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education Publ. (In Russ.). URL: <https://psyjournals.ru/nonserialpublications/evbaguever2024> (viewed: 10.12.2025).
16. Судаков, С.А. (2010). *Кластерный анализ в психиатрии и клинической психологии: Руководство для научных сотрудников, студентов и аспирантов* (А.С. Тиганов, общ. ред.). М.: Медицинское информационное агентство.
Sudakov, S.A. (2010). *Cluster analysis in psychiatry and clinical psychology: Guide for researchers, students and postgraduates* (A.S. Tiganov, ed.). Moscow: Medical Information Agency Publ. (In Russ.).
17. Умняшова, И.Б. (2022). Нормативные основания профилактики различных видов девиантного поведения детей и подростков в системе общего образования. *Психология и право*, 12(1), 133—146. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120111>
Umnyashova, I.B. (2022). Legislative Framework for Prevention of Various Kinds of Deviant Behavior of Children and Adolescents in the General Education System. *Psychology and Law*, 12(1), 133—146. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120111>
18. Шнейдер, Л.Б. (2026) *Психология девиантного и аддиктивного поведения. Практикум: Учебник для вузов*. М.: Юрайт.
Schneider, L.B. (2026) *Psychology of deviant and addictive behavior. Practical training: A textbook for universities*. Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.).
19. Шумакова, Н.Б., Щебланова, Е.И., Сорокова, М.Г. (2023). «Климат в классе»: русскоязычная версия модифицированного опросника «Школьный климат»: Набор данных. RusPsyData: Репозиторий психологических исследований и инструментов. <https://doi.org/10.48612/MSUPE/f3x6-d81x-uuu9>
Shumakova, N.B., Shcheblanova, E.I., Sorokova, M.G. (2023). «Classroom Climate»: Russian language version of the modified School Climate Questionnaire: Data set. RusPsyData: Psychological Research Data and Tools Repository. (In Russ.). <https://doi.org/10.48612/MSUPE/f3x6-d81x-uuu9>

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

20. Honma, Y., Nagao, T., Aiga, K. (2022) Evaluation of a Moral Education Program Teaching Role-Taking Ability to Youth at a Juvenile Training School: Focusing on Those Not Benefiting from the Program. *The Japanese Journal of Educational Psychology*, 70(1), 100—111. <https://doi.org/10.5926/jjep.70.100>
21. Mucchielli, L. (2005). Les “centres éducatifs fermés”: rupture ou continuité dans le traitement des mineurs délinquants? *Revue d'histoire de l'enfance “irrégulière”*, 7, 113—146. <https://doi.org/10.4000/rhei.1038>

Приложение / Appendix

Приложение А. Описательная статистика по шкалам методик по четырем срезах исследования Appendix A. / Descriptive statistics for the methodology scales at the 4 stages of the study

Таблица 1 / Table 1

Описательная статистика по шкалам методик (456 воспитанников) на первом срезе Descriptive statistics for the methodology scales (456 students) at the 1st stage

Шкала / Scale	$M \pm SD$	Me [Q1; Q3]	$Min—Max$	σ^2	γ	Экспесс / Excess
Игнорирование / Ignoring	1,61 ± 0,61	1,40 [1,00; 2,00]	(1,00; 4,20)	0,37	1,23	1,60
Исключение / Exception	2,92 ± 0,77	2,80 [2,40; 3,40]	(1,00; 5,00)	0,59	0,26	−0,02
Отвержение / Rejection	2,51 ± 0,44	2,50 [2,25; 2,75]	(1,50; 4,00)	0,20	0,34	0,07
Потребность в принятии / Belonging need	1,99 ± 0,76	1,80 [1,40; 2,40]	(1,00; 5,00)	0,58	0,87	0,31
Потребность в самоуважении / Selfesteem need	2,25 ± 0,72	2,20 [1,60; 2,80]	(1,00; 4,60)	0,52	0,56	0,15
Потребность в контроле / Control need	1,96 ± 0,74	1,80 [1,40; 2,40]	(1,00; 4,20)	0,55	0,68	−0,08
Потребность в осмысленном существовании / Existence need	2,14 ± 0,74	2,00 [1,60; 2,60]	(1,00; 4,60)	0,55	0,66	0,21
Планирование целей / Goal planning	14,24 ± 3,73	14,00 [12,00; 17,00]	(4,00; 20,00)	13,91	−0,36	−0,37
Моделирование значимых условий достижения целей / Modeling significant conditions for goals achieving	12,98 ± 2,80	13,00 [11,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	7,86	−0,03	0,04
Программирование действий / Programming actions	13,63 ± 3,19	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	10,20	−0,14	−0,26
Оценивание результатов / Results evaluation	12,84 ± 3,58	13,00 [11,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	12,85	−0,12	−0,30

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Гибкость / Flexibility	13,95 ± 3,43	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	11,78	-0,35	-0,27
Надежность / Reliability	10,60 ± 3,79	10,00 [8,00; 13,00]	(4,00; 20,00)	14,34	0,45	-0,33
Настойчивость / Persistence	15,61 ± 3,38	16,00 [14,00; 18,00]	(4,00; 20,00)	11,45	-0,90	0,65
Общий уровень саморегуляции / General level of self-regulation	93,86 ± 13,55	92,00 [85,00; 102,00]	(45,00; 135,00)	183,50	0,33	0,44
Культ силы / Cult of power	15,42 ± 4,32	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	18,66	0,34	0,06
Допустимость агрессии / Permissibility of aggression	17,32 ± 4,77	17,00 [14,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	22,72	0,12	-0,15
Интолерантность / Intolerance	16,76 ± 4,09	17,00 [14,00; 19,00]	(6,00; 28,00)	16,72	0,06	-0,10
Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	18,99 ± 4,23	19,00 [16,00; 22,00]	(6,00; 30,00)	17,87	-0,05	0,52
Социальный пессимизм / Social pessimism	15,12 ± 3,99	15,00 [13,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	15,94	0,40	0,73
Мистичность / Mystique	17,85 ± 4,08	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	16,68	-0,05	0,48
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	16,05 ± 4,10	16,00 [13,00; 19,00]	(6,00; 29,00)	16,81	0,17	-0,20
Протестная активность / Protest activity	17,52 ± 3,68	17,50 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	13,56	-0,03	0,79
Нормативный нигилизм / Normative nihilism	14,40 ± 3,94	14,00 [12,00; 17,00]	(6,00; 27,00)	15,53	0,35	0,06
Антиинтрацепция / Anti- contraception	18,46 ± 3,11	18,00 [17,00; 20,00]	(9,00; 30,00)	9,65	0,01	0,55
Конформизм / Conformism	17,40 ± 3,99	17,50 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	15,92	0,01	0,70
Ассертивные действия / Assertive actions	20,17 ± 3,19	20,00 [18,00; 22,00]	(12,00; 30,00)	10,20	0,11	-0,06
Вступление в социальный контакт / Making social contact	21,80 ± 4,31	22,00 [19,00; 25,00]	(6,00; 30,00)	18,54	-0,64	0,87
Поиск социальной поддержки / Search for social support	22,07 ± 4,65	23,00 [19,00; 25,00]	(6,00; 30,00)	21,65	-0,54	0,15
Осторожные действия / Careful actions	20,76 ± 4,06	21,00 [18,00; 23,00]	(6,00; 30,00)	16,45	-0,52	0,70
Импульсивные действия / Impulsive actions	18,28 ± 3,17	18,00 [16,00; 20,00]	(8,00; 27,00)	10,03	-0,10	0,10
Избегание / Avoidance	17,88 ± 3,78	18,00 [16,00; 20,00]	(6,00; 29,00)	14,25	-0,27	0,66

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Непрямые действия / Indirect actions	18,64 ± 4,11	18,00 [16,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	16,89	-0,08	0,51
Асоциальные действия / Antisocial actions	17,48 ± 4,52	17,00 [14,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	20,43	0,19	0,18
Агрессивные действия / Aggressive actions	18,44 ± 5,05	19,00 [15,00; 22,00]	(6,00; 30,00)	25,50	-0,12	-0,11
Цели / Goals	29,71 ± 6,81	29,00 [24,00; 35,00]	(11,00; 42,00)	46,41	0,03	-0,77
Процесс / Process	27,02 ± 5,60	27,00 [24,00; 30,00]	(10,00; 42,00)	31,37	0,07	0,10
Результат / Result	24,48 ± 5,86	25,00 [20,00; 29,00]	(8,00; 35,00)	34,40	-0,19	-0,44
Локус контроля — Я / Locus of control — Self	20,30 ± 4,60	20,00 [17,00; 24,00]	(7,00; 28,00)	21,14	-0,08	-0,78
Локус контроля — Жизнь / Locus of control — Life	26,31 ± 5,65	26,00 [23,00; 30,00]	(6,00; 42,00)	31,96	-0,18	0,60
Общий показатель осмысленности жизни / Life meaningfulness — general indicator	93,75 ± 16,59	92,00 [81,00; 106,00]	(45,00; 135,00)	275,18	0,14	-0,55
Глобальное самоотношение / Global self-attitude	73,18 ± 20,36	80,00 [62,67; 88,00]	(13,00; 98,33)	414,61	-0,92	0,04
Шкала самоуважения / Self-esteem scale	60,42 ± 25,17	58,67 [44,67; 80,00]	(6,00; 100,00)	633,42	-0,40	-0,98
Шкала аутосимпатии / Autosympathy scale	64,21 ± 21,33	69,67 [47,00; 86,00]	(16,00; 98,33)	454,89	-0,30	-0,92
Шкала ожидаемого отношения от других / Expected attitude from others scale	37,96 ± 25,20	39,67 [17,67; 53,00]	(1,00; 100,00)	635,26	0,48	-0,76
Шкала самоинтереса / Self-interest scale	68,06 ± 28,29	71,33 [49,67; 92,33]	(2,00; 100,00)	800,59	-0,63	-0,70
Шкала самоуверенности / Self-confidence scale	57,63 ± 21,97	65,67 [49,67; 81,33]	(7,33; 92,33)	482,72	-0,35	-0,64
Шкала отношения других / Others' attitudes scale	44,84 ± 27,68	32,00 [15,00; 80,00]	(0,67; 100,00)	766,03	0,31	-1,00
Шкала самопринятия / Self-acceptance scale	65,23 ± 25,26	70,67 [50,67; 89,67]	(2,67; 100,00)	638,25	-0,48	-0,65
Шкала самопоследовательности (саморуководства) / Sself-consistency (self-guidance) scale	58,46 ± 23,05	60,33 [38,33; 79,67]	(3,00; 100,00)	531,40	-0,34	-0,85
Шкала самообвинения / Self-accusation scale	53,58 ± 27,80	43,33 [27,67; 81,67]	(1,67; 100,00)	772,70	0,17	-1,10

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Шкала самоинтереса (субъективный) / Self-interest (subjective) scale	60,44 ± 29,96	54,67 [34,33; 80,00]	(0,67; 100,00)	897,73	-0,10	-1,32
Шкала самопонимания / Self- understanding scal	60,88 ± 24,98	68,67 [43,33; 83,67]	(4,33; 99,33)	624,06	-0,40	-0,92
Вовлеченность / Commitment	20,37 ± 5,40	20,00 [16,00; 24,00]	(3,00; 30,00)	29,12	-0,13	-0,56
Контроль / Control	15,30 ± 4,38	15,00 [12,00; 18,00]	(2,00; 24,00)	19,18	0,07	-0,40
Принятие риска / Challenge	9,77 ± 3,34	10,00 [7,00; 12,00]	(0,00; 18,00)	11,15	0,19	-0,18
Жизнестойкость / Hardiness	45,44 ± 11,29	45,00 [37,00; 53,00]	(8,00; 72,00)	127,53	0,12	-0,29

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика по шкалам методик (463 воспитанников) на втором срезе
Descriptive statistics for the methodology scales (463 students) at the 2nd stage

Шкала / Scale	$M \pm SD$	Me [$Q1$; $Q3$]	Min — Max	σ^2	γ	Экссес / Excess
Игнорирование / Ignoring	1,98 ± 0,78	1,75 [1,25; 2,50]	(1,25; 5,00)	0,61	1,14	1,00
Исключение / Exception	2,90 ± 0,79	2,80 [2,40; 3,40]	(1,00; 5,00)	0,62	0,40	0,23
Отвержение / Rejection	2,50 ± 0,45	2,50 [2,25; 2,75]	(1,50; 4,25)	0,20	0,69	0,46
Потребность в принятии / Belonging need	2,00 ± 0,76	1,80 [1,40; 2,40]	(1,00; 4,60)	0,57	0,81	0,06
Потребность в самоуважении / Selfesteem need	2,19 ± 0,69	2,20 [1,60; 2,60]	(1,00; 4,80)	0,47	0,45	0,31
Потребность в контроле / Control need	1,99 ± 0,82	1,80 [1,40; 2,60]	(1,00; 4,40)	0,67	0,84	0,09
Потребность в осмысленном существовании / Existence need	2,05 ± 0,71	2,00 [1,40; 2,60]	(1,00; 4,20)	0,51	0,43	-0,47
Планирование целей / Goal planning	14,12 ± 3,71	14,00 [12,00; 17,00]	(4,00; 20,00)	13,76	-0,27	-0,46
Моделирование значимых условий достижения целей / Modeling significant conditions for goals achieving	13,30 ± 2,88	13,00 [11,00; 15,00]	(6,00; 20,00)	8,31	0,23	-0,31
Программирование действий / Programming actions	13,61 ± 3,33	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	11,10	-0,19	-0,10

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Оценивание результатов / Results evaluation	13,03 ± 3,68	13,00 [11,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	13,54	-0,09	-0,36
Гибкость / Flexibility	13,73 ± 3,40	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	11,53	-0,28	-0,09
Надежность / Reliability	10,99 ± 3,94	10,00 [8,00; 14,00]	(4,00; 20,00)	15,52	0,36	-0,58
Настойчивость / Persistence	15,41 ± 3,54	16,00 [13,00; 18,00]	(4,00; 20,00)	12,54	-0,80	0,35
Общий уровень саморегуляции / General level of self-regulation	94,19 ± 13,78	92,00 [85,00; 101,00]	(43,00; 140,00)	189,83	0,45	0,73
Култ силы / Cult of power	15,17 ± 4,33	15,00 [13,00; 18,00]	(6,00; 27,00)	18,76	-0,07	-0,24
Допустимость агрессии / Permissibility of aggression	17,01 ± 4,84	17,00 [14,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	23,45	-0,08	-0,22
Интолерантность / Intolerance	15,99 ± 4,29	16,00 [13,00; 19,00]	(6,00; 28,00)	18,36	0,11	-0,15
Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	18,59 ± 4,59	19,00 [16,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	21,04	-0,07	0,24
Социальный пессимизм / Social pessimism	14,72 ± 3,97	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 27,00)	15,78	0,06	-0,20
Мистичность / Mystique	17,40 ± 4,13	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	17,06	-0,14	0,64
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	15,71 ± 4,14	16,00 [13,00; 18,00]	(6,00; 28,00)	17,18	0,13	-0,22
Протестная активность / Protest activity	17,70 ± 2,73	18,00 [16,00; 19,00]	(6,00; 27,00)	7,46	-0,10	1,33
Нормативный нигилизм / Normative nihilism	14,41 ± 4,03	14,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 29,00)	16,27	0,08	0,13
Антиинтрацепция / Anti-contraception	18,41 ± 3,25	18,00 [16,00; 21,00]	(10,00; 28,00)	10,56	-0,24	0,28
Конформизм / Conformism	17,15 ± 4,11	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	16,89	-0,13	0,87
Ассертивные действия / Assertive actions	19,87 ± 3,59	20,00 [18,00; 22,00]	(4,00; 30,00)	12,92	-0,11	1,34
Вступление в социальный контакт / Making social contact	21,25 ± 4,70	22,00 [18,00; 24,00]	(2,00; 30,00)	22,13	-0,59	0,84
Поиск социальной поддержки / Search for social support	21,43 ± 5,10	22,00 [18,00; 25,00]	(4,00; 30,00)	26,06	-0,59	0,34
Осторожные действия / Careful actions	20,27 ± 4,35	20,00 [18,00; 23,00]	(1,00; 30,00)	18,96	-0,57	1,26
Импульсивные действия / Impulsive actions	17,84 ± 3,55	18,00 [16,00; 20,00]	(0,00; 28,00)	12,60	-0,47	1,83

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Избегание / Avoidance	17,16 ± 4,14	17,00 [15,00; 20,00]	(0,00; 30,00)	17,10	-0,19	1,30
Непрямые действия / Indirect actions	18,23 ± 4,29	18,00 [16,00; 21,00]	(0,00; 30,00)	18,40	-0,30	1,20
Асоциальные действия / Antisocial actions	17,38 ± 4,56	18,00 [15,00; 20,00]	(0,00; 30,00)	20,82	0,00	0,97
Агрессивные действия / Aggressive actions	17,78 ± 5,05	18,00 [15,00; 21,00]	(0,00; 30,00)	25,50	-0,18	0,17
Цели / Goals	29,96 ± 7,19	30,00 [25,00; 36,00]	(7,00; 42,00)	51,72	-0,28	-0,21
Процесс / Process	26,50 ± 5,84	26,00 [24,00; 30,00]	(6,00; 42,00)	34,11	0,03	0,49
Результат / Result	23,98 ± 5,80	24,00 [20,00; 29,00]	(6,00; 35,00)	33,59	-0,17	-0,19
Локус контроля — Я / Locus of control — Self	20,21 ± 5,07	21,00 [16,00; 24,00]	(4,00; 28,00)	25,69	-0,32	-0,41
Локус контроля — Жизнь / Locus of control — Life	26,31 ± 6,10	26,00 [23,00; 30,00]	(9,00; 42,00)	37,20	0,00	0,09
Общий показатель осмысленности жизни / Life meaningfulness — general indicator	93,16 ± 18,42	93,00 [80,00; 106,00]	(36,00; 140,00)	339,28	-0,05	-0,05
Глобальное самоотношение / Global self-attitude	72,72 ± 20,22	74,33 [62,67; 88,00]	(13,00; 98,33)	409,00	-0,83	-0,11
Шкала самоуважения / Self-esteem scale	60,80 ± 24,22	58,67 [44,67; 80,00]	(9,33; 100,00)	586,75	-0,31	-1,05
Шкала аутосимпатии / Autosympathy scale	63,02 ± 20,38	69,67 [47,00; 77,33]	(9,00; 98,33)	415,39	-0,33	-0,60
Шкала ожидаемого отношения от других / Expected attitude from others scale	37,92 ± 25,70	27,33 [17,67; 53,00]	(0,67; 100,00)	660,54	0,53	-0,69
Шкала самоинтереса / Self-interest scale	66,16 ± 29,74	71,33 [49,67; 92,33]	(2,00; 100,00)	884,73	-0,50	-1,05
Шкала самоуверенности / Self-confidence scale	56,36 ± 23,13	65,67 [29,33; 81,33]	(7,33; 100,00)	534,92	-0,26	-0,92
Шкала отношения других / Others' attitudes scale	34,25 ± 22,26	32,00 [15,00; 51,33]	(0,67; 80,00)	495,41	0,47	-0,55
Шкала самопринятия / Self-acceptance scale	63,19 ± 27,70	70,67 [50,67; 89,67]	(2,67; 100,00)	767,17	-0,49	-0,81
Шкала самопоследовательности (саморуководства) / Sself-consistency (self-guidance) scale	56,70 ± 23,15	60,33 [38,33; 79,67]	(9,67; 100,00)	535,80	-0,15	-1,14
Шкала самообвинения / Self-accusation scale	53,20 ± 27,51	43,33 [27,67; 81,67]	(1,67; 100,00)	756,71	0,11	-0,99

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Шкала самоинтереса (субъективный) / Self-interest (subjective) scale	59,64 ± 30,89	54,67 [34,33; 100,00]	(0,67; 100,00)	954,13	0,01	-1,40
Шкала самопонимания / Self- understanding scale	63,26 ± 25,43	68,67 [43,33; 83,67]	(4,33; 100,00)	646,83	-0,44	-0,84
Вовлеченность / Commitment	20,30 ± 5,75	20,00 [16,00; 25,00]	(5,00; 30,00)	33,11	-0,07	-0,74
Контроль / Control	15,16 ± 4,36	15,00 [12,00; 18,00]	(3,00; 24,00)	19,02	0,13	-0,47
Принятие риска / Challenge	9,83 ± 3,36	9,00 [8,00; 12,00]	(0,00; 18,00)	11,27	0,25	0,35
Жизнестойкость / Hardiness	45,30 ± 11,89	44,00 [37,00; 54,00]	(10,00; 72,00)	141,36	0,12	-0,33

Таблица 3/ Table 3

Описательная статистика по шкалам методик (486 воспитанников) на третьем срезе
Descriptive statistics for the methodology scales (486 students) at the 3d stage

Шкала / Scale	$M \pm SD$	$Me [Q1; Q3]$	$Min—Max$	σ^2	γ	Экспесс / Excess
Игнорирование / Ignoring	1,66 ± 0,66	1,40 [1,00; 2,00]	(1,00; 5,00)	0,44	1,26	1,94
Исключение / Exception	2,84 ± 0,75	2,80 [2,20; 3,35]	(1,00; 5,00)	0,56	0,32	-0,04
Отвержение / Rejection	2,60 ± 0,45	2,50 [2,25; 3,00]	(1,75; 4,00)	0,21	0,41	-0,12
Потребность в принятии / Belonging need	2,05 ± 0,83	1,80 [1,40; 2,60]	(1,00; 5,00)	0,68	0,76	0,11
Потребность в самоуважении / Selfesteem need	2,23 ± 0,75	2,20 [1,60; 2,80]	(1,00; 4,60)	0,57	0,53	-0,07
Потребность в контроле / Control need	2,03 ± 0,84	2,00 [1,20; 2,60]	(1,00; 4,40)	0,70	0,63	-0,41
Потребность в осмысленном существовании / Existence need	2,14 ± 0,79	2,00 [1,60; 2,60]	(1,00; 5,00)	0,62	0,63	0,09
Планирование целей / Goal planning	14,14 ± 3,85	14,00 [12,00; 17,00]	(4,00; 20,00)	14,80	-0,33	-0,47
Моделирование значимых условий достижения целей / Modeling significant conditions for goals achieving	13,03 ± 2,73	13,00 [11,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	7,43	0,23	0,13
Программирование действий / Programming actions	13,31 ± 3,04	13,00 [11,00; 16,00]	(5,00; 20,00)	9,23	-0,01	-0,34
Оценивание результатов / Results evaluation	12,35 ± 3,59	12,00 [10,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	12,92	0,01	-0,26

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Гибкость / Flexibility	13,95 ± 3,36	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	11,28	-0,26	-0,22
Надежность / Reliability	11,16 ± 3,91	11,00 [8,00; 14,00]	(4,00; 20,00)	15,31	0,26	-0,53
Настойчивость / Persistence	15,33 ± 3,42	16,00 [13,00; 18,00]	(4,00; 20,00)	11,66	-0,70	0,32
Общий уровень саморегуляции / General level of self-regulation	93,27 ± 13,12	92,00 [84,00; 101,00]	(56,00; 133,00)	172,05	0,33	0,30
Култ силы / Cult of power	15,20 ± 4,40	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	19,40	0,07	-0,13
Допустимость агрессии / Permissibility of aggression	16,99 ± 4,55	17,00 [14,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	20,72	0,11	-0,12
Интолерантность / Intolerance	16,24 ± 4,07	16,00 [14,00; 19,00]	(6,00; 28,00)	16,54	0,16	0,12
Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	18,60 ± 4,19	18,00 [16,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	17,59	0,02	0,54
Социальный пессимизм / Social pessimism	14,95 ± 4,08	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 28,00)	16,68	0,32	0,43
Мистичность / Mystique	17,28 ± 3,95	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	15,60	-0,19	0,72
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	15,74 ± 4,12	16,00 [13,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	16,98	0,29	0,55
Протестная активность / Protest activity	17,70 ± 2,66	18,00 [16,00; 19,00]	(9,00; 28,00)	7,05	-0,02	0,93
Нормативный нигилизм / Normative nihilism	14,42 ± 4,00	14,00 [12,00; 17,00]	(6,00; 30,00)	15,98	0,26	0,13
Антиинтрацепция / Anti- contraception	18,28 ± 3,03	18,00 [17,00; 20,00]	(9,00; 29,00)	9,16	-0,10	0,43
Конформизм / Conformism	17,07 ± 3,77	17,00 [15,00; 19,00]	(6,00; 30,00)	14,19	0,04	0,17
Ассертивные действия / Assertive actions	19,66 ± 3,05	20,00 [18,00; 22,00]	(10,00; 30,00)	9,30	0,05	0,20
Вступление в социальный контакт / Making social contact	21,21 ± 4,28	22,00 [18,00; 24,00]	(6,00; 30,00)	18,34	-0,31	0,05
Поиск социальной поддержки / Search for social support	21,30 ± 4,65	22,00 [18,00; 24,75]	(6,00; 30,00)	21,64	-0,31	-0,11
Осторожные действия / Careful actions	20,23 ± 3,70	20,00 [18,00; 23,00]	(7,00; 30,00)	13,66	-0,13	0,30
Импульсивные действия / Impulsive actions	17,98 ± 3,28	18,00 [16,00; 20,00]	(7,00; 30,00)	10,76	0,24	0,92
Избегание / Avoidance	17,71 ± 3,86	18,00 [16,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	14,88	-0,22	0,73

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Непрямые действия / Indirect actions	18,49 ± 3,86	18,00 [16,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	14,89	0,17	0,40
Асоциальные действия / Antisocial actions	17,95 ± 4,18	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	17,50	0,14	0,38
Агрессивные действия / Aggressive actions	17,65 ± 4,64	18,00 [14,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	21,52	-0,12	-0,01
Цели / Goals	29,42 ± 7,20	29,00 [24,00; 35,00]	(6,00; 42,00)	51,86	-0,04	-0,37
Процесс / Process	26,93 ± 5,63	27,00 [24,00; 30,00]	(10,00; 42,00)	31,71	0,09	0,15
Результат / Result	24,09 ± 6,05	24,00 [20,00; 29,00]	(5,00; 35,00)	36,62	-0,20	-0,12
Локус контроля — Я / Locus of control — Self	20,03 ± 5,13	20,00 [16,00; 24,00]	(4,00; 28,00)	26,36	-0,28	-0,47
Локус контроля — Жизнь / Locus of control — Life	26,24 ± 5,88	26,00 [22,00; 30,00]	(10,00; 42,00)	34,56	0,24	0,08
Общий показатель осмысленности жизни / Life meaningfulness — general indicator	92,74 ± 17,77	91,00 [80,00; 106,00]	(32,00; 140,00)	315,63	0,12	-0,10
Глобальное самоотношение / Global self-attitude	73,97 ± 19,96	80,00 [62,67; 90,67]	(5,33; 98,33)	398,31	-0,93	0,16
Шкала самоуважения / Self-esteem scale	61,61 ± 24,32	58,67 [44,67; 80,00]	(1,67; 100,00)	591,40	-0,32	-1,02
Шкала аутосимпатии / Autosympathy scale	64,80 ± 19,75	69,67 [47,00; 77,33]	(3,67; 98,33)	390,00	-0,50	-0,29
Шкала ожидаемого отношения от других / Expected attitude from others scale	38,93 ± 26,85	27,33 [17,67; 53,00]	(0,67; 100,00)	720,82	0,55	-0,76
Шкала самоинтереса / Self-interest scale	64,06 ± 31,22	71,33 [29,00; 92,33]	(0,67; 100,00)	974,56	-0,45	-1,13
Шкала самоуверенности / Self-confidence scale	58,34 ± 22,21	65,67 [49,67; 81,33]	(3,77; 100,00)	493,41	-0,35	-0,77
Шкала отношения других / Others' attitudes scale	34,29 ± 23,18	32,00 [15,00; 51,33]	(0,00; 80,00)	537,20	0,48	-0,66
Шкала самопринятия / Self-acceptance scale	62,08 ± 28,34	70,67 [34,33; 89,67]	(2,67; 100,00)	803,18	-0,41	-0,97
Шкала самопоследовательности (саморуководства) / Self-consistency (self-guidance) scale	56,21 ± 22,83	60,33 [38,33; 79,67]	(3,00; 100,00)	521,05	-0,19	-0,93
Шкала самообвинения / Self-accusation scale	50,30 ± 26,91	43,33 [27,67; 81,67]	(1,67; 100,00)	724,34	0,18	-0,91

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Шкала самоинтереса (субъективный) / Self-interest (subjective) scale	59,85 ± 31,48	54,67 [34,33; 80,00]	(3,00; 100,00)	990,90	-0,11	-1,36
Шкала самопонимания / Self- understanding scale	65,96 ± 23,95	68,67 [43,33; 83,67]	(4,33; 100,00)	573,44	-0,63	-0,53
Вовлеченность / Commitment	20,13 ± 5,74	19,00 [16,00; 25,00]	(0,00; 30,00)	32,90	-0,07	-0,31
Контроль / Control	15,16 ± 4,50	15,00 [12,00; 18,00]	(1,00; 24,00)	20,21	0,12	-0,34
Принятие риска / Challenge	10,18 ± 3,23	10,00 [8,00; 12,00]	(0,00; 18,00)	10,42	0,11	0,29
Жизнестойкость / Hardiness	45,47 ± 11,81	44,00 [37,00; 54,00]	(5,00; 72,00)	139,47	0,14	-0,10

Таблица 4 / Table 4

Описательная статистика по шкалам методик (447 воспитанников) на четвертом срезе
Descriptive statistics for the methodology scales (447 students) at the 4th stage

Шкала / Scale	$M \pm SD$	$Me [Q1; Q3]$	$Min—Max$	σ^2	γ	Экспесс / Excess
Игнорирование / Ignoring	1,63 ± 0,72	1,40 [1,00; 2,00]	(1,00; 4,80)	0,52	1,41	1,97
Исключение / Exception	2,76 ± 0,79	2,60 [2,20; 3,20]	(1,00; 5,00)	0,62	0,37	0,10
Отвержение / Rejection	2,56 ± 0,47	2,50 [2,25; 2,75]	(1,50; 4,00)	0,22	0,50	0,04
Потребность в принятии / Belonging need	2,04 ± 0,82	1,80 [1,40; 2,60]	(1,00; 5,00)	0,67	0,80	0,05
Потребность в самоуважении / Selfesteem need	2,23 ± 0,79	2,20 [1,60; 2,80]	(1,00; 5,00)	0,62	0,64	0,27
Потребность в контроле / Control need	2,00 ± 0,80	1,80 [1,40; 2,60]	(1,00; 4,60)	0,64	0,67	-0,35
Потребность в осмысленном существовании / Existence need	2,14 ± 0,77	2,00 [1,60; 2,60]	(1,00; 5,00)	0,60	0,60	0,18
Планирование целей / Goal planning	13,83 ± 3,73	14,00 [11,00; 17,00]	(4,00; 20,00)	13,89	-0,26	-0,43
Моделирование значимых условий достижения целей / Modeling significant conditions for goals achieving	12,98 ± 3,06	13,00 [11,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	9,37	0,19	-0,25
Программирование действий / Programming actions	13,17 ± 3,07	13,00 [11,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	9,40	-0,13	-0,29

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Оценивание результатов / Results evaluation	12,60 ± 3,72	12,00 [10,00; 15,00]	(4,00; 20,00)	13,81	0,00	-0,48
Гибкость / Flexibility	13,81 ± 3,41	14,00 [12,00; 16,00]	(4,00; 20,00)	11,63	-0,39	0,01
Надежность / Reliability	10,72 ± 3,82	10,00 [8,00; 13,00]	(4,00; 20,00)	14,59	0,35	-0,27
Настойчивость / Persistence	15,19 ± 3,56	16,00 [13,00; 18,00]	(4,00; 20,00)	12,65	-0,68	0,10
Общий уровень саморегуляции / General level of self-regulation	92,32 ± 13,94	91,00 [83,00; 101,00]	(51,00; 136,00)	194,19	0,28	0,39
Культ силы / Cult of power	15,38 ± 4,45	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 28,00)	19,83	0,13	-0,27
Допустимость агрессии / Permissibility of aggression	16,83 ± 4,84	17,00 [14,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	23,45	-0,02	-0,24
Интолерантность / Intolerance	15,98 ± 4,33	16,00 [13,00; 19,00]	(6,00; 30,00)	18,74	-0,07	0,11
Конвенциональное принуждение / Conventional coercion	18,56 ± 4,40	19,00 [16,00; 22,00]	(6,00; 30,00)	19,39	-0,16	0,14
Социальный пессимизм / Social pessimism	15,12 ± 4,58	15,00 [12,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	20,98	0,36	0,31
Мистичность / Mystique	17,54 ± 4,38	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	19,17	-0,08	0,68
Деструктивность и цинизм / Destructiveness and cynicism	16,00 ± 4,29	16,00 [14,00; 18,00]	(6,00; 30,00)	18,44	0,17	0,42
Протестная активность / Protest activity	17,76 ± 2,72	18,00 [16,00; 19,00]	(9,00; 25,00)	7,40	-0,11	0,53
Нормативный нигилизм / Normative nihilism	14,30 ± 4,12	14,00 [11,50; 17,00]	(6,00; 30,00)	16,97	0,23	-0,04
Антиинтрацепция / Anti-contraception	18,43 ± 3,11	18,00 [17,00; 20,00]	(9,00; 27,00)	9,70	-0,09	0,45
Конформизм / Conformism	17,47 ± 4,08	17,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	16,64	0,05	0,72
Ассертивные действия / Assertive actions	19,79 ± 3,34	20,00 [18,00; 22,00]	(6,00; 30,00)	11,17	0,16	0,64
Вступление в социальный контакт / Making social contact	21,42 ± 4,67	22,00 [18,00; 24,00]	(6,00; 30,00)	21,84	-0,33	0,18
Поиск социальной поддержки / Search for social support	21,56 ± 4,75	21,00 [18,00; 25,00]	(6,00; 30,00)	22,57	-0,36	0,16
Осторожные действия / Careful actions	20,32 ± 4,00	20,00 [18,00; 23,00]	(6,00; 30,00)	16,01	-0,04	0,38
Импульсивные действия / Impulsive actions	18,08 ± 3,37	18,00 [16,00; 20,00]	(6,00; 28,00)	11,36	-0,11	0,87

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Избегание / Avoidance	17,63 ± 4,08	18,00 [16,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	16,62	-0,15	0,72
Непрямые действия / Indirect actions	18,21 ± 4,15	18,00 [16,00; 21,00]	(6,00; 30,00)	17,25	0,06	0,70
Асоциальные действия / Antisocial actions	17,74 ± 4,35	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	18,94	0,05	0,36
Агрессивные действия / Aggressive actions	17,68 ± 4,94	18,00 [15,00; 20,00]	(6,00; 30,00)	24,41	-0,12	0,08
Цели / Goals	28,44 ± 7,50	28,00 [24,00; 33,50]	(6,00; 42,00)	56,25	-0,11	-0,12
Процесс / Process	26,28 ± 6,12	26,00 [23,00; 30,00]	(6,00; 42,00)	37,51	-0,14	0,58
Результат / Result	23,58 ± 6,48	23,00 [20,00; 29,00]	(5,00; 35,00)	42,00	-0,16	-0,23
Локус контроля — Я / Locus of control — Self	19,24 ± 5,44	19,00 [16,00; 24,00]	(4,00; 28,00)	29,56	-0,21	-0,52
Локус контроля — Жизнь / Locus of control — Life	25,77 ± 6,40	25,00 [22,00; 30,00]	(6,00; 42,00)	40,99	-0,04	0,25
Общий показатель осмысленности жизни / Life meaningfulness — general indicator	90,55 ± 19,27	87,00 [79,00; 103,50]	(20,00; 134,00)	371,29	-0,02	0,26
Глобальное самоотношение / Global self-attitude	72,33 ± 21,21	80,00 [62,67; 90,67]	(9,00; 98,33)	449,77	-0,84	-0,14
Шкала самоуважения / Self-esteem scale	59,20 ± 25,57	58,67 [34,00; 80,00]	(4,00; 100,00)	653,98	-0,18	-1,17
Шкала аутосимпатии / Autosympathy scale	63,86 ± 20,31	69,67 [47,00; 77,33]	(16,00; 98,33)	412,37	-0,32	-0,71
Шкала ожидаемого отношения от других / Expected attitude from others scale	37,40 ± 25,19	39,67 [17,67; 53,00]	(0,67; 100,00)	634,77	0,44	-0,75
Шкала самоинтереса / Self-interest scale	63,41 ± 30,59	71,33 [29,00; 92,33]	(2,00; 100,00)	935,47	-0,35	-1,23
Шкала самоуверенности / Self-confidence scale	59,02 ± 22,42	65,67 [49,67; 81,33]	(3,77; 92,33)	502,47	-0,37	-0,73
Шкала отношения других / Others' attitudes scale	33,30 ± 22,28	32,00 [15,00; 51,33]	(0,00; 80,00)	496,33	0,48	-0,62
Шкала самопринятия / Self-acceptance scale	62,03 ± 27,65	70,67 [34,33; 89,67]	(7,67; 100,00)	764,58	-0,39	-0,97
Шкала самопоследовательности (саморуководства) / Self-consistency (self-guidance) scale	55,09 ± 22,29	60,33 [38,33; 79,67]	(9,67; 100,00)	496,69	-0,04	-1,15
Шкала самообвинения / Self-accusation scale	52,99 ± 26,82	43,33 [27,67; 81,67]	(1,67; 100,00)	719,05	0,14	-0,94

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Шкала самоинтереса (субъективный) / Self-interest (subjective) scale	57,04 ± 31,32	54,67 [34,33; 80,00]	(0,67; 100,00)	981,03	0,09	-1,36
Шкала самопонимания / Self- understanding scale	64,51 ± 25,69	68,67 [43,33; 83,67]	(4,33; 99,33)	660,19	-0,59	-0,72
Вовлеченность / Commitment	19,70 ± 5,98	19,00 [15,00; 25,00]	(0,00; 30,00)	35,78	-0,10	-0,54
Контроль / Control	14,91 ± 4,62	14,00 [12,00; 18,00]	(0,00; 24,00)	21,33	0,08	-0,39
Принятие риска / Challenge	9,89 ± 3,49	9,00 [7,00; 12,00]	(1,00; 18,00)	12,15	0,34	-0,19
Жизнестойкость / Hardiness	44,50 ± 12,52	42,00 [36,00; 53,00]	(3,00; 72,00)	156,82	0,15	-0,33

**Приложение Б. Кластеры. Доля участников каждого среза
с 95% доверительным интервалом (ДИ) и количество воспитанников
в контрольной и экспериментальной группах кластере
Appendix B. Clusters. The proportion of participants in each cut with a 95% confidence
interval (CI) and the number of students in control and experimental groups and cluster**

Таблица 5 / Table 5

**Доля участников каждого среза по кластерам
Share of participants in each cluster**

Первый срез / 1st stage	Контрольная группа / Control group	Экспериментальная группа / Experimental group
Воспитанники с просоциальной жизненной позицией / Pupils with a prosocial attitude	27,7% [15,8%; 39,6%]; 54	37,1% [24,1%; 50,1%]; 53
Воспитанники с ситуативной жизненной позицией / Pupils with a situational life position	37,9% [26,9%; 49,0%]; 74	37,8% [24,9%; 50,7%]; 54
Воспитанники с антисоциальной жизненной позицией / Pupils with an antisocial attitude	34,4% [23,03%; 45,77%]; 67	25,2% [11,0%; 39,4%]; 36
Второй срез / 2st stage	Контрольная группа / Control group	Экспериментальная группа / Experimental group
Воспитанники с просоциальной жизненной позицией / Pupils with a prosocial attitude	28,9% [16,9%; 40,9%]; 55	48,5% [36,4%; 60,6%]; 66

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Воспитанники с ситуативной жизненной позицией / Pupils with a situational life position	27,4% [15,3%; 39,5%]; 52	36% [22,6%; 49,4%]; 49
Воспитанники с антисоциальной жизненной позицией / Pupils with an antisocial attitude	43,7% [33,0%; 54,4%]; 83	15,4% [0,0%; 30,8%]; 21
Третий срез / 3st stage	Контрольная группа / Control group	Экспериментальная группа / Experimental group
Воспитанники с просоциальной жизненной позицией / Pupils with a prosocial attitude	24,9% [13,3%; 36,5%]; 53	59,6% [49,1%; 70,1%]; 84
Воспитанники с ситуативной жизненной позицией / Pupils with a situational life position	44,1% [34,1%; 54,1%]; 94	16,3% [1,2%; 31,4%]; 23
Воспитанники с антисоциальной жизненной позицией/Pupils with an antisocial attitude	31,0% [19,8%; 42,2%]; 66	24,1% [9,7%; 38,5%]; 34
Четвертый срез / 4st stage	Контрольная группа / Control group	Экспериментальная группа / Experimental group
Воспитанники с просоциальной жизненной позицией / Pupils with a prosocial attitude	22% [9,3%; 34,7%]; 41	44,3% [31,5%; 57,1%]; 58
Воспитанники с ситуативной жизненной позицией / Pupils with a situational life position	32,8% [21,0%; 44,6%]; 61	32,1% [18,0%; 46,2%]; 42
Воспитанники с антисоциальной жизненной позицией / Pupils with an antisocial attitude	45,2% [34,6%; 55,8%]; 84	23,7% [8,7%; 38,7%]; 31

Информация об авторах

Римма Вячеславовна Чиркина, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Андрей Сергеевич Радчиков, лаборант-исследователь Научно-практического центра по комплексному сопровождению психологических исследований PsyDATA, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Оксана Дмитриевна Гурина, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); главный эксперт, Московский исследовательский центр (ГБУ г. Москвы «МИЦ»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Екатерина Анатольевна Куприянова, психолог учебно-производственной лаборатории, старший преподаватель кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Николай Викторович Дворянчиков, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: dvorian@gmail.com

Бойкина Екатерина Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Information about the authors

Rimma V. Chirkina, Candidate of Science (Psychology), Docent, Head of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7040-7792>, e-mail: rimmach@bk.ru

Andrew S. Radchikov, Research Laboratory Assistant of the Scientific and Practical Center for Comprehensive Support of Psychological Research “PsyDATA”, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <http://orcid.org/0009-0008-9378-0937>, e-mail: radchikov_a@yahoo.com

Oksana D. Gurina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; Main Expert, Moscow Research Center, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4369-5450>, e-mail: godgur@yandex.ru

Ekaterina A. Kupriyanova, Psychologist of the Training Laboratory, Senior Lecturer of the Department of Legal and Forensic Psychology, and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology,

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID:
<https://orcid.org/0000-0003-4478-7215>, e-mail: kupriyanovaea@mgppu.ru

Nikolay V. Dvoryanchikov, Candidate of Science (Psychology), Docent, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: dvorian@gmail.com

Ekaterina E. Boykina, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor of the Department of Legal and Forensic Psychology and Law, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: boykinaee@mgppu.ru

Вклад авторов

Чиркина Р.В. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Радчиков А.С. — применение статистических, математических или других методов для анализа данных; проведение эксперимента; сбор и анализ данных; визуализация результатов исследования.

Гурина О.Д. — теоретико-методологическое обоснование исследования; написание и оформление рукописи; планирование исследования; описание интерпретации результатов.

Куприянова Е.А. — идеи исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Дворянчиков Н.В. — идеи исследования; аннотирование; планирование исследования; контроль за проведением исследования.

Бойкина Е.Э. — теоретико-методологическое обоснование исследования; аннотирование, написание и оформление рукописи; планирование исследования; описание интерпретации результатов.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Rimma V. Chirkina — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Andrew S. Radchikov — application of statistical, mathematical or other methods for data analysis; conducting the experiment; data collection and analysis; visualization of research results.

Oksana D. Gurina — theoretical and methodological substantiation of the research; writing and design of the manuscript; planning of the research; description of the interpretation of the results.

Ekaterina A. Kupriyanova — ideas; annotation, writing and design of the manuscript; planning of the research; control over the research.

Nikolay V. Dvoryanchikov — ideas; annotation; planning of the research; control over the research.

Чиркина Р.В., Радчиков А.С., Гурина О.Д.,
Куприянова Е.А., Дворянчиков Н.В., Бойкина Е.Э. (2026)
Психологические предикторы девиантного
поведения несовершеннолетних. Часть 4.
Результаты лонгитюдного исследования
Психология и право, 16(2), 144—176.

Chirkina R.V., Radchikov A.S., Gurina O.D.,
Kupriyanova E.A., Dvoryanchikov N.V., Boykina E.E. (2026)
Psychological predictors of deviant
behavior of minors. Part 4.
The longitudinal study results
Psychology and Law, 16(2), 144—176.

Ekaterina E. Boykina — theoretical and methodological substantiation of the research; annotation; writing and design of the manuscript; research planning; description of the interpretation of the results. The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 10.03.2026
Поступила после рецензирования 11.05.2026
Принята к публикации 29.12.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.10
Revised 2025.05.11
Accepted 2025.29.12
Published 2026.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного искажения)
в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан**

С.С. Гулямов¹ ✉

¹ Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент, Республика
Узбекистан

✉ said.gulyamov1976@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Глобальная цифровизация правосудия актуализирует проблему психологической готовности судейского корпуса к работе с системами искусственного интеллекта. Масштабные судебные реформы в Республике Узбекистан, инициированные Его Превосходительством Президентом Ш.М. Мирзиёевым с 2016 года, достигли качественно нового этапа с принятием Указов № УП-140 и № УП-141 от 21 августа 2025 года, заложивших правовую основу концепции «Цифровой суд» и создания Академии правосудия. Automation bias (автоматизационное искажение) представляет критический риск для объективности судебных решений в условиях внедрения ИИ-технологий. **Цель.** Разработать научно обоснованную модель превентивной психологической подготовки судей к работе с ИИ-системами в рамках реализации концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан. **Гипотеза.** Превентивная психологическая подготовка, интегрированная в образовательные программы Академии правосудия, формирует критическое мышление при взаимодействии с ИИ-системами и снижает риски automation bias при сохранении профессиональной автономии судей. **Методы и материалы.** Комплексный анализ нормативно-правовых актов Республики Узбекистан, систематический обзор международных исследований automation bias в юридической практике, разработка теоретической модели психологических факторов готовности судей к работе с ИИ-системами на основе теорий принятия решений и профессиональной идентичности. **Результаты.** Определены ключевые психологические факторы: когнитивные (критическое мышление), мотивационные (профессиональная автономия), эмоциональные (управление тревожностью). Разработана трехэтапная модель подготовки: осознание рисков

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

automation bias, развитие навыков критической оценки ИИ-рекомендаций, формирование устойчивых паттернов взаимодействия. Предложены механизмы интеграции в программы Академии правосудия. **Выводы.** Превентивный подход к психологической подготовке судей является стратегически значимым для качества правосудия. Интеграция программ профилактики automation bias в деятельность Академии правосудия обеспечит формирование конкурентоспособного судейского корпуса, готового к эффективному использованию ИИ-технологий при сохранении критического мышления и профессиональной ответственности.

Ключевые слова: automation bias (автоматизационное искажение), цифровое правосудие, искусственный интеллект, психологическая готовность судей, профессиональная идентичность, критическое мышление

Финансирование. Исследование выполнено в рамках государственной программы судебно-правовой реформы Республики Узбекистан.

Для цитирования: Гулямов, С.С. (2026). Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан. *Психология и право*, 16(2), 177—197. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160211>

Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan

S.S. Gulyamov¹ ✉

¹ Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan

✉ said.gulyamov1976@gmail.com

Abstract

Context and relevance. The global digitalization of justice actualizes the problem of psychological readiness of the judicial corps to work with artificial intelligence systems. Large-scale judicial and legal reforms in the Republic of Uzbekistan, initiated by His Excellency President Sh.M. Mirziyoyev since 2016, have reached a qualitatively new stage with the adoption of Presidential Decrees No. UP-140 and No. UP-141 dated August 21, 2025, which laid the legal foundation for the "Digital Court" concept and the creation of the Academy of Justice. Automation bias represents a critical risk to the objectivity of judicial decisions in the context of AI technology implementation. **Objective.** To develop a scientifically-based model of preventive psychological preparation of judges for working with AI systems within the framework of implementing the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan. **Hypothesis.** Preventive psychological preparation, integrated into the educational programs of the Academy of Justice, forms critical thinking when interacting with AI

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges
for the implementation of artificial intelligence
systems: prevention of automation bias in
the context of the "Digital Court" concept
in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

systems and reduces automation bias risks while maintaining judges' professional autonomy. **Methods and materials.** Comprehensive analysis of legal acts of the Republic of Uzbekistan, systematic review of international research on automation bias in legal practice, development of a theoretical model of judges' psychological readiness factors for working with AI systems based on decision-making theories and professional identity. **Results.** Key psychological factors were identified: cognitive (critical thinking), motivational (professional autonomy), emotional (anxiety management). A three-stage preparation model was developed: awareness of automation bias risks, development of critical evaluation skills for AI recommendations, formation of sustainable interaction patterns. Integration mechanisms into Academy of Justice programs were proposed. **Conclusions.** A preventive approach to psychological preparation of judges is strategically significant for justice quality. Integration of automation bias prevention programs into Academy of Justice activities will ensure the formation of a competitive judicial corps ready for effective use of AI technologies while maintaining critical thinking and professional responsibility.

Keywords: automation bias, digital justice, artificial intelligence, psychological readiness of judges, professional identity, critical thinking

Funding. The study was carried out within the framework of the state program of judicial and legal reform of the Republic of Uzbekistan.

For citation: Gulyamov, S.S. (2026). Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan. *Psychology and Law*, 16(2), 177—197. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160211>

Введение

Современная эпоха характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер общественной жизни, и правосудие не является исключением. Внедрение технологий искусственного интеллекта в судебные системы стало глобальной тенденцией, охватывающей развитые и развивающиеся страны (Surden, 2019). Ведущие юрисдикции мира — от Сингапура до Эстонии, от США до Китая — активно интегрируют ИИ-решения в различные аспекты судопроизводства (Reiling, 2020). Однако эта технологическая революция порождает новые вызовы, связанные с человеческим фактором в принятии судебных решений.

Республика Узбекистан под руководством Его Превосходительства Президента Ш.М. Мирзиёева демонстрирует выдающийся пример системных реформ в области правосудия, начатых в 2016 году¹. Масштабная трансформация судебно-правовой системы включает кардинальное совершенствование структуры судов, повышение их независимости,

---

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 21 февраля 2017 года № УП-4966 «О мерах по коренному совершенствованию структуры и повышению эффективности деятельности судебной системы Республики Узбекистан». (2017). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/3121085> (дата обращения: 23.09.2025).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

улучшение материально-технического обеспечения и, что особенно значимо, внедрение современных информационных технологий. Эти реформы получили широкое международное признание как образец комплексного подхода к модернизации правосудия.

Качественно новый этап развития судебной системы Узбекистана был ознаменован принятием 21 августа 2025 года двух ключевых указов Президента: № УП-140 «О дополнительных мерах по повышению уровня доступа к правосудию путем внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность судов»² и № УП-141 «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки высококвалифицированных кадров в сфере правосудия»³. Эти документы заложили правовую основу для реализации концепции «Цифровой суд» и создания Академии правосудия Республики Узбекистан.

Концепция «Цифровой суд» предусматривает революционные изменения в судопроизводстве: автоматическое формирование проектов судебных актов с помощью ИИ, прогнозирование результатов судебных разбирательств, создание виртуальных правовых консультантов, полный переход на электронную форму ведения дел. Такой инновационный подход ставит Узбекистан в ряд пионеров глобальной цифровизации правосудия, однако одновременно актуализирует проблемы психологической готовности судейского корпуса к работе в новых условиях.

Международная исследовательская практика свидетельствует о существовании феномена automation bias — тенденции чрезмерно полагаться на автоматизированные системы принятия решений в ущерб критическому анализу (Parasuraman, Manzey, 2010). В контексте правосудия этот психологический эффект может проявляться в виде некритичного принятия судьями рекомендаций ИИ-систем, что потенциально угрожает объективности и справедливости судебных решений (Green, Chen, 2019). Исследования в США показали, что судьи склонны придавать избыточный вес алгоритмическим оценкам риска рецидивизма, даже при наличии противоречащих доказательств⁴. Европейские исследования подтверждают универсальность проблемы automation bias в юридической сфере (Lehr, Ohm, 2017). Английские исследователи выявили, что использование ИИ для анализа судебной практики приводит к снижению разнообразия правовых аргументов и стандартизации судебных решений (Scherer, 2019). Аналогичные тенденции наблюдаются в Германии, где внедрение автоматизированных систем в административное правосудие вызвало дискуссии о сохранении человеческого фактора в принятии решений (Wischmeyer, 2020).

² Указ Президента Республики Узбекистан от 21 августа 2025 года № УП-140 «О дополнительных мерах по повышению уровня доступа к правосудию путем внедрения технологий искусственного интеллекта в деятельность судов, а также улучшению материально-технического обеспечения судебной системы». (2025). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/7696571> (дата обращения: 23.09.2025).

³ Указ Президента Республики Узбекистан от 21 августа 2025 года № УП-141 «О мерах по коренному совершенствованию системы подготовки высококвалифицированных кадров в сфере правосудия». (2025). Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7696610> (дата обращения: 23.09.2025).

⁴ Angwin, J., Larson, J., Mattu, S., Kirchner, L. (2016, May 23). Machine bias: There's software used across the country to predict future criminals. And it's biased against blacks. *ProPublica*. URL: <https://www.propublica.org/article/machine-bias-risk-assessments-in-criminal-sentencing> (дата обращения: 23.09.2025).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Особую актуальность проблема приобретает в контексте различия «конкурентного» и «поддерживающего» типов взаимодействия судей с ИИ-системами. «Поддерживающий» судья склонен некритично принимать рекомендации искусственного интеллекта, в то время как «конкурентный» судья использует ИИ как инструмент поддержки принятия решений, сохраняя критическое мышление и профессиональную автономию. Формирование конкурентного типа взаимодействия является ключевым фактором успешной интеграции ИИ-технологий в судебную практику.

Создание Академии правосудия Республики Узбекистан на базе Высшей школы судей представляет уникальную возможность для превентивной психологической подготовки судейского корпуса к работе с ИИ-системами. Превентивный подход, предполагающий подготовку судей до полного внедрения технологий, имеет существенные преимущества по сравнению с реактивными мерами адаптации. Международный опыт показывает, что заблаговременная подготовка персонала к технологическим изменениям значительно повышает эффективность их внедрения и снижает риски негативных последствий (Venkatesh et al., 2003). Вместе с тем в научной литературе практически отсутствуют исследования, посвященные превентивной психологической подготовке судей к работе с ИИ-системами. Большинство существующих работ фокусируются на технических аспектах внедрения ИИ в правосудие или анализируют последствия уже состоявшейся интеграции (Livermore, Rockmore, 2019). Настоящее исследование призвано восполнить этот пробел, предложив научно обоснованную модель психологической подготовки судей в контексте реализации концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан.

Цель исследования — разработать научно обоснованную модель превентивной психологической подготовки судей к работе с системами искусственного интеллекта и определить механизмы профилактики automation bias в рамках реализации концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан.

Основная гипотеза: превентивная психологическая подготовка судей, интегрированная в образовательные программы Академии правосудия, способствует формированию критического мышления при взаимодействии с ИИ-системами и снижает риски automation bias при сохранении профессиональной автономии и конкурентоспособности судейского корпуса.

Задачи исследования: определить ключевые психологические факторы готовности судей к работе с ИИ-системами; разработать модель превентивной психологической подготовки; предложить механизмы интеграции программ профилактики automation bias в деятельность Академии правосудия; обосновать стратегическую значимость превентивного подхода для обеспечения качества правосудия в цифровую эпоху.

Теоретические основы

Теоретическая модель факторов психологической готовности

Психологическая готовность судей к работе с системами искусственного интеллекта представляет собой многокомпонентный феномен, требующий междисциплинарного анализа. Опираясь на современные теории принятия решений (Kahneman, 2011), профессиональной идентичности (Kreiner, Sheep, 2009) и когнитивной психологии (Шипкова, 2025), мы выделяем

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

три основные группы факторов, определяющих успешность взаимодействия судей с ИИ-технологиями.

Когнитивные факторы составляют основу психологической готовности и включают способность к критическому мышлению, аналитическому анализу и метакогнитивной рефлексии. Критическое мышление в контексте работы с ИИ подразумевает способность судьи оценивать качество, релевантность и ограничения алгоритмических рекомендаций (Gulyamov et al., 2021). Аналитические способности проявляются в умении декомпозировать сложные правовые проблемы, сопоставлять различные источники информации и синтезировать обоснованные выводы (Gulyamov, Rustambekov, 2023). Метакогнитивная рефлексия позволяет судье осознавать собственные когнитивные процессы, выявлять потенциальные искажения и корректировать стратегии принятия решений (Flavell, 1979).

Исследования показывают, что развитие критического мышления у юристов требует специальных образовательных интервенций, поскольку традиционное юридическое образование часто фокусируется на изучении прецедентов и правовых норм, а не на развитии навыков критического анализа (Klauman, Ha, 1987). В контексте ИИ-систем эта проблема усугубляется тем, что алгоритмические рекомендации могут казаться более объективными и достоверными, чем они есть на самом деле (Гулямов, Родионов, 2024).

Мотивационные факторы связаны с профессиональной идентичностью судьи, его отношением к технологическим инновациям и восприятием профессиональной автономии. Профессиональная идентичность судьи традиционно основывается на принципах независимости, беспристрастности и персональной ответственности за принятые решения. Внедрение ИИ-систем может восприниматься как угроза этим фундаментальным принципам, что требует тщательного баланса между технологической поддержкой и сохранением профессиональной автономии. Отношение к технологическим инновациям варьируется среди представителей судейского корпуса в зависимости от возраста, опыта работы и предшествующего взаимодействия с цифровыми технологиями (Morris, Venkatesh, 2000). Позитивное отношение к ИИ-технологиям коррелирует с готовностью к обучению и адаптации, в то время как технофобия может препятствовать эффективному использованию новых инструментов.

Эмоциональные факторы включают управление тревожностью, связанной с технологическими изменениями, уверенность в собственных способностях освоить новые инструменты и толерантность к неопределенности, характерной для инновационных процессов. Технологическая тревожность особенно выражена у судей старшего возраста и может значительно затруднять процесс адаптации к ИИ-системам (Meuter et al., 2003). Уверенность в собственных способностях (self-efficacy) является ключевым предиктором успешного освоения новых технологий в профессиональной деятельности (Bandura, 1997).

Модель «конкурентного» vs «поддерживающего» судьи

Центральной для нашего исследования является дихотомия между «конкурентным» и «поддерживающим» подходами судей к взаимодействию с ИИ-системами. Эта типология основывается на классических работах по автоматизации в сложных системах и адаптируется к специфике судебной деятельности (Lee, See, 2004).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Типология взаимодействия судей с ИИ-системами определяет эффективность использования технологий и риски automation bias. На рисунке представлена сравнительная характеристика «конкурентного» и «поддерживающего» подходов, демонстрирующая критические различия в процессах принятия решений и их последствия для качества правосудия.

Рис. Сравнительная модель «конкурентного» и «поддерживающего» взаимодействия судьи с ИИ-системами

Fig. Comparative model of "competitive" and "supportive" judge interaction with AI systems

Визуализация демонстрирует принципиальное различие между двумя типами взаимодействия. «Поддерживающий» судья характеризуется тенденцией некритично принимать рекомендации ИИ-систем, минимальным временем на анализ алгоритмических предложений и высокой степенью согласия с автоматизированными решениями. Такой подход проявляется в феномене automation bias — чрезмерном доверии к автоматизированным системам в ущерб собственному профессиональному суждению. Поддерживающий тип взаимодействия может привести к стандартизации судебных решений, снижению их качества и нарушению принципа индивидуального подхода к каждому делу.

«Конкурентный» судья, напротив, использует ИИ-системы как инструмент поддержки принятия решений, сохраняя критическое отношение к алгоритмическим рекомендациям. Конкурентный подход предполагает активное сопоставление выводов ИИ с собственным профессиональным опытом, поиск дополнительных источников информации при обнаружении противоречий и готовность отклонить рекомендации ИИ при наличии веских оснований (Mosier, Skitka, 1996). Такой судья рассматривает искусственный интеллект как партнера в процессе принятия решений, а не как замену собственного профессионального суждения.

Формирование конкурентного типа взаимодействия требует развития специальных навыков и установок, что актуализирует необходимость целенаправленной психологической подготовки судейского корпуса. Международные исследования показывают, что без специальной подготовки большинство пользователей склонны к поддерживающему типу взаимодействия с ИИ-системами (Skitka, Mosier, Burdick, 1999).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges
for the implementation of artificial intelligence
systems: prevention of automation bias in
the context of the "Digital Court" concept
in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Материалы и методы

Настоящее исследование основывается на комплексной методологии, включающей анализ нормативно-правовых актов, систематический обзор научной литературы и экспертное моделирование. Анализ нормативно-правовой базы сфокусирован на изучении Указов Президента Республики Узбекистан № УП-140 и № УП-141, определяющих концептуальные основы цифровизации правосудия и реформирования системы подготовки судебных кадров. Особое внимание уделяется положениям, касающимся внедрения ИИ-технологий в судебную деятельность и возможностей их интеграции в образовательные программы.

Систематический обзор литературы охватывает международные исследования automation bias в правовой сфере, теоретические работы по психологии принятия решений и эмпирические данные о влиянии ИИ-систем на качество профессиональных суждений. Поиск релевантных источников осуществлялся в базах данных Web of Science, Scopus, PsycINFO с использованием ключевых терминов: "automation bias", "artificial intelligence", "judicial decision-making", "legal technology", "professional identity".

Результаты

Анализ рисков automation bias в контексте «Цифрового суда»

Реализация концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан предполагает внедрение ИИ-технологий в ключевые процессы судопроизводства, что создает множественные точки потенциального возникновения automation bias. Детальный анализ положений Указа № УП-140 позволяет выделить четыре основные области риска.

Автоматическое формирование проектов судебных актов представляет наиболее критичную область с точки зрения automation bias. Согласно пункту 3(и) Указа № УП-140, «проекты судебных актов формируются автоматически». Эта функция предполагает использование ИИ для анализа материалов дела и генерации предварительных версий судебных решений. Риск automation bias в данном случае заключается в том, что судьи могут воспринимать автоматически сформированные проекты как готовые решения, требующие минимальной корректировки.

Международный опыт свидетельствует о высоком риске некритичного принятия автоматически сгенерированных правовых документов. Исследование, проведенное в судах штата Флорида, показало, что судьи принимали рекомендации системы COMPAS по оценке риска рецидивизма в 85% случаев без дополнительного анализа (Dressel, Farid, 2018). Аналогичные тенденции наблюдались в Нидерландах, где автоматизированная система оценки социальных выплат приводила к стандартизации решений административных судов⁵.

Прогнозирование результатов судебных разбирательств создает дополнительный риск когнитивного искажения. Пункт 3(а) Указа предусматривает формирование «прогнозного результата судебного разбирательства и затрачиваемых на него расходов» с помощью ИИ. Наличие алгоритмического прогноза может создавать эффект самоисполняющегося

⁵ Toh, A. (2019, November 8). Welfare surveillance on trial in the Netherlands. *Human Rights Watch*. URL: <https://www.hrw.org/news/2019/11/08/welfare-surveillance-trial-netherlands> (дата обращения: 23.09.2025).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

пророчества, когда судьи подсознательно склоняются к решениям, соответствующим прогнозу ИИ.

Психологические исследования демонстрируют силу якорного эффекта (anchoring bias) в судебных решениях (Epley, Gilovich, 2001). Прогнозы ИИ могут функционировать как когнитивные якоря, искажающие процесс принятия решений даже при наличии противоречащих доказательств. Особенно высок этот риск в сложных делах, где судья может полагаться на алгоритмический прогноз как на «объективную» основу для решения.

ИИ-консультанты на портале *my.sud.uz* представляют третью область риска automation bias. Согласно пункту 6(в) Указа, планируется создание «виртуального консультанта, работающего на основе искусственного интеллекта». Виртуальные консультанты могут создавать иллюзию экспертной поддержки, что особенно опасно для молодых судей с ограниченным опытом.

Исследования показывают, что пользователи склонны переоценивать компетентность ИИ-консультантов, особенно в профессиональных областях (Logg, Minson, Moore, 2019). В правовой сфере это может привести к снижению критического анализа правовых позиций и чрезмерной зависимости от алгоритмических рекомендаций.

Автоматизация расчетов и процедурных действий создает дополнительные точки риска в менее очевидных аспектах судопроизводства. Пункт 3(д) предусматривает автоматический «расчет и оплату судебных расходов» и направление «исполнительных листов на исполнение в автоматическом режиме». Хотя эти функции кажутся технически нейтральными, они могут влиять на восприятие судьями собственной роли и ответственности.

Постепенная автоматизация различных аспектов судебной деятельности может приводить к феномену деквалификации (deskilling) — утрате профессиональных навыков вследствие чрезмерной зависимости от автоматизированных систем (Bainbridge, 1983). В контексте правосудия это особенно опасно, поскольку может подрывать способность судей к независимому профессиональному суждению.

Трехэтапная модель превентивной подготовки

Для эффективной профилактики automation bias и формирования конкурентного типа взаимодействия с ИИ-системами предлагается трехэтапная модель превентивной психологической подготовки судей.

Этап 1: Осознание и диагностика

Первый этап направлен на формирование осознанности потенциальных рисков automation bias и диагностику индивидуальных склонностей судей к данному типу когнитивных искажений. Психологическое тестирование критического мышления включает использование адаптированных для правовой сферы инструментов оценки аналитических способностей, таких как Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal и California Critical Thinking Disposition Inventory (Watson, Glaser, 1980; Facione, Facione, Sanchez, 1994).

Выбор диагностических инструментов для оценки критического мышления судей требует понимания их специфических характеристик и области применения. В табл. 1 представлен сравнительный анализ двух ведущих международных методик, показана их комплементарность для комплексной оценки когнитивной готовности судей к работе с ИИ-системами.

Гулямов С.С. (2026)
 Превентивная психологическая подготовка судей
 к внедрению систем искусственного интеллекта:
 профилактика automation bias (автоматизационного
 искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
 в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
 Preventive psychological preparation of judges
 for the implementation of artificial intelligence
 systems: prevention of automation bias in
 the context of the "Digital Court" concept
 in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Таблица 1 / Table 1

**Сравнительная характеристика инструментов диагностики
 критического мышления судей
 Comparative characteristics of critical thinking diagnostic tools for judges**

Параметр сравнения / Comparison parameter	Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal	California Critical Thinking Disposition Inventory
Фокус оценки / Assessment focus	Когнитивные навыки и способности / Cognitive skills and abilities	Установки и диспозиции мышления / Thinking attitudes and dispositions
Измеряемые компоненты / Measured components	Выводы, предположения, дедукция, интерпретация, оценка аргументов / Inferences, assumptions, deduction, interpretation, argument evaluation	Истинолюбие, открытость, аналитичность, систематичность, уверенность в рассуждениях / Truth-seeking, open-mindedness, analyticity, systematicity, confidence in reasoning
Формат / Format	40 заданий, ситуационные задачи / 40 tasks, situational problems	75 утверждений, шкала Лайкерта / 75 statements, Likert scale
Продолжительность / Duration	30—40 минут / 30—40 minutes	20—30 минут / 20—30 minutes
Применимость для судей / Applicability for judges	Оценка способности анализировать юридические аргументы / Assessment of ability to analyze legal arguments	Выявление мотивационной готовности к критическому анализу / Identification of motivational readiness for critical analysis
Прогностическая ценность / Predictive value	Успешность анализа ИИ- рекомендаций / Success in analyzing AI recommendations	Устойчивость к automation bias / Resistance to automation bias

Примечание: Комплексное использование обоих инструментов обеспечивает оценку как способности, так и готовности судей к критическому мышлению.

Note: Comprehensive use of both tools provides assessment of both ability and readiness of judges for critical thinking.

Как видно из проведенного анализа, комплементарность методик обеспечивает всестороннюю диагностику: Watson-Glaser Critical Thinking Appraisal выявляет актуальные навыки критического анализа, необходимые для оценки ИИ-рекомендаций, тогда как California Critical Thinking Disposition Inventory определяет устойчивые личностные диспозиции, прогнозирующие долгосрочную устойчивость к automation bias. Совместное применение инструментов повышает прогностическую валидность диагностики.

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Выявление индивидуальных склонностей к automation bias осуществляется посредством специализированных диагностических процедур, включающих анализ кейсов с конфликтующими рекомендациями ИИ и экспертных оценок. Особое внимание уделяется выявлению факторов риска, таких как высокая технологическая тревожность, низкая самоэффективность в области ИТ и склонность к избеганию неопределенности.

Формирование осознанности рисков включает образовательные сессии, посвященные психологическим механизмам automation bias, анализу реальных случаев не критичного принятия алгоритмических решений в международной практике и обсуждению этических аспектов использования ИИ в правосудии. Критически важным является создание безопасной образовательной среды, где судьи могут открыто обсуждать свои опасения и сомнения относительно новых технологий.

Этап 2: Развитие навыков

Второй этап фокусируется на практическом развитии навыков критической оценки ИИ-рекомендаций и принятия решений в условиях технологической поддержки. Техники критической оценки ИИ-рекомендаций включают структурированные алгоритмы анализа, предполагающие последовательную проверку релевантности данных, логичности выводов, полноты анализа и соответствия правовым принципам.

Судьи обучаются задавать правильные вопросы при работе с ИИ-системами: какие данные использовались для формирования рекомендации? Какие ограничения имеет алгоритм? Какие альтернативные интерпретации возможны? Как рекомендация соотносится с уникальными обстоятельствами конкретного дела? Эти навыки критического допроса ИИ-систем являются ключевыми для формирования конкурентного подхода.

Тренинги по принятию решений в условиях неопределенности основываются на современных достижениях когнитивной психологии и теории принятия решений. Судьи изучают типичные когнитивные искажения, влияющие на правовые решения, и осваивают техники их преодоления. Особое внимание уделяется работе с противоречивой информацией, управлению временным давлением и сохранению объективности при наличии внешних влияний.

Кейс-стади и симуляции предоставляют возможность практического применения освоенных навыков в контролируемой среде. Используются реальные правовые кейсы, дополненные смоделированными рекомендациями ИИ-систем различного качества — от высокорелевантных до содержащих очевидные ошибки. Это позволяет судьям развивать интуицию относительно надежности алгоритмических рекомендаций и уверенность в собственной способности их критически оценивать.

Этап 3: Формирование устойчивых паттернов

Третий этап направлен на закрепление освоенных навыков и формирование устойчивых паттернов конструктивного взаимодействия с ИИ-системами. Практика конструктивного взаимодействия с ИИ предполагает постепенное усложнение задач и увеличение степени самостоятельности судей в использовании технологий. Критически важным является баланс между использованием ИИ как полезного инструмента и сохранением профессиональной автономии.

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Регулярная самооценка и рефлексия включают ведение рефлексивных дневников, где судьи фиксируют случаи использования ИИ-рекомендаций, анализируют качество своих решений и выявляют области для дальнейшего развития. Структурированная рефлексия способствует развитию метакогнитивных навыков и повышению осознанности профессиональной деятельности (Русаковская, 2024).

Система наставничества предполагает создание пар «опытный судья — молодой судья», где опытный коллега выступает в роли ментора в вопросах использования ИИ-технологий. Наставники проходят специальную подготовку по вопросам технологий и педагогики, что обеспечивает качественную передачу знаний и формирование корпоративной культуры ответственного использования ИИ.

Интеграция в программы Академии правосудия

Создание Академии правосудия Республики Узбекистан предоставляет уникальную возможность для системной интеграции программ превентивной психологической подготовки в образовательный процесс. Модификация курсов профессиональной переподготовки предполагает включение специализированных модулей по психологическим аспектам работы с ИИ-системами в шестимесячную программу подготовки кандидатов на должности судей, предусмотренную пунктом 6(а) Указа № УП-141.

Предлагается выделить значительную часть учебной программы на изучение психологических аспектов цифрового правосудия. Программа включает теоретические занятия по когнитивной психологии и automation bias, практические тренинги по критическому анализу ИИ-рекомендаций (наибольший объем) и семинары по профессиональной этике в цифровую эпоху; при этом основной акцент делается на развитии практических навыков работы с ИИ-системами.

Включение в программы повышения квалификации осуществляется в соответствии с пунктом 7 Указа № УП-141, предусматривающим обязательное обучение различных категорий судей с периодичностью от одного до трех лет. Для каждой категории разрабатываются специализированные модули, учитывающие уровень опыта и специфику деятельности.

Судьи, назначенные на пятилетний срок, изучают базовые принципы взаимодействия с ИИ-системами в рамках 4-часового модуля каждые два года. Судьи, назначенные на десятилетний срок, проходят углубленную подготовку в рамках 8-часового модуля каждые три года. Председатели судов и судьи Верховного суда изучают стратегические аспекты управления цифровизацией в рамках 6-часового модуля.

Интеграция психологической подготовки в существующую систему повышения квалификации требует адаптации к нормативным требованиям Указа № УП-141. В табл. 2 представлена концептуальная структура предлагаемых модулей по профилактике automation bias для различных категорий судей в рамках обязательного повышения квалификации, предусмотренного пунктами 6—7 Указа.

Предлагаемая структура органично встраивается в установленную систему подготовки и повышения квалификации без изменения общей продолжительности обучения. Наиболее интенсивная психологическая подготовка предусмотрена для кандидатов на этапе профессиональной переподготовки, что обеспечивает формирование устойчивых навыков критического взаимодействия с ИИ-системами с начала судейской карьеры.

Гулямов С.С. (2026)
 Превентивная психологическая подготовка судей
 к внедрению систем искусственного интеллекта:
 профилактика automation bias (автоматизационного
 искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
 в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
 Preventive psychological preparation of judges
 for the implementation of artificial intelligence
 systems: prevention of automation bias in
 the context of the "Digital Court" concept
 in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Таблица 2 / Table 2

**Концептуальная дифференцированная программа
 психологической подготовки судей по категориям
 Conceptual differentiated program of psychological preparation of judges by categories**

Категория / Category	Периодичность / Frequency	Ключевое содержание / Key content
Кандидаты на должности судей (п. 6а) / Judge candidates (clause 6a)	Однократно, 6 месяцев профессиональной переподготовки / One-time, 6 months professional retraining	Комплексная подготовка: диагностика склонности к automation bias, когнитивная психология, критический анализ ИИ-рекомендаций, профессиональная этика / Comprehensive training: diagnostics of automation bias tendency, cognitive psychology, critical analysis of AI recommendations, professional ethics
Судьи, назначенные на пятилетний срок (п. 7а) / Judges appointed for five-year term (clause 7a)	Каждые 2 года, не менее 2 недель / Every 2 years, at least 2 weeks	Обновление знаний о рисках automation bias, практикумы по критическому анализу ИИ-рекомендаций / Update on automation bias risks, workshops on critical analysis of AI recommendations
Судьи, назначенные на десятилетний срок (п. 7б) / Judges appointed for ten-year term (clause 7b)	Каждые 3 года, не менее 2 недель / Every 3 years, at least 2 weeks	Углубленные техники оценки ИИ-систем, развитие навыков наставничества / Advanced techniques for AI system evaluation, mentoring skills development
Судьи Верховного суда, председатели и заместители председателей судов (п. 7в) / Supreme Court judges, chairpersons and deputy chairpersons of courts (clause 7c)	Каждые 3 года, не менее 1 недели / Every 3 years, at least 1 week	Стратегические аспекты управления цифровизацией, формирование организационной культуры / Strategic aspects of digitalization management, organizational culture formation
Работники аппарата судов (помощники судьи, заведующие канцелярией и архивом) (п. 7д) / Court staff (judicial assistants, heads of registry and archives) (clause 7d)	Каждые 2 года, не менее 1 недели / Every 2 years, at least 1 week	Базовые принципы работы с ИИ-системами, поддержка судей в использовании технологий / Basic principles of working with AI systems, support for judges in using technologies

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Специализированные модули по цифровым навыкам интегрируются в учебные планы практической магистратуры по специальности «Судебная деятельность», запланированной к открытию в Академии с 2026/2027 учебного года согласно пункту 10 Указа № УП-141. В рамках годовой программы магистратуры предусматривается изучение дисциплины «Психология цифрового правосудия».

Система оценки и мониторинга эффективности включает разработку ключевых показателей успешности программы превентивной подготовки. Количественные индикаторы включают долю судей, успешно прошедших сертификацию по цифровым навыкам, среднее время анализа ИИ-рекомендаций, частоту обоснованных отклонений от алгоритмических предложений. Качественные показатели охватывают удовлетворенность судей программой подготовки, самооценку уверенности в работе с ИИ-технологиями, экспертные оценки качества судебных решений.

Мониторинг осуществляется посредством регулярных опросов, интервью с участниками программы и анализа объективных данных о судебной деятельности. Результаты мониторинга используются для непрерывного совершенствования образовательных программ и адаптации к изменяющимся технологическим условиям.

Обсуждение результатов

Стратегическое значение превентивного подхода

Превентивная психологическая подготовка судей к работе с ИИ-системами обладает существенными преимуществами по сравнению с реактивными подходами, основанными на корректировке поведения после выявления проблем. Преимущества подготовки до внедрения технологий включают формирование правильных установок с самого начала использования ИИ-систем, предотвращение закрепления неэффективных паттернов поведения и создание культурной среды, поддерживающей ответственное использование технологий.

Международная практика демонстрирует высокие затраты на исправление последствий некритичного принятия алгоритмических решений в правовой сфере (Bauer et al., 2020). Аналогичные проблемы в системе уголовного правосудия США потребовали масштабных реформ и значительных финансовых затрат.

Превентивный подход позволяет избежать подобных кризисов, инвестируя в качественную подготовку персонала на этапе планирования технологических изменений. Экономический анализ показывает, что затраты на превентивную подготовку составляют лишь 15—20% от стоимости реактивных мер по исправлению последствий automation bias (Brynjolfsson, McAfee, 2014).

Экономическая эффективность превентивных мер проявляется не только в избежании прямых затрат на исправление ошибок, но и в повышении общего качества правосудия. Судьи, прошедшие качественную психологическую подготовку, демонстрируют более высокие показатели удовлетворенности профессиональной деятельностью, меньший уровень профессионального выгорания и большую готовность к дальнейшему профессиональному развитию (Maslach, Schaufeli, Leiter, 2001).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

Обеспечение конкурентоспособности судейского корпуса

Формирование конкурентоспособного судейского корпуса в цифровую эпоху требует пересмотра традиционных представлений о профессиональных компетенциях судей⁶. Баланс между технологической поддержкой и профессиональной автономией является ключевым вызовом современного правосудия⁷. ИИ-системы должны расширять возможности судей, а не заменять их профессиональное суждение.

Конкурентоспособный судья цифровой эпохи характеризуется способностью эффективно использовать технологические инструменты при сохранении критического мышления и профессиональной независимости. Такой судья рассматривает ИИ как партнера в процессе принятия решений, способного предоставить дополнительную информацию и альтернативные перспективы, но не как источник готовых ответов.

Критерии оценки качества судебных решений в цифровую эпоху должны учитывать как эффективность использования технологических возможностей, так и сохранение высоких стандартов правосудия⁸ (Vuzova, 2024). Предлагается система сбалансированных показателей, включающая скорость принятия решений, качество правового обоснования и учет уникальных обстоятельств дела.

Формирование культуры критического мышления требует системных изменений в организационной культуре судебной системы. Необходимо создать среду, где критический анализ ИИ-рекомендаций воспринимается не как недоверие к технологиям, а как проявление профессиональной ответственности (Kayode, 2025). Поощрение обоснованных отклонений от алгоритмических предложений способствует развитию культуры критического мышления и предотвращает automation bias.

Ограничения настоящего исследования

Ограничения теоретической модели связаны с недостатком эмпирических данных о специфике automation bias в узбекском контексте. Предложенная модель основывается на международных исследованиях, что может не в полной мере учитывать культурные особенности и специфику правовой системы Узбекистана. Кроме того, модель разработана для условий превентивной подготовки и может потребовать адаптации по мере накопления практического опыта использования ИИ-систем.

Существенным ограничением является теоретический характер предложенной модели, требующий последующей эмпирической проверки в реальных условиях судебной практики. Настоящее исследование не охватывает вопросы взаимодействия судей с конкретными техническими реализациями ИИ-систем, поскольку следует принципу технологической

⁶ Денисенко, А. (2025, Ноябрь 5). Глава Верховного суда поручил ускорить внедрение ИИ в российскую судебную систему. *CNews*. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-11-05_predsedatel_verhovnogo (дата обращения: 06.11.2025); Лаптев, В.А. (2024, Август 26). Искусственный интеллект в суде — одна инстанция. *Право.ru*. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (дата обращения: 23.09.2025).

⁷ Куликов, В. (2023, Май 23). Суды планируют подключить искусственный интеллект к составлению решений. *Российская газета*. URL: <https://rg.ru/2023/05/25/robot-pomozhet-rassudit.html> (дата обращения: 23.09.2025).

⁸ Кушанова, К. (2025, Март 4). Казахстанская модель оценки судей признана эффективной на международном уровне. *Kazinform*. URL: <https://www.inform.kz/ru/kazahstanskaya-model-otsenki-sudey-priznana-effektivnoy-na-mezhdunarodnom-urovne-51567c> (дата обращения: 23.09.2025).

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

нейтральности. Это означает, что предложенные психологические механизмы профилактики automation bias должны оставаться применимыми независимо от конкретных технологических решений, которые будут внедряться в судебную практику.

Эмпирическая валидация теоретической модели

Необходимость эмпирической валидации предложенной модели является приоритетным направлением дальнейших исследований. Планируется проведение комплексного лонгитюдного исследования эффективности программы превентивной подготовки с участием выпускников Академии правосудия. Исследование может включать количественные измерения показателей automation bias, качественный анализ профессиональных установок и оценку долгосрочных эффектов подготовки на качество судебных решений.

Методологический дизайн исследования предполагает использование смешанных методов (Афанасьева, Афанасьев, Павленко, 2024). Количественная часть может включать диагностику когнитивных способностей критического мышления, измерение склонности к automation bias в контролируемых условиях с использованием специально разработанных правовых кейсов, а также анализ объективных показателей судебной деятельности. Качественная часть предусматривает глубинные интервью с судьями об их опыте взаимодействия с ИИ-системами, проведение фокус-групп для обсуждения возникающих профессиональных дилемм и анализ рефлексивных отчетов участников программы подготовки.

Лонгитюдное изучение профессионального развития судей

Перспективы лонгитюдных исследований включают изучение динамики изменения отношения судей к ИИ-технологиям на различных этапах профессиональной карьеры. Критически важным является понимание того, как первоначальные установки, сформированные в процессе превентивной подготовки, трансформируются под влиянием реального профессионального опыта. Предполагается проведение повторных измерений с интервалами, позволяющими фиксировать как краткосрочные, так и долгосрочные эффекты образовательных интервенций.

Анализ факторов, способствующих сохранению или утрате навыков критического взаимодействия с алгоритмами, требует изучения не только индивидуальных характеристик судей, но и контекстуальных переменных (Булыгина, 2025). К числу релевантных факторов могут относиться: интенсивность использования ИИ-систем в повседневной практике, наличие организационной поддержки критического подхода, качество технической реализации ИИ-инструментов, степень согласованности рекомендаций ИИ с профессиональными суждениями судей. Выявление этих и других факторов позволит разработать рекомендации по созданию организационных условий, поддерживающих конкурентный тип взаимодействия с технологиями.

Принцип технологической нейтральности в исследованиях

Принципиальным для дальнейших исследований является соблюдение принципа технологической нейтральности (van der Haar, 2007). Это означает, что фокус исследований должен быть направлен не на изучение специфики конкретных ИИ-систем, которые могут устареть или быть заменены, а на универсальные психологические механизмы взаимодействия человека с автоматизированными системами принятия решений. ИИ-технологии развиваются

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

стремительно, и конкретные решения, актуальные сегодня, могут существенно измениться в ближайшем будущем.

Поэтому исследовательская программа должна сосредоточиться на изучении психологических компетенций, которые обеспечивают эффективное взаимодействие судей с любыми автоматизированными системами, независимо от их технической реализации. К таким универсальным компетенциям относятся: способность к критической оценке качества и ограничений алгоритмических рекомендаций, навыки выявления потенциальных ошибок и искажений в автоматизированных системах, умение интегрировать алгоритмические предложения с профессиональным опытом и контекстуальным пониманием, готовность обоснованно отклонять рекомендации ИИ при наличии весомых аргументов.

Исследование должно также учитывать, что технологический ландшафт будет продолжать меняться. Возможно появление качественно новых форм ИИ, таких как системы с расширенными объяснительными способностями, мультимодальные системы, интегрирующие различные типы данных, или системы, способные к адаптивному обучению на основе обратной связи от судей. Психологическая подготовка судей должна формировать не просто навыки работы с существующими технологиями, но метакомпетенции, позволяющие эффективно адаптироваться к технологическим инновациям.

Сравнительные межюрисдикционные исследования

Перспективным направлением является проведение сравнительных исследований опыта различных юрисдикций в психологической подготовке судей к работе с ИИ-системами. Хотя каждая правовая система обладает своей спецификой, психологические механизмы automation bias универсальны. Систематический анализ международного опыта позволит выявить эффективные практики и типичные проблемы, что обогатит понимание факторов успеха программ подготовки.

Особый интерес представляет изучение опыта стран, которые находятся на более продвинутых этапах внедрения ИИ в правосудие и уже столкнулись с практическими проявлениями automation bias. Анализ конкретных кейсов не критичного принятия алгоритмических решений в различных юрисдикциях может служить ценным образовательным материалом для превентивной подготовки узбекских судей. Важно анализировать не только успешные примеры, но и ошибки, допущенные в других странах, чтобы избежать их повторения.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о стратегической значимости превентивной психологической подготовки судей к работе с системами искусственного интеллекта. Разработанная трехэтапная модель подготовки, включающая осознание рисков automation bias, развитие навыков критической оценки ИИ-рекомендаций и формирование устойчивых паттернов конструктивного взаимодействия, представляет собой комплексный подход к решению актуальной проблемы современного правосудия.

Ключевые компоненты успешной модели включают индивидуализированную диагностику психологической готовности, практико-ориентированные тренинги по критическому анализу алгоритмических рекомендаций, систему наставничества и непрерывный мониторинг

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей к внедрению систем искусственного интеллекта: профилактика automation bias (автоматизационного искажения) в контексте концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges for the implementation of artificial intelligence systems: prevention of automation bias in the context of the "Digital Court" concept in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

эффективности. Интеграция программы превентивной подготовки в деятельность Академии правосудия Республики Узбекистан создает институциональные предпосылки для формирования конкурентоспособного судейского корпуса, готового к вызовам цифровой эпохи.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности непосредственного применения предложенных рекомендаций при реализации концепции «Цифровой суд» в Республике Узбекистан. Превентивный подход к психологической подготовке судей обеспечивает эффективное использование потенциала ИИ-технологий при сохранении высоких стандартов правосудия и профессиональной автономии судей.

Международная применимость разработанной модели подтверждается универсальностью психологических механизмов automation bias и общностью вызовов, стоящих перед судебными системами в эпоху цифровизации. Опыт Республики Узбекистан в области превентивной подготовки судей может служить образцом для других юрисдикций, планирующих внедрение ИИ-технологий в правосудие.

Перспективы развития цифрового правосудия связаны с дальнейшим совершенствованием ИИ-технологий и расширением их применения в судебной деятельности. В этих условиях критически важным является сохранение баланса между технологической эффективностью и человеческими ценностями правосудия. Превентивная психологическая подготовка судей представляет собой ключевой инструмент достижения этого баланса и обеспечения устойчивого развития судебной системы в цифровую эпоху.

Список источников / References

1. Афанасьева, И.В., Афанасьев, И.В., Павленко, А.А. (2024). Научно-биографический метод в психологических и правовых исследованиях: от ретроспективного и многофакторного анализа до методологического инструментария оценки качества. *Психология и право*, 14(1), 197—213. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140113>
Afanasieva, I.V., Afanasyev, I.V., Pavlenko, A.A. (2024). Scientific-Biographical Method in Psychological and Legal Research: from Retrospective and Multivariate Analysis to Methodological Tools for Quality Assessment. *Psychology and Law*, 14(1), 197—213. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140113>
2. Булыгина, В.Г. (2025). Современные вызовы юридической психологии: междисциплинарное и межведомственное взаимодействие. *Психология и право*, 15(1), 1—2. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150100>
Bulygina, V.G. (2025). Contemporary Challenges of Legal Psychology: Interdisciplinary and Interagency Collaboration. *Psychology and Law*, 15(1), 1—2. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150100>
3. Гулямов, С.С., Родионов, А.А. (2024). Применение кибергигиены в качестве эффективной психологической меры профилактики киберзависимостей. *Психология и право*, 14(2), 77—91. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206>
Gulyamov, S.S., Rodionov, A.A. (2024). Cyber Hygiene as an Effective Psychological Measure in the Prevention of Cyber Addictions. *Psychology and Law*, 14(2), 77—91. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140206>

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges
for the implementation of artificial intelligence
systems: prevention of automation bias in
the context of the "Digital Court" concept
in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

4. Русаковская, О.А. (2024). «Проблемные ситуации»: апробация в качестве судебно-психиатрического метода исследования при изменении гражданско-правового статуса. *Психология и право*, 14(1), 152—167. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>
Rusakovskaya, O.A. (2024). "Problem Situations": Testing as a Forensic Psychiatric Research Method when Changing Civil Legal Status. *Psychology and Law*, 14(1), 152—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140110>
5. Шипкова, К.М. (2025). Нейропсихологические методы оценки социальной агрессии в современных зарубежных исследованиях. *Психология и право*, 15(1), 3—15. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150101>
Shipkova, K.M. (2025). Neuropsychological assessment instruments for social aggression in modern foreign studies. *Psychology and Law*, 15(1), 3—15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150101>
6. Bainbridge, L. (1983). Ironies of automation. *Automatica*, 19(6), 775—779. [https://doi.org/10.1016/0005-1098\(83\)90046-8](https://doi.org/10.1016/0005-1098(83)90046-8)
7. Bandura, A. (1997). *Self-efficacy: The exercise of control*. New York: W. H. Freeman.
8. Bauer, K., Pfeuffer, N., Abdel-Karim, B., Hinz, O., Kosfeld, M. (2020). The Economic Consequences of Algorithmic Discrimination: Theory and Empirical Evidence. *SAFE Working Paper*, 287. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3675313>
9. Brynjolfsson, E., McAfee, A. (2014). *The second machine age: Work, progress, and prosperity in a time of brilliant technologies*. New York; London: W.W. Norton & Company.
10. Buzova, N. (2024). Artificial intelligence in the judicial system: advantages and risks. Tyumen State University Herald. *Social, Economic, and Law Research*, 10(2), 57—73. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2024-10-2-57-73>
11. Dressel, J., Farid, H. (2018). The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism. *Science Advances*, 4(1), Article eaao5580. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aao5580>
12. Epley, N., Gilovich, T. (2001). Putting adjustment back in the anchoring and adjustment heuristic: Differential processing of self-generated and experimenter-provided anchors. *Psychological Science*, 12(5), 391—396. <https://doi.org/10.1111/1467-9280.00372>
13. Facione, N., Facione, P., Sanchez, C. (1994). Critical Thinking Disposition as a Measure of Competent Clinical Judgment: The Development of the California Critical Thinking Disposition Inventory. *Journal of Nursing Education*, 33, 345—350. <https://doi.org/10.3928/0148-4834-19941001-05>
14. Flavell, J.H. (1979). Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive—developmental inquiry. *American Psychologist*, 34(10), 906—911. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.34.10.906>
15. Green, B., Chen, Y. (2019). The principles and limits of algorithm-in-the-loop decision making. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 3(CSCW), Article 50. <https://doi.org/10.1145/3359152>
16. Gulyamov, S., Rustambekov, I. (2023). Code of ethics for the responsible use of AI (chatbots) in science, education, and professional activities. *Uzbek Journal of Law and Digital Policy*, 1(3). <https://doi.org/10.59022/ujldp.87>

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges
for the implementation of artificial intelligence
systems: prevention of automation bias in
the context of the "Digital Court" concept
in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

17. Gulyamov, S., Rustambekov, I., Narziev, O., Xudayberganov, A. (2021). Draft concept of the Republic of Uzbekistan in the field of development artificial intelligence for 2021—2030. *Jurisprudence*, 1(1), 106—121. <https://doi.org/10.51788/tsul.jurisprudence.1.1./qugt2226>
18. Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. New York: Farrar, Straus and Giroux.
19. Kayode, O. (2025). Algorithmic Bias and Justice: Analyzing the Ethical Limits of Machine Learning in High-Stakes Decision-Making. *ResearchGate*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/393789201> (viewed: 26.09.2025).
20. Klayman, J., Ha, Y.W. (1987). Confirmation, disconfirmation, and information in hypothesis testing. *Psychological Review*, 94(2), 211—228. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.94.2.211>
21. Kreiner, G.E., Sheep, M.L. (2009). Growing pains and gains: Framing identity dynamics as opportunities for identity growth. In: L.M. Roberts, J.E. Dutton (Eds.), *Exploring Positive Identities and Organizations: Building a Theoretical and Research Foundation* (pp. 23—46). Taylor & Francis.
22. Lee, J.D., See, K.A. (2004). Trust in automation: Designing for appropriate reliance. *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 46(1), 50—80. https://doi.org/10.1518/hfes.46.1.50_30392
23. Lehr, D., Ohm, P. (2017). Playing with the data: What legal scholars should learn about machine learning. *UC Davis Law Review*, 51(2), 653—717.
24. Livermore, M.A., Rockmore, D.N. (Eds.). (2019). *Law as Data: Computation, Text, and the Future of Legal Analysis*. Santa Fe Institute Press.
25. Logg, J.M., Minson, J.A., Moore, D.A. (2019). Algorithm appreciation: People prefer algorithmic to human judgment. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 151, 90—103. <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2018.12.005>
26. Maslach, C., Schaufeli, W.B., Leiter, M.P. (2001). Job burnout. *Annual Review of Psychology*, 52(1), 397—422. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.52.1.397>
27. Meuter, M.L., Ostrom, A.L., Bitner, M.J., Roundtree, R. (2003). The influence of technology anxiety on consumer use and experiences with self-service technologies. *Journal of Business Research*, 56(11), 899—906. [https://doi.org/10.1016/s0148-2963\(01\)00276-4](https://doi.org/10.1016/s0148-2963(01)00276-4)
28. Morris, M.G., Venkatesh, V. (2000). Age differences in technology adoption decisions: Implications for a changing work force. *Personnel Psychology*, 53(2), 375—403. URL: <https://www.elibrary.ru/dhdywf> (viewed: 29.09.2025).
29. Mosier, K.L., Skitka, L.J. (1996). Human decision makers and automated decision aids: Made for each other? In: R. Parasuraman, M. Mouloua (Eds.), *Automation and human performance* (pp. 201—220). NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
30. Parasuraman, R., Manzey, D.H. (2010). Complacency and bias in human use of automation: An attentional integration. *Human Factors: The Journal of the Human Factors and Ergonomics Society*, 52(3), 381—410. <https://doi.org/10.1177/0018720810376055>
31. Reiling, D. (2020). Courts and Artificial Intelligence. *International Journal for Court Administration*, 11(2), Article 8. <https://doi.org/10.36745/ijca.343>
32. Scherer, M. (2019). Artificial Intelligence and Legal Decision-Making: The Wide Open? *Journal of International Arbitration*, 36(5), 539—573. <https://doi.org/10.54648/JOIA2019028>

Гулямов С.С. (2026)
Превентивная психологическая подготовка судей
к внедрению систем искусственного интеллекта:
профилактика automation bias (автоматизационного
искажения) в контексте концепции «Цифровой суд»
в Республике Узбекистан
Психология и право, 16(2), 177—197.

Gulyamov S.S. (2026)
Preventive psychological preparation of judges
for the implementation of artificial intelligence
systems: prevention of automation bias in
the context of the "Digital Court" concept
in the Republic of Uzbekistan
Psychology and Law, 16(2), 177—197.

33. Skitka, L.J., Mosier, K.L., Burdick, M. (1999). Does automation bias decision-making? *International Journal of Human-Computer Studies*, 51(5), 991—1006. <https://doi.org/10.1006/ijhc.1999.0252>
34. Surden, H. (2019). Artificial Intelligence and Law: An Overview. *Georgia State University Law Review*, 35(4), 1305—1337.
35. van der Haar, I.M. (2007). Technological Neutrality: What Does it Entail? *TILEC Discussion Paper*, 2007-009. <https://doi.org/10.2139/ssrn.985260>
36. Venkatesh, V., Morris, M.G., Davis, G.B., Davis, F.D. (2003). User acceptance of information technology: Toward a unified view. *MIS Quarterly*, 27(3), 425—478. <https://doi.org/10.2307/30036540>
37. Watson, G., Glaser, E.M. (1980). *Watson-Glaser critical thinking appraisal*. The Psychological Corporation.
38. Wischmeyer, T. (2020). Artificial intelligence and transparency: Opening the black box. In: T. Wischmeyer, T. Rademacher (Eds.), *Regulating Artificial Intelligence* (pp. 75—101). Springer.

Информация об авторах

Саид Саидахбарович Гулямов, доктор юридических наук, профессор отделения «Право и технологии», председатель Комитета по этике искусственного интеллекта, Ташкентский государственный юридический университет (ТГЮУ), Ташкент, Республика Узбекистан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2299-2122>, e-mail: said.gulyamov1976@gmail.com

Information about the authors

Said S. Gulyamov, Doctor of Science (Law), Professor of the Department of Law and Technology, Chairman of the Artificial Intelligence Ethics Committee, Tashkent State University of Law, Tashkent, Republic of Uzbekistan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2299-2122>, e-mail: said.gulyamov1976@gmail.com

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 12.11.2025
Поступила после рецензирования 26.11.2025
Принята к публикации 06.12.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.11.12
Revised 2025.11.26
Accepted 2025.12.06
Published 2026.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Ценностные основания классической и восстановительной
медиации: сравнительный анализ двух моделей посредничества**

Н.С. Грудников¹, Е.Г. Пастухова^{2, 3} ✉

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

³ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ paseka0706@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Медиация является одной из распространенных форм разрешения конфликтов и имеет свои уникальные принципы. Восстановительное правосудие, как новая парадигма в уголовной юстиции, использует медиацию в качестве одной из форм реализации, но адаптирует ее под собственные идеи. **Цель.** Выявить различия между ценностными основаниями классической и восстановительной медиации. **Гипотеза.** Восстановительная медиация как одна из форм восстановительного правосудия, имеет существенные различия с классической медиацией. **Методы и материалы.** Анализ научных публикаций, посвященных классической и восстановительной медиации, восстановительному правосудию; формально-юридический анализ отечественных нормативно-правовых актов, регулирующих медиацию в судопроизводстве. **Результаты.** Восстановительная медиация имеет существенные различия с классической медиацией из-за ценностных различий между ними. Для восстановительной медиации определяющими ценностями будут ценности парадигмы восстановительного правосудия, которые заключаются в заглаживании вреда, осознании последствий правонарушения, исцелении жертвы и восстановлении нарушенных отношений в обществе. **Выводы.** Показано, что изучение ценностных оснований обладает важными возможностями для построения объяснительной рамки, позволяющей интерпретировать применение медиации на практике по разным категориям дел. Восстановительная медиация является не просто технологией для достижения соглашения, а формой демократического участия гражданского общества, целью которого является гуманизация

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

уголовного судопроизводства. Отсутствие понимания данных различий ведет к ценностному дисбалансу и затрудняет реализацию восстановительных практик в России.

Ключевые слова: восстановительная медиация, классическая медиация, медиация по урегулированию споров, примирительные процедуры, программы восстановительного правосудия

Благодарности. Авторы благодарят Людмилу Михайловну Карнозову за веру в них и вдохновляющую поддержку на этапах академического становления, а также за пример верности идеям восстановительного правосудия и бережную их передачу.

Для цитирования: Грудников, Н.С, Пастухова, Е.Г. (2026). Ценностные основания классической и восстановительной медиации: сравнительный анализ двух моделей посредничества. *Психология и право*, 16(2), 198—214. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160212>

The value foundations of classical and restorative mediation: a comparative analysis of the two mediation models

N.S. Grudnikov¹, E.G. Pastukhova^{2,3} ✉

¹ HSE University, Moscow, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ paseka0706@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Mediation is a widespread form of conflict resolution with its own unique principles. Restorative justice, as a new paradigm in criminal justice, utilizes mediation as a form of implementation while adapting it to its own core concepts. **Objective.** The study aims to identify the differences between the value foundations of classical and restorative mediation. **Hypothesis.** Restorative mediation, as a form of restorative justice, possesses significant distinctions from classical mediation. **Methods and materials.** The research involves an analysis of scientific publications on classical mediation, restorative mediation, and restorative justice, as well as a formal legal analysis of Russian regulatory acts governing mediation in legal proceedings. **Results.** The study reveals that restorative mediation differs substantially from classical mediation due to divergent underlying values. Restorative mediation is defined by the values of the restorative justice paradigm, which focus on reparation of harm, awareness of the consequences of the offense, healing of the victim, and the restoration of damaged social relationships. **Conclusion.** It is demonstrated that studying value foundations provides a crucial explanatory framework for interpreting the practical application of mediation across various case categories. Restorative mediation is not merely a technology for reaching an agreement, but rather a form of democratic participation by civil society, the goal of which is the humanization of criminal proceedings. A lack of understanding of these differences leads to a value imbalance and hinders the implementation of restorative practices in Russia.

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Keywords: restorative mediation, classical mediation, dispute resolution mediation, conciliation procedures, restorative justice programs

Acknowledgements. The authors thank Lyudmila Mikhailovna Karnozova for her faith and inspiring support during our academic development, as well as for being an example of commitment to the ideals of restorative justice and for carefully passing them on to us.

For citation: Grudnikov, N.S., Pastukhova, E.G. (2026). The value foundations of classical and restorative mediation: a comparative analysis of the two mediation models. *Psychology and Law*, 16(2), 198—214. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160212>

Введение

Посредничество, или медиация, как особая форма участия третьей стороны в конфликте, определяется как содействие двум или более сторонам в поиске соглашения в спорной или конфликтной ситуации. Принципиальная возможность такого содействия основана на признании позитивного влияния нейтральной стороны на эффективность переговорного процесса. Участие третьей стороны само по себе снижает степень деструктивности взаимодействия, прежде всего за счет усиления его конвенциональности. Другой аспект связан с самой процедурой: медиация, направленная на организацию эффективной коммуникации и диалога, делает стороны активными участниками разрешения конфликта, что при правильной организации ведет к снижению конфронтации и к возможности сотрудничества. Центральной фигурой процесса выступает медиатор — лицо, группа лиц или организация, осуществляющие посредническую деятельность (Анцупов, Шипилов, 2022; Гришина, 2023; Стребков, Карпенко, Сеидов, 2025;).

Медиация рассматривается как интегративный феномен, междисциплинарная природа которого детерминирована взаимодействием философии, права, социологии, психологии, конфликтологии и политологии. Содержательное наполнение медиации формируется посредством синтеза тематических полей смежных дисциплин: философская составляющая связывает медиацию с категорией примирения и идеей синтеза противоположных взглядов; юриспруденция рассматривает ее как альтернативную судебному рассмотрению процедуру разрешения споров; конфликтологический подход акцентирует целенаправленное вмешательство для ослабления конфликтного напряжения; психологическая перспектива фокусируется на работе с эмоциональной сферой и выявлении латентных мотивов сторон; политологическая трактовка помещает медиацию в контекст глобальных трансформаций управления и деятельности неправительственных организаций (Башмакова, Кузнецова, Рыжова, 2015; Иванова, 2021; Шамликашвили, 2014).

Практика обращения к третьей стороне за помощью в разрешении споров уходит корнями в глубокую древность. Историки отмечают привлечение посредников еще в торговых отношениях финикийцев, в Вавилоне, в Древней Греции, а римское право, начиная с кодекса Юстиниана, официально признавало посредничество. В некоторых традиционных культурах к фигуре посредника относились с особым уважением, почитая его наряду с жрецами или вождями племени. В истории международного права медиация также применялась издавна — например, завершение Тридцатилетней войны в Европе стало возможным благодаря посредническим усилиям (Анцупов, Шипилов, 2022; Бесемер, 2004; Гришина, 2023; Кушнарева, 2017).

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Современные модели медиации сформировались во второй половине XX века, получив широкое распространение в ряде стран (Анцупов, Шипилов, 2022; Гришина, 2023; Иванова, Суртаева, 2015; Калашникова 2011; Маслова, 2020). В рамках данной работы нами будут детально рассмотрены сходства и различия классической и восстановительной моделей медиации, которые развивались параллельно, основываясь на различных традиционных способах урегулирования конфликтов, добавляя к ним собственную специфику работы.

Новизна научной работы заключается в рассмотрении феноменов классической и восстановительной медиаций в контексте разных наук, таких как философия, психология, социология и право, а также в предположении, что различия рассматриваемых моделей заключаются, в первую очередь, не в технологии проведения, не в том инструментарии, который использует посредник, а в тех идеях и направленностях, которые заложены в двух направлениях в процессе их исторического развития.

Для иллюстрации данного предположения мы рассмотрим сначала историю формирования и развития идей так называемой классической медиации, в том числе в правовом контексте, далее в восстановительной медиации, после чего обобщим сказанное посредством сравнения двух моделей.

Важно отметить, что в рамках настоящей статьи мы концентрируемся на исходных идеях рассматриваемых моделей, которые способствовали институализации практик. Несмотря на то, что в настоящий момент обе модели нашли свое применение в различных сферах, таких как образование (Коновалов, 2014; Пастухова 2025), бизнес (Сушкова, Кирилов, Васильченко, 2024), семейные отношения (Брюхина, Черткова, 2021; Летова, 2024), трудовые споры (Ханаева, Шатверян, 2025), нам важно проследить исходные направления обеих моделей медиации. Это связано с тем, что представляется необходимым разрешение проблемы смешения понятий, наличие которой создает сложности в практической реализации обоих подходов в медиации, а также усложняет институализацию практик восстановительного правосудия.

Материалы и методы

В основу исследования легли нормативно-правовые акты, научные работы по праву, социологии, психологии, истории, обращение к которым продиктовано междисциплинарным подходом к изучению медиации.

В ходе работы нами были применены общенаучные и специальные методы: аналитический, дедуктивный, сравнительно-правовой, методы описания, синтеза и сравнения.

Результаты

Классическая модель медиации

Термин «классическая медиация» не является официально закрепленным понятием, а употребляется в профессиональной среде для обозначения базовой, исходной модели, на основе которой впоследствии развились другие подходы. Ее «классический» статус обусловлен историческим контекстом: современная медиация начала формироваться во второй половине XX века в США, прежде всего в сфере семейных и соседских споров, и именно тогда была разработана и апробирована процедура, впоследствии названная фасилитативной медиацией. Эта модель стала фундаментом для всего последующего развития

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

медиативных практик, а ее методологической основой послужил «гарвардский метод» принципиальных переговоров, предполагающий переход от позиционного торга к поиску решений, основанных на глубинных интересах сторон (Анцупов, Шипилов, 2022; Воронцова, Рахматуллина, 2025; Гришина, 2023, Карнозова, 2024а; Фишер, Юри, 1990).

Фундамент процедуры составляют пять принципов: добровольность участия, равноправие сторон, нейтральность и беспристрастность медиатора, конфиденциальность процесса и сотрудничество сторон. Принцип добровольности гарантирует свободу волеизъявления на всех этапах процедуры; равноправие обеспечивает равные возможности в формулировании позиций; нейтральность медиатора требует сохранения объективности; конфиденциальность защищает информацию, раскрытую в ходе переговоров; сотрудничество предполагает взаимную ориентацию на конструктивный диалог (Карпенко, Осинковский, 2016; Распопова, 2026).

Ключевые характеристики классической модели включают направленность на достижение взаимовыгодного соглашения по конкретному предмету спора, фокусировку на предмете конфликта без углубленного анализа чувств и личных отношений и, наконец, нейтральную роль медиатора как организатора процесса и коммуникации, не предлагающего готовых решений и не дающего оценок. Классическая модель ориентирована на практическое решение проблемы самими сторонами и считается базовым подходом к посредничеству (Карпенко, Осинковский, 2016; Распопова, 2026).

Законодательное закрепление данного института в России произошло при принятии Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (далее — ФЗ «О процедуре медиации») (Федеральный закон..., 2010). Законодательная инициатива принадлежала Президенту России Д.А. Медведеву и преследовала сразу несколько целей по совершенствованию отечественного правового регулирования. Так, декларировалось, что медиация станет удобным и быстрым способом разрешения споров, а также поможет снизить судебные издержки (Пояснительная записка..., 2010). Федеральный закон обеспечил установление принципов, порядка и основных положений, касающихся использования данной процедуры при разрешении споров, которые исходят из частно-правовых отношений. Федеральным законом закреплялось, что сферами применения медиации являются только гражданские, трудовые и семейные правоотношения. Пояснительная записка к законопроекту предусматривала возможность распространения применения медиации и к публично-правовым отношениям, однако устанавливала, что эти действия необходимо проводить постепенно «...путем проведения долгосрочных экспериментов»¹. В 2019 году в ФЗ «О процедуре медиации» была закреплена возможность применения медиации в административных и иных публичных правоотношениях, т. е. в спорах, связанных с обжалованием действий и бездействий органов государственной власти и публичного управления. Процедура может проводиться как до, так и в ходе судебного процесса, что обеспечивает гибкость в выборе момента для альтернативного урегулирования. Таким

---

¹ Законопроект № 341063-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)". (2010). Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/341063-5> (дата обращения: 01.03.2026).

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

образом, медиация в России не применяется в уголовном судопроизводстве и в производстве по делам об административных правонарушениях (Холоимова, Клебанов, 2025).

Модель классической медиации добилась не просто институционального признания, но и законодательного закрепления из-за того, что обеспечило государству экономию ресурсов и средств при осуществлении судопроизводства по данным категориям дел. Так, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации требует от судьи при подготовке дела к судебному разбирательству не просто уведомить стороны о процедуре медиации, а именно содействовать примирению сторон, а также разъяснить преимущество примирительных процедур (Гражданский процессуальный кодекс, 2025). Аналогичные нормы содержатся в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации и Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации (Арбитражный процессуальный кодекс, 2025; Кодекс административного судопроизводства, 2025). Таким образом, законодатель фактически требует от судьи склонить стороны к медиации и прекращению производства по данному делу. Это общемировая тенденция, направленная на разгрузку судебной системы, частью которой являются альтернативные способы разрешения споров.

Еще одним важным фактом для дальнейшего сравнения является то, что в классической модели медиации участие в переговорном процессе наряду с непосредственными сторонами конфликта могут принимать их доверенные лица, включая адвокатов, руководителей организаций, уполномоченных сотрудников, родственников или иных лиц, действующих на основании нотариально удостоверенной доверенности или в силу закона, что не нарушает принцип непосредственности участия при условии сохранения за сторонами права окончательного принятия решения.

Среди факторов, сдерживающих развитие института в России, выделяются недостаточная информированность населения, стереотипы о приоритете судебного решения, неравномерное качество подготовки медиаторов и нормативные пробелы в части механизмов стимулирования досудебного урегулирования (Воронцова, Рахматуллина, 2025; Момотов, 2024).

Вместе с тем наблюдаются позитивные сдвиги: рост числа специализированных центров, увеличение количества сертифицированных медиаторов, развитие онлайн-медиации, внедрение процедуры в корпоративную практику. Для повышения эффективности института необходим комплексный подход, включающий системную просветительскую работу, совершенствование законодательства, развитие стандартов профессиональной подготовки и формирование культуры диалога в правоприменительной практике (Воронцова, Рахматуллина, 2025).

Восстановительная модель медиации

Восстановительная медиация является одной из форм реализации восстановительного правосудия, на истоки которого необходимо обратить внимание. Восстановительное правосудие является новой парадигмой в уголовной юстиции, возникшей в ответ на кризис карательного правосудия, связанный с ростом преступности; отсутствием реального исправления преступника, а лишь его декларирование; ориентацией на процессуальные аспекты; отсутствием реальной ответственности преступника перед потерпевшим; игнорированием интересов и потребностей потерпевшего (Зер, 2002; Карнозова, 2024а).

Карательное правосудие — способ реагирования на преступления и отправления правосудия, который воспринимает преступление в качестве деяния, которое посягает на

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

государство и общество, а также нацелен на применение государственной репрессии к правонарушителю. Так, в 1960-е годы с возникновением социальных движений в США за гражданские права и искоренение неравенства возникла потребность в гуманизации сферы уголовного правосудия и участии гражданского общества в разрешении уголовных дел (Носырева, 2005; Daly, Immarigeon, 1998).

В этой логике возникла концепция восстановительного правосудия, которая получила признание и институциональное закрепление во многих странах мира, в том числе и в России. Восстановительное правосудие можно обозначить как новую парадигму в реакции на преступление, которая ставит своими основными целями: заглаживание вреда, причиненного деянием; осознание последствий совершенного деяния правонарушителем и его ресоциализация; исцеление жертвы и восстановление нарушенных отношений в обществе (Зер, 2002; Карнозова 2024).

Н. Кристи, социолог, криминолог и один из основоположников восстановительного правосудия, утверждал, что преступления являются конфликтами в обществе, но само общество лишено возможности на них реагировать и с ними справляться. Данное «право собственности» на конфликты у его сторон и сообществ были отнято государством и им монополизировано. Стороны не могут участвовать самостоятельно в разрешении конфликта, а гражданское общество полностью отчуждено от этих процессов (Кристи, 1999).

Вместе с тем восстановительное правосудие дает реальную возможность участникам уголовного конфликта принять участие в его разрешении, оно реализуется за счет множества восстановительных практик, среди которых центральное место занимает восстановительная медиация. Восстановительная медиация в рамках уголовного судопроизводства является способом реагирования на преступление, который может претендовать на подлинное разрешение конфликта, а не ограничивается репрессивной реакцией на конфликт (Зер, 2002; Карнозова, 2010; Карнозова, 2024а).

Ключевые принципы классической медиации являются также характерными и для восстановительной медиации — добровольность участия, нейтральность позиции медиатора и конфиденциальность при проведении процедуры, принцип сотрудничества. Однако восстановительная медиация имеет ряд отличительных особенностей, которые отмечают многими авторами. Уникальная отличительная черта восстановительной модели заключается в том, что она направлена на восстановление справедливости, осознание последствий совершенного деяния правонарушителем и заглаживание вреда. Это не просто процесс, который должен привести к заключению соглашения между сторонами, это тот инструментальный компонент восстановительного правосудия, который может воплотить в жизнь его ценности как способ реагирования на преступления. Л.М. Карнозова указывает, что «...программы восстановительного правосудия фокусируются, скорее, не на результате, а на процессе — процессе диалога» (Карнозова, 2024а, с. 101). Именно интеракция между правонарушителем и жертвой в процессе осуществления данной восстановительной практики является залогом достижения основных принципов восстановительного правосудия.

М. Умбрайт писал о гуманистическом диалоге, который нацелен не на достижение соглашения, а на исцеление сторон и восстановление отношений в обществе (Умбрайт, 2001). Восстановительная медиация может возникнуть только в том случае, если правонарушитель признает свою ответственность за совершенное преступление. Отсюда также вытекает требование возмещения ущерба, который был причинен жертве преступления. Также

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

особенностью восстановительной медиации является изначальное представление о том, что ее участники между собой не равны. Правонарушитель все-таки совершил преступление и причинил жертве вред, существует дисбаланс между ними и их позициями «...и этот факт находится во главе угла» (Зер, 2015). Таким образом, принцип нейтральности медиатора имеет свои особенности при реализации восстановительной медиации.

Правовым основанием для включения практик восстановительного правосудия в отечественное уголовное судопроизводство стало принятие в 1996 году нового Уголовного кодекса России, который установил возможность освобождения обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением обвиняемого с потерпевшим. Соответствующая статья (ст. 76 УК РФ) содержит в себе три условия, которые позволяют суду принять решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в связи с примирением: во-первых, преступление совершено лицом, которое ранее не привлекалось к уголовной ответственности, т. е. было совершено впервые, во-вторых, обвиняемый обязан загладить вред, который был им нанесен потерпевшему в результате совершенного преступления, в-третьих, данное преступление должно относиться к категории небольшой тяжести, а впоследствии эта норма распространилась и на преступления средней тяжести (Уголовный кодекс, 2026).

В 1996 году в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР были внесены изменения, которые также поспособствовали становлению практик восстановительного правосудия. Новая редакция кодекса содержала статью «Прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим» и давала возможность суду, прокурору, следователю или дознавателю прекратить уголовное дело в отношении обвиняемого. Основанием для такого решения суда и представителей органов обвинения должно было служить заявление, поступившее от потерпевшего, в котором последний ходатайствует о прекращении уголовного дела (Уголовно-процессуальный кодекс, 2001). Современный Уголовно-процессуальный кодекс России также предоставляет возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (Уголовно-процессуальный кодекс, 2026).

Однако в рамках действующего в России института примирения (а, точнее, освобождения от уголовной ответственности по этому основанию) не определены ни процедура передачи дел посредникам, ни форма контроля за договоренностями между сторонами, ни социально-реабилитационная инфраструктура реализации решений данного типа. Примирение рассматривается как право лиц, но не как специально организуемая процедура. В отечественном законодательстве по уголовным делам мы встречаем понятие «примирение», но не найдем понятий «посредничество», или «медиация». Однако для сторон уголовного конфликта, разделенных враждой и противоположными процессуальными интересами, примирение нередко становится затруднительным, а порой и невозможным (Карнозова, 2024б, с. 247-248). Восстановительное правосудие, в частности восстановительная медиация, указывает на механизмы реализации права обвиняемого и потерпевшего на примирение. Однако в России восстановительная медиация по уголовным делам реализуется в некоторых регионах на основании местных регламентов (в основном в правосудии в отношении несовершеннолетних), она не имплементирована в федеральную правовую систему.

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Обсуждение результатов

Несмотря на принципиальные различия в философии и целевых ориентирах, классическая медиация по урегулированию споров и восстановительная медиация имеют ряд важных сходств, которые позволяют отнести их к общему полю медиативной практики.

Прежде всего обе модели объединяет наличие третьей нейтральной стороны — медиатора, который не принимает решений за участников, а лишь создает условия для их самостоятельного диалога. В обоих случаях медиатор не обладает властными полномочиями и не навязывает готовых вариантов разрешения ситуации, что принципиально отличает эти процедуры от судебного разбирательства или арбитража.

Кроме того, и классическая, и восстановительная медиация строятся на добровольном участии сторон, которые осознанно принимают решение вступить в процесс и имеют право в любой момент его покинуть. Конфиденциальность также является общим фундаментальным принципом: всё, что обсуждается в ходе встреч, не подлежит разглашению без согласия участников, что создает безопасную среду для открытого разговора. Обе модели ориентированы на будущее — они не столько выясняют, кто прав, а кто виноват в прошлом, сколько помогают сторонам определить, как им строить отношения дальше и какие шаги предпринять для выхода из конфликтной ситуации.

Наконец, важнейшим сходством является процесс коммуникации: в центре обеих процедур лежит организованный диалог, в ходе которого участники получают возможность услышать друг друга. Даже при различии в глубине эмоциональной проработки сам принцип уважения к сторонам и признания их способности самостоятельно и конструктивно урегулировать конфликт остается общим для обеих моделей.

Несмотря на безусловные сходства, перейдем к обобщенному сравнению двух рассматриваемых моделей.

Классическая модель медиации ориентирована на достижение взаимовыгодного соглашения между сторонами в рамках конкретного правового или коммерческого конфликта. Ее главная цель — прагматичный результат, фиксирующий баланс интересов здесь и сейчас. В этой модели медиатор помогает сторонам прояснить их позиции, отделить эмоции от существа дела и найти точки соприкосновения для заключения сделки или медиативного/мирового соглашения. Восстановительная медиация, напротив, исходит из совершенно иной философии. Она зародилась в недрах восстановительного правосудия и ориентирована на исцеление отношений, заглаживание вреда и восстановление социальной связи, разорванной фактом правонарушения или глубокого конфликта. Здесь центральными категориями являются не «спор», а «вред» и «травма». В отличие от классической модели, где стороны рассматриваются как равные рациональные игроки, восстановительная медиация работает с такими понятиями, как воссоединяющий стыд, исцеление и ответственность. Участниками процесса часто становятся не просто оппоненты, а «обидчик» и «жертва», и ключевой задачей становится создание условий для диалога, в ходе которого пострадавший может быть услышан, а правонарушитель — осознать последствия своих действий и предпринять шаги к искуплению (Карнозова, 2010).

Также можно заключить, что различие между восстановительной медиацией и медиацией по урегулированию споров лежит в плоскости их социальной миссии. Первая отвечает на запрос общества в эффективных переговорных технологиях, вторая — на потребность в

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

гуманизации правовой системы и поиске механизмов, возвращающих людям способность к пониманию и уважению даже после совершённого зла (Громов, Ефремова, 2025). Осознание этой дихотомии имеет фундаментальное значение для подготовки медиаторов и для выбора адекватного инструментария в зависимости от природы и контекста конфликта. Таким образом, модели классической и восстановительной медиации не являются простыми вариациями одной техники, а представляют собой два различных социальных института, решающих несовпадающие по своей сути задачи (Брукс, Макдона, 2016).

Неконтролируемое заимствование терминологии из сферы альтернативного разрешения гражданско-правовых споров ведет к концептуальной путанице и затрудняет практическую реализацию восстановительного подхода. Возвращение к терминологии «программы восстановительного правосудия» или «программы по заглаживанию вреда» способствовало бы более точному отражению специфики данных практик, которые, как показывает многолетний опыт работы в ряде регионов России, могут успешно осуществляться в рамках действующего правового поля при условии учета их содержательных и процедурных особенностей (Карнозова, 2015).

В контексте сравнения двух моделей медиации важно отметить их различное отношение к официальной системе правосудия и, как следствие, различную социальную миссию. Классическая медиация по урегулированию споров демонстрирует полную интеграцию в существующую правовую систему: она не просто признана государством, но и активно им внедряется в качестве инструмента процессуальной экономии. Это утилитарный подход, где ценность медиации измеряется ее способностью разгрузить суды и сэкономить ресурсы. Отличной от этого является восстановительная медиация, которая исходит из критики самой сути современных институтов уголовного правосудия, фундаментом которых является карательная парадигма. Движущей силой восстановительной медиации является убежденность в том, что карательная система не способна достичь подлинного исправления, восстановления справедливости, исцеления и укрепления социальных связей.

Заключение

Классическая и восстановительная медиация имеют общие корни и реализуются в схожих формах, однако имеют принципиальные различия в ценностях и условиях реализации. Классическая медиация исходит из равенства сторон и их интересов, дает возможность прийти к решению, удовлетворяющему обе стороны. Восстановительная медиация разделяет основные принципы классической медиации, но реализуется в условиях, которые требуют учета специфического контекста ситуации. Ценностными ориентирами восстановительной медиации являются идеи восстановительного правосудия: заглаживание вреда, осознание последствий, исцеление жертвы и восстановление нарушенных отношений в обществе. Необходимость достижения этих целей в восстановительной медиации и обуславливает наличие различий с классической медиацией.

Кроме того, наблюдается смешение дискурсов в науке и практике, что препятствует институализации восстановительного правосудия и единообразию практической реализации. Четкое разведение моделей помогает избежать подмены, когда восстановительная медиация сводится лишь к достижению соглашения и не приводит к исцелению сторон, принятию ответственности и восстановлению отношений.

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Список источников / References

1. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. (2000). *Конфликтология: Учебник для вузов*. М.: Юнити. Antsupov, A.Ya., Shipilov, A.I. (2000). *Conflictology: A Textbook for Universities*. Moscow: Unity Publ. (In Russ.).
2. *Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026)*. (2026). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 01.03.2026). *Arbitral Procedure Code of the Russian Federation from 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 15.12.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2026)*. (2026). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (viewed: 01.03.2026).
3. Башмакова, Н.И., Рыжова, Н.И., Кузнецова, О.А. (2015). Историческая ретроспектива медиации как интегративного понятия: парадигмы изучения и междисциплинарность. *Управленческое консультирование*, 6(78), 159—172. URL: <https://www.elibrary.ru/sbhddf> (дата обращения: 01.03.2026).
Bashmakova, N.I., Ryzhova, N.I., Kuznetsova, O.A. (2015). Historical Retrospective of Mediation as an Integrative Concept: Paradigms Studying and Interdisciplinary. *Administrative Consulting*, 6(78), 159—172. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/sbhddf> (viewed: 01.03.2026).
4. Бесемер, Х. (2004). *Медиация: Посредничество в конфликтах*. Пер. с нем. Калуга: Духовное познание.
Bessemer, H. (2004). *Mediation: Conflict Mediation*. Trans. from Germ. Kaluga: Dukhovnoe poznanie Publ. (In Russ.).
5. Брукс, Д., Макдона, Й. (2016). Различия между медиацией и восстановительным правосудием/практикой. *Вестник восстановительной юстиции*, 13, 108—123. URL: <https://www.elibrary.ru/xclfh1> (дата обращения: 01.03.2026).
Brooks, D., Yen, M. (2016). Differences between Mediation and Restorative Justice/Practice. *Restorative Justice Herald*, 13, 108—123. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xclfh1> (viewed: 01.03.2026).
6. Брюхина, Е.Р., Черткова, Е.А. (2021). Медиация как альтернативный способ урегулирования семейных споров в Российской Федерации. *Вестник Томского государственного университета. Право*, 40, 133—147. <https://doi.org/10.17223/22253513/40/12>
Bryukhina, E.R., Chertkova, E.A. (2021). Mediation as an Alternative Way to Resolve Family Disputes in the Russian Federation. *Tomsk State University Journal of Law*, 40, 133—147. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/22253513/40/12>
7. Воронцова, И.В., Рахматуллина, Р.М. (2025). Процедура медиации в России: понятие, сущность, принципы и история развития. *Юридический вестник ДГУ*, 53(1), 77—84. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2025-53-1-77-84>
Vorontsova, I.V., Rakhmatullina, R.M. (2025). Mediation Procedure in Russia: Concept, Essence, Principles and History of Development. *Law Herald of DSU*, 53(1), 77—84. (In Russ.). <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2025-53-1-77-84>
8. *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ: ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025*. (2025). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.03.2026).

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Civil Procedure Code of the Russian Federation from 14.11.2002 No. 138-FZ: ed. of 15.12.2025: with amendments of 22.12.2025. (2025). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (viewed: 01.03.2026).

9. Гришина, Н.В. (2023). *Психология конфликта* (3-е изд.). СПб: Питер.
Grishina, N.V. (2023). *Psychology of Conflict* (3rd ed.). Saint Petersburg: Piter Publ. (In Russ.).
10. Громов, В.Г., Ефремова, И.А. (2025). Восстановительное правосудие в местах лишения свободы. *Уголовно-исполнительное право*, 20(1-4), 50—56. [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2025.20\(1-4\).1.050-056](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.050-056)
Gromov, V.G., Efremova, I.A. (2025). Restorative justice in places of deprivation of liberty. *Penal Law*, 20(1-4), 50—56. (In Russ.). [https://doi.org/10.33463/2687-122X.2025.20\(1-4\).1.050-056](https://doi.org/10.33463/2687-122X.2025.20(1-4).1.050-056)
11. Зер, Х. (2002). *Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание* (Л.М. Карнозова, общ. ред.). Пер с англ. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа».
Zehr, H. (2002). *Restorative Justice: A New Perspective on Crime and Punishment* (L.M. Karnozova, ed.). Trans. from Eng. Moscow: Center for Judicial and Legal Reform Publ. (In Russ.).
12. Зер, Х. (2015). Восстановительное правосудие, медиация и альтернативное разрешение споров. *Вестник восстановительной юстиции*, 12, 10—11. URL: <https://www.elibrary.ru/xcbuot> (дата обращения: 01.03.2026).
Zehr, H. (2015). Restorative justice, mediation and ADR. *Restorative Justice Herald*, 12, 10—11. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xcbuot> (viewed: 01.03.2026).
13. Иванова, Е.Н. (2021). Медиация как междисциплинарное сотрудничество. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 1(44), 343—348. <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3297>
Ivanova, E.N. (2021). Mediation as Interdisciplinary Cooperation. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, 1(44), 343—348. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3297>
14. Иванова, О.А., Суртаева, Н.Н. (2015). *Конфликтология в социальной работе: Учебник и практикум для академического бакалавриата*. М.: Юрайт.
Ivanova, O.A., Surtaeva, N.N. (2015). *Conflictology in Social Work: A Textbook and Practicum for Academic Bachelor's Degree*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).
15. Карнозова, Л.М. (2010). Восстановительная медиация: базовые идеи и направления развития (заметки к обсуждению темы). *Вестник восстановительной юстиции*, 7, 18—28. URL: <https://www.elibrary.ru/xccgsd> (дата обращения: 01.03.2026).
Karnozova, L.M. (2010). Restorative Mediation: Basic Ideas and Directions of Development (Notes on the Discussion of the Topic). *Restorative Justice Herald*, 7, 18—28. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xccgsd> (viewed: 01.03.2026).
16. Карнозова, Л.М. (2024а). *Введение в восстановительное правосудие (медиация в ответ на преступление)*. М.: Проспект.
Karnozova, L.M. (2024a). *Introduction to Restorative Justice (Mediation in Response to Crime)*. Moscow: Prospect Publ. (In Russ.).
17. Карнозова, Л.М. (2024б). Дискурсы примирения и проблемы институционализации примирительных процедур по уголовным делам. *Психология и право*, 14(2), 239—253. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140217>

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

- Karnozova, L.M. (2024). Reconciliation Discourses and Problems of Institutionalization of Reconciliation Procedures in Criminal Cases. *Psychology and Law*, 14(2), 239—253. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140217>
18. Карнозова, Л.М. (2015). Различение медиации в рамках восстановительного правосудия и медиации из сферы урегулирования частноправовых споров. *Вестник восстановительной юстиции*, 12, 4—9. URL: <https://www.elibrary.ru/xcbuoj> (дата обращения: 01.03.2026).
Karnozova, L.M. (2015). Distinguishing Mediation within Restorative Justice and Mediation in the Sphere of Private Law Disputes Resolution. *Restorative Justice Herald*, 12, 4—9. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/xcbuoj> (viewed: 01.03.2026).
19. Карпенко, А.Д., Осиновский, А.Д. (Ред.). (2016). *Медиация: Учебник*. СПб: АНО «Редакция журнала «Третейский суд»; М.: Статут.
Karpenko, A.D., Osinovsky, A.D. (Eds.). (2016). *Mediation: A Textbook*. Saint Petersburg: Editorial Board of the Arbitration Court Journal Publ.; Moscow: Statut Publ. (In Russ.).
20. *Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ* (ред. от 29.12.2025). (2025). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 01.03.2026).
Code of Administrative Procedure of the Russian Federation from 08.03.2015 No. 21-FZ (ed. of 29.12.2025). (2025). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (viewed: 01.03.2026).
21. Коновалов, А.Ю. (2014). Медиация в системе образования: обзор опыта разных стран. *Психологическая наука и образование*, 6(3), 18—30. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2014_n3/71332 (дата обращения: 01.03.2026).
Konovalov, A.Yu. (2014). Mediation in the education system: a review of the experience of different countries. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 6(3), 18—30. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2014_n3/71332 (viewed: 01.03.2026).
22. Кристи, Н. (1999). *Конфликт как собственность*. Пер. с англ. М.: Центр содействия реформе уголовного правосудия.
Christie, N. (1999). *Conflict as Property*. Trans. from Eng. Moscow: Center for the Promotion of Criminal Justice Reform. (In Russ.).
23. Кушнарева, Л.В. (2017). Понятие и история становления института медиации. В: С.В. Потапенко (ред.), *Актуальные проблемы гражданского судопроизводства: материалы межвузовской научно-практической конференции* (с. 292—298). Краснодар: КубГУ. URL: <https://www.elibrary.ru/zrhpsj> (дата обращения: 01.03.2026).
Kushnareva, L.V. (2017). The Concept and History of the Formation of the Institution of Mediation. In: S.V. Potapenko (Ed.), *Current Issues of Civil Procedure: Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference* (pp. 292—298). Krasnodar: Kuban State University Publ. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/zrhpsj> (viewed: 01.03.2026).
24. Летова, Н.В. (2024). Медиация как способ урегулирования семейных споров. *Вестник Российской правовой академии*, 3, 189—199. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199>
Letova, N.V. (2024). Mediation as a Way to Resolving Family Disputes. *Herald of the Russian Law Academy*, 3, 189—199. (In Russ.). <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199>
25. Маслова, В.М. (2020). Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы. *Образование. Наука. Научные кадры*, 1, 114—116.

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

<https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10027>

Maslova, V.M. (2020). The Mediation Process as a Method of Developing a Viable Solution to the Problem. *Education. Science. Scientific Personnel*, 1, 114—116. (In Russ.).

<https://doi.org/10.24411/2073-3305-2020-10027>

26. Момотов, В.В. (2024). Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: законодательные новеллы и перспективы дальнейшего развития. *Lex Russica*, 77(5), 9—21.

<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.009-021>

Momotov, V.V. (2024). Conciliation Procedures in the Civil Process: Legislative Innovations and Prospects for Further Development. *Lex Russica*, 77(5), 9—21. (In Russ.).

<https://doi.org/10.17803/1729-5920.2024.210.5.009-021>

27. Носырева, Е.И. (2005). *Альтернативное разрешение споров в США*. М.: Городец.

Nosyreva, E.I. (2005). *Alternative Dispute Resolution in the USA*. Moscow: Gorodets Publ. (In Russ.).

28. Пастухова, Е.Г. (2025). От наказания к диалогу: практика школьных служб примирения. *Социальная психология и общество*, 16(2), 155—176.

<https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>

Pastukhova, E.G. (2025). From punishment to dialogue: the practice of school reconciliation services. *Social Psychology and Society*, 16(2), 155—176. (In Russ.).

<https://doi.org/10.17759/sps.2025160210>

29. Распопова, Н.И. (2026). *Медиация: Учебник для вузов* (2-е изд., перераб. и доп.). М.: Юрайт.

Raspopova, N.I. (2026). *Mediation: A Textbook for Universities* (2nd rev. and exp. ed.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.).

30. Стребков, А.И., Карпенко, А.Д., Сеидов, Ш.Г. (2025). Философия медиации как способ урегулирования конфликтов: концептуальные положения. *Правовая культура*, 1(60), 89—96. URL: <https://www.elibrary.ru/ikscya> (дата обращения: 01.03.2026).

Strebkov, A.I., Karpenko, A.D., Seidov, Sh.G. (2025). Philosophy of Mediation as a Method of Conflict Resolution: Conceptual Provisions. *The Legal Culture*, 1(60), 89—96. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ikscya> (viewed: 01.03.2026).

<https://www.elibrary.ru/ikscya> (viewed: 01.03.2026).

31. Сушкова, Н.С., Кирилов, В.А., Васильченко, П.С. (2024). Трехкомпонентный подход как расширение возможностей применения медиации в бизнесе. *Современная экономика: проблемы и решения*, 11(179), 161—174. <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/11/161-174>

<https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/11/161-174>

Sushkova, N.S., Kirilov, V.A., Vasilchenko, P.S. (2024). A three-component approach, as an extension of the possibilities of mediation in business. *Modern Economics: Problems and Solutions*, 11(179), 161—174. (In Russ.). <https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/11/161-174>

<https://doi.org/10.17308/meps/2078-9017/2024/11/161-174>

32. *Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026)*. (2026). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.03.2026).

Criminal Procedure Code of the Russian Federation from 18.12.2001 No. 174-FZ (ed. of 20.02.2026). (2026). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (viewed: 01.03.2026).

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (viewed: 01.03.2026).

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

33. *Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу)*. (2001). М. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093> (дата обращения: 01.03.2026).
Criminal Procedure Code of the RSFSR from 27.10.1960 (expired). (2001). Moscow. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010093> (viewed: 01.03.2026).
34. *Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026)*. (2026). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.03.2026).
Criminal Code of the Russian Federation from 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 20.02.2026). (2026). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (viewed: 01.03.2026).
35. Умбрайт, М. (2001). Гуманистический подход к посредничеству в разрешении конфликтов: путь преобразования, путь миротворчества. *Вестник восстановительной юстиции*, 3, 88—101.
Umbrait, M. (2001). Humanistic Approach to Mediation in Conflict Resolution: The Path of Transformation, the Path of Peacemaking. *Restorative Justice Herald*, 3, 88—101. (In Russ.).
36. *Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ*. (2010). М. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 01.03.2026).
Federal Law "On Alternative Procedure for Dispute Resolution with the Participation of a Mediator (Mediation Procedure)" from 27.07.2010 No. 193-FZ. (2010). Moscow. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (viewed: 01.03.2026).
37. Фишер, Р., Юри, У. (1990). *Путь к согласию, или Переговоры без поражения*. Пер. с англ. М.: Наука.
Fischer, R., Ury, W. (1990). *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. Trans. from Eng. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.).
38. Ханаева, Ф.М., Шатверян, Н.Г. (2025). Ретроспектива развития института медиации в сфере труда. *Вестник науки*, 3(84), 140—150. URL: <https://www.elibrary.ru/qxwqdv> (дата обращения: 01.03.2026).
Khanaeva, F.M., Shatveryan, N.G. (2025). Retrospective of the Development of the Institute of Mediation in the Sphere of Labor. *Science Bulletin*, 84(3), 140—150. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/qxwqdv> (viewed: 01.03.2026).
39. Холоимова, А.С., Клебанов, Л.Р. (2025). Уголовно-правовые контуры восстановительного правосудия. *Пенитенциарная наука*, 19(3), 252—260. <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2025.71.3.003>
Kholoimova, A.S., Klebanov, L.R. (2025). Criminal Law Contours of Restorative Justice. *Penitentiary Science*, 19(3), 252—260. (In Russ.). <https://doi.org/10.46741/2686-9764.2025.71.3.003>
40. Шамликашвили, Ц.А. (2014). Медиация как междисциплинарная наука и социально значимый институт. *Психологическая наука и образование*, 19(2), 5—14. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2014_n2/69932 (дата обращения: 01.03.2026).
Shamlikashvili, T.A. (2014). Mediation as an interdisciplinary science and socially important institute. *Psychological Science and Education*, 19(2), 5—14. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2014_n2/69932 (viewed: 01.03.2026).

Грудников Н.С., Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

41. Daly, K., Immarigeon, R. (1998). The Past, Present, and Future of Restorative Justice: Some Critical Reflections. *Contemporary Justice Review*, 1(1), 21—45.

Информация об авторах

Никита Сергеевич Грудников, аспирант Аспирантской школы по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3038-8344>, e-mail: grudnikov1998@mail.ru

Екатерина Георгиевна Пастухова, аспирант кафедры социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), Москва, Российская Федерация; ассистент кафедры юридической психологии и права, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Information about the authors

Nikita S. Grudnikov, Postgraduate Student of the Doctoral School of Sociology, HSE University, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-3038-8344>, e-mail: grudnikov1998@mail.ru

Ekaterina G. Pastukhova, Postgraduate Student of the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Teaching Assistant of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-0068-0972>, e-mail: paseka0706@gmail.com

Вклад авторов

Грудников Н.С. — аннотирование; сбор и анализ источников по восстановительной медиации; написание и оформление рукописи.

Пастухова Е.Г. — идея исследования; планирование исследования; сбор и анализ источников по классической медиации, написание и оформление рукописи.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Nikita S. Grudnikov — preparation of annotations; collection and analysis of sources on restorative mediation; writing and editing of the manuscript.

Ekaterina G. Pastukhova — research idea; research planning; collection and analysis of sources on classical mediation; writing and editing of the manuscript.

The authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Грудников Н.С, Пастухова Е.Г. (2026)
Ценностные основания классической
и восстановительной медиации:
сравнительный анализ двух моделей посредничества
Психология и право, 16(2), 198—214.

Grudnikov N.S., Pastukhova E.G. (2026)
The value foundations of classical and
restorative mediation: a comparative
analysis of the two mediation models
Psychology and Law, 16(2), 198—214.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 15.03.2026
Поступила после рецензирования 15.04.2026
Принята к публикации 20.04.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.03.15
Revised 2026.04.15
Accepted 2026.04.20
Published 2026.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Социально-психологический контекст подчинения праву в англо-американском юридическом позитивизме: эволюция позиций

М.Д. Горбунов¹ ✉

¹ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

✉ maxandgor@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Объяснение процессов подчинения праву относится к ключевым вопросам правовой теории, влияющим на формирование механизма правового регулирования. Отечественная позитивистская догма права демонстрирует ограниченное понимание социально-психологических аспектов правового поведения. Это обстоятельство определяет необходимость расширения теоретического обоснования данных процессов, в том числе за счет опыта альтернативной правовой доктрины. **Цель.** Провести анализ эволюции моделей подчинения праву в рамках англо-американского юридического позитивизма в процессе интеграции социально-психологических аспектов правового поведения. **Материалы.** Взгляды ключевых представителей направления демонстрируют значительное разнообразие — от упрощенной модели принуждения к комплексным концепциям, учитывающим когнитивные и социальные механизмы правовой легитимности и законопослушного поведения. Рассматриваемые концепции демонстрируют динамику развития по линии трансформации — от парадигмы страха наказания к принятию права как обязательной сложившейся нормативной практики, при последующем утверждении важной роли рационального признания авторитета и значения коммуникативных практик и институционального доверия. **Результаты.** Делается вывод о том, что данные теоретические разработки: во-первых, раскрывают социально-психологические основания правового поведения и правосознания; во-вторых, предлагают новые подходы к поддержанию законопослушного и профилактике девиантного поведения. **Выводы.** Полученные результаты имеют значительный практический потенциал в сфере имплементации междисциплинарных разработок в сфере совершенствования правового воспитания и социализации, разработки критериев профессиональной деятельности должностных лиц и повышения эффективности правового воздействия через механизмы правореализации.

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

Ключевые слова: юридический позитивизм, правопонимание, англо-американская правовая мысль, правовое поведение, правосознание, практический разум, нормативное регулирование, легитимность

Для цитирования: Горбунов, М.Д. (2026). Социально-психологический контекст подчинения праву в англо-американском юридическом позитивизме: эволюция позиций. *Психология и право*, 16(2), 215—228. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160213>

Socio-psychological context of obedience to law in Anglo-American legal positivism: evolution of views

M.D. Gorbunov ¹ ✉

¹ Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ maxandgor@gmail.com

Abstract

Context and relevance. Explanation of the processes of submission to the law is one of the key issues of legal theory influencing the formation of the mechanism of legal regulation. Domestic positivistic dogma of law demonstrates a limited understanding of the socio-psychological aspects of legal behavior. This circumstance determines the need to expand the theoretical substantiation of these processes, including through the experience of alternative legal doctrine. **Objective.** To analyze the evolution of models of submission to the law within the framework of Anglo-American legal positivism in the process of integrating the socio-psychological aspects of legal behavior. **Materials.** The views of key representatives of the direction demonstrate significant diversity from a simplified model of coercion to complex concepts that take into account the cognitive and social mechanisms of legal legitimacy and law-abiding behavior. The concepts under consideration demonstrate the dynamics of development along the transformation line: from the paradigm of fear of punishment to the acceptance of the law as a mandatory established normative practice, with the subsequent affirmation of the important role of rational recognition of authority and the significance of communicative practices and institutional trust. **Results.** It is concluded that these theoretical developments: firstly, reveal the socio-psychological foundations of legal behavior and legal consciousness; secondly, offer new approaches to maintaining law-abiding behavior and preventing deviant behavior. **Conclusions.** The obtained results have significant practical potential in the field of implementing interdisciplinary developments in the field of improving legal education and socialization, developing criteria for the professional activities of officials and increasing the effectiveness of legal influence through mechanisms of law enforcement.

Keywords: legal positivism, legal understanding, Anglo-American legal thought, legal behavior, legal consciousness, practical reason, normative regulation, legitimacy

For citation: Gorbunov, M.D. (2026). Socio-psychological context of obedience to law in Anglo-American legal positivism: evolution of views. *Psychology and Law*, 16(2), 215—228. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160213>

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

Введение

Одним из ключевых вопросов правопонимания и организации нормативного регулирования в обществе в целом является проблема обоснования практики подчинения праву и мотивов правомерного поведения на индивидуальном и общественном уровнях. В правовом позитивизме, одном из ключевых направлений юридической мысли, рассматриваемый вопрос традиционно связывается с организацией отношений власти и подчинения в социуме (Варламова, 2008). Вместе с тем такое объяснение имеет множество трактовок и претерпело существенную модернизацию от классических к современным концепциям. Позитивистское правопонимание в России до сих пор занимает главенствующую позицию в правовой теории и формировании правосознания юристов, что во многом обуславливает особенности правотворческой и правоприменительной деятельности, понимания законопослушного и противоправного поведения граждан и воздействия на него. Критика недостатков в виде формализма, правовой деформации и недостаточного внимания к теме правосознания, проактивного участия граждан в государственно-правовых процессах давно заняла значимое место в отечественном научном дискурсе (Борисова, 2016; Ильина, Туманова, 2023; Сорокин, 2019). Однако отечественная догма сохраняет и сегодня достаточно консервативные установки, связанные с правовым позитивизмом (Баранов, 2015; Малько и др., 2022). В свою очередь, в альтернативной англо-американской парадигме можно наблюдать значительную эволюцию подходов.

Жесткая модель родоначальника правового позитивизма, Джона Остина (John Austin), основанная на формальном подчинении командам власти, сменилась значительно более сложными концепциями таких значимых правоведов, как Герберт Харт (Herbert Hart), Джозеф Раз (Joseph Raz) и Нейл МакКормик (Neil MacCormick), рассматривающих право через призму сложных нормативных практик, социальных конвенций и рационального авторитета. Современный англо-американский позитивизм привносит значительно более широкий социально-психологический контекст, вплоть до перехода в междисциплинарную плоскость, предлагая комплексное понимание оснований правового поведения индивида.

Представляется, что рассмотрение идей англо-американского правового позитивизма в их развитии обладает значительным потенциалом для российской правовой теории и юридической практики, поскольку, с одной стороны, способно обогатить методологический аппарат научных исследований по данной проблематике, а с другой стороны, выработать ряд критических замечаний для преодоления недостатков отечественной правовой системы. Восприятие альтернативных установок позволит внести весомый вклад в теоретический и практический процесс совершенствования механизма правового регулирования и расширения его связи с социально-психологическим контекстом человеческого поведения. Конкурирующая позитивистская доктрина обладает потенциалом источника правоведческого опыта, который может быть эффективно использован в отечественной доктрине для преодоления акцентуации на формальной принудительности правового воздействия, особенно в контексте междисциплинарных связей, которые становятся сегодня все более важными при изучении проблем правового поведения и имплементации новых знаний на практике.

При такой степени значимости вопроса данное теоретическое исследование на стыке вопросов философии права, юридической психологии и социологии власти может продемонстрировать значимые результаты. В работе раскрывается процесс трансформации взглядов от принудительной модели подчинения к концепциям, основанным на рациональной

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

модели принятия норм, которые по-новому раскрывают психологические факторы правовой социализации, механизмы формирования законопослушного поведения и условия легитимации официальной власти. Рассматриваемые теоретические модели напрямую связаны с актуальными проблемами юридической психологии, включая вопросы правосознания, правоприменения и профилактики противоправного поведения.

Джон Остин и привычка подчинения

Джон Остин (1790—1859) является ключевым представителем классического правового позитивизма, разработавшим командную концепцию права (command theory). В основе теории правоведа лежит ключевая установка, определившая его понимание нормативности права и правового поведения индивидов — аналитический подход, подразумевающий изучение права как самостоятельного предмета познания, существующего в отрыве от морали и других категорий, вносящих неясность при его понимании (Halpin, 2013, p. 15—40).

Предметом изучения Остина стали позитивные социальные связи, а именно отношения власти и подчинения, образующие строго формальную нормативную систему, основанную на приказах суверена (Austin, 1995, p. 166). Право — это принудительная команда (императивный приказ) суверена общего характера, обращенная к подвластному, обеспеченная санкцией в случае неподчинения (Austin, 1995, p. 117—118). Остин образует форму запретительной нормы и простую модель подчинения из страха, распространяя ее на право в целом. Право, по Остину, выступает инструментом контроля поведения, а правовое поведение сводится к фактическому повиновению воле власти.

В основе нормативности права и законопослушного поведения, с позиции Остина, лежит привычка подчинения (habit of obedience), формирующая психологически принудительную модель мотивации человеческого поведения через страх наказания и коллективную инерцию (рефлекса) подчинения (Austin, 1995, p. 145—155). Люди подчиняются праву не потому, что оно справедливо или морально оправдано, а потому, что привыкли подчиняться суверену. Важным в установлении такой привычки является поддержание фактической практики силового принуждения, когда осуществляется централизованное внешне выраженное целенаправленное насилие в отношении не подчинившихся команде со стороны органов власти, действующих от имени суверена.

Остин, таким образом, представил волюнтаристскую принудительную модель подчинения праву, воспроизводящую базовые элементы управления в обществе на уровне формирования запретов и поддержания их соблюдению. Такое простое понимание уже при жизни правоведа не отражало новые практики развивающихся правовых систем, а потому практически сразу подверглось масштабной критике (Postema, 2012, p. 40—41). Основные замечания были связаны в первую очередь с тем, что практика существования права не ограничивается установлением запретов и вынесением императивных приказов, а потому подчинение праву не может быть охарактеризовано в таких простых категориях. Во-первых, право не только регулирует запреты, но и предоставляет права, полномочия и статусы. Во-вторых, простая привычка не объясняет феномен обязанности и нормативный длящийся характер правовой системы. В авангарде этой критики встал Герберт Харт, открыв дорогу для более сложного многоаспектного обоснования подчинения праву.

Герберт Харт и правило признания

Герберт Харт (1907—1992) — один из наиболее влиятельных правоведов XX века, с которого начался современный этап развития англо-американского юридического позитивизма, благодаря переосмыслению ключевых положений классической остиновской юриспруденции (Summers, 1966). Харт утверждает, что право существует благодаря сложившимся общественным практикам, в рамках которых формируются правила различного рода, включая управомочивающие, и правила, распространяющие свое действие на официальных лиц. В вершине иерархии правовой системы находится правило признания (rule of recognition), определяющее, какие нормы являются действительными, решая тем самым проблему непрерывности права как социальной практики (Харт, 2007, с. 110—115).

Ключевым принципиальным выводом правоведа, позволившим по-новому взглянуть на практику подчинения праву, является утверждение, что люди подчиняются праву не по привычке из закрепившегося страха перед практикой наказания, а потому что оно образуется через систему обязательств (Харт, 2007, с. 87—96).

Харт различает обязанность (duty) по внешнему принуждению, обеспеченному страхом наказания, и обязательство (obligation) как внутреннее признание обязывающей нормы и необходимости соответствия ей. Такое разграничение привело правоведа к новому пониманию подчинения праву через теорию точек зрения (points of view). Точка зрения индивида на право может принимать вид: во-первых, внешней (external), т. е. наблюдения за правом как за неким социальным фактом организации практики всеобщего подчинения, которая характерна для большинства граждан, не обладающих специальными юридическими знаниями и надлежащей степенью осознанности; во-вторых, внутренней (internal), т. е. принятия правил в качестве руководства к действию, ввиду понимания их обязывающей природы как необходимой для качественной реализации права (Харт, 2007, с. 94—109). Практика подчинения праву формирует систему нормативных отношений, где официальные лица принимают правовую систему, а правовые нормы используются как основания для оценки поведения и формирования внешне осознаваемой нормативной практики. При этом Харт делает важное уточнение, что мотивы граждан не имеют принципиального значения и для них достаточно лишь обеспечения фактического подчинения остиновского типа, поскольку поддержание правовой системы связано с определением и применением правил официальными лицами (Харт, 2007, с. 120—121).

Таким образом, Харт указывает на то, что подчинение праву держится не на страхе наказания, а на системе правил при институциональной поддержке официальных лиц, действующих в рамках системы, формирующей определенные нормативные ожидания от ее реализации. Правовед отказывается от волюнтаристского понимания права Остина в пользу социально ориентированной модели живой системы, построенной на правиле признания, обладающем внутренней нормативностью, связанной с руководящей функцией права. В результате общепризнанным в англо-американской литературе стало признание теории Харта ключевой для актуального научного дискурса (Vix, 2009, p. 102).

Концепция точек зрения определила дальнейшее расширение социально-психологического обоснования механизма подчинения праву, однако на уровне самой хартовской концепции ограничилась лишь обоснованием признания права как обязательного со стороны официальных органов и должностных лиц, как обладающих особой экспертностью и рациональным пониманием необходимости установления правового порядка. В свою очередь,

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

как справедливо отмечено в следующих за Хартом исследованиях: «Чтобы понять закон и правовой порядок, вы должны понимать его с точки зрения пользователя, а не производителя... по ряду важных пунктов его [Харта] теория оказалась ошибочной или недостаточной» (MacCormick, 2008, p. 18—19).

Фактически критика Харта во многом может быть переложена и на реалии российского права, поскольку повторяет ряд проблемных аспектов, связанных с институциональной концентрацией на формальном действии права, интересах и задачах официальных органов, при недостаточном внимании к формированию проактивного правового поведения, рационального принятия права как обязательного со стороны индивидов. На эти аспекты было обращено пристальное внимание в современных теориях учеников Харта — Джозефа Раза и Нейла МакКормика. Основу для ответа его последователей составила широкая междисциплинарная база, включающая в себя систему аналитико-философских исследований в сфере теории социальных фактов, авторитета власти и практического разума индивидов (Vix, 2009).

Джозеф Раз и основания для действий

Джозеф Раз (1939—2022) — один из наиболее авторитетных последователей Харта, оказавший значительное влияние на развитие правового позитивизма в англо-американском научном пространстве на современном этапе. Ключевое место в его правовой теории занимает концепция авторитета права (*authority of law*), в рамках которой произведено обоснование причин подчинения человека правовым нормам и механизма принятия юридически значимых решений.

Раз утверждает, что право действует в широком социальном контексте политико-социальных отношений и его существование прямо обусловлено закономерностями принятия практических решений. В своем поведении люди руководствуются нормативными схемами поведения, которые формируют основания для действий (*reasons*). Оптимизация деятельности, исходя из необходимости принятия наиболее экспертного и эффективного решения, занимает важное место в жизни человека (Raz, 1999, p. 18—39).

Правовед также указывает на то, что человек обладает моральной автономией (*moral autonomy*) и свободен в выборе того или иного основания для действия по собственному выбору, исходя из своих знаний, степени экспертности и внутренних рациональных аргументов (Raz, 1986, p. 40—53). Вместе с тем автономия человека не абсолютна, поскольку отсутствие какого-либо координирующего начала лишает человека свободы. Реализация своей автономности возможна при доступе к адекватным вариантам выбора и социальных условиях, упрощающих такой выбор. Именно директивы власти в форме права могут предоставлять такое координирующее начало.

Право в теории правоведа представляет собой систему оснований для действий особого рода, которые исключают индивидуальные оценки вариантов поведения, заменяя личные рассуждения и необходимость выбора (Raz, 1985, p. 12). При этом право, с одной стороны, требует формального подчинения в системе публичной власти, но его нормативная сила зависит от авторитета. Авторитет права зависит от того, что Раз называет «тезисом нормативного оправдания» (*normal justification thesis*) — подчинение праву должно помогать индивиду лучше соответствовать объективным причинам для действий, т. е. лучше соблюдать те требования, которые уже существуют независимо от директив власти (Raz, 1986, p. 40—53).

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

То есть индивиды будут соблюдать только те нормы, которые к ним реально относятся и восполняют их потребность в нормативном руководстве и оптимизации рационального выбора.

Принципиальным для Раза представляется то, что подчинение праву является не следствием общего морального обязательства, существование которого он отрицает, а актом практического разума (*practical reason*), как следствия общей способности человека к совершению рациональных действий по своему выбору и оцениванию их результатов (Raz, 1999, p. 18—39). К числу рациональных аргументов в пользу подчинения праву, исходя из концепции правоведа, можно выделить следующие:

— экспертное руководство — право предлагает наиболее эффективные образы действий и правила, сформированные на основании специальных знаний, учитывающих больший объем информации, чем на то способен отдельный индивид;

— координация поведения — право согласует коллективные интересы и повышает чувство безопасности и кооперации в обществе, в том числе через чувство принадлежности к нормативной общности и наличие обязательств перед ней (White, 1982).

Достигается это в том числе с помощью формальных свойств права, тем, что оно должно основываться на социальных источниках и быть доступными для идентификации без необходимости отсылки к моральным аргументам (White, 1982). Данные установки делают подход Раза более инструментальным и человекоцентричным, чем чисто аналитический позитивизм его учителя — Харта.

Вместе с тем теория Раза сохраняет важный вопрос о том, насколько разум индивида действительно практичен и не связаны ли его решения с заблуждениями и субъективным моральным обоснованием. Как отмечается в литературе: «Концепция [Раза], похоже, не принимает во внимание все множество разнообразных причин, которые люди могут иметь для своих действий» (Molin, 2016, p. 35). Теория действительно не учитывает спектр иррациональных мотивов, которым может руководствоваться человек при принятии решения о подчинении праву. Действительно, ряд современных междисциплинарных исследований подтверждает объяснение нормативности права через значительное многообразие мотиваций, в частности: чувства уважения к праву и правовой законности; стремления построения системы автономного контроля для обеспечения безопасности; самоидентификации как носителя социальных ролей и статусов (Gutmann, Thompson, 1996; Hershovitz, 2011; Tyler, 2006).

В итоге теория Раза демонстрирует значительное напряжение внутри позитивистской теории касательно обоснования нормативности права через практический разум и его связи с моральными аргументами. Значительно дальше в стремлении примирить правовой позитивизм и все многообразие рациональных и иррациональных оснований подчинения праву и законопослушного поведения пошел Нейл МакКормик.

Нейл МакКормик и правовая аргументация

Нейл МакКормик (1941—2009), продолжая общую линию Харта, разработал институциональную теорию права, в которой право рассматривается как особая система социальных фактов (*social facts*) конвенциональной природы, определяющих человеческое поведение в рамках институтов. Продолжая общую теорию аналитической философии,

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

МакКормик признает, что правила в обществе складываются в социальных практиках в процессе принятия их индивидами (MacCormick, 1986, p. 21—56). Существование нормативного порядка (normative order) МакКормик считает органичным, поскольку индивиды в его представлении являются естественными пользователями норм (MacCormick, 2007, p. 14—18). В таком контексте стремление к упорядочиванию своей жизни является рациональным, однако степень принятия той или иной системы правил зависит от уровня их эффективности, а наивысшая ее точка достигается в правовом порядке.

Право представляет собой систему социальных фактов, формирующих институциональный (institutional) нормативный порядок (MacCormick, 2007, p. 35). Ее приоритет по отношению к простым социальным нормам заключается в понятности правовых предписаний и формировании институтов официальных лиц, способных доносить до индивидов их содержание, что тесно связано с достижением формальной определенности, системности и коммуникативности (MacCormick, 2007, p. 20—25).

Право с позиции МакКормика связано с практическим разумом индивидов, т. е. его принятие представляет собой сложный процесс взаимной коммуникации, где любое официальное предписание должно получить общественное одобрение (MacCormick, 2007, p. 260). Отношение граждан к праву и, как итог, их правосознание формируются через коммуникативный опыт взаимодействия с правовыми институтами. Официальные лица должны демонстрировать рационально правильные и эффективные решения, т. е. способные лучшим образом регулировать общественные отношения (MacCormick, 2007, p. 20—23).

Рациональные рассуждения индивида о необходимости признания правовых предписаний исходят из следующих основных аспектов:

- обоснованность в рамках системы: законодательные и правоприменительные акты должны быть согласованы между собой и непротиворечивы в системе нормативного регулирования, что способствует их восприятию индивидами как обязательных;
- процессуальная справедливость: обеспечение прозрачности, публичности и демократичности процедуры принятия юридически значимых решений при участии граждан как гражданской общности, что связывает всех ее членов в рамках коллективного принятия;
- нормативная социализация: установление общих норм координации и согласования интересов в процессе взаимодействия между индивидами и официальными лицами, что позволяет воспринимать их как предмет общественного согласия и условие вхождения в социум.

Таким образом, правовые нормы требуют постоянного обоснования на предмет соответствия практической рациональности. В итоге МакКормик приходит к выводу об аргументативности права как явления (MacCormick, 2007, p. 242). При этом подчинение праву не требует морального одобрения каждой нормы системы, поскольку право обосновывается как институциональная практика. Право должно быть убедительно для обеспечения соблюдения его предписаний. Такой процесс убеждения определяет особую ответственность официальных лиц, которые, с одной стороны, должны демонстрировать обоснованность и согласованность своих решений, а с другой стороны, определять общие стандарты убедительной аргументации. Как отмечает сам МакКормик: «Судья должен обладать долей мудрости Соломона» при принятии решений, поскольку они являются частью большого

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

процесса формирования институционального нормативного порядка (MacCormick, 2005, p. 81).

В итоге подчинение праву, по МакКормику, представляет собой акт рационального признания в коммуникативной системе перманентного обоснования эффективности права. Вместе с тем практика аргументативного признания должна быть согласована с требованием формального подчинения, которое право продолжает предъявлять. Представляется, что здесь возникает уже проблема сохранения догматических рамок и преемственности правовому позитивизму. С другой стороны, теория МакКормика демонстрирует значимый вывод о необходимости расширения теоретических подходов и обновления методологии для формирования более комплексной модели подчинения праву, способной учитывать широкий социально-психологический контекст.

Результаты и обсуждение

На основании проведенного исследования видно, что эволюция идеи подчинения во взглядах Остина, Харта, Раза и МакКормика отражает поступательное движение примитивных моделей принуждения к комплексным теориям легитимности, имеющим широкий социально-психологический контекст.

Изменение в понимании вопроса можно тезисно представить следующим образом в связи с моделями правомерного поведения.

1. Джон Остин: контекст подчинения определяется привычкой повиновения и страхом санкций, в результате чего формируется простая психологическая модель «стимул-реакция» вследствие императивной команды, при неучете более ложных когнитивных и социальных факторов. Подобным образом можно описать соблюдение запретительных норм гражданами.

2. Герберт Харт: подчинение производится через внутреннее восприятие норм как руководства к действию при включении в сложившуюся социальную практику, в которой нормы являются признанными и обязательными. Акцент в данном случае сделан на принятие норм официальными лицами, которые применяют их не из страха, а потому что понимают их социальное назначение, исходя из профессионального правосознания.

3. Джозеф Раз: восприятие расширяется за счет нормативного признания права как инструмента поддержания индивидуальной автономии и когнитивной «экономии», т. е. оптимизации процессов принятия решений за счет руководства предложенными эффективными моделями поведения. Так, социально-активное правомерное поведение подразумевает высокую степень осознанности и понимания инструментальной роли правореализации.

4. Нил МакКормик: расширяется психологическая и коммуникативная составляющие за счет признания аргументативности права, т. е. активного рационального оправдания на практике, как фактора легитимности. Важным элементом признания права называется соблюдение атрибутов правовых институтов, в частности справедливости, демократичности и гласности. Так, например, публичный судебный процесс повышает доверие к правовой системе.

Более конкретно модели подчинения праву можно представить в таблице:

Таблица / Table

Теоретические модели подчинения праву
Theoretical models of obedience to law

Автор	Основной механизм подчинения	Социальный контекст	Психологический аспект
Остин	Страх санкций	Иерархическая власть	Условный рефлекс
Харт	Внутреннее восприятие	Профессиональное сообщество юристов	Диссонанс соответствия и несоответствия практике
Раз	Рациональная легитимность	Общество как объединение автономных индивидов	Когнитивная экономия
МакКормик	Аргументативное признание	Коммуникация в нормативных институтах	Процедурная справедливость

Таким образом, ключевые изменения в англо-американской позитивистской доктрине можно представить в следующих плоскостях: во-первых, от внешнего к внутреннему (от примитивной санкции к комплексной практике убеждения); во-вторых, от иррационального к когнитивно-рациональному (от рефлекторного страха к принятию через доверие).

Эволюция доктрины демонстрирует современные тенденции в правопонимании к признанию права как системы, которая должна учитывать сложный социально-психологический контекст, влияющий на правовое поведение и правосознание. При этом представленные теоретические модели подчинения праву не только обладают значительным объяснительным потенциалом, но и содержат в себе рекомендации изменения конкретных сфер правовой практики, в частности профилактики противоправного поведения. Проведенный анализ позволяет выдвинуть значимые аргументы в пользу новых подходов, смещая акцент с репрессивных мер на работу с социально-психологическими механизмами законопослушного поведения, включая следующие аспекты.

- **Формирование правовой идентичности.** Концепция Харта показывает неэффективность формального принуждения и правового «запугивания» для поддержания стабильной правовой системы. Необходимо включение граждан в правовой процесс и формирование у них внутренней точки зрения на право как практику, действующую в их интересах и формирующую ощущение собственной обязанности. Ключевую роль здесь должно играть правовое воспитание и вовлечение в юридическую практику (Борисова, 2016).
- **Рационализация правовой практики.** Взгляды Раза указывают на необходимость обращения права к рациональным аспектам принимаемых человеком решений. Строгая инструментальная ценность правовых предписаний и требование экспертности в предоставлении индивидам лучших вариантов для поведения определяет направленность правотворчества и правоприменения и ее корректировку в сторону человекоцентричности. Этому может значительно поспособствовать расширение практик низовой правотворческой инициативы и социального мониторинга в праве (Сорокин, 2019).
- **Построение правовой коммуникации.** Теория МакКормика указывает, что поскольку индивид всегда оценивает правовые практики с точки зрения эффективности, то это требует активного вовлечения государства в диалог с гражданином не только посредством правового информирования, но и вовлечения в коммуникацию через совместное принятие

юридически значимых решений. Для этого требуется не просто подтверждение реализации принципа гласности, но также построение двухканальной системы взаимодействия «государство—общество» в праве на началах процедурной справедливости и профессионализма (Ильина, Туманова, 2023).

Таким образом, осмысление рассматриваемых подходов обладает не только теоретической, но и сугубо практической ценностью, показывая необходимость перехода от практики формального принуждения к мотивирующей модели правового воздействия.

Заключение

Проведенное исследование теорий ключевых представителей англо-американского правового позитивизма демонстрирует значительную эволюцию взглядов на механизм подчинения праву. Классическая теория Остина, описывающая модель простого подчинения, несмотря на свою простоту, испытала значительное критическое давление. В результате Харт совершил переход к пониманию права как системы правил, воспринимаемой как обязательная по внутреннему признанию. Раз развил данный подход, предложив концепцию авторитета права как рационально одобряемого инструментально ценного института. МакКормик дополнил теорию институциональным измерением и коммуникативностью. Все это сформировало комплексное понимание механизмов правового воздействия и правосознания и переход от простых моделей принуждения к сложным теориям нормативности, концентрирующимся на интеграции социально-психологических аспектов человеческого поведения.

Представляется, что при сравнительном соотношении российская доминирующая теоретическая модель может быть отождествлена с некой гибридной остиново-хартонской теорией с концентрацией на принудительном компоненте. Во многом это обусловлено сложившейся исторической традицией этатизма, сверхцентрализацией правового регулирования и патерналистскими установками (Баранов, 2015; Малько и др., 2022).

Движение к более комплексным концепциям, подобным тем, что выражены во взглядах Раза и МакКормика, требует значительной интенсификации работы в сфере правового просвещения, децентрализации правового регулирования и выстраивания системы партнерского взаимодействия между индивидом и государством. Интеграция достижений англо-американской доктрины может быть подспорьем в расширении теоретической платформы этого процесса по следующим направлениям.

1. Психологические механизмы подчинения. Переход от модели подчинения из страха наказания к концепции принятия раскрывает когнитивные аспекты правосознания и формирования добровольного законопослушного поведения.

2. Рациональная легитимация права. Признание за индивидами практического разума в правовом поведении показывает необходимость поддержания инструментальной ценности права и экспертного характера юридической практики.

3. Общая правовая социализация. Вовлечение граждан в принятие правовых решений и демонстрация процессуальной справедливости формирует институциональное доверие к нормативной системе.

Таким образом, англо-американская интеллектуальная традиция сегодня является важным методологическим средством для решения актуальных проблем современного права в целом

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

и конкретно — для понимания природы правового поведения. Данные теоретические выводы, сформированные в альтернативной доктрине, стали возможны благодаря междисциплинарной направленности в решении фундаментальных вопросов правового воздействия на человеческое поведение, что свидетельствует о значительной перспективе выбранного подхода.

Список источников / References

1. Баранов, П.П. (2015). Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России. *Российский журнал правовых исследований*, 2(4), 7—14. <https://doi.org/10.17816/RJLS18067>
Baranov, P.P. (2015). Positivist legal thinking in jurisprudence, practice and everyday life of modern Russia. *Russian Journal of Legal Studies (Moscow)*, 2(4), 7—14. (In Russ.). <https://doi.org/10.17816/RJLS18067>
2. Борисова, С.Е. (2016). Правовая социализация личности как феномен правовой психологии. *Психология и право*, 6(4), 5—15. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060402>
Borisova, S.E. (2016). Legal socialization of personality as a phenomenon of legal psychology. *Psychology and Law*, 6(4), 5—15. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060402>
3. Варламова, Н.В. (2008). Юридический позитивизм и права человека. *Общественные науки и современность*, 1, 156—166. URL: <https://www.elibrary.ru/ipkpsd> (дата обращения: 28.07.2025).
Varlamova, N.V. (2008). Legal positivism and rights of human being. *Social Sciences and Contemporary World*, 1, 156—166. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ipkpsd> (viewed: 28.07.2025).
4. Ильина, О.Ю., Туманова, Л.В. (2023). Правовые и психологические аспекты справедливости судебной деятельности. *Психология и право*, 13(4), 216—226. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130415>
Ilyina, O.Yu., Tumanova, L.V. (2023) Legal and Psychological Aspects of Judicial Fairness. *Psychology and Law*, 13(4), 216—226. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130415>
5. Малько, А.В., Липинский, Д.А., Зрячкин, А.Н., Мусаткина, А.А. (2022). Психологические аспекты деформаций правосознания и юридической ответственности. *Психология и право*, 12(4), 140—153. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120411>
Malko A.V., Lipinsky D.A., Zryachkin A.N., Musatkina A.A. (2022). Psychological Aspects of Deformations of Legal Consciousness and Legal Liability. *Psychology and Law*, 12(4), 140—153. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120411>
6. Сорокин, В.В. (2019). Правовая психология в системе действия права. *Психология и право*, 9(1), 111—121. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090108>
Sorokin, V.V. (2019). Legal psychology in the system of law. *Psychology and Law*, 9(1), 111—121. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090108> (In Russ.).
7. Харт, Г.Л.А. (2007). *Понятие права*. Пер. с англ. СПб: СПбГУ. URL: <https://elibrary.ru/vyozjl> (дата обращения: 28.07.2025).
Hart, H.L.A. (2007). *The Concept of Law*. Trans. from Engl. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. (In Russ.). URL: <https://elibrary.ru/vyozjl> (viewed: 28.07.2025).
8. Austin, J. (1995). *The Province of Jurisprudence Determined* (W. Rumble, ed.). Cambridge: Cambridge University Press.

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

9. Bix, B.H. (2009). On Philosophy in American Law: Analytical Legal Philosophy. In: F.J. Mootz III (Ed.), *On Philosophy in American Law* (pp. 99—105). New York: Cambridge University Press.
10. Gutmann, A., Thompson, D. (1996). *Democracy and Disagreement*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
11. Halpin, A. (2013). Austin's Methodology? His Bequest to Jurisprudence. In: M. Freeman, P. Mindus (Eds.), *The Legacy of John Austin's Jurisprudence* (pp. 14—40). Dordrecht: Springer.
12. Hershovitz, S. (2011). The Role of Authority. *Philosophers' Imprint*, 11(7), 1—19. URL: <http://hdl.handle.net/2027/spo.3521354.0011.007> (viewed: 28.07.2025).
13. MacCormick, N. (2007). *Institutions of Law: An Essay in Legal Theory*. Oxford: Oxford University Press.
14. MacCormick, N. (2008). MacCormick On MacCormick. In: J.E. Fossum, A.J. Menendez (Eds.), *The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law* (pp. 11—19). Oslo: ARENA.
15. MacCormick, N. (2005). *Rhetoric and the Rule of Law: A Theory of Legal Reasoning*. Oxford: Oxford University Press.
16. MacCormick, N., Weinberger, O. (1986). *An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company.
17. Molin, E. (2016). *Legitimate Legal Authority and the Obligation to Obey: An Analysis of Joseph Raz's Arguments on Legitimate Authority: Thesis*. Uppsala University.
18. Postema, G. (2012). Legal Positivism: Early Foundations. In: A. Marmor (Ed.), *The Routledge Companion to Philosophy of Law* (pp. 31—48). New York: Routledge.
19. Raz, J. (1985). Authority and Justification. *Philosophy and Public Affairs*, 14(1), 3—29. URL: <https://www.jstor.org/stable/2265235> (viewed: 28.07.2025).
20. Raz, J. (1999). *Practical Reason and Norms*. New York: Oxford University Press.
21. Raz, J. (1986). *The Morality of Freedom*. New York: Oxford University Press.
22. Summers, R.S. (1966). The New Analytical Jurists. *New York University Law Review*, 41(5), 861—896. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/facpub/1126/> (viewed: 28.07.2025).
23. Tyler, T.R. (2006) *Why People Obey the Law*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
24. White, P.D. (1982). Law and Moral Obligation (reviewing The Authority of Law: Essays on Law and Morality by Joseph Raz). *The University of Chicago Law Review*, 49(1), 249—257. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol49/iss1/9/> (viewed: 28.07.2025).

Информация об авторах

Максим Дмитриевич Горбунов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, юридический факультет, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО ННГУ), Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>, e-mail: maxandgor@gmail.com

Information about the authors

Maxim D. Gorbunov, Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of History of State and Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>, e-mail: maxandgor@gmail.com

Горбунов М.Д. (2026)
Социально-психологический контекст подчинения
праву в англо-американском юридическом позитивизме:
эволюция позиций
Психология и право, 16(2), 215—228.

Gorbunov M.D. (2026)
Socio-psychological context of obedience
to law in Anglo-American legal positivism:
evolution of views
Psychology and Law, 16(2), 215—228.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование не требовало одобрения Этического комитета.

Ethics statement

The study did not need the approval of the Ethics Committee.

Поступила в редакцию 29.07.2025
Поступила после рецензирования 02.10.2025
Принята к публикации 02.03.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.07.29
Revised 2025.10.02
Accepted 2026.03.02
Published 2026.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

**Взаимосвязь копинг-стратегий поведения и личностного выбора
участия в экстремальном добровольчестве**

М.И. Марьин¹ ✉, В.Е. Петров¹, В.И. Екимова¹

¹ Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

✉ marin_misha@mail.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Экстремальное добровольчество — специфический вид просоциальной деятельности, при которой к выполнению задач в особых условиях на добровольной основе привлекаются гражданские лица, проявляющие высшие духовно-нравственные ценности. Методолого-теоретическая основа: базовые положения теории самодетерминации, аксиологического и субъектно-соучаствующего подходов. **Цель.** Установить характер взаимосвязи копинг-стратегий поведения и мотивации личностного выбора участия добровольцев в специальной военной операции. **Гипотеза.** Направленность личностного выбора участия в добровольчестве актуализирует проявление определенных копинг-стратегий поведения: идейный выбор — самоконтроля, принятия ответственности и положительной переоценки; прагматический выбор — дистанцирования и конфронтационного копинга. **Методы и материалы.** Выборка: 125 участников специальной военной операции. Применены опросники: 1) копинг-стратегий (Р. Лазарус, С. Фолкман) и 2) изучения личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (В.Е. Петров). Методы обработки данных: корреляционный и регрессионный анализы, оценка различий показателей в группах. **Результаты.** Установлена прямая взаимосвязь между слагаемыми личностного выбора и копинг-стратегиями. Показаны различия в группах респондентов с идейным и прагматическим типом личностного выбора. Идейные добровольцы отличаются принятием ответственности за судьбу Родины и референтного окружения, трансформацией мировоззренческих позиций в просоциальном направлении, выходом на траектории личностного роста. Добровольцы-прагматики предстают как лица с доминированием субъективно-значимых интересов и сниженной эмоциональной вовлеченностью в решение возложенных на них задач. **Выводы.** Подтверждена взаимосвязь ценностно-смысловых характеристик личности и используемых в экстремальных условиях копинг-

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

стратегий поведения. Актуализирована необходимость психологической поддержки добровольцев, укрепления духовно-нравственных качеств будущих защитников Отечества.

Ключевые слова: экстремальное добровольчество, личностный выбор, мотивация, копинг-стратегии, совладающее поведение, идейность, прагматизм

Для цитирования: Марьин, М.И., Петров, В.Е., Екимова, В.И. (2026). Взаимосвязь копинг-стратегий поведения и личного выбора участия в экстремальном добровольчестве. *Психология и право*, 16(2), 229—243. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160214>

The relationship between coping strategies of behavior and personal choice of participation in extreme volunteerism

M.I. Maryin¹✉, V.E. Petrov¹, V.I. Ekimova¹

¹ Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

✉ marin_misha@mail.ru

Abstract

Context and relevance. Extreme volunteerism is a specific type of prosocial activity in which civilians are involved in performing tasks in special conditions on a voluntary basis. The choice to participate in extreme volunteerism is based on prosocial considerations and responsibility, serves as a manifestation of civic duty and patriotism, and is focused on justice and spiritual and moral values. **Context and relevance.** Extreme volunteerism is a specific type of prosocial activity in which civilians who demonstrate the highest spiritual and moral values are involved in performing tasks in special conditions on a voluntary basis. Methodological and theoretical basis: the basic provisions of the theory of self-determination, axiological and subjective-participatory approaches. **Goal.** To establish the nature of the relationship between coping strategies of behavior and the motivation of personal choice for the participation of volunteers in a special military operation. **Hypothesis.** The orientation of personal choice to participate in volunteerism actualizes the manifestation of certain coping behavioral strategies: ideological choice — self—control, acceptance of responsibility and positive reassessment; pragmatic choice - distancing and confrontational coping. **Methods and materials.** Sample: 125 participants in a special military operation. Questionnaires have been applied: 1) coping strategies (R. Lazarus, S. Folkman) and 2) studying personal choice of participation in extreme volunteerism (V.E. Petrov). Data processing methods: correlation and regression analyses, assessment of differences in indicators in groups. **Results.** A direct relationship has been established between the components of personal choice and coping strategies. The differences in the groups of respondents with ideological and pragmatic types of personal choice are shown. Ideological volunteers are distinguished by taking responsibility for the fate of the Motherland and the reference environment, transforming ideological positions in a prosocial direction, and entering the path of personal growth. Pragmatic volunteers appear as individuals

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личностного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

with a predominance of subjectively significant interests and reduced emotional involvement in solving the tasks assigned to them. **Conclusions.** The interrelation of the value-semantic characteristics of the personality and the coping strategies of behavior used in extreme conditions is confirmed. The necessity of psychological support for volunteers, strengthening the spiritual and moral qualities of future defenders of the Fatherland is actualized.

Keywords: extreme volunteerism, personal choice, motivation, coping strategies, coping behavior, idealism, pragmatism

For citation: Marin, M.I., Petrov, V.E., Ekimova, V.I. (2026). The relationship between coping strategies of behavior and personal choice of participation in extreme volunteerism. *Psychology and Law*, 16(2), 229—243. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160214>

Введение

Сегодня темой, которая затрагивает фундаментальные интересы как России, так и в целом общества и отдельных его представителей, а также определяет современный вектор развития всех сфер жизнедеятельности людей является специальная военная операция (далее — СВО). При обсуждении связанных с ней актуальных вопросов акцент делается не только на геополитической ситуации, технологической стороне и ресурсных возможностях, но и на центральном звене — участниках боевых действий, гражданах, в той или иной степени вовлекаемых в решение проблем СВО, а также на лицах, непосредственно приближающих победу. При этом в субъектном факторе рассматривается не «функциональная единица», а личность, проявляющая гражданский долг и зрелость, патриотизм, ответственность, ориентацию на справедливость и духовно-нравственные ценности, для которой выбор участия в СВО экзистенциален и наполнен просоциальными смыслами. В едином строю защитников Отечества находятся как представители силовых ведомств, так и добровольцы. Несмотря на выраженную экстремальность деятельности, личностный выбор участия в СВО осознан и пролонгирован во времени. В известной степени именно он является своеобразным протектором развития психических реакций от действия негативных, психотравмирующих факторов.

Психологические проблемы участия в боевых действиях становятся предметом многочисленных научных исследований (Караяни, 2025; Ковин, 2023; Гулакова, Нестеренко 2025 и др.). В центр внимания, как правило, помещается личность представителя силовых ведомств, готовность к экстремальной деятельности, проблемы психологической травматизации комбатантов. При этом психологические аспекты экстремального добровольчества анализируются в объеме, далеко не соответствующем современным запросам и вызовам, связанным с проведением СВО. Если концептуальные положения психологии экстремального добровольчества достаточно полно раскрыты В.Е. Петровым (2024; 2025), то в немногочисленных публикациях Е.Г. Ичитовкиной, Н.В. Бойко, С.В. Жернова (2024), М.В. Шамардиной, К.И. Королевой, О.А. Орловой (2025) обсуждаются только отдельные грани проблемы участия в боевых действиях. К сожалению, психологических проблем, ассоциированных с экстремальным добровольчеством, гораздо больше, чем представлено в вышеуказанных и иных публикациях.

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

Принимая во внимание экстремальный характер деятельности силовых ведомств, в ряде научных работ акцент сделан на сформированности у личного состава стратегий совладающего поведения. Так, Н.И. Анчукова и К.О. Кузикова (2020) подчеркивают то обстоятельство, что военнослужащие в процессе преодоления сложных профессиональных ситуаций используют в основном проблемно ориентированные поведенческие паттерны, связанные с рациональным анализом и высоким самоконтролем. Особая значимость конструктивных копинг-стратегий в экстремальных условиях подтверждается многочисленными научными работами (Винтонюк, Мацегора, 2025; Воронина, Дарижапова, 2024; Яковлев, 2023 и др.). Согласно мнению М.В. Ковалёвой (2020), недостаточная развитость механизмов совладания потенцирует рост числа проявлений девиантности поведения у участников боевых действий (возрастает вероятность проявления игровой зависимости, неконструктивных копинг-стратегий). Взаимосвязаны копинг-стратегии и виктимность военнослужащих (Смирнова, Касперович, Баллыева, 2020), совладание и успешность реадaptации участников СВО (Новикова, Финикова, 2024). Однако при всей разработанности заявленной проблематики, в отдельных случаях в научных статьях можно встретить недостаточно обоснованные выводы относительно психологических последствий выполнения личным составом задач в экстремальных условиях (Ротманова, Ильин, 2025). Подобное обстоятельство подчеркивает актуальность изучения проблемы копинг-стратегий применительно к деятельности экстремальных добровольцев.

Проблема научного исследования состоит в наличии противоречия между необходимостью психологической поддержки экстремальных добровольцев и недостаточной изученностью вопроса взаимосвязи копинг-стратегий с личностным выбором соучаствующей деятельности.

В соответствии с проблемой исследования определены ее ключевые элементы. Объект — копинг-стратегии поведения экстремальных добровольцев. Предмет — взаимосвязь копинг-стратегий поведения экстремальных добровольцев и мотивации личного выбора участия в специальной военной операции. Цель — установить характер взаимосвязи копинг-стратегий поведения экстремальных добровольцев и мотивации личного выбора участия в специальной военной операции. В рамках исследования было выдвинуто предположение о том, что направленность личного выбора участия в экстремальном добровольчестве актуализирует проявление определенных копинг-стратегий поведения: идейный выбор — самоконтроля, принятия ответственности и положительной переоценки; прагматический выбор — дистанцирования и конфронтационного копинга.

Материалы и методы

Принимая во внимание специфику контингента респондентов (лица, выполняющие задачи в условиях СВО), в качестве *методолого-теоретической основы* исследования были определены базовые положения теории самодетерминации, аксиологического и субъектно-соучаствующего подходов, а также психотехнические аспекты реализации экстремальной деятельности. *Выборка.* В исследовании приняли участие 125 участников специальной военной операции (108 экстремальных добровольцев и 17 военнослужащих, все мужчины). Возраст — $35,0 \pm 4,8$ лет; продолжительность выполнения задач в условиях СВО — $15,3 \pm 5,6$ месяцев. *Методики:* 1) Опросник копинг-стратегий (Р. Лазарус, С. Фолкман; адаптация Т.Л. Крюковой и др.); 2) Опросник изучения личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве (В.Е. Петров). Тестовые данные были нормализованы и приведены к 9-

балльной шкале. Статистическая обработка данных проведена с использованием корреляционного и регрессионного анализа. Реализована оценка различий показателей в группах, выделенных согласно двум критериям: 1) направленность личного выбора добровольцев (группа «Лица с идейным выбором» (n = 22), группа «Лица с прагматическим выбором» (n = 75), группа «Лица с индифферентным выбором» (n = 11)); 2) категория респондентов (группа экстремальных добровольцев (n = 108), группа военнослужащих (n = 17)). Дифференциация степени выраженности личного выбора участия в СВО осуществлена на основе интегрального показателя опросника В.Е. Петрова.

Результаты

Характер взаимосвязи копинг-стратегий поведения экстремальных добровольцев и мотивации личного выбора участия в специальной военной операции изучен в четырех направлениях.

1. Взаимосвязь показателей в системе «копинг-стратегии поведения — личный выбор участия в СВО» установлена на выборке 125 человек (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Корреляционные связи между показателями копинг-стратегий поведения и личного выбора участия в СВО
Correlations between indicators of coping strategies of behavior and personal choice of participation in a special military operation

Параметры / Parameters	КС1 / KS1	КС2 / KS2	КС3 / KS3	КС4 / KS4	КС5 / KS5	КС6 / KS6	КС7 / KS7	КС8 / KS8
PrsVOr	-0,069	-0,087	0,108	-0,127	0,165	-0,122	0,109	0,451**
MrlSb	0,011	-0,233**	0,119	-0,311**	0,164	-0,205*	0,166	0,411**
IntgWv	0,067	-0,124	0,080	-0,155	0,324**	-0,129	0,145	0,579**
VlSOOr	-0,168	-0,169	0,120	-0,301**	0,138	-0,104	0,154	0,501**
MtExVl	-0,272**	-0,033	0,118	-0,149	0,169	-0,078	0,113	0,152
InttVl	-0,149	-0,104	0,117	-0,155	0,219*	-0,159	0,107	0,111
PrExAct	-0,228*	0,041	0,107	-0,135	0,046	-0,046	0,084	0,043
Dvt	-0,097	-0,472**	0,138	-0,174	0,179	-0,263**	0,132	0,122
CrThn	0,112	-0,005	0,160	-0,171	0,165	-0,051	0,460**	0,004
ExPrCg	0,022	0,005	0,131	-0,164	0,061	-0,171	0,132	0,279**
EmStn	0,034	-0,103	0,122	-0,218*	0,165	-0,174	0,113	0,155
SlfCtrl	-0,105	-0,048	0,655**	-0,169	0,115	-0,118	0,114	0,160
ActExCd	-0,001	0,003	0,005	-0,167	0,365**	-0,122	0,119	0,142
ExVtl	-0,076	-0,083	0,115	-0,107	0,148	-0,111	0,309**	0,162
SlfOrg	0,019	-0,144	0,129	-0,401**	0,594**	-0,159	0,646**	0,111
Rlbl	0,145	-0,124	0,143	-0,150	0,743**	-0,127	0,437**	0,418**

Примечание: «КС1» — Конфронтационный копинг; «КС2» — Дистанцирование; «КС3» — Самоконтроль; «КС4» — Поиск социальной поддержки; «КС5» — Принятие ответственности;

«КС6» — Бегство-избегание; «КС7» — Планирование решения проблемы; «КС8» — Положительная переоценка; «PrsVOr» — Просоциальные ценностные ориентации; «MrlSb» — Идейность; «IntgWv» — Целостность мировоззрения; «VISOr» — Добровольческая смыслоориентированность; «MtExVl» — Мотивация к экстремальному добровольчеству; «InttVl» — Интерес к добровольчеству; «PrExAct» — Склонность к экстремальной деятельности; «Dvt» — Самоотверженность; «CrThn» — Критичность мышления; «ExPrCg» — Экстремальная перцептивная конгруэнтность; «EmStn» — Эмоциональная стеничность; «SlfCtrl» — Самоконтроль; «ActExCd» — Активность в экстремальных условиях; «ExVtl» — Экстремальная жизнеспособность; «SlfOrg» — Самоорганизованность; «Rlbl» — Надежность; «*» — значимость на уровне 0,05; «**» — значимость на уровне 0,01.

Note: «KS1» — Confrontational coping; «KS2» — Distancing; «KS3» — Self—control; «KS4» — Seeking social support; «KS5» — Taking responsibility; «KS6» — Escape—avoidance; «KS7» — Problem solving planning; «KS8» — Positive reassessment; «PrsVOr» — Prosocial value orientations; «MrlSb» — Idealism; «IntgWv» — Integrity of worldview; «VISOr» — Voluntary sense orientation; «MtExVl» — Motivation for extreme volunteerism; «InttVl» — Interest in volunteerism; «PrExAct» — Propensity for extreme activities; «Dvt» — Devotion; «CrThn» — Critical thinking; «ExPrCg» — Extreme perceptual congruence; «EmStn» — Emotional rigidity; «SlfCtrl» — Self-control; «ActExCd» — Activity in extreme conditions; «ExVtl» — Extreme vitality; «SlfOrg» — Self-organization; «Rlbl» — Reliability; «*» — significance at 0,05; «**» — significance at 0,01.

По результатам корреляционного анализа, по Ч. Спирмену, установлены следующие взаимозависимости копинг-стратегий участников боевых действий и компонент личностного выбора:

- «Конфронтационный копинг» выражен тем в большей степени, чем менее участники СВО мотивированы к экстремальному добровольчеству ($R_s = -0,272$; $p \leq 0,01$) и склонны к экстремальной деятельности ($R_s = -0,228$; $p \leq 0,01$);
- «Дистанцирование» демонстрирует обратную взаимосвязь с «Самоотверженностью» ($R_s = -0,472$; $p \leq 0,01$) и «Идейностью» ($R_s = -0,233$; $p \leq 0,01$);
- «Самоконтроль» имеет прямую корреляционную связь с одноименной шкалой самоконтроля ($R_s = 0,655$; $p \leq 0,01$);
- «Поиск социальной поддержки» отрицательно коррелирует с показателями «Самоорганизованность» ($R_s = -0,401$; $p \leq 0,01$), «Идейность» ($R_s = -0,311$; $p \leq 0,01$), «Добровольческая смыслоориентированность» ($R_s = -0,301$; $p \leq 0,01$), «Эмоциональная стеничность» ($R_s = -0,218$; $p \leq 0,05$);
- «Принятие ответственности» демонстрирует взаимосвязь с «Надежностью» ($R_s = 0,743$; $p \leq 0,01$), «Самоорганизованностью» ($R_s = 0,594$; $p \leq 0,01$), «Активность в экстремальных условиях» ($R_s = 0,365$; $p \leq 0,01$), «Целостность мировоззрения» ($R_s = 0,324$; $p \leq 0,01$), «Интерес к добровольчеству» ($R_s = 0,219$; $p \leq 0,05$);
- «Бегство-избегание» отрицательно коррелирует с «Самоотверженностью» ($R_s = -0,263$; $p \leq 0,01$) и «Идейностью» ($R_s = -0,205$; $p \leq 0,05$);
- «Планирование решения проблемы» имеет положительную взаимосвязь с показателями «Критичность мышления» ($R_s = 0,460$; $p \leq 0,01$), «Самоорганизованность» ($R_s = 0,646$;

$p \leq 0,01$), «Надежность» ($R_s = 0,437$; $p \leq 0,01$), «Экстремальная жизнеспособность» ($R_s = 0,309$; $p \leq 0,01$);

- «Положительная переоценка» коррелирует с «Целостностью мировоззрения» ($R_s = 0,579$; $p \leq 0,01$), «Добровольческой смыслоориентированностью» ($R_s = 0,501$; $p \leq 0,01$), «Просоциальными ценностными ориентациями» ($R_s = 0,451$; $p \leq 0,01$), «Надежностью» ($R_s = 0,418$; $p \leq 0,01$), «Идейностью» ($R_s = 0,411$; $p \leq 0,01$), «Экстремальной перцептивной конгруэнтностью» ($R_s = 0,279$; $p \leq 0,01$).

Обобщая полученные сведения, следует подчеркнуть, что в экстремальных условиях личностный выбор участия в СВО актуализирует защитные механизмы психики и трансформирует резилентность. При этом выбор модели стресс-преодолевающего поведения модулируется главным образом ценностно-смысловыми характеристиками личности. Выражен переход от реактивности в копинг-стратегиях поведения к просоциальной активности, основу которого составляют: идейность, мировоззренческая целостность, просоциальная ориентированность, добровольческие устремления. Прослеживается протективный характер личностного выбора участия в СВО — уход от непродуктивных в экстремальных условиях моделей копинга (например, «Бегство-избегание»).

2. Проведена проверка гипотезы об инвариантности применяемых копинг-стратегий у экстремальных добровольцев и военнослужащих. В зависимости от категории респондентов и направленности личностного выбора было выделено четыре подгруппы: лица с идейным выбором — группа 1 (добровольцы; 22 чел.), группа 2 (военнослужащие; 3 чел.); лица с прагматичным выбором — группа 3 (добровольцы; 75 чел.), группа 4 (военнослужащие; 14 чел.). Оценены межгрупповые различия выраженности копинг-стратегий по U-критерию Манна—Уитни (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Оценка различий в выраженности копинг-стратегий в группах экстремальных добровольцев и военнослужащих с разной направленностью мотивации
Assessment of differences in the severity of coping strategies in groups of extreme volunteers and military personnel with different motivations

Параметры / Parameters	Идейный выбор / Средний ранг / Ideological choice / Average rank		U	p	Прагматичный выбор / Средний ранг / Pragmatic Choice / Average Rank		U	p
	Группа 1 / Group 1	Группа 2 / Group 2			Группа 3 / Group 3	Группа 4 / Group 4		
КС1 / KS1	13,02	12,83	35,5	0,966	43,81	51,39	435,5	0,309
КС2 / KS2	12,75	14,82	27,5	0,634	44,38	48,32	478,5	0,594
КС3 / KS3	14,14	4,67	8,0	0,031	45,08	44,57	519,0	0,945
КС4 / KS4	12,86	14,00	30,0	0,798	46,04	39,43	447,0	0,371
КС5 / KS5	13,34	10,50	25,5	0,520	44,59	47,21	494,0	0,722
КС6 / KS6	13,41	10,01	24,0	0,441	45,99	39,71	451,0	0,387

КС7 / KS7	13,45	9,67	23,0	0,391	42,93	56,07	370,0	0,076
КС8 / KS8	12,39	17,50	19,5	0,246	48,23	27,68	282,5	0,005

Примечание: условные обозначения соответствуют принятым в табл. 1.

Note: the symbols correspond to those used in Table 1.

Копинг-стратегии поведения экстремальных добровольцев и военнослужащих в условиях СВО схожи. Некоторые различия установлены по двум показателям: «Самоконтроль» ($p = 0,031$; идейный выбор) и «Положительная переоценка» ($p = 0,005$; прагматичный выбор). В обоих случаях указанные позитивные копинг-стратегии в большей степени проявляются у добровольцев, чем у военнослужащих. Схожесть в проявлении копинг-стратегий у экстремальных добровольцев и военнослужащих подчеркивает единство участников боевых действий в части ценностно-смысловых и регуляторных характеристик личности. Можно предположить, что и мотивация, и особенности поведения в экстремальных условиях у добровольцев и военнослужащих одноименной направленности выбора будут схожи.

3. Оценены различия доминирующих копинг-стратегий у экстремальных добровольцев с разной направленностью личностного выбора участия в СВО. В зависимости от интегрального показателя личностного выбора общая выборка исследования была разбита на три подгруппы: «Лица с идейным выбором» (группа 1; $n = 22$), «Лица с прагматическим выбором» (группа 2; $n = 75$), «Лица с индифферентным выбором» (группа 3; $n = 11$). Сравнение значений показателей выраженности копинг-стратегий проведено по U-критерию Манна—Уитни (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Оценка различий в выраженности копинг-стратегий в группах экстремальных добровольцев с разной направленностью личностного выбора
Assessment of differences in the severity of coping strategies in groups of extreme volunteers with different directions of personal choice

Шкала / The scale	Средний ранг / Middle rank		U	p	Средний ранг / Middle rank		U	p	Средний ранг / Middle rank		U	p
	ИД / ID	ПР / PR			ИД / ID	ИН / IN			ПР / PR	ИН / IN		
КС1	46,30	49,79	765,5	0,605	15,84	19,32	95,5	0,326	42,69	49,00	352,0	0,430
КС2	36,77	52,59	556,0	0,019	15,95	19,09	98,0	0,373	43,35	44,55	401,0	0,880
КС3	67,16	43,67	425,5	0,000	21,52	7,95	21,5	0,000	46,49	23,14	188,5	0,003
КС4	30,39	54,46	415,5	0,000	14,57	21,86	67,5	0,039	43,59	42,86	405,5	0,927
КС5	65,95	44,03	452,0	0,001	20,80	9,41	37,5	0,001	44,77	34,82	317,0	0,210
КС6	33,41	53,57	482,0	0,003	15,57	19,86	89,5	0,220	43,01	46,82	376,0	0,626
КС7	60,82	45,53	565,0	0,023	21,36	8,27	25,0	0,000	46,88	20,45	159,0	0,001
КС8	71,61	42,37	327,5	0,000	21,64	7,73	19,0	0,000	45,32	31,09	276,0	0,070

Примечание: условные обозначения соответствуют принятым в табл. 1; «ИД» — идейный выбор участия в добровольчестве; «ПР» — прагматичный выбор участия в добровольчестве; «ИН» — индифферентный выбор участия в добровольчестве.

Note: the symbols correspond to those adopted in Table 1; «ID» — an ideological choice of volunteering; «PR» — a pragmatic choice of volunteering; «IN» — an indifferent choice of volunteering.

Статистически значимые различия между группами 1 и 2 установлены по семи из восьми копинг-стратегий. Так, у идейных добровольцев преобладают: «Самоконтроль», «Принятие ответственности», «Планирование решения проблемы», «Положительная переоценка», у прагматичных добровольцев выражены: «Дистанцирование», «Поиск социальной поддержки», «Бегство-избегание». Схожие результаты были получены при сравнении групп 1 и 3 (за исключением показателя «Бегство-избегание»). Соотнося указанные выше результаты, следует отметить, что идейность в большей степени связана с генерализацией позитивных копинг-стратегий, а прагматизм и индифферентность — негативных копинг-стратегий.

IV. Исследован детерминационный потенциал личностного выбора участия в СВО при прогнозировании использования субъектом определенных копинг-стратегий поведения в экстремальных условиях. По результатам регрессионного анализа (n = 108) установлено, что наибольшее влияние на проявление совладающего поведения оказывают 11 из 16 компонент личностного выбора (табл. 4). Качество (детерминация) линейных регрессионных моделей варьируется от 8,8 до 70,7% (наиболее прогностически состоятельные модели: «Принятие ответственности» — 70,7%; «Планирование решения проблемы» — 69,3%; «Положительная переоценка» — 59,7%; «Самоконтроль» — 52,4%).

Таблица 4 / Table 4

Параметры регрессионных моделей оценки копинг-стратегий
Parameters of regression models for evaluating coping strategies

Параметры / Parameters	KC1 / KS1	KC2 / KS2	KC3 / KS3	KC4 / KS4	KC5 / KS5	KC6 / KS6	KC7 / KS7	KC8 / KS8
PrsVOr	-	-	-	-	-	-	-	0,210*
IntgWv	-	-	-	-	-	-0,199*	-	0,528**
MtExVl	-0,320*	-	-	-	-	-	-	-
PrExAct	-	-	-	-	0,174*	-	-	-
Dvt	-	-0,630**	-	-	-	-	-	-
CrThn	0,266**	-	-	-	-	-	0,167*	-
EmStn	0,355**	-	-	-	-	-	-	-
SlfCtrl	-	-	0,717**	-	-	-	-	-
ActExCd	-	0,329**	-	-	-	-	-	-
SlfOrg	-0,270*	-	-	-0,462**	0,501**	-	0,737**	-
Rlbl	-	-	-	-	0,612**	-	-	-
Детерминация / Determination, %	32,6	37,7	52,4	38,1	70,7	8,8	69,3	59,7

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личностного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

Примечание: условные обозначения соответствуют принятым в табл. 1; приводятся только значимые слагаемые.

Note: the symbols correspond to those used in Table 1; only significant terms are given.

Анализ содержания линейных регрессионных моделей подтверждает следующую тенденцию: позитивные копинг-стратегии во многом детерминируются личностным выбором участия в экстремальном добровольчестве, в первую очередь такими компонентами, как: «Просоциальные ценностные ориентации», «Целостность мировоззрения», «Склонность к экстремальной деятельности», «Критичность мышления», «Самоконтроль», «Самоорганизованность», «Надежность». Именно выраженность у субъекта добровольчества указанных компонент предопределяет: обретение новых смыслов существования, уточнение системы ценностных ориентаций, формирование траекторий профессионально-личностного развития («Положительная переоценка»); целенаправленную регуляцию эмоций и контроль поведения («Самоконтроль»); прогностический анализ происходящего, перспективное планирование и принятие судьбоносных решений («Планирование решения проблемы»); признание личного вклада и готовности нести ответственность за собственные поступки («Принятие ответственности»). По сущностному содержанию сочетание указанных выше характеристик соответствует идейному личностному выбору участия в СВО. Справедливо и обратное: личностный выбор оказывает протективное влияние на проявление негативных копинг-стратегий поведения (например, «Конфронтационный копинг», «Бегство-избегание», «Дистанцирование»).

Обсуждение результатов

В ходе проведенного исследования выдвинутая гипотеза была подтверждена частично. Научное предположение может быть уточнено следующим образом: направленность личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве актуализирует проявление определенных копинг-стратегий поведения: идейный выбор потенцирует применение совладения в форме самоконтроля, принятия ответственности, планирования решения проблемы и положительной переоценки. Прагматичный выбор сочетается со стратегией дистанцирования, что проявляется в минимизации ценностно-смысловой и эмоциональной вовлеченности субъекта в экстремальность бытия. Установлена амбивалентная взаимосвязь копинг-стратегии «Конфронтационный копинг» и личностного выбора участия в СВО. Соучаствующая позиция, просоциальная ориентация, критическое осмысление происходящего повышают сопротивляемость личности трудностям, связанным с экстремальностью добровольческой деятельности (см. табл. 1, 2, 3). В то же время, если субъект занимает отстраненную личностную позицию, то подобный копинг также будет выражен у добровольца, но будет ориентирован на отстаивание собственных интересов.

Согласованность полученных данных проявляется в том, что прогностически состоятельные модели оценки копинг-стратегий с детерминацией более 50% имплицитно включают в себя ведущие компоненты личностного выбора участия в СВО — «Целостность мировоззрения», «Просоциальные ценностные ориентации», «Самоконтроль», «Самоорганизованность», «Надежность», «Критичность мышления», «Склонность к экстремальной деятельности» (см. табл. 4). В совокупности указанные характеристики ориентируют личность на применение просоциальных активных копинг-стратегий.

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

Принципиальным моментом является то, что при выборе моделей стресс-преодолевающего поведения субъект не центрирован исключительно на «выживание в одиночестве», а обращает внимание на «совместность» и «просоциальность» своей активности. Подобная позиция соответствует современным лозунгам «СВОих не бросаем», «СВОи приходят на помощь», «Мы вместе», «Наша сила в единстве».

Полученные нами результаты в части сочетания позитивных копинг-стратегий с мотивацией выполнения боевых задач в экстремальных условиях совпадают с данными, приведенными в ряде исследований отечественных специалистов (Винтонюк, Мацегора, 2025; Петров, 2025; Яковлев, 2023 и др.). Однако новизна авторских выводов, приводимых в настоящей статье, центрируется на возможности прогностической оценки применения той или иной копинг-модели поведения в зависимости от направленности личного выбора экстремальной соучаствующей деятельности.

Заключение

Новизна и научная ценность проведенного исследования состоит в том, что впервые установлен характер взаимосвязи копинг-стратегий поведения экстремальных добровольцев и мотивации личного выбора участия в специальной военной операции. Показано, что идейный выбор экстремальной соучаствующей деятельности актуализирует у субъекта позитивные копинг-стратегии, вовлеченность в решение проблем общества и государства, а прагматический выбор — дистанцирование, реактивность в решении добровольческих задач. Подтверждено подобие в проявлении копинг-стратегий у добровольцев и военнослужащих в условиях СВО, что позволяет унифицировать содержание психологической работы с лицами, выполняющими задачи в экстремальных условиях.

Исследование позволяет наметить следующие перспективные направления научных изысканий: 1) оценка динамики выраженности копинг-стратегий во взаимосвязи с личностным выбором участия в СВО; 2) изучение взаимосвязи копинг-стратегий и мотивации экстремальных добровольцев разных возрастных групп; 3) соотношение характеристик совладающего поведения и личного выбора соучаствующей деятельности для экстремальных добровольцев и волонтеров. Результаты исследования направлены на совершенствование мер психологической поддержки представителей добровольческих формирований, укрепления духовно-нравственных качеств у будущих защитников Отечества.

Ограничения. Несмотря на относительно большой объем выборки респондентов ($n = 108$), актуальным следовало бы считать дифференциацию групп экстремальных добровольцев в зависимости от их возраста и продолжительности пребывания в условиях СВО, внешней и внутренней направленности личного выбора. В этом смысле выборку исследования можно рассматривать как ограниченную.

Limitations. Despite the relatively large sample size of respondents ($n=108$), it would be relevant to consider the differentiation of groups of extreme volunteers depending on their age and duration of stay in their conditions, the external and internal orientation of personal choice. In this sense, the study sample can be considered as limited.

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личностного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

Список источников / References

1. Анчукова, Н.И., Кузикова, К.О. (2020). Особенности ценностно-смысловой сферы и личностная готовность военнослужащих к поведению в экстремальных ситуациях. *Евразийский союз ученых*, 5(74), 4—9. URL: <https://www.elibrary.ru/pyjdid> (дата обращения: 01.02.2026).
Anchukova, N.I., Kuzikova, K.O. (2020). Features of the value-semantic sphere and personal readiness of military personnel to behave in extreme situations. *Eurasian Union of Scientists*, 5(74), 4—9. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/pyjdid> (viewed: 01.02.2026).
2. Винтонюк, Т.Г., Мацегора, М.В. (2025). Жизнестойкость и асертивное поведение как факторы психологической адаптации в условиях психотравмирующих переживаний. *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*, 8(5), 16—24. <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-16-24>
Vintonyuk, T.G., Matsegora, M.V. (2025). Resilience and assertive behavior as factors of psychological adaptation in the context of psychotraumatic experiences. *Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology*, 8(5), 16—24. (In Russ.). <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2025-8-5-16-24>
3. Воронина, Ю.Г., Дарижапова, М.Н. (2024). Копинг стратегии в ситуации посттравматического стресса у участников боевых действий (на примере Республики Бурятия). *Вестник науки*, 2(4), 503—512. URL: <https://www.elibrary.ru/mihcoj> (дата обращения: 01.02.2026).
Voronina, Yu.G., Darizhapova, M.N. (2024). Coping strategies in situation of post-traumatic stress in participants of military operations (example of Republic of Buryatia). *Science Bulletin*, 2(4), 503—512. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/mihcoj> (viewed: 01.02.2026).
4. Гулакова, И.Э., Нестеренко, О.Б. (2025). Психологические стратегии совладающего поведения у военнослужащих. *Вестник науки*, 2(1), 866—874. URL: <https://www.elibrary.ru/itdojg> (дата обращения: 01.02.2026).
Gulakova, I.E., Nesterenko, O.B. (2025). Psychological strategies of coping behavior in military personnel. *Science Bulletin*, 2(1), 866—874. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/itdojg> (viewed: 01.02.2026).
5. Ичитовкина, Е.Г., Бойко, Н.В., Жернов, С.В. (2024). Особенности психосоциальной адаптации комбатантов в условиях мирной жизни в зависимости от профиля их профессиональной деятельности. *Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус»*, 23(2), 42—50. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2024-23-2-42-50>
Ichitovkina, E.G., Boyko, N.V., Zhernov, S.V. (2024). Features of psychosocial adaptation of combatants in peacetime conditions depending on professional activity. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*, 23(2), 42—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2024-23-2-42-50>
6. Караяни, А.Г. (2025). Общие принципы поддерживающего общения с ветеранами боевых действий. *Вестник Московского университета МВД России*, 4, 253—264. <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-4-253-264>
Karayani, A.G. (2025). General principles of supportive communication with combat veterans. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 4, 253—264. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2073-0454-2025-4-253-264>

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личностного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

7. Ковалёва, М.В. (2020). Копинг-стратегии военнослужащих с разным уровнем выраженности негативных последствий выполнения боевых задач в экстремальных условиях как основа разработки программ психологической профилактики. *Прикладная психология и педагогика*, 5(1), 113—132. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-113-132>
Kovaleva, M.V. (2020). Coping strategies for military servants with different levels of expression of negative consequences of performance of military tasks in extreme conditions as the basis for the development of psychological profiles. *Applied Psychology and Pedagogy*, 5(1), 113—132. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2020-113-132>
8. Ковин, А.Н. (2023). Формирование психологической готовности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28(3), 556—566. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>
Kovin, A.N. (2023). Internal affairs bodies of the Russian Federation employees' psychological readiness development to accomplish responsive and official tasks in special conditions. *Tambov University Review. Series: Humanities*, 28(3), 556—566. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-556-566>
9. Новикова, Я.О., Финикова, О.В. (2024). Психолого-педагогические аспекты реадaptации и реабилитации участников специальной военной операции. *Проблемы правоохранительной деятельности*, 3(57), 82—86. URL: <https://www.elibrary.ru/lixe7n> (дата обращения: 01.02.2026).
Novikova, Ya.O., Finikova, O.V. (2024). Psychological and pedagogical aspects of readaptation and rehabilitation of participants in a special military operation. *Problems of Law Enforcement Activity*, 3(57), 82—86. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/lixe7n> (viewed: 01.02.2026).
10. Петров, В.Е. (2025). *Личностный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве: Монография*. М.: Спутник +.
Petrov, V.E. (2025). *Personal choice of participation in extreme volunteerism: A monograph*. Moscow: Sputnik + Publishing House. (In Russ.).
11. Петров, В.Е. (2024). Факторная модель личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве и его диагностика. *Прикладная психология и педагогика*, 9(4), 75—94. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94>
Petrov, V.E. (2024). Factor model of personal choice of participation in extreme volunteerism and its diagnosis. *Applied Psychology and Pedagogy*, 9(4), 75—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94>
12. Ротманова, Н.В., Ильина, Е.А. (2025). Особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у участников СВО в зависимости от боевого опыта. *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки*, 1, 189—193. <https://doi.org/10.24412/2308-7218-2025-1-189-193>
Rotmanova, N.V., Ilyina, E.A. (2025). Features of the manifestation of post-traumatic stress disorder in participants of the special military operation depending on combat experience. *Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series No. 1. Psychological and Pedagogical Sciences*, 1, 189—193. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2308-7218-2025-1-189-193>

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личностного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

13. Смирнова, М.В., Касперович, Ю.Г., Баллыева, Т.Ч. (2020). Индивидуально-типологические особенности и копинг-стратегии военнослужащих с различным типом и уровнем виктимности. *Психопедагогика в правоохранительных органах*, 25(1), 24—31. <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11004>
Smirnova, M.V., Kasperovich, Yu.G., Ballyeva, T.Ch. (2020). Individual and typological features and coping strategies of military personnel with different types and levels of victimhood. *Psychopedagogy in Law Enforcement*, 25(1), 24—31. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-11004>
14. Шамардина, М.В., Королева, К.И., Орлова, О.А. (2025). Ценностно-смысловые ориентации ветеранов боевых действий. *Наука в жизни человека*, 2, 244—254. URL: <https://www.elibrary.ru/ayrfia> (дата обращения: 01.02.2026).
Shamardina, M.V., Koroleva, K.I., Orlova, O.A. (2025). Value and semantic orientations of combat veterans. *Science in Human Life*, 2, 244—254. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/ayrfia> (viewed: 01.02.2026).
15. Яковлев, Г.М. (2023). Копинг-поведение военнослужащих в разные периоды службы. *Ярославский педагогический вестник*, 2(131), 155—162. https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_155
Yakovlev, G.M. (2023). Coping-the behavior of military personnel in different periods of service. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2(131), 155—162. (In Russ.). https://doi.org/10.20323/1813-145X_2023_2_131_155

Информация об авторах

Михаил Иванович Марьин, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры «Научные основы экстремальной психологии», факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Владислав Евгеньевич Петров, доктор психологических наук, доцент, доцент кафедры «Научные основы экстремальной психологии», факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Валентина Ивановна Екимова, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Научные основы экстремальной психологии», факультет «Экстремальная психология», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Information about the authors

Mikhail I. Maryin, Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1142-8857>, e-mail: marin_misha@mail.ru

Марьин М.И., Петров В.Е., Екимова В.И. (2026)
Взаимосвязь копинг-стратегий поведения
и личного выбора участия
в экстремальном добровольчестве
Психология и право, 16(2), 229—243.

Marin M.I., Petrov V.E., Ekimova V.I. (2026)
The relationship between coping strategies
of behavior and personal choice of participation
in extreme volunteerism
Psychology and Law, 16(2), 229—243.

Vladislav E. Petrov, Doctor of Psychology, Docent, Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Valentina I. Ekimova, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1480-3571>, e-mail: iropse@mail.ru

Вклад авторов

Марьин М.И. — идеи исследования; планирование исследования; научное редактирование текста.

Петров В.Е. — идеи исследования; сбор и анализ данных; оформление рукописи.

Екимова В.И. — сбор и анализ библиографии; уточнение результатов исследования; научное редактирование текста.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов, написании и оформлении рукописи, а также согласовали окончательный текст статьи.

Contribution of the authors

Mikhail I. Maryin — research ideas; research planning; scientific text editing.

Vladislav E. Petrov — research ideas; data collection and analysis; manuscript design.

Valentina I. Ekimova — collection and analysis of bibliography; clarification of research results; scientific text editing.

All the authors participated in the discussion of the results, writing and formatting of the manuscript, and also agreed on the final text of the article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию 18.02.2026
Поступила после рецензирования 26.02.2026
Принята к публикации 26.03.2026
Опубликована 30.06.2026

Received 2026.02.18
Revised 2026.02.26
Accepted 2026.03.26
Published 2026.06.30

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ |
INTERDISCIPLINARY STUDIES

Научная статья | Original paper

Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children

Sh.R. Maulia¹, A. Ma'ruf¹ ✉, A. Yudianto¹, A. Machin¹

¹ Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia

✉ anwarmaruf@fkh.unair.ac.id

Abstract

Context and relevance. Bullying is a widespread psychosocial problem with serious psychological and neurodevelopmental consequences. Beyond emotional distress, it can affect brain function. Quantitative electroencephalography (q-EEG) enables objective detection of stress-related brain activity, offering potential forensic value.

Objective. This study examined the impact of bullying-related stress in children by combining behavioral stress assessments with q-EEG analysis. **Hypothesis.** We hypothesized that bullied children would report higher stress levels and exhibit distinct brainwave abnormalities detectable by q-EEG, which could serve as forensic indicators of trauma. **Methods and materials.** Two cross-sectional phases were conducted. In the first, 2,781 Indonesian children (aged 8–13) completed the Perceived Stress Scale (PSS-10) and a bullying questionnaire. In the second, 24 children with high stress indicators underwent clinical q-EEG. Brainwave data across standard frequency bands were analyzed in relation to stress scores. **Results.** 58,3% of children reported being bullied. These children were 2.8 times more likely to experience moderate to severe stress ($p < 0,001$). Among the q-EEG subsample, 95,8% showed cortical abnormalities—reduced bilateral temporal activity (83,3%) and increased prefrontal high-beta waves (29,2%)—linked to emotional dysregulation and anxiety. **Conclusions.** Bullying induces measurable brain changes. q-EEG may serve as a reliable tool for detecting trauma in children, supporting early intervention and forensic child protection.

Keywords: childhood bullying, psychological trauma, neuro-forensics, q-EEG, legal protection

For citation: Maulia, Sh.R., Ma'ruf, A., Yudianto, A., Machin, A. (2026). Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children. *Psychology and Law*, 16(2), 244–254. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160215>

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026)
Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в
детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ)
биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле
Психология и право, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026)
Neuro-forensic perspectives on childhood bullying:
a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress
biomarkers in victimized children
Psychology and Law, 16(2), 244—254.

Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле

Ш.Р. Маулия¹, А. Ма'руф¹ ✉, А. Юдианто¹, А. Мачин¹

¹ Университет Эйрлангга, Сурабая, Индонезия

✉ anwarmaruf@fkh.unair.ac.id

Резюме

Контекст и актуальность. Буллинг представляет собой широко распространенную психосоциальную проблему, имеющую серьезные психологические и нейроразвивающие последствия. Помимо эмоционального дистресса, он может оказывать влияние на функционирование головного мозга. Количественная электроэнцефалография (q-ЭЭГ) позволяет объективно выявлять связанную со стрессом мозговую активность и обладает значительным потенциалом для использования в судебно-экспертной практике. **Цель.** Изучить влияние стресса, обусловленного буллингом, на детей посредством сочетания поведенческой оценки стресса и анализа данных q-ЭЭГ. **Гипотеза.** Предполагалось, что дети, подвергающиеся буллингу, будут демонстрировать более высокий уровень стресса и специфические нарушения мозговой активности, выявляемые с помощью q-ЭЭГ, которые могут рассматриваться как судебно-экспертные индикаторы психической травмы. **Методы и материалы.** Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе 2781 ребенок из Индонезии в возрасте от 8 до 13 лет заполнил Шкалу воспринимаемого стресса (PSS-10) и опросник буллинга. На втором этапе 24 ребенка с высокими показателями стресса прошли клиническое обследование методом q-ЭЭГ. Данные о мозговой активности в стандартных частотных диапазонах анализировались в связи с показателями стресса. **Результаты.** О фактах буллинга сообщили 58,3% детей. У этих детей вероятность переживания умеренного или высокого уровня стресса была в 2,8 раза выше ($p < 0,001$). Среди участников, прошедших q-ЭЭГ-обследование, у 95,8% были выявлены корковые нарушения: снижение активности в обеих височных долях (83,3%) и повышение мощности высокочастотных бета-волн в префронтальной коре (29,2%), что связано с эмоциональной дисрегуляцией и тревожностью. **Выводы.** Буллинг вызывает измеримые изменения в функционировании головного мозга. Метод q-ЭЭГ может служить надежным инструментом выявления психической травмы у детей, способствуя раннему вмешательству и совершенствованию мер судебно-правовой защиты детей.

Ключевые слова: буллинг в детском возрасте, психологическая травма, нейро-криминалистика, количественная электроэнцефалография (q-ЭЭГ), правовая защита

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Маулия Ш.Р., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026)
Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в Neuro-forensic perspectives on childhood bullying:
детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress
биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле biomarkers in victimized children
Психология и право, 16(2), 244—254. Psychology and Law, 16(2), 244—254.

Для цитирования: Маулия, Ш.Р., Ма'руф А., Юдианто, А., Мачин, А. (2026). Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле. *Психология и право, 16(2), 244—254.* <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160215>

Introduction

Bullying has become a pervasive disease in the educational settings (Gaffney, Ttofi, Farrington, 2021). Bullying impacts not only the victims but also the perpetrators (Montes et al., 2022). Despite increased public awareness, most forensic evaluations still rely heavily on subjective self-reports or caregiver accounts, which may be inconsistent or incomplete (Parmigiani et al., 2023).

The rapid technological advances (in neuroscience) suggest that chronic psychosocial stressors have a profound impact on brain development (Gee, 2021; McLaughlin, Weissman, Bitrán, 2019). Stressors can have an emotional impact, but their potential to alter brain composition and function is also very high, particularly in areas responsible for emotional regulation, executive function, and memory (Gee, 2021). Repeated bullying has been shown to increase HPA axis activity. Hyperactivity can lead to prolonged cortisol secretion and structural changes in the prefrontal cortex, hippocampus, and amygdala (McLaughlin, Weissman, Bitrán, 2019). Emotional dysregulation, cognitive impairment, anxiety, and depressive symptoms in children are frequently seen manifestations of neurobiological disorders (Montes et al., 2022; Moore et al., 2017).

The emergence of emotional disorders in emotional regulation, cognition, and behavior is largely shaped by ongoing brain maturation and stress (Langer et al., 2025; Leisman, Alfasi, D'Angiulli, 2025). This is caused by excessive (dramatic) emotional changes during childhood and adolescence, which are complex and multifactorial.

Traditional forensic and clinical evaluations of child trauma often lack the objectivity necessary to detect these subtle but significant neurobiological changes (Parmigiani et al., 2023). Traditional forensics often relies solely on in-depth interviews, observations, or a collection of sentences, which inaccurately capture the abnormalities of internal psychological damage — especially in children who have difficulty expressing the distress they are experiencing. The q-EEG can detect abnormal brainwave activity associated with stress and trauma, offering an objective and reproducible measurement of internal dysfunction (Kopańska et al., 2022). This is why the combination of neurophysiological tools holds great promise for forensics.

The capabilities of q-EEG hold significant potential in identifying emotional dysregulation, anxiety, and hypervigilance in children (Fingelkurts, Fingelkurts, 2022; Livint Popa et al., 2020; Maulia et al., 2026). The combination of clinical and behavioral data can be aided by using q-EEG to identify trauma experienced by children.

Indonesian society still has minimal awareness, and legal mechanisms for addressing the psychological impacts of bullying are also very limited. Furthermore, the use of neuroscience-based evidence in legal or medical child protection systems is still underdeveloped. The complex interactions between neurobiology, psychology, and law, combined with a multidisciplinary approach, result in a study that bridges neurophysiological analysis with a child protection legal framework, aiming to provide empirical support for forensic science standards and policy reform.

There are few such large-scale studies, and we believe ours is one of the first in Indonesia. Ours integrates stress research with q-EEG technology in bullying cases. Our goal, from a neuro-forensic

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

perspective, is to establish a strong foundation for the application of neuroscience in the child protection system, thereby significantly contributing to efforts to protect children from bullying.

Materials and methods

Participants

This research was divided into two stages:

The first phase involved a large-scale behavioural survey on bullying among school-aged children. A total of 2,781 children aged 8 to 13 years were recruited from eight public and private elementary schools in Surabaya, Indonesia, using stratified cluster sampling.

In the second phase, 24 children who exhibited behavioural indicators of psychological stress based on survey scores were purposively selected for neurophysiological assessment using quantitative EEG (q-EEG). These participants were assessed in a controlled clinical setting under the supervision of licensed clinical neurophysiologists.

Procedure

In the first phase, trained facilitators administered the Perceived Stress Scale (PSS-10) and a bullying behaviour questionnaire to participants in their classrooms using a paper-based format. In the second phase, q-EEG recordings were conducted in a clinical environment. Participants were asked to lie in a resting position with eyes closed during the session to minimize artifacts. Recordings were collected following standard operating procedures for paediatric neurophysiological assessment.

Data Collection

The PSS-10 was used to quantify perceived stress levels, while the bullying questionnaire categorized participants as victims or non-victims. In the second phase, q-EEG data were recorded using a 19-channel system under resting conditions.

Data Analysis

Behavioural data were analysed using SPSS version 26. Logistic regression was used to determine the association between bullying victimization and stress levels. EEG data were analysed for abnormalities in power distribution across delta, theta, alpha, and beta bands, and were statistically correlated with stress scores from the first phase.

Results

Behavioral Results

Table 1 summarizes the behavioural survey findings from the first study phase. Out of 2,781 total students, 1,622 (58,3%) were identified as bullying victims. Among these victims, 1,495 (53,8%) showed signs of moderate to severe stress according to PSS-10 scores. The odds ratio showed that children who were bullied were 2,8 times more likely to experience psychological stress than those who were not victims, which was a statistically significant relationship ($p < 0,001$).

Table 1

Prevalence of bullying victimization and stress levels			
Variables	Categories	n	%
Total Students		2,781	100
Bullying	Victims	1,622	58,3

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

	Non-Victims	1,159	41,7
	Stressed Victims	1,495	53,8
Odds Ratio (Stress)		2,8	(p < 0,001)

Neuropsychological Results

Table 2

Summary of q-EEG abnormalities in stressed children

EEG Finding	Affected Region	n	%	Clinical Interpretation
↓ Power (Temporal lobes)	Bilateral temporal	20	83,3	Emotional
↑ High-beta (Prefrontal cortex)	Prefrontal	7	29,2	Anxiety, hypervigilance
Encephalopathy/Epileptiform signs	Right frontal, diffuse	3	12,5	Cognitive disturbance, affective issues

Table 2 highlights the neurophysiological patterns observed in the 24 children who underwent q-EEG assessment. The most common abnormality was bilateral temporal lobe power loss (83,3%), indicating emotional dysregulation and sleep problems. High beta waves in the prefrontal cortex were present in 29,2% of cases, which are generally associated with anxiety and hypervigilance. A small proportion (12,5%) showed signs of encephalopathy or epileptiform activity, indicating more severe cognitive or affective dysfunction.

Integration Findings

The integration of behavioural and neurophysiological patterns yielded a unified pattern. The pattern showed that there was a relationship between bullying victimization and psychological distress and measurable changes in brain function. Increased stress scores correlated significantly with q-EEG findings, specifically decreased power in the bilateral temporal lobes and increased high beta activity in the prefrontal cortex. These brain regions are implicated in emotional regulation, threat perception, and cognitive processing, suggesting that chronic psychosocial stress disrupts neurodevelopmental pathways.

Notably, behavioural symptoms such as irritability, sleep disturbances, and difficulty concentrating were reflected in the neurophysiological profiles of the children studied. The argument for the use of q-EEG as an objective diagnostic tool in forensic and clinical evaluations may be strengthened by the mapping of these findings.

Discussion

Our hypothesis that the stress of childhood bullying can lead to measurable neurophysiological abnormalities is strongly supported by our results. Repetitive decreases in alpha and beta waves in the temporal lobe may impair emotional processing and potentially lead to sleep disturbances (Harrewijn, Molen, Westenberg, 2016; Wang et al., 2025). Children who have experienced trauma often exhibit temporal lobe abnormalities, given the lobe's function in processing memories and emotional experiences (McLaughlin et al., 2020; Schiavone, Mckinnon, Lanius, 2018). Previous studies on the relationship between increased vigilance and anxiety and stress responses in pediatric populations have supported the association of high beta wave activity in the prefrontal cortex (Diaz, Tseng, Michalska, 2024).

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

Neurophysiological disturbances can alter the underlying function of the HPA axis and trigger emotional dysregulation (Lei et al., 2025; Mbiydzennyuy, Qulu, 2024). It is expected that q-EEG can profile the effects of stress objectively, which may strengthen its value in the medicolegal evaluation of child trauma (Marcu et al., 2025). These findings also support the inclusion of neurophysiological screening into child protection protocols.

From a legal standpoint in Indonesia, the findings of this study have significant relevance. According to Article 54 of Law No. 35 of 2014 concerning Child Protection, children in educational environments must be safeguarded from physical and psychological violence, including that perpetrated by peers. The q-EEG findings provide scientific evidence of psychological injury, especially when temporal and prefrontal abnormalities align with behavioural symptoms of trauma (Lewine et al., 2019; Sydnor et al., 2020).

Supreme Court Regulation or PERMA No. 3 of 2017 emphasizes the importance of multidisciplinary and humane handling of children in conflict with the law, both victims and perpetrators. In some cases, neurophysiological assessments such as q-EEG can play a dual role, namely early clinical detection and supporting evidence in a legal context (Rodríguez-Pellejero, Mulero-Henríquez, Santana Amador, 2024). In the case of cyberbullying, this data also intersects with Law No. 19 of 2016 concerning Information and Electronic Transactions (ITE), especially Article 27 (3) which criminalizes the distribution of content that causes emotional harm. In bullying cases, q-EEG data is particularly helpful in verifying the psychological impact, potentially supporting forensic claims. These interdisciplinary implications highlight the importance of integrating neuroscience into the forensic child protection system in Indonesia. We strongly recommend the formal incorporation of tools into clinical protocols and judicial evaluations, especially those involving cases of bullying and trauma experienced by children.

It is noteworthy that mapping q-EEG results with behavioral symptoms strengthens the argument for the use of neurophysiological data in legal and clinical evaluations. Unlike conventional psychological reports, which are often highly biased, q-EEG has been shown to be an objective and reproducible depiction of neurocognitive dysfunction. This finding is relevant in the context of child (victim) involvement in court proceedings, where trauma can influence the court and support more detailed interventions.

This research can serve as a foundation for arguments for a trauma-informed, multidimensional approach to child protection. Schools, clinicians, and legal practitioners must collaborate to detect early signs of trauma, especially in cases where behavioral symptoms alone may not fully capture the severity of internal distress. The integration of q-EEG data into standard screening processes may allow for more accurate triage, targeted support, and longitudinal monitoring of children at risk.

Our results, from a policy perspective, align with the objectives of Indonesian child protection law, which advocates the use of scientific tools in evidence collection. These results could strengthen mechanisms and ensure that children receive not only psychological support but also legal redress based on measurable injuries. Given that the brain changes observed here are indicative of neurological stress injuries, they could—if standardized—be considered forensic markers of trauma akin to physical wounds.

Conclusions

Bullying in childhood leaves measurable traces on brain function. This study demonstrates how integrating behavioral metrics and q-EEG patterns creates a powerful diagnostic and forensic

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

approach to identifying at-risk children. Given the findings of this study, we recommend the formal integration of q-EEG into forensic child assessments, especially in cases involving suspected psychological trauma. To interpret basic q-EEG findings, legal professionals, medical practitioners, and child advocates should be trained to collaborate in diagnosing and protecting at-risk children. Our hope is that future studies will use longitudinal designs to track neurophysiological changes over time and determine whether interventions can reverse or mitigate cortical dysfunction. A larger sample size across diverse demographics and cultural contexts will further enhance the study's generalizability. We recommend further exploration of combining q-EEG with other biomarkers—such as cortisol levels or neuroimaging—to support more robust forensic science. These steps will hopefully help establish standard protocols for complementing neurophysiological data in the child protection system, both clinically and legally.

Limitations. While this study provides valuable insights into the neurophysiological effects of bullying-induced stress, several limitations must be acknowledged. First, the cross-sectional design restricts the ability to draw causal inferences between bullying experiences and brainwave abnormalities. Longitudinal studies would be more suitable to assess the developmental trajectory of neurophysiological changes over time. Second, the relatively small q-EEG sample size ($n = 24$) limits the generalizability of the neurophysiological findings, despite the robust behavioural dataset ($n = 2,781$). Third, environmental factors such as family stress, nutritional status, and screen time—which could also influence brain function—were not controlled in this study. Lastly, the use of q-EEG, while valuable, is still an emerging tool in forensic contexts and may require further standardization before widespread adoption in legal systems.

Список источников / References

1. Díaz, D.E., Tseng, W., Michalska, K.J. (2024). Pre-scan state anxiety is associated with greater right amygdala-hippocampal response to fearful versus happy faces among trait-anxious Latina girls. *BMC Psychiatry*, 24(1), Article 1. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05403-6>
2. Fingelkurts, A.A., Fingelkurts, A.A. (2022). Quantitative Electroencephalogram (qEEG) as a Natural and Non-Invasive Window into Living Brain and Mind in the Functional Continuum of Healthy and Pathological Conditions. *Applied Sciences (Switzerland)*, 12(19), Article 9560. <https://doi.org/10.3390/app12199560>
3. Gaffney, H., Ttofi, M.M., Farrington, D.P. (2021). Effectiveness of school-based programs to reduce bullying perpetration and victimization: An updated systematic review and meta-analysis. *Campbell Systematic Reviews*, 17(2), Article e1143. <https://doi.org/10.1002/cl2.1143>
4. Gee, D.G. (2021). Early Adversity and Development: Parsing Heterogeneity and Identifying Pathways of Risk and Resilience. *American Journal of Psychiatry*, 178(11), 998—1013. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2021.21090944>
5. Harrewijn, A., Molen, M.J.W. van der, Westenberg, P.M. (2016). Putative EEG measures of social anxiety: Comparing frontal alpha asymmetry and delta – beta cross-frequency correlation. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*, 16(6), 1086—1098. <https://doi.org/10.3758/s13415-016-0455-y>
6. Kopańska, M., Ochojska, D., Dejniewicz-Velitchkov, A., Banaś-Ząbczyk, A. (2022). Quantitative Electroencephalography (QEEG) as an Innovative Diagnostic Tool in Mental Disorders. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(4), Article 2465. <https://doi.org/10.3390/ijerph19042465>

- Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.
- Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

7. Langer, K., Wolf, O.T., Merz, C.J., Jentsch, V.L. (2025). Neuroscience and Biobehavioral Reviews The effects of stress hormones on cognitive emotion regulation: A systematic review and integrative model. *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*, 170, Article 106040. <https://doi.org/10.1016/j.neubiorev.2025.106040>
8. Lei, A., Phang, V.W.X., Lee, Y.Z., Kow, A.S.F., Tham, C.L., Cheng Ho, Y., Lee, M.T. (2025). Chronic Stress-Associated Depressive Disorders: The Impact of HPA Axis Dysregulation and Neuroinflammation on the Hippocampus—A Mini Review. *International Journal of Molecular Sciences*, 26(7), Article 2940. <https://doi.org/10.3390/ijms26072940>
9. Leisman, G., Alfasi, R., D'Angiulli, A. (2025). Emotional Brain Development: Neurobiological Indicators from Fetus Through Toddlerhood. *Brain Sciences*, 15(8), Article 846. <https://doi.org/10.3390/brainsci15080846>
10. Lewine, J.D., Plis, S., Ulloa, A., Williams, C., Spitz, M., Foley, J., Paulson, K., Davis, J., Banger, N., Snyder, T., Weaver, L. (2019). Quantitative EEG Biomarkers for Mild Traumatic Brain Injury. *Journal of Clinical Neurophysiology*, 36(4), 298—305. <https://doi.org/10.1097/WNP.0000000000000588>
11. Livint Popa, L., Dragos, H., Pantelemon, C., Verisezan Rosu, O., Strilciuc, S. (2020). The Role of Quantitative EEG in the Diagnosis of Neuropsychiatric Disorders. *Journal of Medicine and Life*, 13(1), 8—15. <https://doi.org/10.25122/jml-2019-0085>
12. Marcu, G.M., Szekely-Copîndean, R., Dumbravă, A., Rogel, A., Zăgrean, A.-M. (2025). qEEG Neuromarkers of Complex Childhood Trauma in Adolescents. *Clinical EEG and Neuroscience*, 56(5), 468—482. <https://doi.org/10.1177/15500594241309456>
13. Maulia, S.R., Ma'ruf, A., Yudianto, A., Machin, A., Sanjaya, D.E. (2026). Stress-Related q-EEG Abnormalities in Indonesian School Children: Considering the Role of Bullying. *Clinical EEG and Neuroscience*, 1—9. <https://doi.org/10.1177/15500594251414823>
14. Mbiydzennyuy, N.E., Qulu, L. (2024). Stress, hypothalamic-pituitary-adrenal axis, hypothalamic-pituitary-gonadal axis, and aggression. *Metabolic Brain Disease*, 39(8), 1613—1636. <https://doi.org/10.1007/s11011-024-01393-w>
15. McLaughlin, K.A., Colich, N.L., Rodman, A.M., Weissman, D.G. (2020). Mechanisms linking childhood trauma exposure and psychopathology: a transdiagnostic model of risk and resilience. *BMC Medicine*, 18(96), 1—11. <https://doi.org/10.1186/s12916-020-01561-6>
16. McLaughlin, K.A., Weissman, D., Bitrán, D. (2019). Childhood Adversity and Neural Development: A Systematic Review. *Annual Review of Developmental Psychology Childhood*, 1, 277—312. <https://doi.org/10.1146/annurev-devpsych-121318-084950>
17. Montes, Á., Sanmarco, J., Novo, M., Cea, B., Arce, R. (2022). Estimating the Psychological Harm Consequence of Bullying Victimization: A Meta-Analytic Review for Forensic Evaluation. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 19(21), Article 13852. <https://doi.org/10.3390/ijerph192113852>
18. Moore, S.E., Norman, R.E., Suetani, S., Thomas, H.J., Sly, P.D., Scott, J.G. (2017). Consequences of bullying victimization in childhood and adolescence: A systematic review and meta-analysis. *World Journal of Psychiatry*, 7(1), 60—76. <https://doi.org/10.5498/wjp.v7.i1.60>
19. Parmigiani, G., Mandarelli, G., Meynen, G., Ferracuti, S. (2023). Structured instruments for insanity defense evaluations: Opportunities and limitations. *Behavioral Sciences*, 41(5), 432—444. <https://doi.org/10.1002/bsl.2618>
20. Rodríguez-Pellejero, J.M., Mulero-Henríquez, I., Santana Amador, Z. (2024). Real-time stress

- Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.
- Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

- monitoring in a child-friendly court: a repeated measures field study. *Humanities and Social Sciences Communications*, 11(1), Article 913. <https://doi.org/10.1057/s41599-024-03410-w>
21. Schiavone, F.L., Mckinnon, M.C., Lanius, R.A. (2018). Psychotic-Like Symptoms and the Temporal Lobe in Trauma-Related Disorders: Diagnosis, Treatment, and Assessment of Potential Malingering. *Chronic Stress*, 2, Article 14. <https://doi.org/10.1177/2470547018797046>
22. Sydnor, V.J., Bouix, S., Pasternak, O., Hartl, E., Levin-Gleba, L., Reid, B., Tripodis, Y., Guenette, J. P., Kaufmann, D., Makris, N., McGlinchey, R.E., Shenton, M.E., Koerte, I.K. (2020). Mild traumatic brain injury impacts associations between limbic system microstructure and post-traumatic stress disorder symptomatology. *NeuroImage: Clinical*, 26, Article 102190. <https://doi.org/10.1016/j.nicl.2020.102190>
23. Wang, S., Tian, Y., Deng, X., Jülich, S.T., Lei, X. (2025). Impaired emotional processing in insomnia: REM sleep beta power and frontal cortex activation. *BMC Medicine*, 23(608), Article 608. <https://doi.org/10.1186/s12916-025-04437-9>

Appendix

Appendix A. Perceived Stress Scale (PSS-10)

The 10-item Perceived Stress Scale (PSS-10), adapted from BounceTogether and translated into Bahasa Indonesia, was used to assess subjective stress levels over the past month. Sample items include:

1. How often have you been upset because something unexpected happened?
2. How often have you felt that you were unable to control the important things in your life?
3. How often have you felt nervous and stressed?
4. How often have you felt confident about your ability to handle personal problems?
5. How often have you felt that things were going your way?

Responses were scored on a 5-point Likert scale ranging from 0 (“Never”) to 4 (“Very often”). Positive items (Items 4, 5, 7, 8) were reverse-scored. Total scores ranged from 0 to 40 and were categorized as follows:

- 0—13: Low stress
- 14—26: Moderate stress
- 27—40: High stress

Appendix B. Bullying Behavior Questionnaire (Modified)

A culturally adapted 20-item questionnaire was used to assess bullying-related behaviors. Items were divided into three categories: perpetrator (13 items), victim (1 item), and knowledge-based (6 items). Participants answered by marking either “Pernah” (Yes) or “Tidak Pernah” (No). Sample items include:

- I have been kicked by a friend on purpose. (*Victim*)
- I have hit a friend for no reason. (*Perpetrator*)
- It is acceptable to mock a classmate's appearance. (*Perpetrator*)
- I have sent a threatening message via social media. (*Perpetrator*)
- Calling classmates by offensive nicknames is common. (*Knowledge*)

This instrument helped identify children who had been exposed to bullying, either as victims or perpetrators, and was used alongside clinical judgment to determine victimization status.

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле *Психология и право*, 16(2), 244—254.

Maulia Sh.R., Ma'ruf A., Yudianto A., Machin A. (2026) Neuro-forensic perspectives on childhood bullying: a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress biomarkers in victimized children *Psychology and Law*, 16(2), 244—254.

Information about the authors

Shirenda Rizka Maulia, Master in Forensic Science, Postgraduate Student, Faculty of Medicine, Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7798-0332>, e-mail: shirenda.rizka.maulia-2022@fk.unair.ac.id

Anwar Ma'ruf, Professor at the Faculty of Veterinary Medicine, Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-9156>, e-mail: anwarmaruf@fkh.unair.ac.id

Ahmad Yudianto, Professor at the Faculty of Medicine, Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4754-768X>, e-mail: ahmad-yudianto@fk.unair.ac.id

Abdulloh Machin, Lecturer in the Department of Neurology, Faculty of Medicine, Universitas Airlangga, Surabaya, Indonesia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0369-0898>, e-mail: abdulloh.m@fk.unair.ac.id

Информация об авторах

Ширенда Ризка Маулия, магистр судебно-экспертной деятельности, аспирант медицинского факультета, Университет Эйрлангга, Сурабая, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7798-0332>

Анвар Ма'руф, профессор факультета ветеринарной медицины, Университет Эйрлангга, Сурабая, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7158-9156>, e-mail: anwarmaruf@fkh.unair.ac.id

Ахмад Юдианто, профессор кафедры судебной медицины, медицинский факультет, Университет Эйрлангга, Сурабая, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4754-768X>, e-mail: ahmad-yudianto@fk.unair.ac.id

Абдуллох Мачин, преподаватель кафедры неврологии, медицинский факультет, Университет Эйрлангга, Сурабая, Индонезия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0369-0898>, e-mail: abdulloh.m@fk.unair.ac.id

Contribution of the authors

Shirenda Rizka Maulia — conceptualization, data curation, writing — original draft.

Anwar Ma'ruf — supervision, methodology, review & editing.

Ahmad Yudianto — validation, proofreading.

Abdulloh Machin — data analysis, visualization, clinical EEG interpretation.

All authors have reviewed and approved the final manuscript.

Вклад авторов

Ширенда Ризка Маулия — концептуализация, сбор данных, написание первоначального варианта.

Анвар Ма'руф — надзор, методология, рецензирование и редактирование.

Ахмад Юдианто — валидация, корректура.

Абдуллох Мачин — анализ данных, визуализация, интерпретация клинического ЭЭГ.

Маулия Ш.Р., Юдианто А., Ма'руф А., Мачин А. (2026) Маулия Ш.Р., Ма'руф А., Yudianto A., Machin A. (2026)
Нейро-криминалистский подход к изучению буллинга в Neuro-forensic perspectives on childhood bullying:
детском возрасте: количественный ЭЭГ-анализ (q-ЭЭГ) a quantitative EEG (q-EEG) analysis of stress
биомаркеров стресса у детей, подвергшихся травле biomarkers in victimized children
Психология и право, 16(2), 244—254. Psychology and Law, 16(2), 244—254.

Все авторы ознакомились с финальной версией статьи и утвердили её.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Health Research Ethics Committee of the Faculty of Medicine, Airlangga University (Approval No. 219/EC/KEPK/FKUA/2023).

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Комитетом по этике исследований в области здравоохранения медицинского факультета Университета Айрланга (Разрешение № 219/EC/KEPK/FKUA/2023).

Поступила в редакцию 17.07.2025

Поступила после рецензирования 18.10.2025

Принята к публикации 20.10.2025

Опубликована 30.06.2026

Received 2025.07.17

Revised 2025.10.18

Accepted 2025.10.20

Published 2026.06.30